Диана: одинокая принцесса

Частная жизнь - 1

Дмитрий Львович Медведев

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В своей новой книге известный публицист и историк Дмитрий Медведев, автор книг «Черчилль. Частная жизнь» и «Тэтчер. Неизвестная Мэгги», поведает о Диане, принцессе Уэльской, одной из самых красивых и трагичных женщин последних десятилетий.

Используя многочисленные источники, большинство из которых никогда не публиковались на русском языке, автор расскажет, какие тайны скрыты в детстве Дианы, как развивался ее роман с принцем Чарльзом и что послужило истинной причиной их развода, какие отношения сложились у принцессы с другими мужчинами и с кем она была готова создать новую семью, какую роль в ее жизни играли пресса и благотворительность. Также читателям предстоит увидеть последний день Дианы, споры о котором не утихают и по сей день.

- Дмитрий Львович Медведев
  - Глава 1
    - Несвоевременное рождение
    - Крах семьи
  - Глава 2
    - Поиск невесты
    - Трудный выбор
  - Глава 3
    - На грани нервного срыва
    - Виндзорский треугольник
    - Decree nisi{38}
  - Глава 4
    - Новые кавалеры
    - Последняя любовь
  - Глава 5
    - СМИ – Самый Могущественный Институт
    - Секретный проект
    - Разбитый панцирь
    - Вниз по наклонной
  - Глава 6
    - Сила сострадания
    - На минном поле
  - Глава 7
    - Трагедия в Париже
    - «Прощай, Роза Англии»

- Примечания
  - Глава 1. «Сложные люди»
    - Несвоевременное рождение
    - Крах семьи
  - Глава 2. Долгожданный принц
    - Поиск невесты
    - Трудный выбор
  - Глава 3. Несостоявшаяся сказка
    - На грани нервного срыва
    - Виндзорский треугольник
    - Decree nisi
  - Глава 4. Борьба с одиночеством
    - Новые кавалеры
    - Последняя любовь
  - Глава 5. Игра с огнем
    - СМИ – Самый Могущественный Институт
    - Секретный проект
    - Разбитый панцирь
    - Вниз по наклонной
  - Глава 6. «Королева людских сердец»
    - Сила сострадания
    - На минном поле
  - Глава 7. Покой и бессмертие
    - Трагедия в Париже
    - «Прощай, Роза Англии»
- Список литературы

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17

- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61

- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88

Дмитрий Львович Медведев
Диана: одинокая принцесса

Глава 1
«СЛОЖНЫЕ ЛЮДИ»

Несвоевременное рождение

В тот субботний день, 1 июля 1961 года, погода в графстве Норфолк на восточном побережье Туманного Альбиона выдалась на удивление приятной. Освежающий бриз с Северного моря, ясное небо и теплые солнечные лучи прекрасно подходили для принятия воздушных ванн. Большинство местных жителей этим и занялись. Кто-то увлекся спортивными играми, кто-то расположился на пикники. Были и те, кто просто гулял по желтым песчаным пляжам и большому сосновому бору. Исключение составили лишь обитатели Парк-хауса, трехэтажного особняка из серого кирпича, расположенного на территории королевского поместья Сандрингем. Вместо того чтобы предаться пасторальной идиллии, они собрались в эркерообразной спальне хозяина дома – Эдварда Джона, виконта Элторпа, сына седьмого графа Спенсера – в ожидании чего-то чрезвычайно важного.

За двадцать пять лет до означенных событий – 20 января 1936 года – в этой же комнате родилась супруга виконта, миссис Фрэнсис. Теперь ей самой предстояло произвести на свет ребенка.

Первый крик новорожденной раздался без четверти восемь вечера. Малютка весила три с половиной килограмма. По словам одной из служащих поместья, «у деточки были очень длинные и красивые ножки, я бы даже сказала, это были самые красивые ножки, что я когда-либо видела у новорожденных»[1]{1}.

Пройдет время, и красота этих ножек станет предметом обсуждений для многих мужчин. Сейчас же, в 19 часов 45 минут 1 июля 1961 года, как раз в тот момент, когда Фрэнсис разродилась девочкой, на крикетной площадке, расположенной неподалеку от дома, проходил матч. Один из его участников – по профессии автоинспектор, а по состоянию души спортсмен – удачным ударом клюшки вывел свою команду вперед, вызвав бурю восторга среди зрителей. «Мне показалось это хорошим предзнаменованием – что моя дочка появилась на свет под звуки аплодисментов», – призналась позже Фрэнсис[2].

Этого ребенка действительно ждали. Едва малютка подала первые признаки жизни, лица присутствующих осветились улыбками, лишь во взгляде виконта Элторпа проскользнуло едва заметное разочарование.

В чем же провинилась малышка, едва успевшая появиться на свет?

Для ответа на этот вопрос оставим ненадолго спальню и обратимся к прошлому. Самое время узнать о судьбах основных участников разворачивающейся драмы – Джонни и Фрэнсис

Элторп.

Начнем с последней.

Мать будущей принцессы Уэльской вела свое происхождение от ирландского политика Эдмунда Бурка Роше, избранного в нижнюю палату парламента, палату общин, в середине XIX века.

Политическая карьера Роше сложилась удачно, позволив ему завоевать как любовь масс, так и благосклонность монарха. За выдающиеся заслуги в деле процветания Британской империи королева Виктория пожаловала мистеру Эдмунду Роше титул баронета. Отныне он стал величать себя Первым бароном Фермоем.

Младший сын Эдмунда – Джеймс Роше, третий барон Фермой – в 1880 году женился на дочери состоятельного американского биржевого брокера. Девушку звали Фрэнсис Уорк. В то время браки между молодыми отпрысками британской аристократии и «долларовыми принцессами» Нового Света были весьма распространенным явлением. Одним нужны были деньги, другим – титул. Заключая матримониальный союз, каждый получал что-то свое.

Как и большинство браков по расчету, семейные узы четы Роше оказались недолговечны. Брак распался спустя одиннадцать лет. Забрав троих детей, Фани, как называли ее близкие, вернулась обратно в Нью-Йорк.

К моменту возвращения Фани в лоно семьи ее отец Фрэнк Уорк сколотил приличное состояние. Своим внукам Морису и Фрэнсису он завещал по тридцать миллионов фунтов каждому, но при одном условии. Фрэнк Уорк всегда недолюбливал британских аристократов, а после развода дочери так и вовсе возненавидел. Поэтому и условие его было соответствующим: наследники получит деньги только в том случае, если отрекутся от британских корней и примут американское гражданство.

Но братья, Морис и Фрэнсис, выполнить волю деда отказались. Когда в 1911 году Фрэнк Уорк отошел в мир иной, они, пойдя на немалые уловки, получили бóльшую часть причитающихся им денег и зажили каждый своей жизнью. Морис принял участие в Первой мировой войне и намеревался уже вести жизнь достопочтенного джентльмена с Парк-авеню, как череда непредвиденных смертей заставила его в 1921 году вернуться в Соединенное Королевство и принять титул четвертого барона Фермоя. С этого момента его жизнь круто переменилась.

Морис был мало похож на типичных представителей британского высшего общества – он больше напоминал чужого среди своих. Американское воспитание, гарвардский диплом, неукротимая энергия, открытость ума и полное отсутствие

снобизма сильно выделяли его на фоне других аристократов. По мнению его дочери Фрэнсис, «он был самым ‹…› блистательным человеком, которого я когда-либо встречала в своей жизни»[3].

Человек веселый и общительный, он всегда шел на контакт. Посещая больницы, не чурался присесть на кровать, чтобы поболтать с кем-нибудь. Причем все это делалось с такой неподдельной искренностью, что окружающие мгновенно проникались к нему симпатией. Стоит ли удивляться, что, поселившись в одном из самых спокойных графств Великобритании, Норфолке, Фермой трижды проходил в палату общин от местного избирательного округа Кингс Линн.

Открытость Мориса импонировала не только простым гражданам. У него также сложились дружеские отношения с младшим сыном короля Георга V герцогом Йоркским.{2} Альберт был настолько очарован своим новым другом, что сумел убедить отца передать Фермоям в аренду расположенный на территории королевского поместья Сандрингем гостевой дом Парк-хаус. Именно в его стенах 20 января 1936 года на свет и появились вторая дочь Мориса – Фрэнсис. По стечению обстоятельств, ее рождение совпало с днем кончины короля Георга V. Несмотря на глубокий траур и душевные переживания, королева Мария,{3} только что ставшая вдовой, нашла в себе силы сесть за письменный стол и написать барону Фермою поздравительное письмо.

Эти два небольших эпизода из жизни Мориса – предложение взять в аренду гостевой дом и знаки внимания со стороны королевы – позволяют составить весьма четкое представление о том положении, какое дедушка Дианы занимал при дворе.

Но и это не все. После смерти Георга V корона перешла его старшему сыну Эдуарду VIII. История знала немало примеров, когда у венценосных особ имелись свои маленькие слабости. Обнаружилась такая слабость и у нового монарха Соединенного Королевства. Эдуард был без ума от разведенной американки Уоллис Симпсон. Причем не просто без ума – он хотел на ней жениться, вступив в морганатический брак.

Кроме того, новый король стал активно вмешиваться в политическую жизнь, что не могло не вызвать недовольства в Уайтхолле и Вестминстере. В итоге каравелла под названием «Британия» села на мель. Занимавший в то время пост премьер-министра Стэнли Болдуин пригрозил Эдуарду отставкой, если тот не откажется от брака и не усмирит свои политические амбиции. Заявление премьера поставило британского монарха перед неприятным выбором – либо трон, либо любовь. Эдуард выбрал второе. 10 декабря 1936 года он отрекся от престола в пользу

младшего брата Альберта.

Все эти события как нельзя лучше сказались на судьбе Мориса Фермоя. С коронацией герцога Йоркского (Альберт Фредерик Артур Георг получил имя Георга VI) и без того устойчивое положение выходца из Америки укрепилось еще больше. Отныне он стал своим среди своих.

Не менее удачно, чем с королевской семьей, у Мориса складывались отношения и с прекрасной половиной человечества. Как и положено выходцу из аристократической семьи, он был недурен собой и пользовался заслуженным успехом среди посетительниц великосветских салонов и раутов.

«Морис был тем еще волокитой, – заявила как-то леди Гленконнер. – Если честно, я его даже немного побаивалась»[4].

В 1917 году, во время очередного путешествия по Америке, одной из его соседок в купе поезда, следовавшего в Сан-Франциско, оказалась очаровательная американка Эдит Трэвис. Слово за слово, и они не заметили, как, промчавшись через полустанки «Знакомство» – «Симпатия» – «Влюбленность», их поезд оказался на перроне с вывеской «Любовь».

Этот роман развивался очень бурно и продлился несколько десятилетий. До последнего времени о нем было известно немного, пока в 2004 году внебрачная дочь Мориса и Эдит не опубликовала свои воспоминания «Сиреневые дни», раскрыв некоторые подробности этой удивительной любовной связи.

Свою вторую любовь Морис встретил в Париже. Ею стала дочь угрюмого шотландского полковника из Абердина Рут Джил, приехавшая в столицу Франции для учебы в местной консерватории по классу фортепьяно. Как отмечает один из ее современников, «Рут была очень амбициозной девушкой. Имея весьма скромное происхождение, она всего добивалась сама»[5].

Рут действительно пришлось собственными силами завоевывать место под солнцем. Понимая, что игрой на рояле много не добьешься, она стала искать себе хорошую партию. Сначала она встречалась с младшим Фермоем – Фрэнсисом Однако, узнав, что титул, а следовательно, и положение в обществе наследует старший брат, мисс Джил, ничтоже сумняшеся, переметнулась к Морису.

Они расписались в 1931 году. Ей было 23 года, ему – 46. Несмотря на разницу в возрасте и любвеобильные пристрастия барона Фермоя, этот брак оказался удачным, и все благодаря Рут. В отличие от своей дочери Фрэнсис и внучки Дианы, она умела играть по правилам, закрывая глаза на характер супруга и философски относясь к его любовным похождениям.

Конечно, Рут было немного легче, чем ее потомкам. Она

воспитывалась в совершенно других условиях, где от способности приноравливаться к окружающей среде зависело выживание. К тому же у бабушки Дианы было серьезное увлечение – музыка. В 1951 году она основала в Кингс Линн Фестиваль искусства и музыки, в котором принимали участие маэстро сэр Джон Барбиролли и великий скрипач Иегуди Менухин.

«Леди Фермой – весьма загадочная личность, – делился своими наблюдениями один из ее современников. – Сперва вам бросается в глаза ее благородство, учтивость и мягкость, но, присмотревшись ближе, вы начинаете замечать куда менее приятные особенности ее натуры»[6].

О Рут говорили, что она «твердолобый перфекционист с устоявшимися взглядами на жизнь и безупречными манерами»[7]. Как и ее лучшая подруга – королева-мать,{4} леди Фермой обладала стальной волей и непоколебимой уверенностью.

«Я не знаю никого, кто был бы так же уверен в собственных силах, – вспоминает ее дочь Фрэнсис. – Она никогда не испытывала сомнений. Моя мать принимала решение и делала дальше так, как считала нужным»[8].

А нужным она считала личное благополучие и процветание своей семьи. Стоило ее дочерям достигнуть определенного возраста, как Рут тут же развернула активную кампанию по поиску достойных кавалеров. Со старшей – Мэри – дело обстояло несколько сложней. Ее внешность могла не столько привлечь, сколько отпугнуть состоятельных женихов. Один из партнеров по танцам назвал ее «высокой, пышногрудой пучеглазкой»[9]. Другое дело ее сестра Фрэнсис. Копна русых волос, голубые глаза и длинные, стройные ножки многих свели с ума.

«Фрэнсис нельзя назвать красивой в строгом смысле слова, – сказала однажды ее школьная подруга Барбара Гилмор, – но она чертовски привлекательна, жизнерадостна и сексуальна»[10].

От своей матери девушка унаследовала силу характера и властность.

«Когда Фрэнсис смотрит на вас своими яркими голубыми глазами, она кажется грандиозней, чем сама королева», – признался один из сотрудников, работавший в штате принца Чарльза[11].

«В ней есть какой-то стержень. Она одна из самых сильных личностей, которых я знаю, – восхищалась Фрэнсис еще одна из ее подруг. – Она остроумна, полна динамизма и энергии. Если бы ей удалось получить более серьезное образование, не сомневаюсь, она наверняка добилась бы больших успехов. Фрэнсис обладает превосходными лидерскими качествами, а также имеет огромную

власть над мужчинами»[12].

Про всех мужчин сказать сложно, но сердце одного из них ей и в самом деле удалось покорить. Счастливчиком стал Джонни, старший сын седьмого графа Спенсера, конюший Георга VI виконт Элторп, частенько наезжавший в расположенное по соседству с Парк-хаусом роскошное поместье графа Лестера Холкэм-холл. Визиты виконта в Норфолк были не случайны. Они имели целью общение со старшей дочерью графа леди Анной Коук. Анна находила Джонни «очаровательным, ласковым и забавным» кавалером, считая его, помимо всего прочего, «замечательным танцором»[13].

Одновременно с Джонни в поместье Холкэм-холл нередко наведывалась и Рут Фермой. Вместе с хозяином они часто устраивали музыкальные вечера: граф Лестер играл на скрипке, баронесса Фермой аккомпанировала ему на рояле.

Музыка музыкой, но для Рут не составило труда разглядеть в представительном виконте Элторпе, за спиной которого были легендарный Итон, военная академия Сандхёрст и служба в Королевском шотландском полку, выгодную партию для своей младшей дочери. Ее нисколько не смущало, что Фрэнсис тогда едва исполнилось пятнадцать лет.

Леди Фермой поставила цель, и пусть поберегутся другие матери, пытающиеся заполучить милейшего Джонни себе в зятья. {5} Для начала она уговорила ничего не подозревающую Анну пригласить виконта в Парк-хаус. Медленно, но верно Рут очаровывала богатого наследника, подготавливая его к знакомству со своей младшей дочерью.

Когда Фрэнсис «случайно» вернулась домой, прервав обучение в частной школе, Рут начала действовать напрямую. Порхая вокруг виконта, словно бабочка, она начала раскидывать сеть «невинных» приманок, которые, по ее мнению, должны были пробудить у молодого человека интерес к юной леди.

– Джонни, а вы любите теннис? – как будто невзначай спрашивала хитрая женщина.

– Да.

– Да? Замечательно! Фрэнсис тоже обожает игру на корте. Правда, Фрэнсис?

Вместо ответа девушка смущенно улыбалась, отводя взгляд в сторону.

– Джонни, а как вы относитесь к плаванию?

– Мне нравится…

– Да, да, это просто великолепно! Фрэнсис, кстати, тоже очень любит бассейн.

Неудивительно, что после подобных расспросов Джонни

признался одному из гостей:

– Какая очаровательная девушка – младшая дочь барона Фермоя[15].

Затем последовали новые свидания и новые хитрости: например, пара шерстяных носков, которые Фрэнсис связала «лично для Джонни». Спустя годы Анна Коук признается, что обожала[16] своего ухажера, но после знакомства с семьей Фермой, к ее глубокому сожалению, он уже не мог ответить взаимностью; его мысли все больше стала занимать другая девушка.

Начались «стремительно несущиеся дни, наполненные романтическими ухаживаниями»[17], как говорила сама Фрэнсис. Их отношения действительно развивались слишком быстро, так и не дав молодым людям возможности разобраться в собственных чувствах. Буквально через несколько месяцев после того, как Фрэнсис исполнились положенные семнадцать лет, Джонни объявил о разрыве с леди Анной Коук и помолвке с Фрэнсис Роше Фермой.

«Со стороны Джонни это была настоящая, искренняя и чистая любовная связь, – считает его кузен Роберт Спенсер. – Сразу после помолвки он написал мне письмо, с первого до последнего слова пропитанное неистовой страстью в отношении Фрэнсис»[18].

Аналогичные чувства испытывала и его суженая, которую нисколько не смущала разница в возрасте.

«Я не видела никакой проблемы в том, что Джонни был старше меня на двенадцать лет, – скажет она по прошествии многих лет. – На протяжении четырех поколений мы связывали свои жизни с мужчинами значительно старше себя»[19].

Свадьба состоялась в июне 1954 года в Вестминстерском аббатстве. На брачной церемонии присутствовали свыше 1700 гостей, включая королеву Елизавету II и ее супруга принца Филиппа, герцога Эдинбургского. По словам Фрэнсис, эти свадебные торжества остались в ее памяти, как «мираж счастья»[20].

«Когда встречаешься с мужчиной в пятнадцать лет, а в семнадцать – спустя всего пять месяцев после окончания школы – идешь под венец, то, оглядываясь назад, невольно задаешься вопросом: „А была ли я в тот момент по-настоящему взрослой?“»[21].

Понимание того, что, может, и не стоило так спешить, приходит с годами. Но в тот солнечный июньский день 1954 года под сводами Вестминстера царило праздничное настроение. Молодые казались счастливой парой, кроме того, союз Джонни и Фрэнсис был выгоден и в материальном, и в светском плане. Это

не могло не радовать амбициозную Рут. О таком женихе, как Джонни, можно было только мечтать. Старший сын графа Спенсера, потенциальный наследник тринадцати тысяч акров в графствах Нортхемптоншир, Уорикшир и Норфолк! И это не считая фамильного замка Элторп-хаус со 121 комнатой, украшенными полотнами Ван Дейка, Рубенса и Рейнолдса!

Не менее солидной, чем перечень владений, выглядела и родословная виконта. Чего стоит хотя бы тот факт, что первые упоминания о Спенсерах появились за 250 лет до прихода знаменитой Ганноверской династии, начало которой положил в 1714 году король Георг I, и за 430 лет до воцарения ныне правящей династии Виндзоров (до 1917 года – Саксен-Кобург-Готская).

Спенсеры не просто служили монархии, они входили в число ее творцов. Они ссужали деньги королю Якову I, способствовали падению его внука Якова II и возведению на престол Георга I. Они не раз роднились с королевскими династиями и знаменитыми фамилиями Соединенного Королевства.

В результате генеалогических хитросплетений Диана была дальней родственницей премьер-министра Великобритании сэра Уинстона Черчилля, семи президентов США, включая Джорджа Вашингтона и Франклина Рузвельта, а также – что совсем уж удивительно! – одиннадцатиюродной кузиной своего собственного мужа, принца Чарльза. Однако это не столь принципиально, гораздо важней, что самооценка Спенсеров была ничуть не ниже, чем у членов королевской семьи. Неслучайно их герб украшает девиз «Бог хранит правых», к числу которых они себя, безусловно, причисляют, а королева-мать, описывая однажды представителей этого семейства, назовет их «сложными людьми»[22] – и будет права.

О стойком характере Спенсеров людям придется вспомнить в конце 1980 – начале 1990-х годов, когда принцесса Уэльская – леди Ди – наберется смелости пойти против истеблишмента.

Но все это будет впереди. А в 1954 году Джонни Элторп и Фрэнсис Фермой готовились к тому, чтобы начать новую жизнь.

Больше всего они мечтали о счастливой супружеской жизни. Но как Амур ни старался, благоприятный пасьянс не складывался – именно счастья в их пятнадцатилетнем браке так и не будет доставать. На то было несколько причин. Но прежде чем коснуться их, остановимся на личности виконта Элторпа.

Имея благородное происхождение, отец Дианы отличался от других представителей высшего света.

«Он точно был не из тех, про кого можно сказать, что он „застегнут на все пуговицы“, – свидетельствует кузина Элторпа

Фиона Фрейзер. – Если Джонни было весело, он никогда не делал из этого секрета, предпочитая давать волю своим эмоциям»[23].

Аналогичного мнения придерживался и его друг лорд Сент-Джон Фоусли:

«По многим параметрам он не походил на человека, живущего в XX веке. Я бы даже сказал, и в XIX тоже. Джонни больше напоминал нелегального иммигранта из века XVIII, когда аристократы жили полной жизнью. Конечно же он был настоящим джентльменом, но он никогда не боялся открыто говорить о своих чувствах. Признания в любви так и слетали с его уст»[24].

Виконт обладал поистине удивительным качеством – умением понимать людей вне зависимости от их социального положения, пола или возраста. Впоследствии этим будет отличаться и его знаменитая дочь.

«У моего отца было врожденное умение находить путь к человеческим сердцам, – вспоминает старшая дочь Элторпа Сара. – Если он с кем-то разговаривал, его действительно начинали увлекать чувства собеседника. Он умел любить людей! Я не думаю, что этому качеству можно научиться. Либо оно у вас есть от рождения, либо нет»[25].

Эмоциональная открытость – это прекрасно, но те, кто был близко знаком с отцом Дианы, не могли не заметить и другие его качества.

«Да, он действительно выглядел очень привлекательным, но в нем также было что-то странное, непредсказуемое, и я бы даже сказала – мрачное», – делится своими впечатлениями одна из дам[26].

На самом деле, несмотря на всю свою импозантность, виконт Элторп был очень мягким и неуверенным в себе человеком. Не потому ли он всегда питал особую привязанность к энергичным и властным женщинам?

«Джонни обожает общаться с дамами сильными и волевыми, – заметила как-то одна из его кузин. – Возникает такое ощущение, что они его тонизируют»[27].

Безусловно, Фрэнсис была волевой женщиной. Трагедия заключалась в другом. Во-первых, как показало время, она была не единственной в жизни своего супруга, у кого был сильный характер (если иметь в виду представительниц слабого пола). Во-вторых, сам Джонни по натуре был человеком мягким, что ставило его в полную зависимость от угрюмого и деспотичного отца – Джека Спенсера.

Своим современникам седьмой граф Спенсер запомнился как джентльмен вспыльчивый и эксцентричный. В отличие от своего сына, он терпеть не мог общаться с людьми, особенно если речь

шла о контактах – как он сам однажды выразился – с «низшим сословием»[28]. Он без всяких объяснений мог прервать разговор только потому, что ему надоела тема или просто стало скучно. Со слугами он обычно общался знаками, вместо того чтобы отдавать распоряжения словами, как это делают все люди. Так, например, для личного водителя сигналом к тому, что можно отправляться, служил хлопок дверью автомобиля.

Кстати говоря, однажды подобное пренебрежение сыграло с Джеком злую шутку. По дороге домой после очередного мероприятия ему вдруг приспичило выйти, что он и сделал. Неожиданно подул сильный ветер, и дверца «роллс-ройса» захлопнулась. Услышав привычный звук, шофер плавно тронул машину вперед, а Спенсер остался стоять один на шоссе, наполняя пространство бранью и гневом.

Брат Дианы Чарльз говорил о графе Спенсере: «Его усы агрессивно щетинились, массивный живот тяжело нависал над широкими брюками. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять – такой человек не собирается тратить время на всевозможные глупости. Он внушал уважение многим и страх – практически всем»[29].

Причем больше всего Джека боялся его собственный сын, Джон.

«Главная беда Джонни состояла в том, что не успел он еще толком встать на ноги, как чересчур властный папаша умудрился выбить из него всю инициативу, – делился своими наблюдениями командир Королевского шотландского полка, под чьим началом проходил службу виконт[30].

Ситуация усугублялась тем, что Джонни находился в полной финансовой зависимости от своего отца. Здесь следует уточнить, что свободных средств у графа, как правило, не было, поскольку все доходы шли на содержание фамильного замка. Элторп, давно уже превратившийся в музей, был главной гордостью своенравного Джека Спенсера, которого в шутку прозвали «граф-экскурсовод»[31]. Он любил Элторп, как любят женщину, поклонялся ему, как святыне. Даже фамильное серебро он протирал собственноручно, хотя и имел для этого специального человека. Однажды Элторп посетил Уинстон Черчилль, собиравший в то время документы для своего четырехтомного труда о жизни первого герцога Мальборо. По замку Черчилль ходил с неизменной «гаваной», чем вызвал негодование хозяина Элторпа. Джек в резком тоне попросил известного политика потушить сигару в бокале с водой, чтобы не испортить пеплом какой-нибудь из шедевров[32].

Трудно было ожидать, что при таком прохладном отношении

к собственному сыну Джек проникнется симпатией к его жене. Нет, этого не произошло – Фрэнсис была слишком независима. А что еще можно ожидать от молодой девушки, в жилах которой текла гремучая смесь американских, шотландских и ирландских кровей?

«Нельзя забывать, что Спенсеры очень консервативная семья, а Фрэнсис могла спокойно переступить черту, – вспоминает одна из ее родственниц. – Все это не могло не обострять их отношения. От нее ждали правильного поведения, но ведь у нее такой характер!»[33]

Фрэнсис платила Джеку взаимностью. Она не только невзлюбила своего свекра, но и весьма негативно отнеслась к его любимому замку – Элторпу.

«Он наводит на меня гнетущую тоску, – вскоре скажет она. – Возникает такое неприятное ощущение, будто очутилась в музее после его закрытия»[34].

К счастью, пребывание в Элторпе было недолгим. После смерти в 1955 году четвертого барона Фермоя Рут согласилась сдать Парк-хаус молодоженам.

Несмотря на скверный характер, граф Спенсер достаточно быстро понял, что перевоспитать невестку ему вряд ли удастся. Решив не тратить на нее силы, он предъявил молодоженам только одно требование – произвести на свет наследника. Так уж устроен высший свет, что, согласно праву первородства, девушки не наследуют титул. Сохранение имени возможно только с появлением сына.{6}

Джонни решил не затягивать с исполнением воли отца. Спустя девять месяцев после свадьбы на свет появился первый ребенок – дочь Сара. Фрэнсис была на седьмом небе от счастья, назвав свое чадо «ребенком медового месяца»[35], что в принципе и понятно, исходя из сроков появления первенца на свет. Не менее понятна и куда более негативная реакция ее титулованного свекра – графа Спенсера. В честь появления наследника Джек уже готовился зажечь в Элторпе костры, но теперь празднества пришлось откладывать на неопределенное время.

Ждать пришлось недолго. Спустя два года Фрэнсис воспроизвела на свет второго ребенка. К глубокому огорчению Джека, вновь родилась девочка. Родители назвали малютку Джейн и направили все силы на третье зачатие.

12 января 1960 года в семье виконта Элторпа произошло долгожданное пополнение. На этот раз родился мальчик – Джон Спенсер. Однако его рождение обернулось еще большей трагедией.

«Я никогда не видела своего ребенка, – плакала Фрэнсис, –

мне даже не удалось подержать его на руках. Мне просто сказали, что он нуждается в срочной медицинской помощи и я смогу увидеть его немного позднее. Как потом выяснилось, у моего сынишки была дисфункция легкого, что фактически лишало его шансов на дальнейшее существование»[36].

Джон Спенсер умер, прожив всего одиннадцать часов.

Вместо того чтобы утешить заливавшуюся слезами жену, Джонни отвернулся от нее, презрительно фыркнув:

– Ты обязана родить еще одного ребенка![37]

Засомневавшись в способностях супруги произвести наследника, Джонни отправил ее к лондонским гинекологам для проведения унизительных тестов. Как установит медицинская наука впоследствии, пол ребенка зависит от строения хромосом у мужчин и никак не связан с физиологическими особенностями женского организма.

Наука наукой, а граф Спенсер не переставал требовать рождения наследника. Спустя некоторое время Фрэнсис беременеет в четвертый раз.

«Для меня было очевидно, что я считалась главной причиной случившейся с Джоном трагедии. Поэтому я отлично представляла, через что мне придется пройти, едва я забеременею вновь, – делилась своими переживаниями супруга виконта Элторпа. – Возможно, это был своеобразный защитный механизм, но я решила до самого последнего момента скрывать факт своей беременности»[38].

Истощенная морально и физически, Фрэнсис отправилась отдохнуть на морское побережье. Собравшись с мыслями, она поняла, что долго скрывать беременность невозможно. Лучше поставить мужа в известность: у них вновь будет ребенок – и, возможно, мальчик. Но сообщить об этом она не успела. Ночью ей стало плохо, и у нее произошел выкидыш. Обо всем этом Фрэнсис расскажет своим детям только в 1990-х годах, когда самого Джонни уже не будет в живых.

Впереди Фрэнсис ждала пятая беременность, которая также не смогла снять напряженности в отношениях между супругами. 1 июля 1961 года на свет вновь появляется девочка. Джонни был настолько потрясен рождением очередной дочери, что в интервью местному журналисту признался: «На данный момент мы все еще не смогли определиться с именем»[39].

Пройдет целая неделя, прежде чем малютке дадут имя: Диана Фрэнсис – в честь сестры первого графа Спенсера Дианы (1735–1743) и матери новорожденной.

Не менее показательно выглядел и обряд крещения – на удивление скромный для такого семейства, как Спенсеры.

Помимо родителей на церемонии присутствовали только жена главного мирового судьи Норфолка и несколько соседей по графству. Для сравнения: крестной матерью Сары была королева-мать, а крестным отцом Джейн – герцог Кентский.

Диана стала единственным ребенком в семье виконта Элторпа, среди крестных которой не было ни одного члена королевской семьи. Но, как потом выяснится, ей была уготована куда более значительная роль, чем старшим сестрам.

Рождение Дианы Спенсер, как и большинство фактов ее биографии, очень быстро превратится в миф. Для многих исследователей ее жизни не составит труда, объединив все вышеперечисленные обстоятельства, сделать вывод, что Диана была не самым любимым ребенком в семье. На самом деле это не так. Если факты ее рождения и оказали какое-то влияние на жизнь будущей принцессы Уэльской, то произошло это только благодаря самой Диане, сумевшей убедить себя в том, что она для окружающих не более чем «досадная неприятность»[40].

В действительности ситуация выглядела не такой безнадежной. «Даже не знаю, что сказать, когда слышу, будто она была нежеланным ребенком, – говорит Роберт Спенсер. – Лично я не видел никаких признаков, что это действительно было так. Другое дело, какие мысли зародились у нее в голове. Это уже другой вопрос»[41].

Для того чтобы узнать, о чем думала Диана, обратимся к ее собственным высказываниям.

«Когда мне было четырнадцать лет, я чувствовала, что ни на что не гожусь. Я считала себя полностью безнадежным ребенком. Я ощущала себя неотъемлемой частью всей этой проблемы с рождением наследника. Ребенок, скончавшийся до меня, был мальчиком, мои родители были просто одержимы тем, чтобы произвести на свет наследника, а здесь появляюсь я – третья девочка. „Какая досада, – наверняка подумали они, – придется пробовать еще раз“»[42].

Смерть старшего брата была связана и с еще одним принципиально важным для Дианы моментом – самим фактом ее рождения. «Ведь если бы он остался жив, я бы никогда не появилась на этом свете», – убеждала себя принцесса Уэльская.

«Она признавалась, что чувствует себя отвергнутой, потому что вся семья находилась под воздействием того шока, который вызвали рождение и смерть Джона, – вспоминает одна из ее подруг. – Нельзя сказать, что с ней обращались как-то по-другому, но Диана всегда считала, что так оно и есть. Ее самооценка от этого была на очень низком уровне»[43].

Подруга Дианы Эльза Боукер утверждала, что приложила

немало усилий к тому, чтобы переубедить принцессу: на самом деле ее очень любят.

– У твоих ног весь мир! – говорила Эльза.

– Весь мир у моих ног? – возражала Диана. – В детстве я была нежеланным ребенком, потому что мои родители хотели мальчика. О Эльза! Я нежеланна!

Нежеланна![44]

Принцесса совершенно напрасно давала себе столь негативную установку. Как мы увидим дальше, ее любили не меньше, если даже не больше, чем остальных детей. Просто Диана родилась и провела свое детство – да что там детство – всю жизнь! – в очень напряженном психологическом климате. И все вышеперечисленные обстоятельства, связанные с ее появлением на свет, стали далеко не единственными моральными травмами. Впереди Диану ждали новые испытания.

Крах семьи

20 мая 1964 года произошло событие, которого семья Спенсеров ждала уже десять лет. Фрэнсис родила мальчика. Ребенка назвали Чарльз Эдвард Морис Спенсер. Обряд крещения был совершен в капелле Генриха VII в Вестминстерском аббатстве, а крестной матерью новорожденного стала сама королева Елизавета II.

Казалось бы, всё – цель достигнута, и супруги Спенсеры могли если уж не зажить счастливо, то хотя бы спокойно. Но этого не произошло. Фрэнсис и Джонни все больше отдалялись друг от друга. Их разговоры часто заканчивались перебранками, и ходили даже слухи, что в минуты гнева виконт поднимает руку на свою жену.

Впервые эти подробности озвучил известный журналист Джеймс Уитакер, опубликовавший в 1993 году книгу «Диана против Чарльза: кровная королевская вражда». По его словам, «у жителей Норфолка не вызывало сомнений, что рукоприкладство действительно могло иметь место»[1].

Уитакера поддержала биограф Джонни Анжела Левайн: «Задиристость Спенсера спокойно могла перерасти в жестокость»[2].

А как же быть с теми высказываниями о характере отца будущей принцессы Уэльской, которые рисуют его совсем другим?

Например: «Из всех людей, которых я когда-либо знал, Джонни меньше всего подходит эпитет „жестокий“, – говорит один из его родственников. – Да, он немного необычен, он кроток, иногда мягок, но только не жесток»[3].

Или: «В Джонни слишком много от настоящего джентльмена, чтобы он оказался способен на проявление агрессии», – считает одна из подруг виконта, знавшая его больше двадцати лет[4].

Слухи об агрессии Джонни противоречат и высказываниям его собственной супруги. Уже годы спустя, отвечая на вопрос, случалось ли так, что ваш муж поднимал на вас руку, Фрэнсис категорично скажет:

– Нет! Джонни был одним из самых спокойных мужчин[5].{7}

Трагедия Фрэнсис и Джона заключалась в том, что они были слишком разными людьми. С годами эти различия стали проявляться еще больше. Виконт и раньше был знаменит своей социальной пассивностью, а с появлением детей он окончательно замкнулся на семье.

«Джонни был прекрасным компанейским парнем в молодые

годы, но со временем он стал скучен, полностью погрузившись в воспитание своих детей и сельскую жизнь», – вспоминает его бывшая невеста леди Анна Коук[6].

Другое дело Фрэнсис. Она всегда отличалась общительностью, любознательностью, бьющей через край энергией.

«Она способна разгадать кроссворд в „The Times“ за шесть минут, и ни секунды больше!» – восхищался ее эрудицией один из друзей[7].

Свою роль сыграла и разница в возрасте, которой в 1954 году не придали большого значения. В момент рождения Чарльза Джонни было сорок лет, Фрэнсис – двадцать восемь. Всего двадцать восемь! Ей хотелось вдыхать жизнь полной грудью, получая удовольствие от каждого прожитого мгновения.

«Фрэнсис просто вырвалась из клетки, и на это у нее были веские причины, – комментирует поведение молодой женщины один из ее близких друзей. – Она обручилась в семнадцать лет, вышла замуж в восемнадцать, Джонни был старше ее на двенадцать лет. Ей просто хотелось чего-то большего»[8].

Не стоит забывать и про солидное наследство отца Фрэнсис, Мориса Фермоя, предоставлявшее столь необходимую в таких случаях финансовую независимость.

После рождения Чарльза Фрэнсис начала все чаще покидать скучный Норфолк и все больше времени проводить в Лондоне. В 1966 году мать Дианы познакомилась с преуспевающим бизнесменом Питером Шэндом Киддом, недавно вернувшимся из Австралии. По словам самой Фрэнсис, «это не была любовь с первого взгляда. Просто нам удалось рассмешить друг друга»[9].

На следующий год они отлично провели время на горнолыжном курорте Куршевель. К тому времени у Питера были жена и трое детей, однако это не помешало его взаимоотношениям с Фрэнсис выйти за рамки обычной дружбы и перерасти в бурный роман.

До поры до времени любовникам удавалось встречаться тайно, однако прошло всего несколько месяцев, и о романе заговорили в свете. Когда информация дошла до Джонни, он пришел в ярость. Правда, ненадолго. Обсудив сложившуюся ситуацию, супруги заключили соглашение – будние дни дети будут проводить с Фрэнсис, а на выходные возвращаться к отцу в Парк-хаус.

Осенью 1967 года семья попыталась воссоединиться. Но вместо того чтобы примирить супругов, совместная жизнь еще больше разъединила их. Во время рождественских праздников Джонни нанес первый удар. Ничего не сказав своей жене, он

записал Диану и Чарльза в местную школу в Норфолке, тем самым обеспечив их постоянное присутствие рядом с собой.

«Я была потрясена! – сокрушалась бедная женщина. – Джонни отказался вернуть мне Диану и Чарльза, заранее заручившись поддержкой судьи. В Рождество все суды были закрыты, и я оказалась бессильна»[10].

Воздух Парк-хауса наполнился ионами надвигающегося кризиса. Однажды утром Диана увидела, как прислуга и ее мать укладывают платья в чемоданы. Затем Джонни собственноручно перенес чемоданы в багажник. Когда девочка вышла на крыльцо, Фрэнсис подбежала к ней и, стараясь сдерживать слезы, прошептала:

– Не расстраивайся, я скоро вернусь[11].

Фрэнсис лгала. После того, что произошло, ни о каком скором возвращении не могло быть и речи. Но разве понимала это Диана? По нескольку раз в день она выходила на крыльцо и вглядывалась в опустевшие ворота Парк-хауса в надежде первой увидеть возвращение матери. Но ее мама так и не вернется. Вскоре Диана поймет, что ее обманули. Пройдут годы, а она так и не сможет простить матери эту ложь.

«Ее отъезд стал самым болезненным эпизодом в моем детстве, – призналась принцесса своей подруге Козиме Сомерсет. – Больше всего меня задел обман. От меня просто утаили тот факт, что покинули навсегда»[12].

По прошествии многих лет Диана сравнит поступок своей матери с «огромной черной дырой, настолько огромной, что ее ничто не могло заполнить»[13].

Фрэнсис и подумать не могла, насколько серьезным окажется воздействие ее отъезда на психологическое состояние младшей дочери.

«Как бы Диана ни старалась, на какие бы ухищрения ни шла, она так и не смогла забыть о том, что в детстве ее бросили, – замечает целительница и подруга принцессы Симона Симмонс. – В конечном счете это приведет к тому, что Диана станет искать утешения у людей, от которых на самом деле ей бы следовало держаться подальше»[14].

Диана не знала, что ее мать пыталась встретиться с детьми, но ей просто не позволили этого сделать.

«Я приехала в Парк-хаус и потребовала, чтобы меня провели к детям, но дворецкий даже не пустил меня на порог, просто захлопнув передо мной дверь! – возмущалась спустя годы бывшая супруга Джонни. – Дом очень большой, поэтому, как я ни кричала, мои малютки так и не смогли меня услышать»[15].

Отлученная от семьи и детей, Фрэнсис подала на развод. В

тот момент мать Дианы еще не осознавала, что, приняв окончательное решение расторгнуть брак, она переступила черту. Так уж устроен высший свет Великобритании: если измена мужу рассматривается как «дурной поступок», не более того, то требование развода – как непростительная ошибка. Какие бы бури ни разгорались за массивными дверьми богатых особняков и старинных замков, главное, чтобы об этом не знала общественность. С разводом же все тайное становится явным.

Именно поэтому Джонни, который сначала был потрясен решением своей супруги,{8} быстро сменил растерянность на злость. Бывшая супруга превратилась для него в объект, который следовало наказать. А наказать женщину, как известно, можно больнее всего, лишив ее (на этот раз окончательно) права на воспитание собственных детей. На это и направил свои усилия будущий хозяин замка Элторп. «Дети должны быть переведены в местную школу в Кингс Линн, остаться у меня и больше никогда не возвращаться в Лондон к матери», – заявил он в категоричном тоне[17].

Битва за детей могла превратиться в полномасштабное сражение между бывшими супругами, однако этого не произошло. Фрэнсис подкосил удар в спину, который ей нанесла ни кто-нибудь, а ее собственная мать. Без всяких зазрений совести Рут приняла сторону зятя и выступила на суде против своей дочери. С легкой руки леди Фермой Фрэнсис предстала в глазах общественности «перебежчиком»[18].

На самом деле это не имело ничего общего с реальностью. Виконтесса Элторп никогда не собиралась бросать детей ради новой любви. Но разве ее в тот момент кто-то слушал!

Слушали Рут Фермой, которой Джонни всегда импонировал. Но еще больше ей нравилось, что в один прекрасный день Фрэнсис, ее дочь, станет графиней Спенсер – хозяйкой одного из крупнейших поместий в Соединенном Королевстве.

«В понимании ее матери, если бы Фрэнсис оставила Элторпа ради, например, герцога Ратленда, это было бы нормально. Но бросить наследника графа Спенсера ради какого-то Шэнда Кидда! Это было уже слишком!» – заметил друг семьи Бродерик Хэлден[19].

Сама Рут считала виновником всех бед наследственность:

«Во всем, что произошло, виновата кровь Фермоев. Семья моего отца всегда относилась к перебежчикам. Они все были американскими перебежчиками. Крайне неподходящие гены!»[20]

Примечательно, что, когда пройдет двадцать лет и отношения между Дианой и Чарльзом начнут портиться, ее бабушка снова предаст кровь Фермоев и выступит на стороне

принца Уэльского:

«Оставаясь придворной до последнего вздоха, Рут хотела, чтобы ее внучка сохранила брак. Главное было спасти королевскую семью от позора – именно так она расценивала развод наследника престола», – прокомментировал ее поведение один из Спенсеров[21].

15 апреля 1969 года было публично объявлено о разводе Фрэнсис и Джонни Элторп. Согласно официальному заявлению:

«Причиной развода стала супружеская измена тридцатидвухлетней виконтессы Элторп с мистером Питером Шэндом Киддом. Супружеская измена имела место в Южном Кенсингтоне, Куинс-гейт, в апреле и мае 1967 года. Суд постановил, что леди Элторп и мистер Шэнд Кидд обязаны выплатить 3000 фунтов для покрытия расходов ее мужа. Также суд постановил, что опека над четырьмя детьми виконта и виконтессы Элторп передается супругу»[22].

Самым важным в этом заявлении – как для основных участников разворачивающейся драмы, так и для их детей – было последнее утверждение. Возникает закономерный вопрос – чем руководствовался суд, когда постановил лишить мать ее собственных детей? Судья, что вел бракоразводный процесс, объяснил всё «стремлением виконта Элторпа остаться в семье и продолжить воспитание»[23]. На самом деле Фрэнсис боролась с системой, противостоять которой у нее не было достаточных ресурсов.

«Против леди Элторп оказались сразу несколько факторов, – считает биограф Дианы Гордон Ханикум. – Во-первых, мнение высшего света и ее матери. Во-вторых, Норфолк, где дети провели бóльшую часть своей жизни и который считался гораздо лучшим местом для их дальнейшего воспитания, нежели Лондон. Самым же главным было происхождение Джонни. Обычно опекунство передается матери, за исключением случаев умственного расстройства, пристрастия к наркотикам и менее благородного происхождения. В том, что касается происхождения, у виконта Элторпа было явное преимущество»[24].

Спустя всего три дня после расторжения брака, которое состоялось 29 апреля, Фрэнсис вышла замуж за Питера Шэнда Кидда. Через два года она вновь поднимет вопрос об опекунстве. Будет назначено второе судебное разбирательство, оно продлится пять дней и на этот раз пройдет в закрытом режиме. Несмотря на дополнительную и тщательную проработку имеющихся фактов, окончательное решение останется без изменений. Суд повторно

постановит сохранить опекунство за виконтом Элторпом.

Все было кончено.

Трагедия всех этих разбирательств заключалась в том, что основная цель любого бракоразводного процесса – сделать жизнь участвующих в нем людей счастливей – оказалась не достигнута. Прямо или косвенно, но от решения суда пострадали все. Пострадала Фрэнсис, лишившаяся детей.{9} Пострадал и сам виконт Элторп.

«После развода отец стал выглядеть очень жалким и глубоко потрясенным, – вспоминает его сын Чарльз. – Он целыми днями сидел в своем кабинете, ни с кем не разговаривая»[25].

«Язык его телодвижений был потрясающе откровенен, – свидетельствует друг Джонни Руперт Хэмбро. – Он осунулся, ходил с каким-то отрешенным взглядом, не обращая внимания на события и людей, которые его окружали»[26].

А лорд Гленнконер скажет, что некогда красивый и статный виконт Элторп после развода напоминал своим удрученным видом «несчастную сырую сосиску»[27].

Как и следовало ожидать, пострадали от бракоразводного процесса и дети.

«Это был один из самых несчастных периодов, – так опишет Диана это время. – Родители, занятые своим разводом, череда сменяющих друг друга нянь и заполнившая все нестабильность сделали происходящее удручающе безрадостным»[28].

Выбирать между тем, кто тебе дорог, – одна из сложнейших дилемм, с которой может столкнуться человек. Диане же пришлось решать эту дилемму с самого раненного детства. Каждый уик-энд, прежде чем передать детей няне, Фрэнсис, заливаясь слезами, повторяла:

– Вы даже представить не можете, как я не хочу с вами расставаться![29]

Однажды Диану пригласили на свадьбу кузины. Отец подарил ей белое платье, а мать – зеленое.

«Они оба были очень красивы. Сейчас я уже не помню, какое из них выбрала. Но я отчетливо запомнила, насколько меня травмировала подобная ситуация, – признавалась она впоследствии. – Больше всего я переживала из-за того, что, какой бы выбор я ни сделала, он покажет мою приверженность лишь к одному из родителей»[30].

Многие будущие комплексы принцессы Уэльской берут свое начало в ее детстве. Здесь и боязнь быть брошенной, и страх перед бракоразводным процессом, и частые депрессии, и резкие перепады настроения, и ощущение своей незащищенности – все это прямо или косвенно связано с воспитанием в неполной семье.

К тому же именно на Диану расставание родителей оказало максимальное воздействие. Это связано с двумя причинами.

Во-первых, возраст. Когда семья распалась, Чарльзу было три года. Кроме самого факта отсутствия матери, он не осознавал, что происходит на самом деле. Саре и Джейн исполнилось тринадцать и десять лет соответственно, и они уже могли составить представление о царивших в семье разногласиях. Диане же было шесть лет. Согласно биологическим особенностям развития организма именно в этом возрасте начинается первая гормональная перестройка, связанная с проявлениями эмоций. Мышление при этом развивается гораздо медленнее и оказывается неспособным к выработке рационального объяснения тех или иных событий, с которыми сталкивается ребенок. Подобное несоответствие фактически превращает детей в беззащитных жертв перед серьезным психологическим стрессом. Именно это и произойдет с нашей главной героиней.

Второй и, наверное, более важной причиной стал характер Дианы. Вместо того чтобы постараться изолировать себя от ненужных переживаний, она стремилась попасть в самый эпицентр бури, принимая все близко к сердцу. Например, если Сара, когда родители начинали ссориться, просто запиралась в своей комнате и включала плеер на полную громкость, то Диана, напротив, вставала под дверью и слушала всю словесную перепалку от начала до конца.

С детских лет принцесса Уэльская отличалась повышенной чувствительностью. Возникает ощущение, что она была создана для страданий. Пока местные дети играли друг с другом, Дач{10} сидела в сторонке, думая о чем-то о своем. Однажды мама одного из детей подошла к няне и спросила:

– А что можно сделать, чтобы это девочка присоединилась к остальным?

– Ничего! – раздалось в ответ. – Она по натуре очень грустный ребенок[31].

Вспоминая свои детские годы, сама Диана однажды сказала:

«Я всегда знала, что здорово отличаюсь от всех остальных. Я ощущала себя какой-то изолированной, обособленной. Я чувствовала, что внутри меня есть что-то такое, что делает меня особенной. Не знаю даже почему»[32].

Увы, обособленность всегда приводит к одиночеству…

«Диана часто признавалась, что ее ранняя жизнь была ужасна, – вспоминает астролог принцессы Пэнни Торнтон. – Она говорила о постоянном чувстве одиночества, которое, словно пустота, наполняло все ее существо. Также она говорила об отсутствии к ней внимания, что ее никогда по-настоящему не

слушали, не проявляли к ней ни искренней привязанности, ни любви, в которых она так нуждалась»[33].

Как следствие, подобные переживания привели к неуверенности в собственных силах и к заниженной самооценке.

«Она была самой неуверенной среди сестер, – говорит одна из ее подруг. – Она чувствовала, что с ее мнением никто не считается»[34].

Неуверенность Дианы сказалась и на ее отношении к собственной внешности. Это может показаться удивительным, но принцесса Уэльская, красотой которой восхищались миллионы мужчин и женщин, считала свою внешность далекой от идеала.

«Ей не нравилось ее тело, – вспоминает Симона Симмонс, – ей не нравилась его форма. Она считала, что ее бедра слишком узкие, стопы и кисти – большие, нос – с бугорком. Диане хотелось походить на Одри Хёпберн или, еще лучше, иметь соблазнительную фигуру в виде песочных часов – а-ля Мэрилин Монро. По мнению принцессы, у американской актрисы был идеальный силуэт. „Мне всегда хотелось иметь плоский живот и отчетливо выраженную талию“, – говорила Диана»[35].

Уже став принцессой Уэльской, Диана подвергнет себя строжайшей диете и постоянным физическим нагрузкам. Как правило, ее день начинался с чашечки крепкого кофе. Иногда сначала она выпивала стакан горячей воды с лимоном, но затем следовал неизменный кофе. После кофе шла очередь стакана сока, который принцесса готовила сама из огурцов, свеклы, моркови и яблок. В середине дня Диана выпивала еще один стакан сока из огурцов и сельдерея, считая эти овощи великолепными диуретиками. В общей сложности за день принцесса поглощала как минимум восемь стаканов жидкости, промывая почки и очищая кожу от всевозможных пятен[36].

Знакомясь с событиями первых лет жизни принцессы Уэльской, следует учесть один немаловажный фактор. В большинстве своем они изложены самой Дианой, а значит, несут в себе отпечаток субъективности. Уже в детские годы Диана была склонна драматизировать события, а иногда и приукрашивать их, добавляя несуществующие детали. Недаром жена местного викария однажды не выдержит и скажет ей строго:

– Диана Спенсер! Если ты еще раз соврешь, я просто-напросто отправлю тебя домой![37]

Подтверждает это и Чарльз Спенсер:

«Нередко сестре было трудно говорить правду. Связано ли это как-то с разводом родителей, не знаю. Скорее всего, она просто хотела привлечь как можно больше внимания к собственной персоне»[38].

Многим быт Спенсеров казался не таким мрачным, как описывает его Диана.

«Вероятно, в ее восприятии жизнь в Парк-хаусе действительно выглядела так, как она ее описывает. Но на самом деле все было совершенно иначе, – вспоминает один из кузенов Дианы. – Все было намного лучше, чем ей казалось в ретроспективе»[39].

С ним соглашается и няня Дианы Мэри Кларк – в 1971 году Джонни пригласил ее для ухода за детьми.

«Когда я вспоминаю времена, проведенные в Парк-хаусе, не могу не признать, насколько веселой и легкой была атмосфера в этом доме. Я навсегда запомнила шутки и смех, то и дело разносившийся по коридорам. Причем лучше всех дразнить других получалось у Дианы»[40].

Об отце будущей принцессы необходимо сказать отдельно. Безусловно, Джонни любил своих детей. Он постоянно организовывал всевозможные игры и конкурсы. Например, когда отмечали очередной день рождения Дианы – ей тогда исполнилось семь лет, – он привел в Парк-хаус настоящего верблюда!

Для того чтобы запечатлеть счастливые мгновения детства своих чад, виконт Элторп купил видеокамеру. С годами у него скопится солидный видеоархив – бесценные записи, отразившие частную жизнь семейства.

Но… Джонни Элторп до мозга костей оставался аристократом. В его отношениях с детьми так необходимые им близость и теплота были редким явлением.

«Виконт Элторп был очень добрым и понимающим человеком, он постоянно беспокоился о том, как сделать жизнь своих детей лучше, – вспоминает Мэри Кларк. – Но говорить об открытости… Когда он спрашивал детей об играх или о животных, они ему просто отвечали, но никогда не начинали разговор первыми»[41].

Несмотря на все свои старания, Джонни так и не смог преодолеть барьер аристократического происхождения. Тяготила его и мучительная психологическая обстановка, заложниками которой оказались дети, вынужденные разрываться между любящими родителями. Бывшие супруги готовы были жертвовать многим ради того, чтобы им предоставили возможность проявить свои родительские чувства. Не секрет, что дети быстро улавливают подобные настроения и начинают использовать их в собственных интересах. Диана в данном случае не стали исключением.

«Она быстро научилась манипулировать родителями, –

вспоминает один из ее близких друзей. – И Фрэнсис, и Джонни – оба нуждались в ее внимании, стараясь всячески потворствовать желаниям своей дочери»[42].

По мнению Роберта Спенсера, «основная проблема заключалась в том, что вокруг было мало людей, которые могли бы сказать ей строгое „Нет!“»[43].

Внешность Дианы с ее незабываемым кротким взглядом и слегка опущенной головой впоследствии введет в заблуждение немало людей. На самом же деле за скромностью скрывался сложный характер, проявившийся уже в детские годы.

«Диану нельзя назвать трудным ребенком, но она была очень упряма, – признается одна из нянь Жанет Томсон. – Уже тогда она отлично знала, что ей хочется. С ней было нелегко. Другим детям скажешь, и они выполняли беспрекословно. Но только не Диана. Если ее просили что-нибудь сделать, это всегда превращалось в противостояние характеров»[44].

С нянями, а впоследствии и с другой прислугой у принцессы Уэльской сложатся особые отношения. И если к горничным и дворецким отношение Дианы будет варьировать от полного доверия до полного безразличия, то к большинству своих нянь она относилась настороженно. По крайней мере до тех пор, пока события развивались по ее сценарию. Когда же ситуация (по мнению самой Дач) выходила за приемлемые рамки, объявлялась негласная война. Так, стул одной няни Диана «украсит» острыми булавками. Вещи второй няни отправятся в окно. Третью же она просто запрет в ванной комнате. Как правило, бедные женщины увольнялись, и лишь единицы оставались и предпринимали ответные действия.

«У нас с Дианой была няня, которая, когда мы совершали какой-то проступок, ударяла нас лбами друг о друга или била нас головой о стену», – вспоминает Чарльз[45].

Самое ужасное заключалось в том, что иногда неприятие Дианы к ухаживающим за ней людьми переносилось и на близкое окружение, например на отца. Однажды, когда виконта Элторпа и его младшую дочь пригласили на чай в королевскую резиденцию Сандрингем, Диана поставила отца в очень неудобное положение, заявив, что не пойдет вместе с ним. (Она сослалась на головную боль.) Не зря Жанет Томсон говорила о ее упрямстве – если Дач что-то для себя решала, переубедить ее было практически невозможно! Как Джонни ни пытался объяснить дочери, что отказываться от приглашения королевской семьи не только не вежливо, но и оскорбительно, Диана продолжала настаивать на своем. В конечном счете виконт Элторп был вынужден сообщить королеве, что не может разделить с ней чаепитие. Удивительно,

но Диана, столь щедро помогавшая незнакомым людям, порой способна была доставить немало хлопот своим близким.

Развод родителей повлиял не только на становление личности будущей принцессы, но и сказался на ее образовании. Как уже упоминалось выше, именно разногласия между Фрэнсис и Джонни подвигли последнего выбрать в качестве учебного заведения для своих младших детей частную школу Силфилд в Норфолке. Это учебное заведение, ведущее свою относительно небольшую историю с 1955 года, предназначалось для обучения детей от пяти до одиннадцати лет и занимало просторный загородный особняк начала XX века.

Одним младшая дочь виконта Элторпа запомнилась «яркой и любящей поболтать» ученицей[46], другим – «застенчивой и тихой»[47]. Директриса школы Джейн Лоу вспоминала Диану как добродушную и веселую девочку, питавшую страсть к домашним животным и всегда готовую прийти на помощь.

Примечательно, что в весьма благожелательном отзыве директрисы отсутствует упоминания об академических успехах Дианы. Как ни странно, но мощь интеллекта и познания в различных областях никогда не будут относиться к сильным сторонам принцессы Уэльской. Говоря о своих умственных способностях, сама Диана обычно смеялась: «Я тупая как бревно»[48].

Конечно, это шутка, хотя и весьма красноречивая. На протяжении всей своей жизни Диана доверяла не столько познаниям, сколько инстинкту.

«У нее была какая-то мистическая вера в природное чутье, которое вело ее (хорошо или плохо – это уже другой вопрос) через всю жизнь, – утверждает биограф принцессы Сара Брэдфорд. – Как она сама признавалась, у нее было постоянное ощущение неизбежности судьбы. Диана чувствовала себя немного отстраненной от других людей, считая себя созданной для какой-то определенной цели. А раз так, то о каких экзаменах может идти речь?»[49]

Свою роль сыграли и основные принципы образования, принятые в Соединенном Королевстве в первой половине XX века. Юные представительницы высшего света, поступая в учебные заведения, должны были вынести из них не груды никому не нужных (как они считали) фактов из точных или гуманитарных наук, а освоить навыки, которые помогут им найти достойного жениха. И в данном случае забавная расшифровка аббревиатуры ВУЗ – «выйти удачно замуж», столь популярная в нашей стране, больше напоминает не шутку, а правду.

Если же говорить о самой Диане и ее интеллектуальных

пристрастиях, то ни во время учебы в частных привилегированных школах, ни после они не отличались разнообразием. Главным стержнем ее мировоззрения были слащавые романы Барбары Картленд с их неизменными героями – молодой застенчивой девушкой и смелым принцем-красавцем, отдающим всего себя без остатка прекрасной избраннице.

«В произведения Барбары Картленд было все, о чем я мечтала больше всего, все, на что я надеялась», – признавалась сама принцесса Уэльская[50].

Если бы Фрейд дожил до последней четверти XX века, он бы наверняка улыбнулся, узнав, что любимым романом Дианы был «Невеста короля».

В начале 1980-х годов, в самый разгар отношений с принцем Чарльзом, Диана работала няней у американки Мэри Робертсон. Та сильно удивилась, увидев, что молодая девушка в свободное время читает роман Картленд. «Надеюсь, на этом круг ее чтения не ограничивается», – подумает про себя миссис Робертсон. Однако вскоре выяснилось, что кроме женских романов Диана больше ничем не интересуется. Мэри посоветовала ей хоть изредка просматривать «The Times» или «Daily Telegraph», чтобы поддерживать разговор с принцем Уэльским.

«В тот момент я серьезно задумалась, а не была ли влюбленность в этого „прекрасного“ и „совершенного“ Чарльза всего лишь романтической иллюзией? – рассказывает Мэри Робертсон. – И вообще, насколько сильно отличается представление Дианы о принце от того, каким Чарльз был на самом деле?»[51]

Скептицизм в отношении своей знаменитой читательницы прозвучит и со стороны самой Барбары Картленд. «Она читала только те книги, которые были написаны мной. Что ни говори, но это не лучший выбор», – шокировала она публику в декабре 1993 года[52].

Когда Диане исполнилось девять лет, ее перевели в школу Ридлсуортс, расположенную в двух часах езды от Парк-хауса. Сначала новое учебное заведение не вызвало у Дианы ничего, кроме желания поскорее вернуться домой.

«Если ты меня любишь, ты не оставишь меня здесь», – начала она шантажировать отца.

Но прошло время, и первоначальный скептицизм сменили положительные эмоции. А сама Диана призна́ется, что «обожает находиться в школе»[53].

Это можно понять. Для того чтобы сделать времяпрепровождение детей как можно более комфортным, учителя разрешили своим воспитанникам приносить в школу

домашних питомцев. Вскоре был организован живой уголок, ответственной назначили Диану. Сама она принесла свою любимую морскую свинку по имени Бесценок.

«Я воспринимала этих животных, как своих детей, как свою семью, – вспоминала принцесса. – Я нуждалась в их присутствии. Я нуждалась в том, чтобы меня окружали создания, которые дарят мне любовь и получают ее от меня»[54].

Вскоре Диане вручат памятный приз как «Лучшему смотрителю за морскими свинками». Среди школьных наград принцессы – так называемый кубок Легатта за «услужливость» и многочисленные грамоты за призовые места по плаванию. (Наряду с танцами плавание было одним из любимейших увлечений нашей героини.) Что же касается успехов в учебе, то здесь все осталось без изменений.

«Академические успехи – забудьте об этом! – смеялась Диана. – Другое дело еда. Я ела и ела. Попросить меня съесть три куска копченой рыбы и шесть буханок хлеба было одним из самых смешных развлечений в нашей школе»[55].

Что ж, легкомысленное отношение к учебе – вполне обычное дело для молоденькой девушки, а вот в том, что касается обжорства… Через несколько лет булимия станет постоянной спутницей Дианы.

Проучившись три года в Ридлсуортсе, Диана последовала по стопам своих старших сестер и поступила в частную школу Уэст Хит, расположенную в живописных окрестностях графства Кент. Как замечает одна из учившихся вместе с ней девушек, «это было очень простое место, не требующее проявления выдающихся способностей. В стенах школы воспитанницы взрослели очень медленно, поскольку были лишены большинства взрослых увлечений, как то встреча с мальчиками, курение и легкие спиртные напитки, употребление которых разрешалось – разумеется, в умеренных количествах – в некоторых лондонских школах. Тем не менее мы все были очень довольны и счастливы в этом спокойном месте»[56]. К тому времени, когда Диана перешагнула порог нового учебного заведения, шестнадцатилетняя Джейн ходила в отличницах, а строптивая Сара была исключена за… пьянство.

«Я пила просто потому, что мне было скучно, – признается она. – Я пила все – виски, куантро,{11} джин, шерри… Но больше всего мне нравилась водка, потому что ее запах легче всего было скрыть»[57].

Возможно, в подражание старшей сестре, а может быть, это было проявлением юношеского максимализма, но Диана также попыталась предстать в роли бунтаря-одиночки, готового

разрушить существующие правила. Однако она не учла, что была сделана из другого теста. Переходный возраст для нее скорее ознаменовался резкими перепадами настроения – от бойкого воодушевления до депрессии. Впоследствии эмоциональное непостоянство станет отличительной чертой нашей героини.

Подруга Дианы Эльза Боукер вспоминала, как однажды та пришла к ней в расстроенных чувствах.

«Диана стала рыдать уже на лестничной площадке. Она выглядела очень необычно – без макияжа, не причесана, в каком-то мешковатом свитере и брюках. Зайдя ко мне, она сказала: „Я полностью разбита“ – и зарыдала еще безутешней. Она плакала, затем вытирала слезы салфетками „Kleenex“, снова плакала, снова вытирала слезы – и так выпотрошила четыре коробки салфеток. У нее было такое душевное состояние, что я даже испугалась за нее – как бы она не совершила самоубийство»[58].

Но нет, ничего подобного принцесса не собиралась делать. На следующий день Эльза с удивлением услышала от общей знакомой, что Диану видели в одном из магазинов одежды, где она была весела, беспрерывно шутила и смеялась.

Вернемся к учебе. Так же, как это было в Силфилде, у воспитанниц Уэст Хит сложатся разные представления об учившейся рядом с ними знаменитости.

– Она мила и приятна в общении, – говорили одни.

– У нее сила воли, как у десяти чертей, – считали другие[59].

Подобное расхождения во мнениях не удивительно. И первые, и вторые были правы. Просто Диана представляла собой личность сложную, способную использовать разные модели поведения для разных ситуаций.

Если же говорить о достигнутых в Уэст Хит успехах, то они не сильно изменились со времен Силфилда и Ридлсуортса. Диана по-прежнему была лучшая в бассейне и на танцевальной площадке. Кроме того она всерьез увлеклась игрой на фортепьяно. И пусть достигнутые ею успехи не могли сравниться с игрой более талантливой старшей сестры Джейн (о профессиональной пианистке Рут Фермой, бабушке Дианы, вообще умолчим), мастерства принцессы будет достаточно, чтобы исполнять в приватном кругу Второй концерт Рахманинова или переложенный на клавир любимый балет Чайковского «Лебединое озеро».

Но учеба, учеба…

«Она постоянно парила в мечтах, – вспоминает директриса Уэст Хит Рут Радж. – На уроках до нее практически невозможно было достучаться»[60].

Когда придет время сдавать так называемые экзамены O-level,

{12} Диана завалит все – английскую литературу, английский язык, историю, искусство и географию… Через несколько месяцев она повторит попытку, но с тем же результатом.

Один из биографов Дианы Пэнни Джунор считает, что причина подобных неудач заключалась в «паническом страхе».

«Входя в аудиторию, она забывала все, что совсем недавно выучила», – утверждает Джунор[61].

Но одноклассники принцессы придерживаются другого мнения, утверждая, что все дело в «банальной лени и полном отсутствии каких-либо стремлений»[62]. С ними соглашается и Рут Радж, которая во время экзаменов никогда не видела на лице Дианы признаков паники или волнений[63].

В чем бы ни состояла истинная причина, провал экзаменов сам по себе является примечательным. Для сравнения: старшая сестра Дианы Сара сдала шесть экзаменов, а Джейн – одиннадцать. Однако сегодня это уже не столь принципиально. Куда большее значение на формирование личности Дианы оказали не ее успехи в учебе (вернее, их отсутствие), а новые потрясения в семье.

9 июня 1975 года на восемьдесят четвертом году жизни от пневмонии – «болезни стариков»{13} – скончался седьмой граф Спенсер. После стольких лет ожидания Джонни Элторп наконец-то унаследовал титул и легендарное поместье.

Диана была вне себя от счастья.

– Теперь я леди Диана! Теперь я леди Диана! – кричала она, бегая по коридорам Уэст Хит[65].

Но восторженность быстро испарилась, едва детям пришлось покинуть до боли знакомый Парк-хаус ради чужого им замка Элторп.

«Это было ужасно!» – кривилась Диана[66].

«Переезд в Элторп можно заслуженно назвать одним из самых неприятных эпизодов в жизни каждого из нас, – вторит ей Чарльз. – Оказаться выдернутым с любимых мест, лишиться друзей – и все ради того, чтобы поселиться в огромном парке размерами с Монако!»[67]

Их можно понять. Безусловно, Элторп был велик, а многие из его комнат давно стали пристанищем для исторических артефактов и мировых шедевров. Но дети меньше всего нуждались в помпезности. Увы, пасторальные песчаные дюны и сосновые боры – все это осталось в Норфолке, как и светлые детские воспоминания. Даже отец теперь принадлежал не только им.

В 1972 году по просьбе Совета по уходу за общественными зданиями Джонни принял участие в работе над буклетом «Что

происходит с нашим историческим наследием». В процессе составления буклета он познакомился с председателем Совета Рейн Легги. Рейн была замужем за девятым графом Дартмутом, и у нее было четверо детей. Однако это не помешало амурным отношениям с виконтом Элторпом. Джонни и Рейн не заметили, как тонкий ручеек взаимной привязанности превратился в мощнейший водопад любви.

Миссис Легги относилась к тому типу женщин, которые всегда импонировали виконту. Причем дело не ограничивалось внешностью – стройной фигурой, пышной прической и правильными чертами лица. Рейн источала пьянящий для Джонни аромат – необычное сочетание хрупкой женственности и стенобитной самоуверенности. Она знала, как очаровывать мужчин. Даже старый граф Спенсер, на первых порах отнесшийся к избраннице сына весьма прохладно, не смог устоять перед чарами этой женщины. Особенно когда она, посещая Элторп, начала привозить ему подарки: любимый шоколад или новую трость для коллекции.

В отличие от графа, его внуки восприняли появление Рейн в штыки.

«Мы ненавидели ее, потому что были уверены – она хочет отобрать у нас папу», – вспоминала Диана[68].

Буквально с первого дня знакомства дети дали понять, что не испытывают большого восторга в отношении ее персоны. Когда пришло время обеда и Рейн готова была начать светскую беседу, Сара не преминула выразить свой протест, громко рыгнув.

– Сара! – воскликнул виконт Элторп.

– В арабских странах такой поступок принято считать признаком хорошего тона, папа, – как ни в чем не бывало ответила нарушительница этикета.

Диана непроизвольно хихикнула и тут же, испугавшись собственной бестактности, опустила голову.

– Сара! Немедленно выйди из-за стола! – раздался строгий голос отца.

Фыркнув, Сара выбежала. В обеденной зале повисла мертвая тишина. Диана собиралась уже вступиться за сестру, как отец, резко оборвав ее, закричал:

– Довольно!

– Я себя неважно чувствую, позвольте мне удалиться в мою комнату, – тихо вымолвила Диана.

Отец кивнул в знак согласия, и она быстро ушла[69].

Так же, как это было с разводом, наибольший психологический удар, связанный с появлением Рейн, пришелся именно на Диану. Она любила отца больше всех и по праву могла

считаться папиной дочкой. Нередко, когда Джейн и Сару спрашивали, где Диана, можно было услышать:

– Дач с папочкой. Ей нравится быть дома, постоянно помогая ему[70].

Теперь же вместо приятных минут общения с отцом Диана была вынуждена проводить время наедине с собой, страдая от тоскливого одиночества.

Ей и так было тяжело, а тут еще Джонни совершил поступок, которому суждено будет стать водоразделом в их отношениях. 14 июля 1976 года, ни слова не сказав своим детям, восьмой граф Спенсер заключил с Рейн законный брак. В Элторпе был устроен грандиозный бал на тысячу гостей. Среди приглашенных не было только Сары, Джейн, Дианы и Чарльза.

«Это не настолько важное событие, чтобы пригласить нас на него!» – язвительно выразилась старшая из сестер в интервью журналистам[71].

Чем руководствовался граф Спенсер, обходясь столь бесчеловечно с самыми дорогими для себя людьми? Скорее всего, он просто испугался неодобрения детей и, словно страус, прячущий голову в песок, поставил их перед уже свершившимся фактом. Если и так, то Джонни допустил грубую ошибку: умолчав о свадьбе, он нанес доверительным отношениям с младшей дочерью непоправимый вред.

– Ты читала газеты? – спросила Сара Диану.

– Что?

– Папа женился на Рейн!

– Боже мой! – воскликнула Диана. – Откуда ты это знаешь?

– Так написано в «Express».

Диану прошиб холодный пот. Обиду, что ее обманули, быстро сменил всепоглощающий гнев.

Когда она увиделась с отцом, тот встретил ее извиняющей интонацией:

– Я только собирался объяснить, ммм… – Здесь граф Спенсер прервался и только спустя несколько секунд продолжил: – Ну, о нашей свадьбе с Рейн…

– Но она нам не нравится, папа! – закричала Диана.

– Я знаю, но вы сумеете ее полюбить со временем – так же, как это сделал я.

– Мы… Никогда!

Сказав это, девушка быстро направилась к отцу. Джонни подумал, что дочь хочет его поцеловать, и подставил левую щеку. Неожиданно раздался шлепок: Диана дала отцу пощечину.

– Это тебе от всех нас, – произнесла она и, понимая, что сделала что-то не то, выбежала из комнаты.

Джонни устремился вслед за ней. Догнав дочь, он схватил ее за руку:

– Никогда больше не смей разговаривать со мной в таком тоне!

– А ты никогда больше не поступай так с нами! – выпалила Диана и, вырвавшись из рук отца, побежала дальше[72].

Ни о каком перемирии не могло быть и речи. Диана периодически названивала в Элторп, а когда Рейн подходила к телефону, вешала трубку. Затем она подговорила свою школьную подругу отправить Рейн ядовитое письмо. Еще подростком Диана была способна на решительные действия. Так, когда ей однажды запретили включать стереосистему, она вскрыла полы и испортила всю проводку: пусть другие тоже посидят в тишине[73].

Однако Рейн была не из тех, кого можно смутить подобными выходками. Она вцепилась в Джонни мертвой хваткой – не в ее правилах было отпускать любимого мужчину. Тем более что и восьмой граф Спенсер нуждался в ее обществе. Обладая еще большей энергией, чем его первая супруга, Фрэнсис, Рейн взялась за обустройство Элторпа. В замке наконец-то появился полноценный водопровод и централизованное отопление, само поместье было открыто для публики.

Не обошлось, конечно, и без казусов. Являясь одним из авторов буклета «Что происходит с нашим историческим наследием», Рейн весьма вольно обошлась со многими реликвиями и памятниками старины. Через аукцион были проданы ценные вещи, включая портреты кисти Гейнсборо, мебель георгианской эпохи, золотые ведерки первого герцога Мальборо для шампанского, а также ряд фамильных документов и свыше сорока коттеджей на принадлежавших Спенсерам землях.

Рейн смогла полностью закрыть своего нового супруга от лучей прошлой жизни.

«Трудно избавиться от ощущения, что она сознательно воздвигла железную изгородь между Джонни и остальным миром, – говорит Руперт Хэмбро. – Она полностью невосприимчива к его семье, его жизни и его интересам. Рейн стала для Джонни оратором, глашатаем и рупором в одном лице. Если вы задаете графу вопрос, отвечает всегда она. Есть много людей, которые чувствуют себя безмерно счастливо, будучи огороженными от окружающего мира. Мне кажется, Джонни – один из них»[74].

Забавно, но, полностью доверившись своей второй супруге, граф Спенсер смог вновь ощутить вкус жизни. В его осанке

появилась уверенность, в улыбке – радость, во взгляде – задор.

Рейн смогла не только изменить его – когда это потребовалось, она спасла ему жизнь. Джонни часто страдал головными болями и свое состояние облегчал дисприном.{14} Диану пугало нездоровье отца. 18 сентября 1978 года она гостила у друзей в Норфолке.

– Как дела у графа Спенсера? – спросил ее один из присутствующих.

– У меня странное ощущение, что с ним вот-вот должно что-то произойти, – ответила Диана. – Если он умрет, то это произойдет быстро. В противном случае он выживет[75].

На следующий день ей позвонили и сообщили, что во время прогулки во внутреннем дворике замка у ее отца произошло обширное кровоизлияние в мозг. В бессознательном состоянии восьмой граф Спенсер был немедленно доставлен в больницу в Нортхемптоне. И здесь на сцене появляется Рейн. Она настояла, чтобы ее супруга перевели и прооперировали в специализированной клинике нервных болезней в Лондоне.

Спустя четыре недели, когда Джонни уже пошел на поправку, у него началась синегнойная пневмония – редкая форма бактериальной инфекции, невосприимчивая к обычным антибиотикам. По настоянию Рейн отца Дианы тут же перевезли в Королевскую больницу Бромптон, где он, балансируя на грани между жизнью и смертью, восемь раз оказывался в критическом состоянии.

Не собираясь опускать руки, Рейн обратилась за помощью к своему другу Биллу Кавендиш-Бентинку, директору немецкого фармакологического концерна «Bayer». Она попросила его срочно найти эффективный антибиотик. Билл сказал, что у них есть один препарат – азлоциллин, но он находится в стадии тестирования и еще не поступил в продажу. Кавендиш-Бентинк согласился предоставить препарат только в том случае, если лечащие врачи графа Спенсера дадут согласие на его использование. Убедить последних для Рейн не составило труда:

– Лучше уж пусть он умрет от моего лекарства, чем от вашего бездействия, – заявила она врачам[76].

Но Джонни не умер. Препарат сделал свое дело, победив инфекцию.

– Я стал первым человеком, на котором попробовали новое лекарство, применявшееся до этого только на крысах, – с улыбкой на лице вспоминал он впоследствии[77].

В процессе лечения Рейн постаралась сделать все возможное, чтобы оградить супруга от визитов его детей. Она считала подобные посещения не только не нужными, но и опасными для

больного человека. Что, разумеется, не способствовало налаживанию взаимоотношений с ее падчерицей. Пройдут годы, а они так и будут смотреть друг на друга с остраткой.

Большой скандал разразится в 1989 году, когда на свадебную церемонию брата Дианы Чарльза будет приглашена Фрэнсис. Сделано это будет скорее из приличия, нежели по зову сердца, поскольку ни Рейн, ни Джонни даже не удосужились поздороваться с бедной женщиной.

– Ну почему мы должны жить прошлым всякий раз, когда мама переступает порог этого дома! – возмутилась Диана.

– Ты же знаешь, как мы страдали из-за Фрэнсис, – как ни в чем не бывало ответила Рейн.

– Вы страдали? – закричала принцесса. – Да вы даже не понимаете значения этого слова! Вот я другое дело. Я страдаю так сильно, что вы даже представить не можете![78]

Рейн не хотела вступать в спор и решила покинуть церемонию. Она уже собиралась спуститься по лестнице, как к ней неожиданно подскочила Диана и сильным толчком сбила ее с ног.

– Я вас ненавижу! Если бы вы только знали, какое мы все испытываем к вам отвращение! Вы разрушили наш дом! Вы растратили деньги нашего отца![79]

Потрясенный увиденным, Джонни потом полгода не разговаривал с младшей дочерью.

– Я просто не понимаю Диану! – сокрушалась Рейн. – Откуда такая несдержанность! Что с ней вообще случилось?[80]

С ней ничего не случилось. Просто Рейн отняла у детей отца и распродала часть фамильного достояния. А в таких семьях, как Спенсеры, подобное не прощается. Буквально через два дня после смерти Джонни новый владелец Элторпа Чарльз, отныне девятый граф Спенсер, приказал мачехе покинуть замок. Ей запретили выносить с собой любой предмет, если только она не представит доказательства, что он был приобретен лично ею.

О накопившейся в отпрысках покойного графа ненависти можно судить по следующему эпизоду. Вбежав в спальню, Диана увидела, как прислуга укладывает дорогие наряды Рейн в чемоданы. Заметив на чемоданах инициалы «S», что говорило об их принадлежности Спенсерам, она приказала все вытащить и поместить одежду в пластиковые черные мешки для мусора. Когда вещи были сложены, Чарльз, хватая один мешок за другим, вышвырнул их с лестницы вниз[81].

Судьба порой плетет удивительные узоры, и отношения между Дианой и Рейн не станут исключением. Незадолго до

трагической гибели принцесса проникнется к своей мачехе симпатией и даже найдет с ней общий язык. Но и это не все. Как оказалось, вторая супруга графа Спенсера была… дочерью любимой романистки Дианы Барбары Картленд.

Однако, быть может, это уже и не столь важно. Впереди Диану ждали встречи с не менее сложными людьми. Сможет ли она найти к ним подход? Но не будем забегать вперед и постараемся рассказать обо всем по порядку.

Глава 2
ДОЛГОЖДАННЫЙ ПРИНЦ

Поиск невесты

В ноябре 1977 года в расположенном неподалеку от Элторпа Ноуботтлском лесу состоялось одно из любимых развлечений британской аристократии – охота на лис. На охоту были приглашены представители многих именитых фамилий, включая наследника престола принца Чарльза. Визит старшего сына королевы был не случаен. Принц Уэльский встречался в то время с Сарой Спенсер, поэтому согласился почтить мероприятие своим присутствием, тем самым придав ему определенный общественный статус.

Среди прочих гостей на охотничий праздник приехала младшая дочь графа Спенсера Диана. Она давно уже мечтала познакомиться с принцем Уэльским. Узнав, что принц собирается посетить Элторп, она тут же отпросилась у преподавателей Уэст Хит, чтобы провести выходные в семейном поместье.

Впервые будущие супруги встретились в чаще Ноуботтлского леса. Чарльз увидел в Диане «веселого и жизнерадостного» тинейджера, который поразил его своей простотой и наивностью[1].

Принц также удивил Диану. «Боже! Какой грустный молодой человек!» – подумала она, поймав на себе взгляд наследника престола[2].

После охоты последовали обед и долгожданный бал. Диана, как это еще не раз будет в ее жизни, стеснялась, считая себя чрезмерно полной, коренастой и неказистой сельской девушкой. Вдруг она заметила, как Чарльз отошел от группы мужчин, с которыми вел светскую беседу, и направился в ее сторону. Буквально через несколько мгновений они уже кружились в воздушном ритме венского вальса.

– Я знаю, что Элторп знаменит своей картинной галереей, – сказал принц после танца. – Вы не согласитесь устроить мне небольшую экскурсию?

Диана была в восторге. Она с радостью познакомила бы его с достопримечательностями родового замка, но в их разговор совершенно некстати вмешалась Сара.

– Дач, оставь нас наедине, – строго произнесла старшая сестра.

Сделав неуклюжий реверанс, Диана нехотя удалилась.

Она была смущена и подавлена. Причем больше всего ей не давало покоя не поведение Сары, а внимание со стороны Чарльза. Ее переполняли смешанные чувства – с одной стороны, она хотела познакомиться с принцем, с другой (как и большинство

комплексующих людей) – не верила в свою удачу. «Неужели такие мужчины, как он, вообще могут обратить на меня внимание?» – мучила она себя совершенно нелепым вопросом[3].

Пройдут годы, и принцесса Уэльская будет не только знать цену своей красоте, но и с завидным умением использовать ее в достижении намеченных целей. Но в то время Диана еще не верила в магию внешней привлекательности, хотя совсем не была похожа на простую сельскую девушку, какой видела себя в собственном воображении. С каждым годом Диана становилась все краше и краше, расцветая, словно благоухающий цветок.

«Это случилось неожиданно. Достигнув шестнадцати лет, Диана стала излучать какой-то магнетизм, привлекая внимание множества людей, – вспоминает ее брат Чарльз. – Окружающие наслаждались ее компанией»[4].

Однако, несмотря на внешнюю привлекательность, у Дианы был весьма скромный опыт общения с молодыми людьми. Безусловно, до знакомства с Чарльзом у нее были кавалеры, но Диана не позволяла амурным отношениям переходить определенную грань. Начитавшись романов Барбары Картленд, девушка не собиралась размениваться на обычных мужчин. Она готовила себя для чего-то более важного – для встречи с тем единственным Принцем, который сможет дать ей любовь и защиту от жизненных неурядиц.

«Я знаю, что должна сохранить свою чистоту для дальнейших событий», – словно программируя себя, заявила Диана своей подруге Кэролин Прайд[5].

Забегая вперед, скажем, что девственность Дианы Спенсер впоследствии станет весомым аргументом в пользу выбора именно ее кандидатуры среди прочих подруг принца Чарльза. Однако, сознательно посадив себя на диету сексуального целомудрия, Диана лишилась очень важного – любовного опыта. Выходя за Чарльза, она напоминала ученика пароходного училища, который, едва освоив тренажеры, встал за штурвал трансатлантического лайнера. Втянутая в водоворот запутанных хитросплетений и малопонятных правил дворца, Диана сама будет искать выход из сложных ситуаций. Двигаясь на ощупь и полагаясь только на инстинкт, она будет совершать ошибки, которые, преломляясь в зеркале дворцового истеблишмента, обратятся против нее. Но все это будет потом, а пока, после стольких ночей, проведенных в грезах о любимом Принце, Диане казалось, что она наконец-то увидела его живое воплощение.

– Я его встретила! – восторженно закричала она, придя после бала к своей учительнице по фортепьяно Пэнни Уолкер. – Наконец-то я его встретила!

«Ни о чем другом она не могла говорить, – описывает тот день Пэнни. – Диана только и говорила, что о Чарльзе, постоянно вспоминая то один, то другой эпизод их недавней встречи»[6].

Позже Диана признается, что от одного присутствия рядом с принцем ей хотелось «порхать, как бабочка»[7].

Она отправилась с друзьями кататься на лыжах в Швейцарские Альпы, но все ее мысли по-прежнему были связаны с Чарльзом.

– Я собираюсь выйти замуж за принца Уэльского! – с какой-то детской наивностью заявила она в один из вечеров.

– И почему ты так уверена? – засмеялись ее друзья.

– Вы не понимаете, он единственный человек, которому не дадут со мной развестись[8].

Этот необычный диалог позволяет нам заглянуть во внутренний мир Дианы. Заглянуть и ужаснуться. Не имея ни с кем серьезных отношений, будущая принцесса думала… о разводе. Причем эта мысль ей уже давно не давала покоя. Еще будучи ребенком, она заявила своей няне Мэри Кларк:

– Я никогда не выйду замуж, до тех пока не буду точно знать, что люблю своего жениха, а он любит меня. Поскольку без любви все закончится разводом.

Поймав удивленный взгляд Мэри, она тут же добавила:

– Я не хочу развода![9]

Вскоре после того, как в феврале 1981 года будет официально объявлено о помолвке Дианы Спенсер и принца Уэльского, Мэри напишет своей бывшей подопечной письмо:

«В том, что сейчас с тобой происходит, определенно есть своя ирония – ты выходишь замуж за единственного человека на земле, с которым развод невозможен»[10].

В этом действительно была ирония. Однако ни Диана, ни Мэри Кларк пока не имели ни малейшего представления о ее истинных масштабах.

Если Диана сразу определилась с выбором второй половины, то у наследника престола все было иначе. Чарльз никогда не испытывал недостатка в любовных связях, что не удивительно: немногие из юных прелестниц могли устоять перед обаянием принца. Но все это было не то – любовные увлечения Чарльза имели мало общего с поиском спутницы жизни.

«Чарльз считался закоренелым холостяком, – вспоминает одна из его пассий. – Он обожал дарить подарки, покупать женщинам цветы, но дальше дело, как правило, не шло»[11].

Одна подружка сменяла другую, лишь добавляя беспокойства венценосным родителям. Королева Елизавета II и ее супруг, герцог Эдинбургский Филипп, не могли не понимать, что, сколько

бы времени их сын ни проводил, общаясь с милейшими созданиями, главным было совершенно другое – найти невестку, способную произвести на свет наследника.

Но принцу было не до этого. В 1971 году, за шесть лет до встречи с Дианой, двадцатитрехлетний Чарльз наконец-то нашел свою единственную. Их познакомила подруга принца по Кембриджу, дочь чилийского посла Люсия Санта Круз. Свою приятельницу она представила так: «Просто молодая девушка»[12]. Ее звали Камилла Шэнд. Она была дочерью майора Брюса Шэнда и правнучкой Элис Кеппел, вошедшей в историю благодаря многолетней любовной связи с королем Эдуардом VII.

Камилла начала разговор первой:

– Моя прабабушка была любовницей вашего прапрадедушки! Как вам это?[13]

В других обстоятельствах это прозвучало бы как наглость, но в данном случае подобное обращение больше походило на дерзкий вызов, который женщина бросает мужчине. Чарльз был заинтригован. С ним еще никто не вел себя настолько раскованно и открыто. Не успел он прийти в себя, как мисс Шэнд буквально добила его:

– У вас великолепный конь, сэр![14]

Акцентируя внимание на слове «конь», Камилла удачно понизила голос, отчего ее собеседник просто не мог не ощутить приятного волнения во всем теле.

Сказать, что в тот момент Чарльз влюбился, значит не сказать ничего. Он был подхвачен всесильным потоком и вознесен к небесам. Время для него то сжималось в точку, вмещавшую в себя вечность, то неслось со скоростью реактивного самолета, оставляя после танцев в клубе «Аннабелс» и интимных ужинов наедине дымчатый след приятных воспоминаний.

Камилла была старше принца на пятнадцать месяцев, но по жизненному опыту превосходила его лет на десять. Однако Чарльза это нисколько не смущало, скорее даже наоборот.

«Он всегда любил девушек старше себя, – вспоминает близкий королеве человек, знавший Чарльза с детских лет. – С ними он чувствовал себя гораздо спокойнее»[15].

Камилла всегда была уверена в себе, чем превосходила как самого Чарльза, так и его будущую супругу.

И наконец, еще одно немаловажное обстоятельство. Рядом с Камиллой Чарльз чувствовал себя не принцем, а настоящим мужчиной, а это дорогого стоит.

В декабре 1972 года, проведя страстный уик-энд в поместье лорда Маунтбеттена Бродлендс, Чарльз признался Камилле, что без ума от нее. Ему бы следовало продолжить и сделать ей

предложение. Но принц этого делать не стал, и на то у него были веские причины.

«Чарльз не смог бы ничего добиться своим предложением, – комментирует Патриция Маунтбеттен. – В 1973 году его брак с Камиллой был абсолютно невозможен. У нее была „история“, а королевской семье не нужно прошлое, наступающее на пятки. К тому же о ней говорили. А в высшем обществе никогда не женятся на тех, о ком говорят»[16].

Отлично понимая это, Камилла не собиралась оставаться старой девой. Пока Чарльз находился за пределами Туманного Альбиона (он отправился в восьмимесячный круиз на королевском фрегате «Минерва»), мисс Шэнд вышла замуж за бравого тридцатитрехлетнего майора Королевской конной гвардии Эндрю Паркер-Боулза. Признаться, она уже шесть лет лелеяла мечту об этом матримониальном союзе. Теперь же ей наконец удалось осуществить задуманное. Стоило Эндрю немного засомневаться перед свадьбой, как Камилла тут же убедила своих родителей разместить в «The Times» сообщение о помолвке, отрезав своему жениху пути к отступлению.

Свадьба состоялась 4 июля 1973 года. На брачной церемонии в Гвардейской капелле Веллингтонских казарм присутствовала королева-мать и дочь Елизаветы II принцесса Анна, которая в свое время также была безумно влюблена в Паркер-Боулза. Торжественный прием прошел в Сент-Джеймсском дворце, где к именитым гостям присоединилась сестра королевы принцесса Маргарет.

Чарльз узнал о свадьбе своей подруги, когда сошел на берег в Антигуа. Он был опустошен. Единственное, на что ему теперь оставалось рассчитывать, так это на время, которое должно было притупить боль утраты. «Надеюсь только, что чувство пустоты пройдет впоследствии», – напишет он в письме одному из своих друзей[17].

Принц ошибался. Опустошенность переросла в зияющую пропасть, заполнить которую мог только один человек – новоиспеченная миссис Паркер-Боулз. Что же до ее брака, то он вряд ли мог помешать продолжению их отношений. Ни один из супругов не собирался прекращать романы на стороне. Эндрю вернулся к столичным красоткам, а его супруга – к ненаглядному Чарльзу; теперь их частенько можно было застать мило беседующими друг с другом по телефону.

Однако все эти телефонные разговоры были лишь обезболивающим, не способным разрешить главную проблему – поиск достойной невесты, задача которой – родить наследника.

В этот момент в игру вступил дядя герцога Эдинбургского

Луис Маунтбеттен. Он решил воспользоваться ситуацией, предложив в качестве возможной кандидатуры свою внучку Аманду Нэтчбулл.

Сохранились сведения, что именно благодаря «дяде Дикки» в декабре 1972 года Чарльз оставил Камиллу и отправился в длительное путешествие по Карибскому морю.

Тонкий царедворец Луис умело взрыхлял почву, подготавливая Чарльза к тому, чтобы ставка была сделана именно на мисс Нэтчбулл.

«Настоятельно рекомендую тебе в поиске невесты остановить свой выбор на правильной девушке с приятным характером, – поучал он своего крестника в одном из писем. – Главное, чтобы она не успела до встречи с тобой влюбиться в кого-нибудь. Я считаю, что для женщины будет крайне волнительно иметь опыт в подобных делах, если ей после свадьбы предстоит все время оставаться в центре всеобщего внимания»[18].

Одновременно с подобными наставлениями в жизни Чарльза все чаще стала появляться и сама Аманда.

Лорд Мантубеттен действовал правильно, но его замыслам не суждено было увенчаться успехом. Роман мисс Нэтчбулл с наследником престола продлился недолго. Во-первых, принц видел в Аманде лишь милую девушку, способную справиться с «работой»[19], но никак не свою будущую супругу. Во-вторых, сама Аманда отлично понимала, что с выходом за Чарльза ей придется пожертвовать своей индивидуальностью, а на такие жертвы она была не готова.

Расставание с внучкой лорда Маунтбеттена Чарльз переживал недолго. В конце 1970-х годов в объятиях принца Уэльского побывало много девушек, включая сестру его будущей супруги Сару Спенсер, дочь герцога Веллингтонского Джейн Уэлсли, а также Джорджиану Рассел, Сабрину Гиннес, Давину Шеффилд и Леонору Гросвенор.

У принца были свои мысли в отношении предстоящего брака.

«Следует помнить, что в моем случае речь идет о свадьбе с женщиной, которая однажды станет королевой. Поэтому нужно быть очень внимательным при выборе кандидатуры», – уточнил он в одном из интервью еще в 1969 году[20].

Были у него и свои пожелания к будущей невесте:

«Женщина не просто выходит замуж, она выходит за определенный образ жизни своего супруга, становясь его неотъемлемой частью. Женщина должна заранее иметь представление о мире своего суженого, а иначе она так и не научится понимать и любить его. Выбирая себе спутницу, я не позволю, чтобы моим разумом руководили чувства»[21].

В интервью корреспонденту «Evening Standard» в январе 1975 года он сказал:

«Большинство людей имеют неправильное представление о том, что такое любовь. Это намного больше, чем просто влюбиться и так прожить всю оставшуюся жизнь. В основе брака лежит дружба. Вы разделяете интересы и мысли друг друга, возникает чувство привязанности. И по-настоящему счастлив тот, кому удается встретить человека красивого как внешне, так и внутренне. Для меня брак – один из самых ответственных поступков в этой жизни. Совместная жизнь – это то, над чем нужно работать»[22].

Имея правильные предпосылки, Чарльз сделал неправильные выводы. Исповедуя добросовестный подход при выборе второй половины, он зажал себя в узкие рамки собственных требований. Последних, увы, оказалось так много, что никто из вышеперечисленных женщин – Аманда Нэтчбулл, Сабрина Гиннес, Леонора Гросвенор и другие – просто неспособны были их удовлетворить.

Возможно, беда принца заключалась в том, что он и не собирался жениться.

«Он одиночка, обожающий тишину», – сказал один из его помощников[23].

Но жизнь диктовала свои условия. 1979 год приготовил Чарльзу серьезное испытание. 27 августа на своей яхте «Шэдоу V» неподалеку от замка Классибон на западном побережье Ирландии от взрыва бомбы погиб его крестный отец лорд Маунтбеттен.

Чарльз был потрясен. «Я лишился чего-то бесконечно важного в моей жизни, – записал он в своем дневнике. – Человека, к которому я испытывал чувство привязанности. Человека, способного похвалить или сделать замечание, когда это было необходимо. Человека, от которого я мог получить безвозмездную помощь или бесценный совет. Он удивительным образом умел совместить в себе дедушку, отца, брата и друга. Жизнь никогда больше не будет такой, как прежде»[24].

Пытаясь найти психологическую поддержку, Чарльз обратился к человеку, которому мог полностью доверять, – миссис Паркер-Боулз. Их отношения никогда не прекращались, но именно со смертью Луиса Маунтбеттена они разгорелись с новой силой. Пока Эндрю со своим полком принимал участие в первой внешнеполитической акции нового премьер-министра Маргарет Тэтчер и в течение четырех месяцев участвовал в войне за независимость Южной Родезии, Камилла все больше времени проводила со своим старым другом.

Их отношения поднимаются на столь высокий уровень, что в

апреле 1980 года, отправляясь на празднования Дня независимости Зимбабве,{15} Чарльз взял с собой миссис Паркер-Боулз. Ситуация превратилась в фарс, когда одновременно с Чарльзом и Камиллой в Зимбабве приехал и ее супруг.

Публика жаждала объяснений. И они последовали.

«Чарльз находится в обществе женщины, давно состоящей в счастливом браке. Вся эта ситуация не должна служить поводом для появления всевозможных слухов», – сухо заявил официальный представитель Букингемского дворца[25].

На самом деле в королевской резиденции царила паника. Личный секретарь королевы передал ей, что офицеры конной гвардии недовольны романом принца Уэльского с женой одного из их друзей. Елизавета II и сама отлично все понимала. Между тем Чарльзу перевалило за тридцать, и вопрос поиска достойной невесты приобрел первостепенную важность.

Пока придворные перебирали имена возможных кандидатур, свои предложения озвучила королева-мать. По ее мнению, невестку следовало найти как можно скорее, и самое главное – она должна быть девственницей. Для любого человека, кто не понаслышке знал, как устроен королевский двор Великобритании, сразу стало понятно: это не просто пожелания любящей матери и бабушки – это условия, обойти которые не удастся никому.

С вмешательством королевы-матери давление на Чарльза со стороны его родственников усилилось многократно.

«Признаюсь, я немного переживаю по поводу всех этих разговоров о моем эгоцентризме, – жаловался принц одному из своих друзей. – Мне уже сказали, что единственное лекарство для меня – это брак. СМИ не будут воспринимать меня серьезно, пока я не женюсь»[26].

И это еще не все. Против Чарльза была сама История.

«Членов королевской семьи все еще беспокоил призрак отрекшегося герцога Виндзорского, – констатировал журналист Эндрю Мортон. – И королева-мать, и Елизавета, и ее супруг – все они отлично понимали, что чем старше становится принц Уэльский, тем сложнее ему будет найти девственницу, протестантку и аристократку, которой предстоит стать его супругой»[27].

И вот в этот самый момент на сцене – как нельзя кстати! – появляется новое действующее лицо: младшая дочь графа Спенсера Диана. В апреле 1978 года в качестве одной из трех подружек невесты она присутствует на свадьбе своей сестры Джейн и помощника личного секретаря королевы Роберта Феллоуза. Диане шел семнадцатый год. Ее робкий невинный

взгляд сразу привлек внимание королевы-матери.

– Вы великолепно воспитали младшую дочь, – сказала она, подойдя к Джонни.

Граф растерялся, но на всякий случай решил мило улыбнуться.

– Теперь перед вами самая важная и сложная задача – правильно устроить свою дочь в этой жизни, – продолжила Елизавета[28].

Как заметил бывший личный секретарь королевы лорд Чартерис, «в глазах королевы-матери красота и скромность этой девушки превратили ее в едва ли не идеальную претендентку на место принцессы Уэльской»[29].

Старшая из Елизавет сделала на Диану ставку. Стоит ли удивляться, что теперь юную дочь графа Спенсера все чаще приглашали на те великосветские мероприятия, где присутствовал принц. Так, в ноябре 1978 года она была среди гостей на дне рождения Чарльза, в январе следующего года приняла участие в очередной охотничьей забаве в Сандрингеме, затем посетила вместе с принцем балет и оперу в Лондоне.

«Мне кажется, в те дни Чарльз рассматривал свои взаимоотношения с Дианой исключительно как платонические, – считает один из первых биографов принцессы Пэнни Джунор. – Ему импонировали ее чувство юмора и простой взгляд на жизнь»[30].

А королева-мать делала свое дело.

– Не упусти очаровательную Диану Спенсер, – прошептала она на ухо своему внуку на одном из приемов весной 1980 года[31].

Свое влияние на выбор Чарльза оказала и Камилла. Это может прозвучать странно, но миссис Паркер-Боулз считала Диану не такой уж и плохой кандидатурой на место супруги для ее любимого.

«Камилла сразу поддержала отношения между Чарльзом и Дианой, поскольку считала последнюю бестолковой, – утверждает ее деверь Ричард Паркер-Боулз. – Она не видела в Диане угрозу»[32].

А зря, ибо главным дирижером все более крепнувших отношений была не королева-мать, не Камиллла и даже не Рут Фермой, мечтавшая о браке своей внучки с наследником престола, – всем управляла сама Диана. Это не королевский двор выбрал ее – это она выбрала Чарльза. Подобно кукловоду, умело дергающему за ниточки, она начала свою тонкую и весьма результативную игру.

«Если мне повезет, я стану принцессой Уэльской», – обронила

она в беседе с супругой внука лорда Маунтбеттена леди Ромси[33].

Летом 1980 года Диана и Чарльз снова встречаются, на этот раз в доме общего друга Роберта де Пасса в Сассексе. В приглашении, отправленном Диане сыном Роберта Филиппом, значилось: «Приезжай к нам на пару дней в Петворт. Мы ожидаем принца Уэльского. Ты молода, красива, обаятельна, так что тебе не составит труда его развлечь»[34].

Диане предоставили очередной шанс, и она постарается выжать из него все возможное.

«Мисс Спенсер всюду следовала за Чарльзом, буквально не давая ему прохода, – вспоминает присутствующая на мероприятии бывшая подружка Чарльза Сабрина Гиннес. – Она флиртовала, кокетничала, смеялась, хихикала. На барбекю Диана села к принцу на колени и, глядя ему в глаза, заигрывающим голосом произнесла: „У меня нет ни одной пломбы в зубах и ни одного сданного экзамена! Как вы думаете, это имеет какое-нибудь значение?“ Она делала все, чтобы произвести на него впечатление. Ей даже пришлось сказать, что она обожает верховую езду»[35].

Диана вела свою игру, и, похоже, игра ей удавалась. Едва оставшись с принцем наедине, она пустила в ход одно из самых сильных орудий своего арсенала – умение сострадать:

– Вы выглядели очень печальным на похоронах лорда Маунтбеттена. Я никогда не видела что-либо более трагичное, чем вы в тот момент. У меня сердце обливалось кровью, когда я наблюдала за вами. Это несправедливо, что вы так одиноки! Должен быть кто-нибудь, кто смог бы о вас позаботиться.

Это был правильный путь к сердцу Чарльза. Трудно сказать, что произошло в тот момент между молодыми людьми, но после этой фразы их отношения уже никогда не будут такими, как прежде. Они мило проболтали весь вечер, пока принц сам не предложил продолжить встречи.

– Вы должны поехать завтра со мной в Лондон, – сказал Чарльз. – Я собираюсь немного поработать в Букингемском дворце. Вы бы могли поработать со мной.

– Нет, я не могу, – ответила Диана.

И правильно сделала. Интимная связь на этой стадии отношений могла только все испортить. Мисс Спенсер не нуждалась в сиюминутной победе, ей нужен был первый приз, и она готова была подождать.

– Тогда приглашаю вас в круиз на «Британии», – после некоторой заминки предложил Чарльз. – На яхте соберется много старых друзей, будет весело.

На этот раз отказывать было глупо. Только что вспыхнувший огонек мог быстро потухнуть, если не закрепить успех.

– Хорошо, я постараюсь, – мило улыбнувшись, сказала Диана[36].

Тактика юной леди Спенсер быстро приносила плоды. Сначала принц признался, что потрясен ее чуткостью:

«Просто удивительно, насколько точно она почувствовала во мне томящее душу одиночество и потребность быть кому-то небезразличным»[37].

А спустя еще несколько дней Чарльз сделал более серьезное заявление:

«Я наконец встретил девушку, на которой собираюсь жениться»[38].

В сентябре 1980 года Диану пригласили в шотландскую резиденцию королевы, замок Балморал, где Елизавета II ежегодно проводила август и сентябрь начиная с 1926 года. Поводом для приглашения послужили знаменитые Бремарские игры, во время которых шотландцы, одетые в традиционные килты, соревнуются друг с другом в метании тяжелых предметов.

Если во время круиза на яхте «Британия» Диане удалось очаровать всех членов команды, то во время посещения Балморала под ее обаяние попали члены королевской семьи и близкие друзья принца. Что касается друзей – это были именно те люди, мнению которых Чарльз безмерно доверял: Чарльз Палмер-Томкинсон и его супруга Патти, внук Уинстона Черчилля и бывший конюший принца Уэльского Николас Соамс, супруги ван Катсемы, Трайоны и конечно же Паркер-Боулзы.

«Все вместе мы отправились гулять по окрестностям, – свидетельствует Патти Палмер-Томкинсон. – Помню, все страшно устали, к тому же было очень жарко. Диана поскользнулась и упала в болото. Когда она вылезла, ее лицо и одежда были покрыты грязью, а влажные волосы откинуты назад. Несмотря на свой несуразный вид, она начала безудержно смеяться. Она была подобна школьнице, способной любой эпизод превратить в игру»[39].

Задор и веселость не смогли скрыть от друзей Чарльза главную цель юной леди. Та же Патти Палмер-Томкинсон признается:

«Она выглядела очень сосредоточенной на своей задаче. Нетрудно было заметить, насколько Диана хотела заполучить принца»[40].

С ней соглашается и бывший личный секретарь королевы лорд Чартерис:

«Диана великолепно играла принцем. Она старалась

держаться в поле его зрения, всегда излучая очарование и радость. Она была очень хитра от природы и отлично понимала, что не каждый мужчина способен устоять, когда девушка проявляет открытое обожание, остроумие и готовность разразиться звонким смехом. Именно так она и поступала, чем очень льстила Чарльзу. Принц был ею просто очарован»[41].

На следующий месяц Диана посетила любимое место Чарльза на родине Роберта Бёрнса, замок Бирк-холл.{16}

Визит в Биркхолл не обошелся без участия королевы-матери, которая лично вписала имя молодой гостьи в список приглашенных.

«Все говорило о том, что бабушка принца весьма заинтересована в ее визите, – вспоминает одна из придворных дам. – Она не просто пригласила новую знакомую Чарльза в Биркхолл, но и лично осмотрела ее спальню. Поступок, который королева-мать вряд ли сделала бы в отношении обычной девятнадцатилетней гостьи. До визита Дианы мне позвонила одна из фрейлин и сказала: „Будь к ней внимательна. Думаю, это серьезно“»[42].

Диана вновь постаралась произвести на будущего жениха благоприятное впечатление – на этот раз проявив чудеса в понимании извилистых закоулков мужской натуры. Не обошлось, конечно, и без помощи главного камердинера Чарльза Стивена Барри, которого Диана завалила вопросами о том, что любит и что ненавидит принц.

«Она постоянно покупала ему маленькие подарочки: галстуки, рубашки, – вспоминает Барри. – Диана инстинктивно понимала Чарльза. Она частенько обращалась ко мне за советом, чтобы узнать, правильно ли она делает то или другое. Мисс Спенсер очень быстро реагировала на мои тайные сигналы. Например, ей хотелось посмеяться, а Чарльзу побыть в тишине – принц любит тишину; – мне достаточно было поднять бровь, как она тут же меняла свое поведение, брала книгу или еще что-нибудь и принималась спокойно заниматься своими делами»[43].

«По тому, как Диана смотрела на Чарльза, как она говорила с ним, как вела рядом с ним, как она смеялась, было видно – она заинтересована в принце, – говорит один из очевидцев. – У присутствующих сложилось впечатление, что дочь графа Спенсера готова была распластаться у ног Чарльза (метафорично, разумеется) и воззвать нему: „Я люблю тебя! Признай или отринь меня!“»[44].

Диана действовала правильно. Медленно, но верно она приближалась к заветной цели.

«Я все еще не могу сказать, что влюблен в мисс Спенсер, –

признался Чарльз одному из своих доверенных лиц в сентябре 1980 года. – Она такая милая и симпатичная, к тому же у нее такое доброе сердце. Думаю, еще немного, и я смогу ее полюбить»[45].

Осенью 1980 года Чарльз пригласил Диану в свое личное поместье Хайгроув, графство Глостершир, которое он приобрел незадолго до означенных событий за 750 тысяч фунтов на доходы от герцогства Корнуолльского.

Хайгроув-хаус, трехэтажный особняк прямоугольной формы, построенный в георгианском стиле в 1796–1798 годах, с его девятью спальнями, четырьмя гостиными, восьмью ванными комнатами и отдельным крылом для прислуги, не произвел на Диану большого впечатления.

Но в данный момент это было не столь важно. Главное, что Хайгроув нравился Чарльзу. Совсем неподалеку находилось любимое место охоты принца Бофор, в соседнем поместье Гэткомб-парк жила его сестра принцесса Анна. И что самое приятное – всего в сорока пяти минутах езды проживала не кто иная, как Камилла Паркер-Боулз.

Всю прелесть подобного соседства Диана ощутит немного позже. А пока, как вспоминает Стивен Барри, Чарльз и его гостья мило пили чай, ужинали за карточным столом в гостиной, а затем возвращались в Лондон. Сохранились, правда, свидетельства, что одним чаем дело не ограничивалось.

«Диана всегда покидала Хайгроув с новой прической, – делится своими наблюдениями одна из сотрудниц принца Соня Палмер. – Зачем ей нужно было заново причесываться, если они всего лишь беседовали о философии?»[46]

Наверное, на то были свои причины.

Так или иначе, все говорило о том, что отношения Дианы и Чарльза развиваются в правильном направлении. Однако, прежде чем переводить их на новый уровень, неплохо было бы ответить на один очень важный вопрос.

Трудный выбор

В то время как Чарльз и Диана неслись навстречу друг другу, словно две галактики, готовые то ли слиться воедино, то ли погибнуть от столкновения, самое время, как восклицал Фауст, остановить мгновенье и попытаться ответить на вопрос: «А подходили ли друг другу эти два человека, спустя всего полтора месяца после Рождества 1981 года объявившие о своей помолвке?»

Биограф Дианы Тед Харрис заметил по этому поводу следующее:

«Такой совершенно нормальный для нашего времени вопрос, как совместимость новобрачных, был чужд моральному кодексу, которому следовала аристократия. Если пара действительно совместима и смотрит на брак одинаково, то это всего лишь бонус, но никак не главное условие для счастливой семейной жизни»[1].

Чужд, не чужд, но некоторые друзья Чарльза были не против поразмышлять на эту тему. Так, например, когда принц спросил своего друга Палмер-Томкинсона, женится ли ему на Диане, тот первым делом задумался о совместимости будущих молодоженов. И пришел в ужас.

«Я был потрясен! – признался он впоследствии. – Они же едва знали друг друга! Очевидно, что между ними нет ничего общего!»[2]

В этом-то и заключалась основная причина предстоящей трагедии. Но обвинять самого Чарльза или Диану означает не увидеть самого главного. Они действительно были разными людьми, с разными увлечениями, характерами и мировоззрениями. А главное – с разными представлениями о супружеской жизни. Нельзя забывать, что Чарльз был не обычным женихом. Он был наследником престола. С детских лет он психологически готовил себя к тому, что в определенный момент станет королем миллионов подданных и главой самого крупного монархического института современности.{17} Все это не могло не сказаться на восприятии окружающего мира и окружающих людей. Как верно заметил один из друзей его будущей супруги Клайв Джеймс, «принц Уэльский рожден для жизни, где каждый человек появляется, словно по волшебству, именно в тот момент, когда в этом есть соответствующая необходимость»[3].

Для Чарльза равноправный брак был немыслим. Его вторая половина должна не просто уважать и слушаться, но, может быть, даже где-то и побаиваться своего мужа. Как принц сам однажды

признался журналисту Алистеру Куку, «моя жена должна уметь подстраиваться под мой характер и всегда следовать на два шага позади»[4].

Невольно возникает и такой вопрос: а как же любовь? Какое место в подобной системе координат отводится чувствам? Важное, но не первостепенное. По мнению принца, так называемые браки по расчету тоже могут быть счастливыми.

Что же касается самой супружеской жизни, то в представлении Чарльза ее основу составляет работа.

«Принц считал, что, выбирая жену, он фактически ищет женщину, которой предлагает работу, – комментирует один из членов его близкого окружения. – Чарльз словно спрашивал себя: „Кто на самом деле захочет справиться с подобной задачей?“ Именно отсюда берут начало его недоверие, подозрительность и неуверенность, не раз имевшие место во время выбора невесты»[5].

Диана же исповедовала совершенно другие взгляды. Как и большинство девушек ее возраста – что такое девятнадцать лет! – она мечтала о чистой любви, о мужественном кавалере и счастливой семейной жизни. Мисс Спенсер влюбилась в идею, а не в человека. И когда пришло прозрение, было уже слишком поздно.

«У меня было столько грез в молодости, – признавалась она. – Я хотела и надеялась, что мой муж будет обо мне заботиться. Что он станет для меня вторым отцом, будет подбадривать и поддерживать во всем, говоря „Классно сделано!“ или „Нет, этого недостаточно“. Но всего этого не произошло. Я просто не могла в это поверить. Я оказалась совершенно бессильна. Все словно перевернулось с ног на голову»[6].

Диана мечтала, что любимый мужчина посвятит ей себя без остатка. На это были бы способны многие представители сильной половины человечества, но только не Чарльз. Его устоявшиеся увлечения, привычки и активная общественная деятельность требовали слишком много времени.

«Единственное, что всегда доминировало в жизни принца, – это работа, – считает его камердинер Стивен Барри. – Потом шла активность в спорте и только после этого, где-то на третьем месте, стояли женщины»[7].

Работа и долг, наполнявшие жизнь Чарльза, оказались совсем не теми ингредиентами, которые его будущая супруга собиралась закидывать в булькающий котел совместной жизни.

«Я сознавала, какая роль мне будет отведена, но при этом не имела ни малейшего представления о том, какая жизнь меня ожидает!» – не скрывая своего удивления, признавалась

принцесса после десяти лет брака[8].

После десяти лет брака! А ведь до этого Диана полагала, что впереди ее ждет рай, лишенный бытовых проблем, материальных забот и душевных переживаний.

«Ох! Это жизнь для меня! Эй, где дворецкий!» – восторгалась она, пораженная организацией пикника в Балморале[9].

Похоже, она не сразу поняла, что по-королевски пышные церемонии – это лишь фасад, что на самом деле люди, окружающие ее, все свои силы отдают служению родной стране.

А что же принц Чарльз? Создается впечатление, что, увлеченный девятнадцатилетней мисс Спенсер, он вдруг забыл о всех своих требованиях к будущей супруге. Диана вряд ли подходила на роль скромницы, которая будет следовать «на два шага позади него». Неужели он не видел этого? Не смутило его и то, что их практически ничего не объединяло.

Может быть, Чарльз влюбился? Может, оказался бессилен перед юностью и красотой новой знакомой, перед ее легкомыслием, которого подчас так не хватает зрелым людям? Сказать сложно. Да он и сам толком не знал.

Как это уже не раз было в прошлом (и многократно повторится в будущем), Чарльз обратился за советом к Камилле. Выслушав сомнения своего любовника, она вновь поддержала его в выборе Дианы.

Есть и еще один нюанс. Так уж устроен высший свет, что затянувшееся общение наследника престола с мисс Спенсер (общение, которое пока еще ни к чему не привело) могло неблагоприятно сказаться на ее дальнейшей репутации.

– Чарльз должен что-то решать, – перешептывались придворные в кулуарах Букингемского дворца, – в противном случае у Дианы нет будущего.

Аналогичного мнения придерживалась и бабушка Дианы Рут Фермой:

– На ней можно поставить крест, если принц Уэльский откажется от нее в данный момент, – посетовала она в беседе с одним из своих друзей[10].

Рут была взбудоражена. Мысль о том, что ее внучка может стать супругой будущего властителя Соединенного Королевства, согревала душу пожилой женщины не хуже гигантского камина в замке Элторп. Даже развод Фрэнсис с графом Спенсером уже не выглядел после этого большой трагедией.

Насколько Рут была заинтересована в этом браке, станет понятно спустя годы, когда семейный лайнер ее внучки наткнется на гигантский риф. Ничтоже сумняшеся, Рут поступит точно так же, как и за четверть века до этого в отношении своей дочери:

встанет на сторону принца Уэльского. Почему? Вот уж загадка из загадок, предполагающая разные ответы: амбиции, забота о сохранении семьи, а может, и то и другое одновременно, – известно только (и это не может не удивлять), что незадолго до помолвки Рут предупредит Диану:

– Дорогая, ты должна знать – чувство юмора и стиль жизни королевской семьи сильно отличаются от того, к чему привыкла ты, и вряд ли тебе это подходит[11].

В 1993 году, в конце своего земного пути, Рут Фермой сделает еще одно не менее интересное заявление:

«Если бы в момент их помолвки я сказала Чарльзу „Сэр, вы совершаете большую ошибку“, – он пропустил бы это мимо ушей, поскольку в тот момент им уже управляли»[12].

Что имела в виду бабушка Дианы, когда говорила, что принцем Чарльзом «управляли»? Кто именно им управлял? На этот вопрос (как, впрочем, и на большинство других в этой истории) нельзя ответить однозначно. Известно, что на принца оказывали давление многие люди. И в первую очередь его любимая бабушка, королева-мать.

«Диана Спенсер именно та девушка, на которой тебе следует жениться, – поучала она своего внука. – Но только не бери Диану в жены, если ты ее не любишь. В противном случае хватай ее как можно быстрей, иначе это сделают другие»[13].

Позицию тещи разделял и принц Филипп, написавший сыну строгое письмо. В нем он потребовал от Чарльза как можно быстрее разрешить щекотливый вопрос со сватовством.

Разумеется, свое мнение высказали и друзья принца. Они, наоборот, считали, что ему следует хорошо подумать, прежде чем сделать решающий шаг.

«Это не самый лучший брак. Он обречен с первого дня! – не скрывал своих эмоций внук Уинстона Черчилля „толстяк“ Николас Соамс. – Если говорить в терминах верховой езды, то Диана не проходит по весу. Она все еще ребенок, не сформировавшийся ребенок»[14].

Соамса поддержала подруга Чарльза Пэнни Ромси, супруга внука лорда Маунтбеттена Нортона Ромси:

«Больше всего меня беспокоит, что Диана влюбилась не в человека, а в идею. Она себя так ведет, будто находится на кастинге на главную роль в какую-то костюмированную драму. И это вместо того, чтобы поинтересоваться, а какие именно функции ей придется исполнять, находясь в ранге консорта»[15].

Окончательно запутавшись, принц отправился с официальным визитом в Индию, пытаясь на земле Будды найти ответ на мучающие его вопросы. Однако и здесь он не смог

обрести просветления. Проходили недели за неделей, а решения так и не было.

Рождество 1980 года мисс Спенсер встретила в Элторпе. Весь день она бродила по огромному парку, заливаясь слезами от безысходности. Как только она вернулась в замок, зазвонил телефон. Трубку взяла Рейн. По лицу мачехи Дач поняла – это не Чарльз. В Элторп звонила одна из подруг Дианы Эльза Боукер. Она хотела узнать, как Диана себя чувствует.

– Она очень грустная, – ответила Рейн, – постоянно ходит по парку и плачет оттого, что Чарльз до сих пор не сделал ей предложения[16].

О душевном состоянии Чарльза в первый месяц 1981 года мы можем судить по его переписке.

«Мне очень хочется совершить правильный поступок ради моей страны и ради моей семьи, – пишет он одному из своих близких друзей. – Порой меня охватывает ужас, что мне придется дать обещание, а потом всю жизнь жалеть об этом»[17].

А вот другое письмо, от 28 января:

«Я очень смущен и растерян. Мне предстоит погрузиться в абсолютно незнакомую ситуацию. Неудивительно, что все это меня очень сильно беспокоит. Как бы там ни было, но я надеюсь, что в конце концов смогу принять правильное решение»[18].

«Правильного решения» пришлось ждать еще несколько дней. В начале февраля Чарльз наконец-то позвонил Диане.

– Мне нужно вас спросить об одной вещи, – произнес он устало. – Предлагаю встретиться и обсудить все с глазу на глаз.

Историческая встреча состоялась во второй половине дня 6 февраля в оранжерее Виндзорского дворца.

– Знаете, я так скучал без вас! – сказал Чарльз и тут же неожиданно замолчал.

Возникла неловкая пауза. Молодые люди смотрели друг на друга в течение нескольких секунд, пока принц не собрался с мыслями и не продолжил:

– Я предлагаю вам стать моей супругой.

– Это шутка! – засмеялась Диана. Затем, взяв себя в руки, сказала: – Да, да!

– Вы понимаете, что однажды станете королевой? – строго заметил Чарльз.

– Да, да, конечно, – произнесла она. – Я вас так люблю. Я вас так люблю!

– Что бы ни значило это слово «любовь»… – неожиданно сказал принц[19].

Вот и вся беседа. Впоследствии она обрастет множеством

легенд и противоречивых трактовок. Вспоминая спустя десятилетие в своем небезызвестном интервью Эндрю Мортону этот эпизод, Диана будет акцентировать внимание на бесчувственности принца. Мол, не успела она засмеяться, стараясь перевести все в шутку, как он сразу остудил ее холодной ремаркой, напомнив, что однажды она станет королевой. По словам Дианы, в эту минуту она явственно услышала внутренний голос: «Королевой ты не станешь, но тебя ожидают серьезные испытания».{18}

На самом деле все было не так мрачно. Произошло то, о чем Диана мечтала уже давно. Принц Уэльский, наследник королевского престола, сделал ей предложение, и она была вне себя от счастья. Едва добравшись до своей лондонской квартиры на Коулэрн-корт, Диана тут же озадачила подружек вопросом:

– Знаете что?

Ее глаза горели, с лица не сходила радостная улыбка.

– Он сделал тебе предложение? И что ты ответила? – тут же посыпались вопросы. – Ну, говори же!

– Конечно, я сказала «Да!».

Подруги завизжали от восторга, стали обнимать ее, а потом разбежались по Лондону делиться со знакомыми потрясающей новостью[21].

Единственным человеком, кому в тот момент было не до веселья, оказалась мать невесты. Фрэнсис Шэнд Кидд – именно так ее звали после второго брака – не могла избавиться от ощущения дежавю. В своей младшей дочери она видела себя двадцать семь лет назад. Не слишком ли Диана молода для предстоящей роли, не слишком ли она торопится надеть на себя монолитную мантию долга и ответственности, не слишком ли они с Чарльзом разные люди, чтобы связать себя узами брака на долгие, долгие годы?

– Мамочка, как же ты не понимаешь, я люблю его! – пыталась успокоить ее Диана.

Но Фрэнсис слишком много пережила, чтобы не видеть разверзшуюся перед ее дочерью бездну.

– Кого ты любишь на самом деле – его или того, кем он является?

– А какая разница? – изумленно отвечала Диана, лишь еще больше подтвердив опасения матери[22].

Официальное объявление о помолвке состоялось 24 февраля. В девять утра, как обычно, дворецкий королевы Пол Баррелл принес Елизавете завтрак.

– Чай подадите в четыре часа, – спокойно сказала королева. –

Накроете на четыре персоны. Будут присутствовать Его Королевское Высочество,{19} я, принц Уэльский и Диана Спенсер[23].

Так уж заведено, что женщины в Букингемском дворце пьют чай из маленьких чашек, а мужчины из больших, для завтрака. В связи с тем что именно Полу предстояло сервировать стол, он должен был знать состав присутствующих.

Для Баррелла не составило труда догадаться, с чем именно связано присутствие гостьи на чайной церемонии. Не считая близкого окружения, дворецкий стал первым, кто узнал о предстоящей помолвке.

После чаепития, во время которого мисс Спенсер не только не допила свой чай, но и не притронулась к специально приготовленным к случаю лепешкам, молодые люди вышли из Поклонного зала и спустились по большой каменной лестнице на лужайку, где их уже ждали репортеры. Видно было, что Диана и Чарльз сильно нервничают:

– Какими словами вы могли бы описать свое состояние? – спросил журналист.

– Очень трудно найти правильные слова, – сказал принц и посмотрел на свою избранницу.

Диана, не найдя, что сказать, просто кивнула в знак согласия.

– Чувство восторга и счастья, – продолжил принц. – В глубине души я изумлен, что Диана оказалось достаточно храброй девушкой… – Здесь он сделал небольшую паузу, повернулся к ней и, улыбнувшись, продолжил: – Храброй, потому что согласилась выйти за меня замуж.

Все засмеялись.

– Вы влюблены? – спросил уже другой репортер.

– Конечно, – вымолвила Диана и улыбнулась.

Чарльз же немного замешкался и затем скороговоркой выпалил:

– Что бы ни значило это слово – влюблен. – Увидев удивленное лицо журналиста, он быстро добавил: – Можете истолковать мои слова, как хотите[24].

Принц совершил ошибку, когда произнес эту фразу. Впоследствии Диана признается, что была потрясена подобным ответом[25].

Интересный факт – согласно опросу, проведенному в 2005 году, большинство американских женщин питают к Чарльзу неприязнь именно из-за этих слов.

Но что на самом деле имел в виду принц? Ответить на этот вопрос сложно,{20} как и на тесно связанный с ним: «Любил ли Чарльз свою первую супругу?»

Сохранилось множество свидетельств, в которых не только близкие к королевской семье люди, но даже сам принц утверждают совершенно противоположные вещи. Например, во время интервью своему официальному биографу Джонатану Димблби Чарльз признался, что «никогда не любил Диану», а предложение сделал, лишь «находясь под давлением своего отца»[27]. В другой раз, уже после смерти Дианы, он сказал: «Что бы кто ни говорил, но, когда мы были женаты, мы очень сильно любили друг друга»[28].

Скорее всего, Чарльз действительно любил свою первую жену. Насколько сильным было это чувство и могло ли оно удержать их вместе – это уже другой вопрос. И ответ на него супругам придется искать буквально сразу после официального объявления о помолвке.

После интервью Диана вместе со своей матерью отправилась во всемирно известный лондонский универмаг «Харродс». Теперь как никогда девушка нуждалась в наряде, в котором не стыдно было бы предстать на публике. Диана предпочла синий костюм и белую блузку с большим бантом. Что же касается главного атрибута любой помолвки – кольца, то к его выбору подошли особенно внимательно.

За неделю до события Букингемский дворец посетил королевский ювелир Дэвид Томас. Помимо ухода за главным символом британской монархии – короной, которая хранится в королевской сокровищнице в Тауэре, в обязанности Томаса входила подборка драгоценностей для соответствующих случаев.

Чтобы не давать повода сплетням, было объявлено, что визит Томаса во дворец связан с предстоящим днем рождения младшего сына Елизаветы II Эндрю, – мол, принц, хочет выбрать себе подарок. На самом деле в саквояже Томаса лежали только женские кольца. Причем королевскому ювелиру было дано четкое указание не брать экземпляры с рубинами и изумрудами.

Кольца с сапфирами и бриллиантами аккуратно разложили на подносе и показали – внимание! – королеве. Елизавета остановила свой выбор на изделии из белого золота с огромным сапфиром, украшенным восемнадцатью бриллиантами. Затем коллекция была показана Чарльзу. И только после этого очередь дошла до Дианы. Разумеется, мисс Спенсер поддержала выбор будущей свекрови. А как еще могла поступить девятнадцатилетняя девушка в присутствии самой королевы, которая, помимо всего прочего, распорядилась заплатить ювелиру 28,5 тысячи фунтов?

Только спустя годы Диана высказала свое истинное мнение. Кольцо ей не понравилось.

«Я бы никогда не выбрала такую безвкусицу, – заявила она. – Если бы мне действительно предложили выбирать, я бы остановилась на каком-нибудь более простом и элегантном варианте»[29].

Вечером 24 февраля, чтобы защитить Диану от чрезмерного внимания прессы, ее перевезли в резиденцию королевы-матери Кларенс-хаус. Когда она проходила мимо главного инспектора Скотленд-Ярда Пола Оффисера, то услышала, как он произнес:

– Не обольщайтесь. Это ваша последняя ночь, когда вы еще можете почувствовать себя по-настоящему свободной.

«Его слова будто острое лезвие пронзили мое сердце», – признается впоследствии Диана[30].

Но делать нечего, впереди ее ждала жизнь, о которой большинство современниц могли только мечтать. Решительной походкой Диана поднялась в отведенную ей комнату, где ее поджидал новый сюрприз. На кровати лежало письмо от миссис Паркер-Боулз. Камилла поздравила молодую леди Спенсер с помолвкой и предложила провести совместную утреннюю трапезу.

Интересная деталь – письмо датировалось двумя днями раньше, когда о помолвке еще никто ничего не знал. Диана сразу все поняла. Но это был слишком важный день в ее жизни, чтобы акцентировать внимание на прежних (как ей тогда казалось) соперницах.

Когда уже все легли спать, мисс Спенсер принялась бродить по дворцу. Спустившись вниз, она наткнулась на одного из самых уважаемых пажей королевы-матери Уильяма Тэллона. Между ними завязалась беседа. Уильям пригласил молодую девушку к себе в кабинет. Увидев стоящий у стены велосипед, Диана села на него и принялась кататься по комнате, нарезая круг за кругом. В конце каждого круга она спускала рычаг звонка и радостно кричала:

– Я собираюсь замуж за принца Уэльского! Я собираюсь замуж за принца Уэльского![31]

Через три дня Диана переехала в Букингемский дворец. Трудно было найти более неподходящее место для молодой, жизнерадостной девушки, чем этот огромный комплекс, расположенный в начале Мэллстрит, напротив величественной арки Адмиралтейства. Дворец-город – так можно назвать официальную резиденцию британских монархов. Наводящий ужас лабиринт бесчисленных коридоров, кабинеты всевозможных чиновников и секретарей, незаметные камердинеры, горничные и слуги. Это целый мир со своим полицейским участком, почтовым отделением, пожарной командой, прачечной, медицинскими

кабинетами и даже часовней. В нем есть все, за исключением домашнего уюта и атмосферы душевной теплоты.

«Я была по-настоящему напугана, – сокрушалась Диана. – Все перевернулось с ног на голову»[32].

Словно Алиса, последовавшая за Белым Кроликом, Диана очутилась в незнакомом для нее месте. Но если известная всем героиня Льюиса Кэрролла сгорала от любопытства, то девятнадцатилетнюю дочь графа Спенсера охватили совершенно иные эмоции: она почувствовала себя одинокой и заброшенной.

Королева считала, что Диана справится.

– Если ей понадобится моя помощь, она знает, где меня найти, – спокойно прокомментировала она[33].

Легко сказать! Обратиться к монарху Соединенного Королевства за помощью! Да еще за какой помощью – рассказать о своих душевных переживаниях! Куда лучше было бы поговорить с возлюбленным, но его, как нарочно, не оказалось рядом. Буквально сразу после объявления о помолвке Чарльз оставил свою невесту, отправившись на несколько недель с официальным визитом в Австралию и Новую Зеландию.

Но даже если Чарльз и остался с Дианой в Лондоне, он бы наверняка ничего не понял. О каких душевных переживаниях можно говорить, когда вся его жизнь была подчинена чувству долга и отличалась эмоциональной сдержанностью? Принц вырос в этой среде, и она была для него естественна. «Диана достаточно взрослая девушка, чтобы справиться со своими психологическими проблемами самостоятельно», – разделял он мнение членов королевской семьи.

Однако его невеста думала совершенно иначе.

«Меня просто вытолкнули на передовую!» – возмущалась она[34].

Здесь мы впервые столкнулись с несоответствием между *внешним* и *внутренним*, которое еще не раз будет повторяться в этой истории. С одной стороны, Диана добилась того, чего хотела, ее положению завидовали тысячи молодых англичанок. С другой стороны, она оказалась в психологическом тупике, где ей не хватало простого человеческого общения. Выход из этого тупика Диане пришлось искать самостоятельно.

На самом деле выбор у девушки был невелик – либо свыкнуться со своим положением, либо найти людей, с которыми можно если не мило провести время, то хотя бы пообщаться. Будущая принцесса выбрала второе и обратилась за помощью к обслуживающему персоналу.

Перед отъездом в Австралию Чарльз познакомил Диану со своим личным секретарем Майклом Колборном.

– Прошу тебя, позаботься о ней, – сказал принц Майклу.

Диана произвела на Колборна благоприятное впечатление.

– Могу я звать вас просто Майкл? – спросила она.

– Хорошо, Ваше Королевское Высочество, конечно можно.

– А разве вы не можете называть меня Дианой?

– Нет, – ответил Колборн. – Вы отлично знаете, что скоро станете принцессой, поэтому давайте не нарушать традиции с самого начала. Если хотите, я буду называть вас просто мэм[35].

Впоследствии у них сложатся хорошие отношения. Диана частенько будет засиживаться у Майкла, обсуждая самые обычные вещи и восполняя, таким образом, вакуум общения.

– Как вы думаете, я изменюсь со временем? – спросила однажды Диана с улыбкой.

– Пройдет лет пять, и вы, конечно, изменитесь, мэм, – ответил Колборн. – Вы превратитесь в самую настоящую стерву и ничего не сможете с этим поделать. Вы быстро привыкните к тому, что люди готовы пойти на все ради вас[36].

Психика человека – сложная штука, и ввести в заблуждение самого себя удается не каждому. Диане это сделать не удалось. Общение с прислугой больше напоминало местную анестезию, чем полноценное лекарство. Оно могло приостановить душевную боль, но оказалось бессильно в устранении ее причин. Едва психологическое давление превысило допустимый барьер, как организм леди Спенсер тут же отреагировал соответствующим образом.

Впоследствии Диана утверждала, что первые приступы булимии у нее начались именно в Букингемском дворце. Однако это не так. С означенной проблемой, вызванной как психическими, так и наследственными факторами, Диана столкнулась еще во время учебы в Уэст Хит. (Известно, что старшая сестра Дианы Сара страдала от анорексии – заболевания, очень схожего по механизму возникновения с булимией.)

В Букингемском дворце приступы булимии участились. Мельком брошенное замечание Чарльза, что Диана «немножко пухленькая», запустило в ее организме сложный механизм саморазрушения. Низкая самооценка, постоянная неуверенность в себе и гнетущее чувство психологической незащищенности заиграли новыми оттенками, приводя к невероятным мучениям. Сначала бедная девушка килограммами поглощала кексы, торты и пирожные, ублажая свою утробу, затем запиралась в уборной и рвотным рефлексом возвращала все обратно.

Вот как это описывает сама Диана:

«Я называю булимию тайной болезнью, основная причина которой кроется в низкой самооценке. Ты считаешь себя никому

не нужной и ни на что не способной. Ты начинаешь наполнять свой желудок всевозможной пищей – четыре-пять раз в день, иногда и больше, – и тебе становится легче. Ты чувствуешь, как пара невидимых нежных рук заключает тебя в свои объятия. Но это всего лишь на время. Чувство радости сменяет отвращение к собственному обвисшему пузу, и ты пытаешь вернуть все назад»[37].

В результате внешний вид Дианы подвергся серьезным изменениям. Всего за четыре месяца – с момента объявления о помолвке до свадьбы – будущая принцесса похудела на 6,5 килограмма, а объем ее талии сократился с 74 до 60 сантиметров.

«Едва она переехала в Букингемский дворец, как тут же начались слезы, – вспоминает близкая подруга Дианы Кэролайн Бартоломью. – Бедняжка, она и так никогда не отличалась полнотой. Теперь же она стала просто тощей. Я так за нее переживала. Она была так несчастна. Все это психологическое давление превратилось для Ди в настоящий кошмар. Она была просто сбита с толку. На нее обрушились со всех сторон. Это был настоящий водоворот. Даже цвет ее лица и тот стал серым, приобретя какой-то пепельный оттенок»[38].

Не стоит забывать и о незримом присутствии Камиллы, которое сильно дероманизировало подготовку к свадебным торжествам. Королевский историк Хьюго Викерс записал в своем дневнике 22 апреля 1981 года: «Отныне королевская свадьба романтична не более, чем пикник среди ос. Принц Чарльз постоянно общается с миссис Камиллой Паркер-Болуз, и даже говорят, сказал сердито своей матери: „Мой брак и моя сексуальная жизнь не имеют ничего общего друг с другом“. Так что если в этой свадьбе любовь откуда-то и исходит, то только от Дианы»[39].

За две недели до свадьбы Диана мило беседовала с Колборном в его кабинете. Майклу нужно было срочно отлучиться, и он оставил девушку одну. Мисс Спенсер принялась нехотя рассматривать комнату, как вдруг ее внимание привлек недавно принесенный сверток. Он показался ей интересным. Вскрыв пакет, она увидела золотой браслет-цепочку с диском из голубой эмали. На диске были выбиты инициалы GF. Подружка Пятница (Girl Friday)[{21}] – именно таким немного необычным прозвищем Чарльз любил называть Камиллу Паркер-Боулз.

«Я была в ярости! – вспоминает Диана свою первоначальную реакцию. – И это за две недели до нашей свадьбы! Чарльз поразил меня в самое сердце! Все это время он меня просто использовал. Ему нужна была девственница. Я превратилась в жертвенного агнца. От гнева меня всю трясло, бросая то в жар, то в холод»[40].

Диана побежала советоваться со своей сестрой.{22}

– Я не могу выйти за него замуж! – закричала она с порога. – Я не могу это сделать. Это просто немыслимо!

– Успокойся, Дач. Считай, что тебе просто не повезло. Твое лицо уже на всех полотенцах. Отступать слишком поздно[42].

Диана повела себя неправильно. Ей следовало использовать свою молодость и сексапильную внешность для дальнейшего обольщения принца, а она стала мучить его (и себя, разумеется) подозрениями и постоянным проявлением недоверия.

Мисс Спенсер назвала это «примитивным защитным механизмом»[43] – Чарльз же увидел в поведении невесты «другую сторону ее личности»[44].

«Постоянные смены настроения у Дианы выглядели пугающе, – вспоминает Майкл Колборн. – И это притом, что речь шла о девушке, которой едва исполнилось двадцать лет»[45].

Да, начало и в самом деле не самое лучшее, но менять что-либо было уже слишком поздно. Во-первых, Чарльз не мог бросить Диану, не нанеся ее репутации непоправимый вред. Во-вторых, свадьба принца Уэльского была событием национального масштаба, отмена которого грозила отрицательно сказаться на репутации королевской семьи. Чего стоит хотя бы тот факт, что за несколько месяцев от помолвки до свадьбы англичане потратили на различные сувениры, связанные с предстоящим торжеством, свыше четырехсот миллионов долларов!

Диане ничего не оставалось, как начать готовиться к грядущему событию. Предстояло решить столько вопросов! Прежде всего – выбор платья и составление списка гостей. В обоих случаях перед Дианой открывалась масса возможностей для проявления бунтарских черт своего характера, и она не стала их упускать. Так, выбирая модельеров, Диана пригласила молодых и неопытных супругов Дэвида и Элизабет Эммануэль.{23}

Как и для большинства невест, свадебное платье для Дианы было не просто нарядом – оно было воплощением ее грез. Поэтому она постаралась принять участие в работе над любой, даже самой незначительной деталью. По ее просьбе были сделаны пышные рукава, талию подчеркивала пышная юбка с обручами (на счастье к талии была приколота усыпанная бриллиантами подкова), сзади тянулся восьмиметровый шлейф. Диана сама выбирала расшитые серебром и блестками старинные кружева и струящийся шелк; на пошив платья ушло более сорока метров ткани.

Что касается списка приглашенных, то Диана лично вычеркнула имена миссис Паркер-Боулз и Барбары Картленд. И если в первом случае все более или менее понятно, то во

втором… На самом деле все было очень просто. Какое бы влияние ни оказало творчество Картленд на мировоззрение будущей принцессы, вынести ее экстравагантные наряды с развевающимися во все стороны розовыми страусиными перьями было слишком даже для такой верной читательницы, как Диана.

Незадолго до свадьбы Диана и Чарльз приняли участие в телевизионном интервью с журналисткой Би-би-си Анджелой Риппон и представителем телевизионной сети ITN Эндрю Гарднером. Как и в предыдущем интервью Би-би-си в саду Букингемского дворца, заметно было, что будущие супруги изрядно нервничают.

– Будет ли в предстоящую церемонию привнесено что-нибудь личное? – спросила Риппон.

Вопрос был не сложный, но Чарльз принялся теребить рукав рубашки. В конце концов он повернулся к Диане за поддержкой.

– Будут наши друзья, – не найдя ничего лучшего, ответила мисс Спенсер.

– У вас есть общие интересы?

– Музыка, опера, активные виды отдыха – рыбалка, прогулки и поло, – быстро сказала Диана.

Ее не смутило, что все вышеперечисленное (особенно поло) совсем не относилось к тому, что объединяло их с Чарльзом.

Интервью немного оживилось, когда журналисты спросили о музыке, которая будет звучать во время церемонии. Здесь обнаружились немалые различия. Чарльз предпочел изысканную арию Израильтянки «Пусть светлые Серафимы…» из оратории Генделя «Самсон», исполнить которую из Новой Зеландии прилетела любимица маэстро сэра Георга Шолти – Кири Дженет Те Ка́нава. Диана же – куда более попсовый вариант: британский гимн в честь павших в Первой мировой войне «Клянусь тебе, моя страна».

Незадолго до брачной церемонии был организован предсвадебный бал на восемьсот гостей, среди которых была премьер-министр Маргарет Тэтчер. На Диане было платье из тафты цвета фуксии, сделанное по заказу супругами Эммануэль, и ожерелье из жемчугов и бриллиантов. Весь вечер она провела в головокружительных ритмах вальса. Это был момент всеобщего веселья и удовольствия.

«Мы все ужасно напились, а потом рано утром принялись ловить такси, – вспоминает один из участников торжества Адам Рассел. – Все расплывалось в неясной и счастливой дымке»[46].

Ему вторит и сын Рейн Спенсер Уильям:

«Такое ощущение, что все гости оказались именно там, куда давно уже мечтали попасть. Вне всяких сомнений, этот бал и

последующая свадьба стали самыми главными светскими событиями года. Последний раз наследник престола брал себе в жены простую англичанку уже ох как давно – в 1660 году, когда Анна Хайд выходила замуж за будущего короля Якова II.{24} Это было забавно еще и потому, что, когда Диана росла, все обращали внимание на ее старшую сестру Сару. Что же до будущей принцессы Уэльской, то ее практически никто не замечал»[47].

Последнюю ночь перед свадьбой – с 28 на 29 июля 1981 года – Диана провела в Кларенс-хаус. В то время как королева-мать со своей подругой Рут Фермой смотрели по телевизору на первом этаже праздничный фейерверк (первый сигнальный огонь в огромной цепочке, связавшей всю страну, зажег принц Чарльз), Диана ужинала наверху со своей сестрой Джейн.

«Я съела все, что только смогла найти. А после ужина отправилась в уборную, чтобы, словно больной попугай, расстаться с недавней трапезой», – призналась она впоследствии[48].

Диана вновь добавила мрачные краски. На самом деле она была счастлива. Что бы ей ни пришлось пережить перед свадьбой, какие бы страхи ни одолевали ее – главным было, что мечта сбывалась.

На следующее утро она проснулась в приподнятом настроении. Часовая стрелка только что подошла к цифре 5. В комнату принесли легкий завтрак – чашечку чая и несколько тостов с апельсиновым джемом.

После завтрака и посещения визажиста к Диане прошли супруги Эммануэль. Они помогли будущей принцессе облачиться в свадебное платье, украшенное жемчугом и золотыми блестками. Следуя обычаю, последние стежки были сделаны, когда невеста уже облачилась в свой роскошный наряд. Лицо Дианы прикрыли белоснежной фатой, а голову украсили бриллиантовой диадемой – фамильной драгоценностью Спенсеров.

На улице все громче слышались крики толпы. Свыше шестисот тысяч человек еще с вечера заняли места на всем пути следования свадебного кортежа от Букингемского дворца и Кларенс-хаус до собора Святого Павла. Остальные (свыше 750 миллионов), кому по каким-либо причинам не хватило места на лондонских улицах, наблюдали за торжествами, сидя у экранов телевизоров.

Это действительно была «свадьба века». Молодожены получат 47 тысяч поздравительных писем и свыше десяти тысяч подарков.

Журналистка Джуди Уэйд выразила чувства миллионов, когда сказала:

– Хотела ли она того или нет, но Диана была *нашей*

сказочной принцессой, национальным достоянием, самым ценным бриллиантом в короне[49].

Началась церемония, распахнувшая перед Дианой двери в новую жизнь. В десять часов утра из парадных ворот Букингемского дворца на Мэлл-стрит выехали кареты с королевой Елизаветой II, ее супругом герцогом Эдинбургским и другими членами королевской семьи. За ними ехал жених, облаченный в парадный мундир офицера морской пехоты; его сопровождал младший брат принц Эндрю.

Спустя 25 минут под восторженный рев многотысячной толпы появилась невеста. Она села вместе со своим отцом в Стеклянную карету и направилась в собор Святого Павла. Без нескольких минут одиннадцать карета подъехала к входу легендарного творения сэра Кристофера Рена. Диана, сопровождаемая отцом, вошла в открытые двери собора и направились к алтарю, где ее уже ждал жених. По щекам восьмого графа Спенсера текли слезы.

Проходя мимо рядов, Диана встретилась взглядом с Камиллой, которая, хотя и не была приглашена на последующий праздничный завтрак, решила-таки появиться на церемонии венчания.

Сама Диана вспоминает этот эпизод так:

«Пока я шла к алтарю, я искала глазами Камиллу. Я знала, что она обязательно будет присутствовать в соборе. Мне казалось это очень забавным. Она – такая зрелая женщина, и я – вчерашний воспитатель детского сада, которая выходила замуж за наследника престола. Просто поразительно! Неожиданно я увидела ее. Как сейчас помню это бледно-серое лицо и шляпку-таблетку. Камилла была со своим сыном Томом, который, чтобы лучше разглядеть праздничное действо, взобрался на стул»[50].

Подойдя к алтарю, Диана откинула вуаль, и все смогли увидеть ее молодое, притягивающее необычной смесью сексуальности и невинности лицо. Чарльз прильнул к ней и нежным голосом произнес:

– Ты выглядишь прекрасно!

– Вся моя красота только ради тебя, – прошептала в ответ невеста[51].

Описывая впоследствии свое состояние, Диана признавалась:

«Я помню, что была настолько влюблена в своего супруга, что никак не могла отвести от него глаз. Я была полностью уверена в том, что являюсь самой счастливой девчонкой на свете»[52].

Церемония венчания прошла под руководством архиепископа Кентерберийского Роберта Ранси. Несмотря на всю помпезность и многомиллионное внимание всей Британии и еще пятидесяти

восьми стран, обряд не обошелся без курьезов. В момент согласия Диана перепутала имена своего суженого, назвав его вместо Чарльз Филипп Артур Джордж – Филиппом Чарльзом Артуром Джорджем. На что принц Уэльский удивленно воскликнул:

– Диана, я и не знал, что ты выходишь замуж за моего отца!

Чарльз также допустил промах, сказав:

– Я готов всем *твоим* имуществом делиться вместе с тобой.

После завершения церемонии молодожены вышли из собора Святого Павла и, сев в открытое ландо, под колышущееся море Юнион-Джеков{25} отправились в Букингемский дворец. В главной королевской резиденции двоюродный брат Елизаветы лорд Патрик Личфилд сделал памятные фотографии.

Днем, после праздничного завтрака, новобрачные покинули дворец и, доехав до вокзала Ватерлоо, отправились в свадебное путешествие, которое началось с поместья лорда Маунтбеттена Бродлендс, графство Хэмпшир. Молодожены спали на той же самой небольшой кровати с пологом, на которой тридцать четыре года назад свою первую брачную ночь провели королева Елизавета II и ее супруг герцог Эдинбургский.

Через несколько лет, отвечая на вопрос «Какой момент был самым худшим в вашей жизни?», Диана скажет:

– День, когда я, облаченная в наряд невесты, шла к алтарю в соборе Святого Павла. Я чувствовала, что меня лишают моей собственной личности и я оказываюсь во власти королевской машины[53].

Это было не единичное высказывание. Незадолго до своей трагической гибели в августе 1997 года принцесса Уэльская совершила визит в Боснию в рамках кампании по противодействию противопехотным минам. Сопровождавший ее Пол Баррелл вспоминал, что, с кем бы она ни разговаривала, все очень отчетливо, с точностью до мельчайших подробностей, помнили тот момент, когда наступили на мину. Выслушав очередную историю, Диана вдруг произнесла:

– А я подорвалась на мине 29 июля 1981 года[54].

Своему астрологу Пэнни Торнтон принцесса скажет:

– Единственное, о чем я думала, когда направлялась к алтарю, так это – должна ли я остановиться? Должна ли я остановиться? Мне так хотелось повернуться назад и убежать прочь![55]

Конечно, в тот незабываемый июльский день 1981 года она не ощущала ничего подобного. Она не думала о себе как о «жертвенном агнце»[56], как о бедной девушке, поглощенной «королевской машиной», и уж тем более как о подорвавшейся на мине жертве. И ей не хотелось убежать прочь. Все эти

высказывания отражают восприятие Дианой свадебных событий постфактум. Кому-то подобные оценки могут показаться слишком суровыми, но, как мы увидим в дальнейшем, для этого у принцессы были свои основания.

Глава 3
НЕСОСТОЯВШАЯСЯ СКАЗКА

На грани нервного срыва

Как в капле воды отражаются все свойства Мирового океана, так и медовый месяц стал для Дианы воплощением всех тех чувств, которые ей придется пережить за пятнадцать лет брака. Здесь будут и расслабляющая нега любви, и обжигающий душу огонь ревности, и испытывающие на прочность мытарства души. Самым же страшным станет прозрение. Едва замочив ноги в прохладно-безразличном озере королевской действительности, принцесса начнет сознавать, как меняется и ломается ее жизнь. Привычную радость и веселье заменит долг, невинное проявление эмоций – дворцовый церемониал, жажду общения – тоскливое одиночество.

Бедной двадцатилетней девушке королевская жизнь со всеми ее условностями и правилами напоминала бездну. Диана испугалась, что со временем бездна отразится и в ней, уничтожив все черты индивидуальности.

«Принцесса поняла, что со временем станет такой же, как королева Елизавета, – самой одинокой женщиной в этой стране, – комментирует один из близких помощников Чарльза. – И это, конечно, ее очень пугало»[1].

Чем дальше Диана погружалась в туннель супружества, тем больше ее поглощала тьма разочарования. Вместо того чтобы проводить как можно больше времени рядом с женой, принц предпочитал заниматься своими делами. Так, пока молодожены гостили три дня в Бродлендсе, Чарльз ловил форель в реке Трест, а когда они отправились в свадебное путешествие по Средиземноморью на королевской яхте «Британия», он в «полном восторге»[2] погрузился в труды любимого философа-мистика Лоуренса Ван дер Поста.

По простоте душевной Чарльз решил разделить свое увлечение философией с Дианой. Но едва он предложил ей познакомиться с книгами Ван дер Поста и Карла Юнга, не менее любимого им швейцарского психолога, как принцесса пришла в ужас.

«Это был самый худший момент нашего медового месяца, – вспоминает Диана. – Все стало вдруг так мрачно, зловеще. У меня были такие надежды на этот брак, но Чарльз умудрился все разбить вдребезги. Последней каплей стало, когда, после чтения вечером, он принимался обсуждать прочитанное за ланчем»[3].

Мировоззрение и жизненные позиции супругов оказались слишком разными, чтобы Диана и Чарльз смогли существовать вместе. Чарльз был слишком стар для своего истинного возраста,

Диана, наоборот, – слишком юна. Принц Уэльский обожал философию, психологию, социальные науки. Он с радостью мог поговорить о глобальном потеплении или загрязнении окружающей среды. На Диану же все эти заумные беседы наводили скуку.

«Стоит в присутствии принцессы заговорить о каких-нибудь абстрактных понятиях, как ее веки начинают тяжелеть, а глаза покрывает дымка безразличия», – отметил архиепископ Кентерберийский Роберт Ранси[4].

Уже спустя годы, обсуждая медовый месяц с одной из фрейлин Балморала, Диана скажет:

– Единственное, что советую тебе, – не позволяй своему мужу проводить все время за чтением старины Юнга[5].

Расхождение в интеллектах оказалось не единственным препятствием на пути счастливой семейной жизни. Второй причиной стало поведение Дианы, которая сознательно пыталась загнать себя в созданную ей же самой сказку, не желая взглянуть на происходящее трезвым взглядом.

«Она прошла путь от обычной школьницы до принцессы с небывалой скоростью, так и не поняв, что основу взаимных отношений составляет компромисс, – считает Симона Симмонс. – У нее были слишком романтичные, слишком нереалистичные, я бы даже сказала, детские представления о любви и браке. По своей наивности она хотела видеть Чарльза таким, каким он на самом деле никогда не был»[6].

Третьим камнем преткновения стало незримое присутствие миссис Паркер-Боулз. Если Диана предполагала, что сможет с такой же легкостью вычеркнуть Камиллу из своей жизни, как она сделала это со списком приглашенных на свадебный банкет гостей, то она глубоко ошибалась. Однажды, во время круиза на «Британии», Чарльз перелистывал свой дневник, и вдруг из него выпали две фотографии Камиллы. Диана была в шоке.

Не успела она прийти в себя, как произошел новый инцидент. Их яхту, всего за несколько месяцев до убийства, посетил президент Египта Анвар Садат со своей супругой.

«Мне было чертовски скучно, – признается Диана, описывая совместный обед с главой АРЕ. – Такое ощущение, что я оказалась в обществе восьмидесятилетнего старика»[7].

После обеда внимание принцессы привлекли запонки Чарльза со сдвоенными латинскими буквам „С“.

– Это подарок Камиллы? – возмутилась принцесса.

– Да, – спокойно ответил Чарльз, – но все уже в прошлом[8].

Все только ухудшилось, когда после круиза молодожены переехали в Балморал.

«Я была полностью поглощена мыслями о Камилле, – говорит Диана. – Она мне снилась в ночных кошмарах. Я перестала доверять своему мужу. Мне казалось, что каждые пять минут он звонит ей, чтобы узнать, как ему лучше вести себя в браке»[9].

Чтобы помочь жене, Чарльз порекомендовал ей самую лучшую (по его мнению) психологическую терапию – чтение Лоуренса Ван дер Поста. Не помогло. У Дианы началась депрессия, сопровождавшаяся булимией.

«Приступы булимии были ужасны, – вспоминает принцесса. – Сначала я ела все, на что только падал взгляд, а уже через пару мгновений впадала в тоску.

Настроение менялось каждую минуту. От приступов булимии я становилась все тоще и тоще. „У тебя уже кости видны!“ – недоумевали очевидцы. Я действительно была чертовски худа»[10].

За семь месяцев, прошедших с момента помолвки, Диана похудела на тринадцать килограммов. При росте 178 сантиметров ее вес составил менее пятидесяти килограммов. Большую часть времени в Балморале она проводила в своей комнате, днем – тихо рыдая, свернувшись калачиком, ночью – борясь с бессонницей и приступами булимии.

До поры до времени Диане удавалось скрывать от супруга свою болезнь. Чарльзу приходилось теряться в догадках, списывая необычные перепады настроения и резкое снижение веса у жены на послесвадебную адаптацию. Не зная истинных причин, он не мог предоставить ей адекватную помощь.

Не успела общественность прийти в себя после пышных торжеств брачной церемонии, как в отношениях между супругами появился настораживающий симптом – в какой-то момент у Дианы развилась идио синкразия по отношению к собственному супругу. Принцессу терзали смешанные чувства. С одной стороны, она нуждалась во внимании и поддержке мужа, с другой – все его попытки помочь вызывали у нее еще большее отвращение.

Неудивительно, что Чарльз полностью запутался в поведении своей благоверной. Всякий раз, когда принцесса начинала плакать, он хватался за голову и восклицал:

– Ну что произошло на этот раз, Диана?

Или:

– Что я такое сказал, почему ты снова плачешь?[11]

Отчаявшись, Чарльз пригласил сэра Лоуренса Ван дер Поста, но южноафриканский гуру оказался бессилен. Тогда принц обратился за помощью к подругам Дианы по Уэст Хит Вирджинии Питман и Кэролин Бартоломью. Однако и те не смогли изменить

эмоциональное состояние Дианы.

«Мне требовалось время, чтобы адаптироваться, – признавалась принцесса позже. – Люди говорили, что я доставляю много хлопот своему мужу и веду себя как испорченный ребенок. Но все, что мне нужно было, – это отдых, сочувствие и время, чтобы приспособиться ко всем изменениям, произошедшим в моей жизни»[12].

Времени, однако, не было. Диане нужно было приспособиться к новым условиям буквально в течение месяца-двух.

Отношения между супругами потеплели, только когда Чарльз предложил покинуть на время Балморал и переехать в более отдаленное и спокойное местечко Крейгевон.

«Принцесса была счастлива в Крейгевоне, – констатирует Стивен Барри. – Наконец-то она получила возможность вести свое хозяйство и отдалиться от королевской системы!»[13].

Упоминание о «королевской системе» является не случайным, поскольку непосредственно относится к четвертой причине, разрушившей знаменитый супружеский союз.

Шотландский замок Балморал был не самым идеальным местом для проведения медового месяца. Особенно это касалось тех нескольких недель в августе – октябре, когда в его стенах собирались члены королевской фамилии и множество придворных. Вместо того чтобы проводить время наедине со своим возлюбленным, Диане приходилось присутствовать на бесчисленных обедах, выслушивая многочасовые лекции принца Филиппа о социальных катаклизмах или рассказы сестры Чарльза, принцессы Анны, о ее охотничьих трофеях.

Любимая дочь своего отца, Диана с детства привыкла к вниманию. Здесь же, в Балморале, она была всего лишь винтиком в сложном механизме.

«Все гости смотрели сквозь меня, как будто я была сделана из стекла!» – возмущалась Диана[14].

Ничего удивительного. Королевская семья представляет собой весьма необычную группу людей, которая делит мир на «нас» и на «всех остальных». Что касается последней категории – не важно, являетесь ли вы членом семьи герцога Мальборо или обычном клерком из Сити.

У венценосной семьи свои устои и свои правила. «Они испорчены, но не в обычном понимании этого слова. Они испорчены постоянным проявлением уважения, почтения и пиетета к своим персонам, – считает лондонский антрепренер Марк Ллойд. – Они идут по жизни, где постоянно раздается „Да!“, „Да!“, „Да!“. Если они отпускают едва заметную шутку, все тут же начинают смеяться. Если же кто-то рискнет выразить

неодобрение, они тут же обижаются»[15].

Кроме необычного общества в Балморале существовали и необычные правила. Чего только стоила смена нарядов – по четыре раза за день: для завтрака, ланча, чаепития и, наконец, самого ответственного мероприятия – обеда. Или, к примеру, скопидомство Виндзоров, доходившее порой до курьезов, – стоило гостю выйти из комнаты, как непонятно откуда появлявшаяся прислуга тут же выключала свет[16]. Нам это может показаться забавным, но Диане было не до смеха. Особенно когда в результате экономии на отоплении она стала мерзнуть.

Один из друзей юной принцессы, чья семья много лет служила во дворце, сказал ей:

– Ты не можешь судить их в соответствии с нашими стандартами. Они живут словно на другой планете. Вещи, которые нас восхищают, на них не производят никакого впечатления. И то, скорей, потому, что они их просто не замечают[17].

Но Диана, похоже, не придала этим словам большого значения. В письме к одной из подружек она писала:

«Здесь я пришлась не ко двору. Иногда я ловлю себя на мысли – и зачем я вообще в это ввязалась? Я кажусь себя такой маленькой и такой одинокой. Эта ноша совершенно не для меня»[18].

В довершение всего у Дианы возникли сложности в ведении так называемых светских бесед.

«Люди ловили каждое мое слово, а у меня их просто не было», – с грустью комментировала она сложившуюся ситуацию своей подруге Розе Монктон[19].

Диана никогда не отличалась излишней болтливостью.

«Когда она посещала детские сады, то обычно не донимала мамаш излишними приветствиями, – вспоминает один из ее друзей. – Если она была в хорошем расположении духа, то могла поболтать с нянями, если же нет – просто играла с детьми»[20].

Подобная социальная неприспособленность не могла не вызвать удивление у многих гостей, а также недовольство у некоторых членов королевской семьи. К числу последних относилась Елизавета II.

– Посмотрите на Диану! – возмутилась однажды королева. – Сидит, нахохлилась. Ее лицо оживает только тогда, когда с ней начинает разговаривать Чарльз.

– Но обратите внимания на гостей, – заметил один из присутствующих. – Они же все намного старше ее…

– Мне все равно, – оборвала его Елизавета. – Диана обязана

быть светской девушкой[21].

Не считая этой ремарки, Виндзоры не собирались акцентировать внимание на поведении двадцатилетней девушки. В их кругу вообще не принято обсуждать чужое поведение, и если кто-то совершает какую-то оплошность, ее предпочитают просто не замечать. Они даже придумали для этого отдельное слово – «страусирование».

В случае с Дианой подобное отношение запустило механизм обратного действия. Чем меньше на нее обращали внимания, тем больше развивался ее комплекс неполноценности. В конечном счете состояние принцессы достигло той стадии, что она готова была (по ее собственному признанию) совершить акт суицида и перерезать себе вены[22].

На этот раз Чарльзу ничего не оставалось, как обратиться за помощью к профессиональным психиатрам и отправить жену в Лондон.

Однако даже эти меры не принесли нужного результата. Диана скрыла от врачей приступы булимии, а предписанный ей транквилизатор валиум пить отказалась. По мнению принцессы, предлагая ей успокоительное, доктора просто отмахивались от нее. Как она сама выразилась: «Мне прописывали различные пилюли с одной-единственной целью – мы спокойно отправимся спать, зная, что принцесса Уэльская не будет нас беспокоить»[23].

Трудно сказать, чем бы закончилась вся эта история, если бы в середине октября не произошли три важных события: медовый месяц наконец-то подошел к концу, Диана обнаружила, что беременна, и состоялась первая официальная поездка супругов, принесшая новые проблемы в их взаимоотношениях.

Однажды, еще во время круиза на «Британии», молодожены решили просмотреть отснятые во время свадьбы видеоматериалы. Присутствующие были поражены обаянием Дианы, которое никого не могло оставить равнодушным. Принцесса смотрелась намного эффектнее своего мужа. По словам Стивена Барри, «Диане удавалось все, кроме одного – не затмевать своего супруга»[24].

Но если бы только это! На фоне блистательной жены стали заметны недостатки принца, которые до этого не привлекали особого внимания.

«Впервые стало отчетливо видно, что поведение Чарльза лишено естественности и теплоты, – комментирует биограф принцессы Тина Браун. – Открытость Дианы поставила под вопрос многие качества, которые оказались недоступны ее супругу. При этом для того, чтобы затмить Чарльза, Диане не требовались никаких дополнительных усилий – она просто должна была

оставаться самой собой»[25].

Если близкие люди всё поняли после знаменательного просмотра видеохроники, то для общественности подобные метаморфозы стали очевидны во время трехдневного визита в Уэльс, в ходе которого Чарльз и Диана впервые предстали на публике как супруги.

Принцесса чувствовала себя неважно. Она была беременна, и ее постоянно поташнивало. Кроме того, ей казалось, что все идет не так:

«Неправильно выбранная одежда, неправильно выбранное расписание, да вообще все пошло кувырком – пепельно-серый цвет лица, неестественная худоба и ощущение тошноты. Я ждала ребенка, но была вынуждена скрывать свою беременность от публики. И все это только ради того, чтобы муж мог гордиться мной»[26].

Когда они ехали в машине к замку Карнарвон,{26} она то и дело восклицала:

– Я не смогу выйти из автомобиля! Я не смогу справиться со своими чувствами!

На что Чарльз строго произнес:

– Бояться нечего. Ты просто выйдешь, и дальше все пойдет как положено[27].

Диана переживала напрасно. Едва она появилась из машины, как тысячи людей, пришедшие только ради того, чтобы засвидетельствовать почтение молодоженам, закричали:

– Вот она! Вот она![28]

Все были поражены открытостью Дианы, ее естественностью и красотой. Совершенно непохожая на других Виндзоров, принцесса источала душевную теплоту и человеческое понимание.

«Диана спокойно могла наклониться и поговорить с детьми или пожилыми людьми в инвалидных креслах, – вспоминает австралийская журналистка Джуди Уэйд. – Она была совершенно другой, поразительно близкой к обычным людям»[29].

Когда Диана поменялась со своим мужем местами и перешла с одной стороны улицы на другую, люди стали скандировать:

– О нет! Ди, вернись![30]

– Сожалею, но она вернется к вам через несколько минут, – принялся успокаивать собравшихся Чарльз[31].

В глубине души принц был уязвлен. Садясь в свой «роллс-ройс», он пнул ногой лежащий на дороге камень и недовольно фыркнул:

– Они не хотят меня видеть![32]

«Безусловно, он ревновал меня к вниманию толпы, –

вспоминала Диана. – Это точно, ревновал. Но Чарльз так и не понял, что я не просила людей оказывать мне знаки внимания. Это была их естественная реакция»[33].

Принцу было вдвойне обидней оттого, что все это произошло в Уэльсе. Здесь он взрослел, имя этой земли было закреплено в его титуле, и вдруг его затмили на собственной территории! Неудивительно, что вместо слов благодарности – несмотря ни на что, во время своего первого официального визита Диана держалась уверенно, – по ее собственному признанию, она получила лишь «по шее»[34], и не более того.

«Диана была потрясена, – свидетельствует один из членов ее команды. – Никто не сказал ей одобрительного слова, даже королева не стала снимать трубку, чтобы произнести всего два слова: „Все получилось!“»[35].

Для королевы и ее окружения Диана сделала то, что должна была сделать. Не важно, что она была в плохой физической форме и беременна, – это не помешало посетить ей двадцать три мероприятия. В понимании королевской семьи – таков и был ее долг.

Однако хотела того Елизавета или нет, но вскоре ей пришлось обратить внимание на свою невестку. Вернее, на ту популярность, какой она пользовалась у «плебса». Конечно, в популярности Дианы были и свои плюсы – например, репутация королевской семьи среди подданных. Но все должно быть в меру – если кто-либо из членов семьи вызывает симпатии публики, он не должен затмевать старших членов. Но именно это и произошло. И если в Уэльсе Диана «украла» частичку общественного внимания у своего супруга, то 4 ноября, на открытии ежегодной сессии парламента, «жертвой» ее популярности стала сама королева.

В мае 1982 года Диана и Чарльз переехали в Кенсингтонский дворец, или, как его часто называла сама принцесса, – Кэй-Пи[36]. Дворец был знаменит тем, что именно в его стенах 24 мая 1819 года свой первый крик издала Королева-эпоха Великой Британии Виктория.

Кенсингтонский дворец, состоящий из нескольких пристроенных друг к другу зданий, всегда был знаменит численностью своих обитателей, за что во времена Георга VI и его старшего брата Эдуарда VIII даже получил милое прозвище «Тетушкина куча».

За прошедшие несколько десятилетий мало что изменилось. К моменту переезда супругов Уэльских, которые заняли апартаменты «8» и «9», расположенные в северной части, во

дворце проживали четыре члена королевской семьи, и каждый со своим обслуживающим персоналом: секретарями, конюшими, охраной, водителями, поварами, дворецкими и горничными. В апартаментах «1А» жила сестра королевы принцесса Маргарет, в апартаментах «10» – двоюродный брат Елизаветы II принц Майкл Кентский со своей супругой Мари. Помимо них – восьмидесятилетняя принцесса Эллис, герцогиня Глостерская, ее невестка Биржитт и сын Ричард.

Соседи есть соседи, и члены королевской семьи не исключение. Так, принцесса Кентская имела зуб на Маргарет за то, что та чуть не отравила ее кошку, пока боролась с местными белками.

Принцесса Уэльская в первое время была для Мари загадкой, поэтому она предпочитала наблюдать за новой соседкой сквозь узкие щели между шторами в гостиной. Диана платила супруге Майкла Кентского тем же, следя за «фюрером»[37]{27} (как она любила ее называть) при помощи маленького театрального бинокля.

Но все эти мелкие несуразицы были не столь важны. Главное, что теперь у Дианы появился собственный дом, в котором она могла почувствовать себя полноправной хозяйкой. Теперь она могла сама решать, какого дизайнера пригласить для отделки комнат, какой цвет выбрать для гостиной или спальни, как расставить мебель и какими картинами украсить стены. Разве мог с этой свободой сравниться Букингемский дворец, где молодоженам были отведены спальня, гостиная, кабинет, ванная комната и две комнатки для переодевания? Последние (вернее, одна из них) были единственными помещениями, где Диана могла побыть наедине сама с собой.

«Букингемский дворец совершенно не приспособлен для самых обычных вещей. Например, куда пригласить принцессе своих подружек? – комментировал один из ее помощников. – Да что там подружки, даже просто выпить чашку кофе. Если ей хотелось кофе, чая или еще что-нибудь, она должна была вызвать прислугу»[39].

Справедливости ради следует отметить, что апартаменты в Кенсингтоне также не отличались просторностью.

«В этих помещениях невозможно было вести личную жизнь, – вспоминает пресс-секретарь Дианы Патрик Джефсон. – Если вам хотелось уединиться, этого просто негде было сделать»[40].

Но какими бы маленькими ни были эти комнаты, главное, что они принадлежали принцессе. Что же до соседей, то с ними можно было найти общий язык. А близость с принцессой Маргарет имела даже свои преимущества. Все дело в том, что ее

дверь, выходящая на Кингс-корт, была единственной во дворце, на которую не были выведены видеокамеры. Сделано это было специально, чтобы оградить младшую сестру королевы от излишнего внимания охраны. Напротив вышеуказанной двери имелся тайный проход, ведущий к заднему входу в помещения Дианы. Таким образом, при желании принцесса Уэльская могла спокойно провести к себе какого-нибудь человека, не боясь, что его заметят. Впоследствии она не раз будет пользоваться этой возможностью.

Между тем приближалось самое важное событие в жизни Дианы: она готовилась стать матерью. Беременность протекала сложно, принцессу постоянно мучили то тошнота, то приступы булимии, то периодически появляющиеся неврозы.

Иногда перепады настроения приводили к ссорам с Чарльзом; некоторые из них заканчивались весьма неприятно. Так, например, во время посещения в январе 1982 года родового поместья графа Спенсера, замка Элторп, между супругами разгорелся такой скандал, что результатом выяснения отношений стали разбитые окно и зеркало старинной работы, а также сломанная ножка от кресла XVIII века.

Именно с беременностью связан и еще один эпизод, вошедший в большинство биографий как проявление настоящей бесчеловечности со стороны Чарльза. Инцидент произошел в начале февраля 1982 года в королевской резиденции Сандрингем. Все началось из-за пустяка. Чарльз собирался поохотиться на фазанов, а Диана была против. Слово за слово. Нервы принца не выдержали, и он закричал:

– Я не собираюсь тебя слушать! Ты себя постоянно ведешь таким образом. Я немедленно отправляюсь на охоту!

Услышав это, Диана решила покончить все разом. Она выбежала из комнаты и бросилась с лестницы.

«Мимо проходила королева, она была очень напугана происходящим, – сказала принцесса в своем интервью Эндрю Мортону. – В результате падения я сильно ушибла живот и была уверена, что потеряю ребенка. Что же до Чарльза, то он спокойно сел на лошадь и умчался на охоту. После возвращения он был демонстративно безразличен ко мне»[41].

Чарльз действительно выглядит в этой истории не лучшим образом. Но так ли было все на самом деле? Известно, что, редактируя записи Эндрю Мортона, Диана заменила слово «королева» на «королеву-мать»[42].

Старшая из Елизавет фигурирует и в другом воспоминании принцессы:

«Как все глупо получилось! Я поскользнулась, упала с

лестницы и очутилась прямо у ног королевыматери. Я быстро обратилась к гинекологу, он успокоил меня, заявив: „У вас все в порядке, жизни ребенка ничего не угрожает“»[43].

И это еще не все. С версией, которую принцесса первоначально поведала журналисту Эндрю Мортону, расходятся воспоминания очевидцев. Прислуга рассказала, что Чарльз не только не бросил жену после падения, но вызвал врача, пробыл с Дианой весь день, а затем отвез ее на барбекю на побережье Норфолка[44]. Это несколько меняет расстановку акцентов во всем эпизоде.

Тем временем часы неумолимо двигались вперед, приближаясь к историческому моменту. В девять часов утра, в самый длинный день 1982 года – 21 июня, в больнице Святой Марии в Паддингтоне принцесса произвела на свет мальчика – «уэльского кроху», как она сама его назвала[45].

Рождение Уильяма Артура Филиппа Луи совпало с победой британских войск в Фолклендской войне, объединив страну в едином порыве патриотизма. В честь наследника престола был устроен салют (в Гайд-парке для этого установили 41 орудие), в Вестминстерском аббатстве торжественно звенели колокола, ощущение радости переполняло всю Британию.

Выражая благодарность, принц Уэльский преподнес Диане изысканное ожерелье из бриллиантов и культивируемого жемчуга.

По просьбе супруги все шестнадцать часов, на протяжении которых длились роды, Чарльз провел в больнице. Он стал первым принцем Уэльским, лично присутствующим при появлении своего отпрыска на свет.{28}

В письме Патриции Маунтбетен Чарльз восторженно писал:

«Рождение нашего маленького сына – удивительное событие. Я даже представить не мог, что оно будет столько для меня значить. Если бы вы знали – я так благодарен, что смог стать непосредственным участником этого необычного действа, связанного с появлением ребенка на свет. Я был по-настоящему вознагражден за это видом маленького создания, которое теперь принадлежит нам, ну и всем остальным тоже. Я никогда еще не видел подобного проявления радости и восторга, когда покидал больницу той ночью»[46].

Что бы Диана ни говорила впоследствии – будто ее роды специально стимулировали, только бы не нарушить календарь выступлений ее мужа на чемпионате по поло[47], – в тот момент счастливы были все, включая и саму принцессу, и королеву. Увидев своего внука, Елизавета радостно воскликнула:

– Слава богу, он не унаследовал отцовскую лопоухость![48]

Просьба Дианы о присутствии Чарльза на родах весьма показательна. Еще до рождения Уильяма она четко дала понять, что воспитание ее детей будет отличаться от общепринятого в королевской семье. На первое место она ставила теплоту и материнское участие. Когда супруги в марте 1983 года отправятся в официальный шестинедельный визит по Австралии и Новой Зеландии, принцесса настоит на том, чтобы и девятимесячный Уильям поехал с ними. Это превратилось в настоящую головную боль для организаторов поездки. Но Диана не собиралась отступать. Едва ей намекнули, что впоследствии не стоит брать с собой маленьких детей, как она тут же парировала:

– В таком случае я больше не поеду в длительные путешествия. Когда дети находятся в этом возрасте, их нельзя оставлять надолго без матери[49].

Появление Уильяма впервые сплотило супругов, появилась даже надежда, что все наладится, гнетущие душу эмоции, депрессии, неврозы останутся в прошлом и семья придет к долгожданной гармонии. Но этого не произошло: принцессу вновь закрутил водоворот королевского долга.

«Диана так и не смогла понять требования, которые стояли за этим коротким словом „долг“, когда твоими соседями по столу может оказаться представитель любой профессии: архитектор, преподаватель или еще ктонибудь, – замечает Майкл Колборн, – и к каждому подобному мероприятию нужно тщательно готовиться»[50].

Драма принцессы заключалась не в том, что ее познания были далеки от энциклопедических, нервы не так прочны, как струны контрабаса, выносливость уступала выносливости шоссейного марафонца, а эмоциональная выдержка – выдержке дипломата. Нет! Беда Дианы заключалась в том, что женщины из ее нынешнего окружения как раз обладали этими качествами.

Выносливость королевы-матери, которая за год до своего девяностолетнего юбилея лично присутствовала на всех торжествах, связанных с 45-й годовщиной высадки союзных войск в Нормандии, где на французском языке много общалась с ветеранами, а после этого пять дней провела на официальных мероприятиях в Торонто, поистине вызывает восхищение.

Не менее выдающимся было и хладнокровие ее знаменитой дочери. В июне 1981 года во время церемонии выноса знамени какой-то семнадцатилетний юноша сделал в направлении королевы шесть холостых выстрелов. Елизавета, находившаяся в тот момент в седле, нисколько не растерялась – в мгновение ока укротив испугавшегося коня, она хлестнула его кнутом и

ускакала прочь.

В другой раз, когда к ней в спальню залез посторонний, королева спокойно встала с кровати, надела халат, тапочки, а затем, решительно указав на дверь, произнесла:

– Убирайтесь прочь!

Обнаружив, что сотрудники службы безопасности запаздывают, Елизавета изменила тактику: присев на краешек кровати, в течение пяти минут выслушивала жалобы незнакомца о его семейной жизни.

Затем, когда охрана наконец появилась, королева спокойно сказала:

– Выведите его из моей комнаты и дайте ему сигарету[51].

Диана не была способна на подобное проявление героизма.

«Возникает такое ощущение, что я стала первой женщиной в этой семье, которая не только страдала депрессией, но и не стыдилась своих слез, – скажет она в 1995 году. – Конечно же это их пугало. И неудивительно – они не знали, как им вести себя с тем, чего никогда не видели»[52].

Чарльз поступил так же, как и большинство людей на его месте. Для решения незнакомых головоломок он стал использовать хорошо зарекомендовавшие себя средства. Так в жизни Дианы вновь появился Лоуренс Ван дер Пост.

Столь частое обращение принца к услугам южноафриканского философа впоследствии вынудит Диану произнести сакраментальную фразу:

– В этом браке нас было трое: Чарльз, я и Лоуренс Ван дер Пост[53].

Что же установил семидесятипятилетний друг Чарльза после пространной беседы с Дианой? Ничего. Но это только для непосвященных. Своей же дочери Люсии он сказал следующее:

– Диана – самый настоящий параноик! Ее беда в том, что она слишком много времени проводит, подглядывая в замочные скважины[54].

Упоминание о «замочных скважинах» появилось не случайно. Нервозность Дианы достигла своего апогея именно после подслушивания разговора Чарльза и Камиллы. Завершая диалог, принц произнес:

– Чтобы ни произошло, я всегда буду любить тебя[55].

В беседах и личной переписке Чарльз часто использовал подобные обороты. По словам его близкого друга, «у принца была такая привычка – использовать фразы типа „масса любви“, „я обожаю тебя“, „я буду заботиться о тебе, если что-то случится“»[56].

Как бы то ни было, слова, оброненные Чарльзом, для Дианы

превратились в катализатор. Ее внутренний мир взорвался от лжи и собственного бессилия. У принцессы начался тяжелый приступ булимии с трехдневной бессонницей и безжалостной рвотой. Она даже хотела покончить с собой, вскрыв себе вены.

«У меня было такое ощущение, что меня никто не хотел слышать, – описывает она свое состояние. – Внутри скопилось столько боли, что я хотела причинить себе урон извне, лишь бы кто-нибудь пришел ко мне на помощь. В такой необычной манере выражался мой отчаянный крик о помощи. Я хотела, чтобы люди узнали, какие мучения, какую агонию мне приходится постоянно испытывать»[57].

Как замечает один из наиболее авторитетных биографов принцессы Салли Беделл Смит, «согласно исследованиям, проведенным в 1986 году, 97 процентов больных членовредительством – женщины. Врачи относят членовредительство к серьезным заболеваниям, требующим психиатрического вмешательства, а порой и госпитализации. Членовредительство иногда сопровождается приступами булимии, хотя чаще свидетельствует о более серьезном психологическом нарушении. Основными ее причинами являются депрессия и чувство безнадежности, о которых так часто упоминала принцесса Уэльская»[58].

Состояние Дианы начинает не на шутку беспокоить ее мужа. В одном из писем в октябре 1982 года он признается: «Основная проблема заключается в следующем. Если в какой-то день я предполагаю, что мы сделали шаг вперед, то буквально на следующий день с сожалением узнаю, что это на самом деле было полтора шага назад»[59].

Даже среди прислуги за принцессой закрепляется репутация «непредсказуемой» девушки[60]. Ярким примером подобной «непредсказуемости» стал День памяти погибших в двух мировых войнах, организованный Британским легионом{29}13 ноября{30} 1982 года в Альберт-холле.

До начала мероприятия супруги Уэльские сильно повздорили, и Диана отказалась сопровождать своего супруга. Придя немного в себя, она передумала и решила все-таки появиться на церемонии. Правда, сделала это уже после того, как Чарльз объявил, что его жена неважно себя чувствует и присутствовать не сможет.

Лучше бы принцесса не появлялась в тот день в Альберт-холле… Во-первых, она поставила своего мужа в неловкое положение. Во-вторых, приехав на торжество, супруги стали пререкаться. Только на этот раз не в уединенных комнатах Кенсингтонского дворца, а у всех на виду.

«Такое не забывается, – вспоминает присутствовавшая на церемонии дама. – Диана и принц Уэльский ссорились прямо здесь. Я хотела окликнуть Чарльза и сказать ему, чтобы он был более осторожен. Кто-нибудь мог прочитать по губам все, о чем они говорили»[61].

И наконец, третье. Принцесса приехала на мероприятие *после* королевы. Согласно протоколу это была непростительная дерзость!

«Никто, никто, слышите меня, – никто не может НИКОГДА прийти на мероприятие после королевы!» – сокрушался известный журналист Джеймс Уитакер[62].

Диану можно понять. Она находилась в тяжелом психологическом состоянии, погружаясь все глубже и глубже в бездну неврозов, депрессии и булимии.

«Сейчас ты никто, а уже через минуту ты – принцесса Уэльская, мать будущего наследника престола, медиаигрушка, член королевской семьи, – описывала Диана метаморфозу в своем положении. – Не слишком ли это много для одного человека?»[63]

Психологическая нагрузка на принцессу была огромна. И никакие таблетки, никакие советы выдающихся психиатров были не в состоянии прервать череду депрессий. Принцессу могло спасти только одно – поиск «своей колеи» при выполнении королевского долга, который давно уже не давал ей покоя.

В письме к своей подруге она писала:

«Внутри меня происходят необычные перемены. Как будто бы я разделилась надвое – вот Диана, которая мечтает куда-нибудь забиться и не показываться на публике. Есть и другая Диана. Она старается по мере своих возможностей справляться с возложенными на нее обязанностями. Я чувствую, что вторая половина побеждает. Но какую цену придется за это заплатить? И что ждет первую половину?»[64]

В сентябре 1982 года Диане представилась первая возможность проявить себя.

14 сентября после травм, полученных в автокатастрофе, скончалась супруга князя Ренье принцесса Монако Грейс. Вместе со своей дочерью принцессой Стефани она возвращалась из поместья Гримальди. Их автомобиль не вписался в крутой поворот и, сорвавшись со скалы, пролетел тридцать с лишним метров вниз по склону.

Елизавета II не горела желанием присутствовать на траурной церемонии.

– Мы, женщины, не поедем, – заявила она в категоричном тоне. – Поехать должен Чарльз[65].

Но и принц Уэльский отнесся к поездке в крохотное королевство со скептицизмом. Единственным, кто захотел представлять Виндзоров на похоронах, стала Диана.

Она всегда питала особые, сестринские чувства к покойной.

– Между нами определенно существовала какая-то внутренняя связь, – скажет она дочери Грейс принцессе Каролине[66].

Грейс была одна из немногих, кто в трудный момент приобщения Дианы к церемониалу, принятому при дворе, поддержала двадцатилетнюю девушку. Когда принцесса Уэльская призналась, насколько ей тяжело, умудренная опытом супруга князя Ренье сочувственно произнесла:

– Крепитесь, дорогая! Дальше будет только хуже![67] На похоронах Грейс присутствовали Нэнси Рейган и Даниэль Миттеран. Диана смотрелась достойно на фоне первых леди США и Франции, и это несмотря на ее юный возраст, неопытность и неприятные казусы, сопровождавшие визит.

«У нас сразу все пошло не так, – вспоминает помощник принцессы. – Сначала сломался „роллс-ройс“, потом мы как нарочно застряли в лифте. Но, несмотря на ужасную жару и все эти несуразицы, Диана держалась на удивление стойко. Она была измучена, но старалась не показывать виду. После этой поездки я стал уважать ее еще больше»[68].

Диане же больше всего хотелось, чтобы свидетелем ее триумфа стал Чарльз. И раз уж он отказался сопровождать ее в Монако, то пусть хотя бы встретит после столь напряженной поездки…

– Как вы думаете, Чарльз будет нас встречать? – спросила она своего помощника, когда самолет уже подлетал к Абердину[69].

Принц Уэльский вместе со своими родителями действительно готовился к встрече. Только не своей супруги, а младшего брата принца Эндрю, возвращавшегося с Фолклендских островов с триумфальной победой.

Когда самолет Дианы стал заходить на посадку, принцесса, прильнув лицом к иллюминатору, принялась жадно искать взглядом встречающих.

– Всего одна полицейская машина, – грустным голосом произнесла она, – значит, Чарльз не приехал[70].

Во дворце ее ждал новый удар. Никто из членов королевской семьи ни словом не обмолвился об удачно выполненной миссии. А ведь она впервые в одиночку представила королевский дом Виндзоров, да к тому же во время посещения иностранного государства!

– Обратите внимание на газеты. Все пишут, что вы

справились блестяще, – попытался подбодрить ее один из помощников[71].

– Спасибо. Только в Балморале этого никто не заметил, – обреченно произнесла принцесса[72].

Отныне в ее жизни появилась новая проблема – ролевое несоответствие. Диана словно оказалась на зыбком мостике, перекинутом через зияющую пропасть между ее восприятием в Букингемском дворце и восторженными овациями толпы. И если на одном конце моста принцесса была всего лишь членом королевской семьи, то на другом – кумиром миллионов.

Трагедия Дианы заключалась в том, что те вещи, на которые она смотрела как на подвиг, Виндзорам казались обычной рутиной. Возможно, это осталось бы без внимания, если бы не одна маленькая особенность. То, что до поры до времени воспринималось исключительно как головная боль Дианы, вскоре превратится в проблему для всего королевского дома.

Совместная поездка Чарльза и Дианы в Уэльс, открытие новой сессии парламента, а также визит в Монако должны были насторожить королеву и ее имиджмейкеров. С детства привыкшая, чтобы ее хвалили, Диана очень скоро превратит посещение общественных мероприятий не просто в работу, а в целые события, каждое из которых будет по-своему уникально и врежется в память очевидцев, как незабываемое природное явление.

В обществе появился новый тренд – «*Ди*мания». Например, во время официального визита супругов Уэльских в Австралию и Новую Зеландия в марте 1983 года для освещения событий вместо обычных семи фотографов приедут больше семидесяти репортеров из Франции, Германии, США и даже Японии. А для того, чтобы только увидеть Диану, в городе Брисбен соберется внушительная толпа в сто тысяч человек.

– Мы никогда не видели подобного в ходе проведения королевских туров! – кричал один из полицейских, сдерживая напор толпы. – Это больше похоже на битломанию![73]

Не только полицейские, но и сами члены королевской семьи никогда не сталкивались с подобным проявлением поистине всенародной любви.

О том, насколько ошибались они в своих первоначальных оценках, легко судить по личной переписке Чарльза. Рассуждая о причинах подобной популярности, он писал: «Возможно, все дело в свадьбе. Она так шикарно была организована, наподобие голливудского фильма. Наверное, она исказила восприятие моей супруги другими людьми. В любом случае подобное отношение пугает меня и наводит оцепенение на Диану»[74].

Оцепенение? Возможно, сначала оно и имело место. Но, окунувшись в живительные воды общественного внимания, Диана очень скоро поняла, что оказалась в своей среде. Общаться с людьми, поднимать им настроение и вселять надежду – все это стало для нее именно тем смыслом, ради которого стоило жить.

Впоследствии мы остановимся более подробно и на общественной жизни принцессы Уэльской, и на ее активности в области благотворительности, а сейчас просто отметим, что обитатели Букингемского дворца были озадачены.

– И почему ее все так любят? – сокрушался Чарльз. – Ведь, по сути, единственное, что она сделала, – это ответила «да» на мой вопрос в соборе Святого Павла[75].

Были и те, кто увидел в поведении Дианы определенную угрозу. Проницательный политик Алан Кларк записал на страницах своего знаменитого дневника:

«Когда Диана сказала в соборе Святого Павла „Да!“, оглушительная волна ликования прокатилась по толпе. Возникло такое ощущение, будто ты очутился в Средневековье. Это должно было насторожить монарха: теперь у него появилась новая соперница. Своим поведением принцесса Уэльская воплощала путь наверх. Она превратилась в икону, поскольку сумела добиться всего, о чем только мечтала молодежь ее поколения»[76].

А как оценивала Елизавета подобное отношение народа к своей невестке?

«Если честно, то трудно сказать, что королева чувствует или думает на самом деле, поскольку она никогда об этом не говорит, – заметил человек из ее прислуги. – Единственное, что я могу сказать определенно, – среди ее штата многие видели в поведении Дианы определенную угрозу для королевы»[77].

Выше уже упоминалось о том, что у принцессы был свой подход в общении с прислугой. С одной стороны, она любила спускаться к дворцовым работникам (в прямом и переносном смысле), считая их отличными собеседниками. С другой – и здесь проявлялись качества, скрытые от непосвященных глаз, – она могла быть излишне требовательной, несправедливо резкой и эмоционально несдержанной. Особенно часто это проявлялось во время международных визитов. Вот, например, в каких выражениях любимый дворецкий Дианы Пол Баррелл описывает свои впечатления от поездки в Японию:

«Я увидел Диану совершенно другой, мало похожей на ту женщину, которую знал в Хайгроуве. Она стала раздражительной и придирчивой, особенно когда рядом был Чарльз. Из-за сущих

пустяков принцесса кричала на меня и свою камеристку Хелен Роуч. То ей дали не то полотенце, то фен неважно работает, то на ее платье попала вода. Я ее не узнавал»[78].

И это еще не все. Принцесса могла спокойно расстаться с наиболее преданными сотрудниками, не вдаваясь в излишние объяснения.

«Жизнь с боссом напоминала американские горки – слабые не выдерживали, – вспоминает все тот же Пол Баррелл. – Временами она была способна на поразительно жесткие решения: о том, кто останется с ней, а кто – за бортом. Тем, кто попадал в опалу, не позавидуешь. Большинство из них сами покидали дворец, не дожидаясь, пока их уволят. Другие, наоборот, цеплялись за соломинки. Таких было особенно жалко, потому что в конечном счете они все равно уходили. Диана накладывала на них обет молчания. Так, например, с моей женой Марией она не разговаривала четыре недели, а с поваром Мервином Уайчерли – девять месяцев»[79].

Всего за несколько лет Диана отказалась от услуг более чем сорока сотрудников, включая собственного личного секретаря Оливера Эверетта, дворецкого Алана Фишера, камердинера Стивена Барри, личных секретарей Чарльза Майкла Колборна и Эдварда Одина.

Майкл Колборн, с которым у Дианы сложились очень теплые отношение на первоначальном этапе ее жизни во дворце, спокойно оценил свою добровольную отставку.

«Просто-напросто я не мог заботиться сразу о двоих. Чарльз хотел, чтобы я сделал одно, Диана – чтобы я сделал диаметрально противоположное, – комментировал он. – Я подумал – лучше уйти, пока еще все не зашло слишком далеко»[80].

Аналогичного философского взгляда придерживался и другой «старожил» Стивен Барри:

«В моем увольнении нет ничего удивительного. Вряд ли стоило надеяться, что Диана захочет видеть рядом человека, который знал Чарльза раньше, в те времена, когда у него были другие женщины»[81].

А вот для Эдварда Одина увольнение стало настоящим ударом. Его семья верой и правдой служила монархам на протяжении нескольких поколений со времен королевы Виктории. {31}

Самое удивительное заключалось в том, что нередко увольнение обслуживающего персонала происходило по весьма обыденным причинам. Например, Оливер Эверетт. Принцесса сообщила, что никак не может встретиться с ним, поскольку у нее

назначена аудиенция у королевы. Оливеру срочно нужна была ее подпись под какими-то документом. Предположив, что Диана немного слукавила, он направился в ее апартаменты. Оказалось, что принцесса никуда не уезжала, а в момент появления своего секретаря выясняла отношения с супругом. Оливер поймал хозяйку на лжи – и ему больше не было места в ее штате. Она сделала все возможное, чтобы выжить беднягу из своего окружения. А ведь когда-то ради службы у принца и по его личной просьбе Эверетт оставил перспективную карьеру в Форин-офисе.

Какие бы причины ни заставляли прислугу покинуть Кенсингтонский дворец, какие бы дифирамбы ни пели газеты новому кумиру Флит-стрит, ясно было одно. За прошедшие несколько лет с момента свадьбы Диана изменилась. Отныне она была уже не той юной двадцатилетней девушкой, со смущенным видом входящей в собор Святого Павла под восторженные взгляды толпы. За эти годы принцесса многому научилась. Только смогут ли эти новоприобретенные знания удержать значительно накренившийся фрегат «Супруги Уэльские»? Смогут ли они спасти его от штормов супружеской жизни, а заодно и поддержать на плаву всеобщую веру в силу чистой любви?

Виндзорский треугольник

В 16 часов 20 минут 15 сентября 1984 года после девятичасовых родов в больнице Святой Марии Диана произвела на свет мальчика – Генри (Гарри) Чарльза Альберта Дэвида. Так же, как это было в случае с Уильямом, первое имя младенца выбрала Диана, последующие – Чарльз.{32}

Время второй беременности стало одним из самых счастливых в жизни супругов. Диана признавалась, что «в те шесть недель, которые предшествовали появлению Гарри, мы были близки, как никогда прежде»[1].

Все резко изменилось после рождения Гарри. По словам принцессы, Чарльз был сильно разочарован. Увидев младенца, он воскликнул:

– О боже! Мальчик! Да еще рыжий!

Позже Диана признается:

«После процедуры амниоцентеза мне сообщили, что вторым ребенком будет мальчик. Я знала, что Чарльз очень хочет девочку, поэтому решила ему ничего не говорить и скрывать пол младенца до самого рождения. Когда же Чарльз увидел Гарри и выразил свое недовольство, внутри меня словно что-то захлопнулось»[2].

Принцесса опять нарисовала очень мрачную картину. Но так ли обстояло дело на самом деле? Да, у Виндзоров существует такая традиция – сначала родить мальчика, потом девочку. Однако вряд ли ее несоблюдение могло привести к семейному кризису.

Сомнение вызывает и упоминание о цвете волос Гарри. Рыжий всегда считался «фирменным знаком» Спенсеров и не должен был стать для Чарльза сюрпризом.

Согласно некоторым свидетельствам, принц нисколько не удивился.

«Я не думаю, что Чарльз был разочарован, когда узнал, что у него родился еще один сын, – утверждает один из его близких помощников. – Мне кажется, это заблуждение, вызванное *будущими* событиями в жизни принцессы. У меня сложилось впечатление, что Чарльз был восхищен появлением Гарри»[3].

А как же тогда воспоминания Дианы? Возможно, она просто неправильно интерпретировала слова мужа.

«Воскликнуть, да еще с презрительной интонацией – для Чарльза это было совершенно не характерно, – замечает один из его друзей. – Он мог сказать: „Ооо! Рыжие волосы!“, но это была бы всего лишь ирония. Когда принц прочитал воспоминания

своей супруги об этих событиях, они его очень расстроили»[4].

Тем не менее Диана продолжала настаивать на своем. Она считала, что во взаимоотношениях с Чарльзом действительно произошел надлом, причем возник он еще до появления Гарри на свет:

«Промежуток времени между рождением Уильяма и Гарри покрыт мраком депрессии. Я просто вычеркнула этот период из своей жизни, поскольку в нем было слишком много душевных страданий. Удивительно, что Гарри вообще появился на свет»[5].

Это признание выглядит, по меньшей мере, странным. Даже если оставить за скобками другое воспоминание – о близости с мужем в последние шесть недель перед родами, удивление вызывает совсем не это. Ведь, если разобраться, у нее были все необходимые компоненты для женского счастья – собственный дом, муж, дети… Диана находилась в таком положении, о котором многие представительницы прекрасной половины человечества могут только мечтать, и она, несомненно, с головой погрузилась в одну из самых благородных житейских забот – материнство. «Дети – они и были ее жизнью», – замечает дворецкий Дианы Пол Баррелл[6].

В Кенсингтонском дворце на выкрашенных в персиковый цвет стенах гардеробной висело два десятка фотографий принцессы с Уильямом и Гарри. Фотографии детей стояли на рояле, на письменном столе Дианы, на полках – словом, везде. На дверях принцесса расклеила записки «Я люблю Уильяма и Гарри», и дабы слова не расходились с делом, старалась ради своих мальчиков, как могла. Например, однажды она распорядилась поставить во внутренний дворик Кенсингтонского дворца огромный надувной замок. Пока дети осваивали новый аттракцион, слуги надели на себя костюмы медведей и разыграли нападение. Но Уильям быстро разобрался что к чему, узнав слуг по ботинкам.

Когда дети подрастут, Диана пригласит на чай в Кенсингтонский дворец известную американскую модель Синди Кроуфорд, от которой Уильям был без ума. Увидев своего кумира живьем, принц засмущался, покраснел и не смог вымолвить ни слова[7].

«Дети превратились в самую главную составляющую ее жизни, занимали все ее время, – вспоминает стилист принцессы Сэм Макнайт. – Больше всего Диана хотела, чтобы у принцев была самая обычная жизнь, насколько это вообще возможно в их положении. Свою миссию она видела в том, чтобы подготовить детей к их будущей роли, но так, чтобы сохранить при этом обычные человеческие качества»[8].

В отношениях с сыновьями Диана старалась избегать так

называемого «иерархического воспитания» (как однажды емко выразился известный австрийский дирижер Герберт фон Караян), когда между родителями и детьми устанавливается непреодолимый психологический барьер.

«Она была удивительным образом настроена на те чувства, эмоции и переживания, которые испытывали Уильям и Гарри, – говорит ее подруга Козима Сомерсет. – Диана постоянно находилась с ними в тесном контакте. Она была способна не только слушать, но и услышать своих детей, умея ценить их собственные мнения»[9].

Принцесса стремилась к тому, чтобы ее дети не просто выполняли свой королевский долг, потому что так надо. Она хотела, чтобы в их отношении к подданным было как можно больше понимания, теплоты и человечности.

«Я хочу, чтобы мои дети умели понимать человеческие эмоции, знали о том, что некоторые люди могут быть неуверены в себе или испытывать чувство незащищенности. Я хочу, чтобы для них не были секретом такие понятия, как стресс, надежда и мечты», – скажет она в своем интервью Мартину Баширу в 1995 году[10].

Для этого необходимо, чтобы «ее мальчики», как она любила их называть, не только видели, как живут обычные люди, но и сами окунулись в их быт. Вот почему Уильям и Гарри учились в обычных подготовительных школах, ходили по обычным магазинам и кинотеатрам, расплачивались обычными деньгами.

Последнее звучит несколько непривычно, но словосочетание «обычные деньги» не должно вводить читателя в заблуждение. Так уж заведено, что, хотя члены королевской семьи и сделаны из той же плоти и крови, что и все люди, их жизнь заметно отличается от жизни большинства подданных. Например, принц Чарльз, совершая какую-либо покупку, никогда не станет расплачиваться за нее – ни деньгами, ни кредитной картой. За него это сделает прислуга. А Диана только в зрелые годы с удивлением узнала, что для приведения машины в движение используется бензин, который можно заправить (возмездно, разумеется) на бензоколонках.

Принцесса не знала цену деньгам. Нередко ее счета за телефонные разговоры достигали четырехзначных цифр. Зато, когда целительница Симона Симмонс отправила ей для оплаты своей работы за три месяца счет в 600 фунтов, Диана возмутилась:

– Что это такое? Думаю, нам это следует обсудить.

Симона попыталась объяснить, что эти деньги не блажь, а оплата ее услуг, – она живет на эти деньги.

Но принцесса не хотела ничего слушать.

– Возьми лучше мой CD-проигрыватель, – предложила она.

– Но у меня уже есть один, – ответила целительница.

– Ну и хорошо, будет второй, – не отступала принцесса. – Сможешь слушать музыку в разных частях дома[11].

Если бы Диана видела крохотную квартирку, в которой жила Симона, она бы наверняка поняла всю бессмысленность своего предложения.

Принцесса хотела, чтобы у ее детей было немного по-другому.

Кроме финансового, она уделяла пристальное внимание и другим вопросам.

«Диана очень ответственно подходила к воспитанию своих детей, – замечает ее подруга Кэролин Бартоломью. – Она была очень чувствительна к их индивидуальным качествам, прекрасно отдавая себе отчет в различиях между братьями»[12].

Например, принцесса быстро поняла: рыжий цвет волос у Гарри – далеко не единственный признак, унаследованный от древнего рода Спенсеров. Буквально с детства у ее младшего сына проявился бойцовский дух, хорошо знакомый всем, кто так или иначе соприкасался с владельцами Элторпа. Принцесса не исключала, что ее мальчик выберет карьеру военного.

Так оно и произойдет. В апреле 2006 года Гарри закончит Королевскую военную академию Сандхёрст. В начале 2008 года возглавит роту бронетанковой разведки Королевского конногвардейского и драгунского полка и отправится воевать в Афганистан в провинцию Гильменд.

Несмотря на воинственность младшего сына, бóльшую обеспокоенность Дианы вызывал все-таки Уильям. На это было несколько причин. Во-первых, его общественный статус – будущий наследник британского престола. Принцесса считала, что ее старший сын будет «фантастическим королем»[13].

Мнение Дианы разделяют многие специалисты в области древней истории. Так, по словам одного из членов Британского ордена друидов, «принц Уильям – полное имя которого Уильям Артур – был рожден в день летнего солнцестояния. Если он последует древнему обычаю и при коронации возьмет себе второе имя, то станет королем Артуром. Так при помощи Дианы будет возрождена кровь древних британских королей, и появится новый король Артур»[14].

Второе, на что принцесса не могла не обратить внимания, – характер ее старшего сына, в котором совместились чувствительность матери и сосредоточенность отца.

«Я хочу, чтобы Уильям знал о других сторонах жизни и не рос

избалованным ребенком, – скажет как-то Диана сестре Брайде Доуд из благотворительной организации Мариллак{33} – Я часто разговариваю с ним об этом, показываю фотографии различных мест. Мы посещаем с ним благотворительные центры для бездомных. Еще когда он был ребенком, сразу было видно, что у него огромный потенциал»[15].

Уильям станет достойным сыном своей матери.

«Моими руководящими принципами являются честность, искренность, внимательность и забота, – скажет он на рубеже XXI века. – Я многому научился, общаясь с бездомными. Моя мать очень хорошо использовала свое положение, помогая другим людям. Как, впрочем, и мой отец. И я надеюсь, что последую их примеру»[16].

Уильям не раз подтвердит свои слова делом. Например, в декабре 2009 года он проведет вместе с бездомными ночь под лондонским мостом Блэкфрайерс. В тот вечер на улице будет минусовая температура, но, несмотря на это, сын Дианы возьмет с собой лишь старый спальный мешок, а местом для сна выберет обычную картонную коробку. Утром принц отправится в штаб-квартиру «Центрпоинт», где приготовит группе бездомных завтрак[17].

У Дианы сложатся очень теплые отношения с Уильямом. По мере взросления он станет для матери не только сыном, но и преданным другом. Сама принцесса любила называть его «мой маленький мудрый старичок»[18].

«Диана признавалась мне, что общается с Уильямом на очень глубокие и личные темы, – вспоминает ее друг Роберто Деворик. – Он служил для нее серьезной моральной опорой»[19].

Справедливости ради следует заметить, что Чарльз не отставал от своей жены в заботе о подрастающем поколении. Они оба любили своих детей, хотя и делали это по-разному. Диана была более открыта и естественна, Чарльз же подходил к исполнению своих родительских обязанностей со свойственной ему основательностью, перечитав о воспитании массу книг и статей.

Словом, в том, что касалось детей, это была самая обычная семья. Но тогда почему Диана так настойчиво сгущала краски (вспомним хотя бы: «Промежуток времени между рождением Уильяма и Гарри покрыт мраком депрессии…»)?

Ответ на этот вопрос и прост и сложен одновременно. Прост – потому что подобное поведение принцессы стало прямым следствием ее психологического состояния. Сложен – поскольку заставляет задуматься: а чем было вызвано это состояние?

В январе 1983 года Диану обследовал известный

американский специалист в области психиатрии доктор Томас Холмс. По его мнению, принцесса страдала неврозом навязчивых состояний. Из-за перманентного стресса она была близка к болезни на 80 процентов[20].

С диагнозом доктора Холмса можно не соглашаться, но факт остается фактом – негативные эмоции в жизни Дианы стали превалировать. Только связано это было не с тем, что у нее родился второй сын и цвет его волос оказался рыжим. После нескольких лет брака веселая, открытая по натуре Диана оказалась на краю ужасающей бездны одиночества. Ее мучили переживания, о которых она никому не могла поведать, ей требовались советы и помощь, которые не от кого было получить, ее переполняли чувства и эмоции, с которыми не с кем было поделиться.

«Диане было очень сложно довериться кому-то в дворцовом лабиринте, – комментирует ее положение модельер Джаспер Конран. – Она совсем запуталась. Доверясь кому-то, она не знала, предадут ее или нет»[21].

Однако положение принцессы было не безнадежным. Ей повезло, что в столь напряженный момент рядом с ней все-таки оказался человек, с кем она могла дышать одним воздухом, мыслить в одном направлении, обсуждать одни и те же проблемы. Таким человеком стала Сара Маргарет Фергюсон, известная больше как Ферджи. Две женщины были знакомы уже шесть лет и даже приходились друг другу двоюродными сестрами в четвертом поколении. Забавно, но их матери, учившиеся вместе в одной школе Доухэм, также были лучшими подругами. Отчасти именно благодаря Диане Сара Фергюсон познакомилась с младшим сыном королевы принцем Эндрю, герцогом Йоркским. Знакомство оказалось удачным – 23 июля 1986 года молодые люди поженились в Вестминстерском аббатстве.

Появление в королевской семье жизнерадостной, полной оптимизма Ферджи стало для Дианы если не «лучом света в темном царстве», то уж по крайней мере глотком свежего воздуха.

«Принцессе импонировал бунтарский дух ее невестки, – считает Симона Симмонс. – Диане нравился подход Ферджи: „К чертям, что обо мне думают!“»[22].

Сама принцесса о благотворном влиянии Ферджи сказала просто: «Она облегчила мою ношу»[23]. С ней можно было и поговорить по душам, и просто подурачиться. Как, например, это произошло в июне 1987 года на королевских скачках в Аскоте, когда «виндзорские хулиганки», как они себя сами называли[24], принялись тыкать зонтиками в спину впереди сидящей Лулу Блэкер. Или на приеме в Букингемском дворце, организованном в

октябре 1991 года в честь президента Италии Франческо Коссиги. Получив примерно через тридцать минут после начала мероприятия сигнал, что они могут удалиться, Диана и Ферджи степенно вышли из зала. Затем, скинув туфли и подобрав платья, «виндзорские хулиганки» громко засмеялись и помчались наперегонки вдоль коридора. По словам одного из очевидцев, «в тот момент принцесса и герцогиня больше напоминали обычных детей, которые только что избавились от чего-то очень нудного и неприятного»[25].

В следующий раз молодые женщины принялись названивать по защищенной линии королеве-матери. Когда на другом конце провода снимали трубку, они ее тут же бросали и начинали безудержно хохотать. Конечно, это было глупо, но им казалось очень забавным[26].

Несмотря на все эти легкомысленные эпизоды, было бы неправильно думать, что присутствие Ферджи привнесло в жизнь Дианы только милое времяпрепровождение и веселый задор. Отношения с золовкой значили для принцессы гораздо больше. Ферджи позволила Диане поверить в себя и свои силы.

«Я иногда себя спрашиваю, – говорит один из сотрудников дворца, – что бы произошло с браком супругов Уэльских, если бы Сара так и не появилась бы? Ведь на самом деле эти две женщины собрались разрушить не что-нибудь, а систему»[27].

Про разрушение системы сказать сложно, но начиная с середины 1980-х годов брак супругов Уэльских стал действительно подвергаться серьезным испытаниям на прочность. На это указывало несколько симптомов. В первую очередь – взаимоотношения Чарльза и Камиллы, которые, согласно «официальной»{34} точке зрения, возобновились только в 1986 году.

Обращает на себя внимание, что Чарльз не стал скрывать этого факта. Еще до выхода «официальной» биографии, во время телевизионного интервью все тому же Димблби, он де-факто признал существование адюльтера.

– Что вы можете сказать по поводу тех серьезных обвинений, которые выдвигались в ваш адрес, – будто бы вы изменяли супруге буквально с самого начала вашей совместной жизни? – спросил Джонатан.

– Все эти спекуляции не имеют ничего общего с правдой, – спокойно ответил Чарльз. – Камилла Паркер-Боулз мой большой друг. Мы дружим уже продолжительный период времени. И такими наши отношения останутся и впредь.

– Вы пытались сохранять верность, как торжественно поклялись во время свадебной церемонии? – поинтересовался

Димблби, решив подойти к этому вопросу с другой стороны.

– Да, – без лишнего волнения произнес принц.

– И вы были верны своей супруге?

– Да, – и здесь Чарльз сделал очень важное дополнение: – По крайней мере до тех пор, пока наш брак не оказался безвозвратно разрушен.

Это прозвучало как признание. Понял ли принц, что сказано было что-то не то, но спустя некоторое время он вновь вернулся к теме измены и попытался объяснить свою позицию:

– Это последнее, что я хотел. Ошибкой было бы думать, что я уже женился с намерением совершить подобный поступок и все мое поведение носило сугубо циничный характер. Я это к тому говорю, что я не циник. Возможно, я сейчас напоминаю самодовольного человека, но я делал все от меня зависящее, чтобы поступать правильно[28].

По мнению Чарльза, появление в его жизни Камиллы стало ответной реакцией на рушившийся брак. В общении с ней, как утверждает официальный биограф, он смог найти «понимание, теплоту и стабильность»[29].

Не соглашаясь с официальной версией, большинство исследователей приводят другие даты возобновления отношений между Чарльзом и Камиллой. Одни указывают на 1984 год, другие – на 1983-й, третьи – на 1982-й. Не исключен и такой вариант, что их взаимоотношения вообще никогда не прекращались.

Последней точки зрения придерживаются некоторые очевидцы.

«У меня возникло ощущение, что они всегда были вместе», – делится своими впечатлениями Мэри Хелвин, которая в 1983 году начала встречаться с братом Камиллы Марком Шэндом[30].

Один из сотрудников поместья Хайгроув Энди Холден вспоминает, как однажды, в ноябре 1983 года, Диана нажала на кнопку телефонного аппарата в кабинете мужа. Неожиданно для нее на другом конце провода трубку сняла миссис Паркер-Боулз. Принцесса была в бешенстве и устроила грандиозный скандал[31].

Когда речь заходит о любовном треугольнике Диана – Чарльз – Камилла, у большинства людей возникает закономерный вопрос: как принц мог предпочесть миссис Паркер-Боулз двадцатилетней девушке, красотой которой восхищались миллионы? Этого не могли понять и сами Виндзоры. Однажды отец Чарльза герцог Эдинбургский Филипп не выдержал и удивленно воскликнул, обращаясь к Диане:

– Вот чего не могу понять – как мужчина, находясь в здравом

уме, мог бросить вас ради Камиллы![32]

На самом деле все просто. Человеческая психика – весьма тонкая субстанция, и для ее понимания не всегда достаточны доводы разума, принятые нормы и устоявшиеся правила. Многие современники признавали, что, какой бы красотой ни обладала принцесса Уэльская, от ее визави – Камиллы – исходило что-то такое, перед чем не могли устоять многие мужчины.

«Это очень сложно описать, – говорил один из ее друзей. – У Камиллы смеющиеся глаза, а сама она полна веселья. Присмотревшись к ней поближе, вы замечаете, что в ней присутствует какая-то материнская забота, и понимаете, что Чарльз в ней нашел. О да! В ней действительно есть что-то, чего так не хватает Диане»[33].

Рядом с Камиллой Чарльз чувствовал себя не принцем, а человеком. С ней он мог разговаривать на любые темы, доверяя самые сокровенные мысли и чувства. Камилла была не просто любовницей – она была его верным другом и незаменимым советником, на нее он мог положиться во всем. И как Диана ни старалась (и как Чарльз ни хотел), но она так и не смогла вытиснуть Камиллу из этой ниши.

Обида, гнев и горечь бессилия доводили принцессу до отчаяния.

«Меня не покидало чувство, что все валится из рук, – признается она. – Я ощущала себя бесполезной и безнадежной в любом виде деятельности»[34].

Однажды у Дианы состоялся очень интересный диалог с телохранителем, Кеном Уорфом, позволяющий нам заглянуть в ее внутренний мир.

– Кен, вы же знаете о Камилле, не правда ли? – спросила принцесса.

Испугавшись провокации, Уорф попытался отстраниться:

– Ну, знаете, мэм… Это все-таки не мое дело, и я не хотел бы в это вмешиваться.

Но Диана и не собиралась его провоцировать:

– Да, возможно, Кен, вы правы, но я говорю это вам потому, что иногда у меня бывают сильные перепады настроения. Вы должны быть готовы к этому и знать, чем они вызваны. Больше всего меня беспокоит эта женщина, и я не знаю, как с ней справится.

– Что вы имеете в виду под словом «справиться»? – спросил Уорф.

– Я действительно не знаю, как с ней справиться. Она здесь, и я ничего не могу с этим поделать. Кен, понимаете, она не просто вновь появилась. Она была здесь всегда с момента нашей

свадьбы. Я пыталась смотреть на нее как на старого друга и надеялась, что когда-нибудь их отношения сойдут на нет.

– Вы беседовали с вашим мужем на эту тему?

– Он не будет меня даже слушать! Это пустая трата времени! [35]

Как гласит официальная биография: «В браке с Дианой не было никакого скандала, после которого стало бы понятно, что все попытки принца сохранить отношения лишены всякого смысла. Их совместная жизнь разрушалась постепенно». Причем в качестве водораздела, после которого «брак стал медленно распадаться на части», Димблби указал уже знакомый нам 1986 год[36].

1986 год действительно был знаковым. В мае супруги Уэльские приехали с официальным визитом в Канаду. Во время посещения выставки Экспо-86 в Ванкувере Диане стало плохо, и она потеряла сознание. Последнее, что принцесса успела произнести, прежде чем упасть в обморок, было:

– Дорогой, я исчезаю…

Чарльз повел себя неожиданно черство. Когда его супруга пришла в себя, он потребовал от нее впредь не устраивать подобных сцен публично[37].

Как заметил один из членов их команды, «в поведении принца впервые за все годы их совместной жизни не было сочувствия. В их взаимоотношениях что-то изменилось. Чарльз больше не выглядел тем заботливым мужем, которого мы привыкли видеть раньше»[38].

Изменился не только характер взаимоотношений, но и быт знаменитых супругов. Они спали в разных спальнях, придерживались разного распорядка дня, приезжали в Хайгроув на разных машинах – словом, как выразился Джонатан Димблби, «находясь вместе, они жили разными жизнями»[39].

«Слугам, конечно, ни о чем не говорили, – вспоминает Пол Баррелл, – но мы не были слепыми и видели, что происходит. В тех редких случаях, когда супруги находились в Хайгроуве вместе вечером, когда дети уже легли спать, мы слышали наверху крики, хлопанье дверей и сердитые шаги на лестнице. Днем все замирало, и дом погружался в мрачную тишину»[40].

По словам одного из друзей принцессы, Кенсингтонский дворец превратился в «сумасшедший дом».

«Когда во дворец приезжал Чарльз, там тут же воцарялась совершенно необычная атмосфера, – признается массажист Дианы Уна Шэнли-Тоффоло. – Оба супруга были заметно напряжены. Диана чувствовала себя очень скованной в его присутствии»[41].

Принцесса нервничала. Как результат – участилась приступы

булимии, которые, по ее собственным словам, стали еще более «неистовыми и буйными»[42].

Летом 1986 года Диана отдыхала на Майорке с королем Испании Хуаном Карлосом и его супругой Софией.

«Я ненавижу эту поездку, – скажет она позже. – Они все думали, что Чарльз самое лучшее создание на свете. И кто такая эта девчонка, которая приехала с ним? Я знала, что во мне что-то есть. Но я никак не могла сделать так, чтобы это увидели и другие. Все время каникул я провела вниз головой в унитазе. Мне было так плохо…»[43].

О том, насколько плохо было принцессе, можно судить по воспоминаниям известной портретистки Эмили Патрик, сеансы у которой Диана посещала после возвращения с Майорки.

«Принцесса была напряжена от корней волос до пят, – говорит Эмили. – Она не переставала двигаться и постоянно хотела обсудить проблемы похудения. Сразу было видно, что Диану что-то не устраивает в ней самой, и она тщательно старалась это скрыть»[44].

Этим же летом во время одной из ссор с Чарльзом Диана схватила перочинный нож и ударила себя сначала в грудь, а затем в каждое из бедер. Было «море крови», но, как утверждала принцесса: «Мой муж не обратил на это никакого внимания»[45].

На самом деле это не так. Сказать, что подобная эмоциональная неразбериха нисколько не беспокоила принца, значит погрешить против истины. В ноябре 1986 года, доведенный до отчаяния, Чарльз признался одному из своих друзей:

«Меня как будто заперли в клетке. Я мечусь по ней взад-вперед, стремясь найти выход и вырваться на свободу. Насколько ужасным может быть несовместимость в характерах, и насколько разрушительным оказывается подобное воздействие на основных участников этой экстраординарной драмы! В сложившейся ситуации есть все необходимые компоненты для греческой трагедии»[46].

Главным виновником разворачивающейся в Хайгроуве и Кенсингтонском дворце «греческой трагедии» Чарльз видел именно себя. «Я никогда не думал, что все это закончится подобным образом, – написал он в одном из своих писем. – И как я смог допустить, чтобы все пошло кувырком…»[47].

Диане требовалась профессиональная психологическая помощь. Вновь в жизни принцессы появились психиатры, и вновь они оказались бессильны. Единственным шагом вперед можно считать лишь откровенное признание Дианы в том, что она страдает булимией.

Заявление принцессы не стало неожиданностью. Окружение королевской семьи все чаще стало подозревать в состоянии Дианы что-то неладное. Прислуга, например, постоянно перешептывалась о странных вечерних набегах на кухню с опустошением холодильника.

«Мы все видели, что происходит, но никак не могли понять – почему Диана не поправляется?» – вспоминает матрос с яхты «Британия»[48].

Фотограф Артур Эдвардс, снимавший принцессу, ужасался:

«Я был поражен, насколько Диана похудела. Платье висело на ней, словно на скелете. Кости выпирали сквозь кожу»[49].

Скрывать булимию было бессмысленно. Но о чем принцесса умолчала, так это о тяжести приступов, что сделало дальнейшее лечение малоэффективным. В результате, как вспоминает сама Диана, «врач прописал мне таблетку и предложил заткнуться»[50].

Не способствовало выздоровлению и чувство недоверия, которое Диана питала к врачам и близким друзьям своего мужа:

«Они постоянно пытались показать мне, что я неуравновешенна и больна. По их мнению, лучше всего, если я побуду дома и некоторое время просто отдохну. На самом же деле они хотели разрушить меня как личность, изолируя от общества»[51].

Именно в этот период принцесса Уэльская начинает активно увлекаться оккультными науками. В Кенсингтонский дворец приглашаются медиумы, астрологи, хироманты, графологи, экстрасенсы, а также множество всевозможных целителей, использующих нетрадиционные методики лечения: остеопаты, специалисты по акупунктуре и японскому массажу биологически активных точек шиатцу, ароматерапевты и гидротерапевты. Специалистов было слишком много, а их выбор не всегда подчинялся законам логики. Впрочем, перефразируя известные слова Владимира Жаботинского, «логика – наука греческая, и в данном случае она ни к чему».

Увлечение принцессы нетрадиционными целителями было вызвано двумя причинами – одной явной, другой не очень. В основе явной лежит самая обычная потребность в общении. Диане был чужд стиль бесед, который веками вытачивался в королевских резиденциях. «Все придворные говорят загадками, – недоумевала она. – Они никогда не выражают свои мысли прямо, и вам постоянно приходится самому додумывать, что же они хотели сказать на самом деле»[52].

У Дианы была Ферджи, но ее присутствия было явно недостаточно для заполнения коммуникативного вакуума.

Принцессе требовались еще собеседники, которым она смогла бы выговорить все, что наболело у нее на душе.

«Я была потрясена, когда Диана буквально на первой же встрече стала посвящать меня во все свои проблемы, как будто мы были знакомы уже много лет, – удивлялась астролог Дебби Франк. – Такое ощущение, что ей просто нужен был кто-то, с кем можно было поговорить»[53].

«Иногда она просто звонила, чтобы рассказать, как провела день», – вторит ей медиум принцессы Рита Роджерс[54].

Энергетическую целительницу Симону Симмонс, которая также пользовала принцессу, эта особенность даже возмущала:

«Диану очень трудно было лечить, потому что едва она входила ко мне в кабинет, как начинала говорить без умолку. Обычно первые десять минут у меня уходили только на то, чтобы ее успокоить. Затем принцесса начинала задавать бесчисленные вопросы. Когда же я тактично предлагала ей немного помолчать, она тут же говорила: „Сейчас, сейчас, только сначала я должна тебе сказать то-то и то-то, а иначе я не смогу успокоиться“. После того как я давала ей возможность выговориться, у нее тут же появлялась другая тема, которую ей срочно требовалось обсудить»[55].

Однажды, чтобы успокоить Диану или по крайней мере занять ее чем-нибудь другим, только не разговорами, Симона предложила ей смородиновые леденцы. К концу сеанса вся пачка леденцов была пуста![56]

Второй и значительно более важной причиной обращения Дианы к столь нетривиальному поиску помощи извне стала попытка найти путь к себе и преодолеть хроническую неуверенность в собственных силах.

«Нетрадиционные методики лечения были необходимы, потому что давали ей надежду, что она сможет отыскать ответы на интересующие ее вопросы, что она сможет справиться со своими проблемами, – считает Симона Симмонс. – Ведь на самом деле Диана была очень неуверенным в себе человеком. Я бы даже сказала, она была одной из самых неуверенных личностей, которых я когда-либо знала. Душевные переживания заставляли ее искать утешение самыми необычными способами, и вряд ли был хоть какой-то вид терапии, который она не попробовала»[57].

Так, в одной клиник на севере Лондона Диана проходила процедуру ободочного спринцевания; энергетический целитель Симона Симмонс лечила ее электромагнитным полем; Стивен Твигг предлагал «холистическую терапию» и глубокий массаж; доктор Мэри Лавдей прописывала принцессе Уэльской специализированный витаминный курс; а врач-лозоходец Джек

Темпл при помощи маятника выявлял у Дианы «энергетические блокады». Кроме того, для лечения болей в спине принцесса использовала мануальную терапию, для поддержания стройной фигуры – диету и Гербалайф, для повышения жизненной энергии – ароматерапевтический массаж с применением различных масел и китайскую гимнастику тайцзицюань, для снятия напряженности в теле – массаж ступней и акупунктуру.

«Иглоукалывание помогает мне обрести спокойствие и расслабиться, – признавалась супруга Чарльза. – В такой работе, как у меня, я не могу позволить себе паниковать»[58].

Использование игл порой доходило до исступления. Например, когда в 1997 году аукционный дом Christie's организовал распродажу 79 платьев принцессы, Диана так переживала, что решила отправиться на мероприятие с иглами в ушах. Она попросила своего стилиста Натали Симонс сделать ей такую прическу, чтобы можно было скрыть от публики столь необычные предметы[59].

Среди прочих методик по обретению эмоционального здоровья особого упоминания достойна так называемая терапия высвобождаемым гневом. В ходе ее проведения Диана кричала, ругалась, топала ногами и лупила подвесную грушу, чувствуя, как с каждым криком или ударом по груше неприятные эмоции покидают ее тело и ей становится легче.

Отдельной темой станет предсказание будущего. Принцессу волновали три вопроса: «Удастся ли мне вернуть Чарльза?», «Что меня ожидает?» и «Обрету ли я, наконец, счастье?»[60].

Обычно Диана говорила:

«Я не верю полностью в астрологию. Специалисты в этой области больше имеют дело с предположениями и указанием каких-то направлений, чем конкретно с событиями, которые должны произойти»[61].

И тем не менее ее веры окажется достаточно, чтобы детально изучить свой звездный знак.

«Диана считала, что, как и у их биологических собратьев, астрологические Раки имеют толстый хитиновый слой, под которым скрывается мягкое нутро, – замечает Пол Баррелл. – Еще она считала, что именно принадлежность к Ракам объясняет ее любовь к воде и долго лелеемую мечту переехать на побережье»[62].

Также принцесса неоднократно пересказывала свои гороскопы (с трепетом, а не с иронией) в беседах с близкими друзьями, возможно и подстраивая под них свою жизнь.{35}

Куда более необычным выглядит увлечение принцессы гипнозом и спиритизмом. Во время гипнотических сеансов Диана

пыталась визуализировать свою злость. Затем она направляла ее в камин, где та благополучно исчезала в языках пламени.

Что касается спиритизма, то, как утверждала сама Диана, ей удалось вступить в контакт с духом своего дяди Эдмунда, пятого барона Фермоя, покончившего жизнь самоубийством в августе 1984 года после продолжительной и безуспешной борьбы с депрессией, а также с любимой бабушкой, графиней Цинтией Спенсер. По заверениям принцессы, Цинтия всегда заботилась о ней из потустороннего мира[63].

Сама Диана считала, что на этой планете она живет уже не первый раз. Принцесса верила, что в прошлой жизни была мученицей во времена Иисуса Христа. Одному из своих астрологов Пэнни Торнтон она призналась, что слышит голоса, указывающие ей на определенные действия, а иногда и просто подающие определенные сигналы. Так, у нее было «странное чувство» как раз накануне того момента, когда у Джонни Элторпа случился обширный инсульт[64].

Кроме того, принцесса искренне верила, что обладает уникальными способностями производить диагностику по фотографии. Например, во время своего визита в Южную Африку в 1997 году она сказала Нельсону Манделе, что у него проблемы с селезенкой и почками. А премьер-министру Джону Мейджору принцесса порекомендовала больше внимания обращать на свое сердце. Тот лишь рассмеялся в ответ, восприняв это как милую шутку[65].

Необычное увлечение принцессы различными методиками восстановления здоровья и обретения душевного спокойствия было настолько велико, а его природа – настолько разнообразна, что оно невольно вызывало скептицизм как у друзей Дианы, так и у самих целителей.

«У принцессы порой на один день было запланировано до пяти различных сеансов. Она переходила от одного способа лечения к другому, не удовлетворенная их результатами, – вспоминает Симона Симмонс. – Диана чувствовала, что ей не хватает чего-то важного. Она с энтузиазмом обращалась к всевозможным видам лечения, считая их волшебной палочкой. Один взмах – и все прошло»[66].

Но ничего не проходило. Обращение к оккультным наукам не смогло улучшить психологический климат знаменитого брака. Супруги Уэльские все больше отдалялись друг от друга, превращая совместную жизнь, начало которой положила свадебная церемония 29 июля 1981 года, в несостоявшуюся сказку.

В этом плане очень показателен спектакль – а по-другому это

просто не назовешь, – который супруги Уэльские разыграли в ноябре 1990 года, когда восьмилетний принц Уильям пошел в свою первую школу Ладгроув в Беркшире.

Биограф Дианы Тина Браун сравнила передачу Уильяма из рук в руки с «обменом политическими преступниками у Берлинской стены»[67]. И она была недалека от истины. Вместо того чтобы, как любая счастливая семья, приехать к зданию школы вместе, Диана со своим сыном отправились на «ягуаре» из Кенсингтонского дворца, а Чарльз на «бентли» из любимого Хайгроува. Обе машины въехали на территорию школы через задние ворота. Затем за разросшимися лавровыми кустами Диана и Уильям пересели в машину Чарльза, и только после этого (уже в полном составе) «бентли» принца подъехал к парадному входу. Школу чета Уэльских покинула не менее таинственным образом. Диана и Чарльз выехали на одной машине. Оставшись без свидетелей (как им тогда казалось{36}), они вновь расселись по разным автомобилям[68].

По мнению Дианы, после восьми лет брака ее взаимоотношения с мужем стали «сложными и запутанными». Как она сама говорила, «Чарльз превратил мою жизнь в самую настоящую пытку»[69].

О том, что имела в виду принцесса, красноречиво свидетельствует следующий эпизод, произошедший в марте 1989 года во время официального турне по странам Персидского залива. Чарльз сознательно старался отстранить свою супругу от общения с представителями правящих домов. Однако полностью это сделать ему не удалось, и во время кофе-брейка один из эмиров все-таки обратился к Диане:

– Что Ваше Королевское Высочество собирается делать во время пребывания в нашей стране?

Принцесса сразу оживилась. Она уже приготовилась рассказать о напряженной программе, которую для нее подготовил пресс-секретарь Патрик Джефсон – посещение клиники для умственно отсталых детей, медицинского центра для женщин-иммигранток и бизнес-школы для девушек, – как ее неожиданно оборвал Чарльз:

– Шопингом, не так ли дорогая?

Диана тут же покраснела, пробормотала что-то себе под нос и замолчала до конца мероприятия.

Ставший свидетелем этого инцидента Патрик Джефсон вспоминал:

– Слова принца в этой мертвой тишине упали, словно камни на фарфоровую тарелку.

Когда все закончилось, Патрик подошел к прежнему

секретарю супругов Уэльских Джону Райдделлу и спросил:

– Я правильно понял этот эпизод?

– О, да! – ответил Джон. – Это и есть тот мир, в котором они живут![70]

Аналогичный инцидент произошел в апреле 1991 года во время визита в Бразилию. Свидетелями разделявшей супругов пропасти на этот раз оказались посол Бразилии в Великобритании Паоло Тарсо Флеха де Лима и его жена Люсия.

Паоло вспоминает:

– Диана и Чарльз разговаривали между собой, но при этом чувствовалось, что их беседа лишена естественной легкости. Они были очень напряженны.

В самолете Диана принялась читать какие-то материалы. Поймав на себе взгляд посла, она с гордостью сказала:

– Это мое домашнее задание по Бразилии.

Паоло даже не успел сказать что-то в ответ, как в салоне раздался язвительный голос Чарльза:

– Да, она практически ничего не знает о Бразилии[71].

Помимо всего прочего не зарубцевалась и рана, связанная с присутствием миссис Паркер-Боулз. Скорее наоборот. По словам астролога принцессы Дебби Франк, в конце 1980-х годов отношение Дианы к Камилле превратилось в самую настоящую «навязчивую идею»[72].

Вердикт Дианы был однозначен:

– В браке нас было трое, так что теперь там стало тесно.

Она была права. Брак не лодка Джерома К. Джерома. Троим в нем действительно тесно. Не потому ли теперь принцесса не стеснялась обсуждать проблему супружеской измены не только со своими друзьями, но и с обслуживающим персоналом?

Как и следовало ожидать, подобная открытость не встретила одобрения у членов королевской семьи. «И стоит переживать из-за таких мелочей? К тому же – что она, первая, кто оказался в такой ситуации?» – недоумевали Виндзоры. Одним удивлением, правда, дело не ограничивалось. Придворные перешептывались, что королева-мать была «очень раздражена» поведением своей невестки[73].

Но если кто забыл, Диана была из рода Спенсеров, а они не привыкли молчать, когда им наступают на ноги. В феврале 1989 года на торжественном приеме в доме сэра Джеймса и Аннабель Голдсмит, устроенном в честь сорокалетнего юбилея сестры Камиллы Аннабель Эллиот, Диана дала самый настоящий бой своей сопернице.

Уже само появление принцессы на этом мероприятии в Ормлилодж-хаус вызвало удивление у многих – и чувство

неприятия у ее мужа. Телохранитель Кен Уорф вспоминал, что всю дорогу в Ричмонд Чарльз, не скрывая своего недовольства, упрекал Диану за ее нежелание пропустить юбилей[74]. Сама принцесса выразилась более эмоционально: «Он колол меня всю дорогу… колол, колол, колол!»[75]

Впоследствии Диана назовет свое решение появиться в Ормлилодж-хаус «самым смелым поступком за все девять лет совместной жизни»[76].

Развязка произошла, когда обед уже закончился и все разошлись по интересам, обсуждая последние новости и сплетни. Оставив супругу одну, Чарльз уединился вместе с одним из гостей и Камиллой в оранжерее. Друзья принца пытались отвлечь Диану пустыми разговорами, но она не для того приехала на званый прием, чтобы терпеть подобное унижение. Выждав полчаса, принцесса отправилась искать своего супруга. В оранжерее на цокольном этаже она увидела Чарльза в компании какого-то мужчины и миссис Паркер-Боулз. С «могильным спокойствием» (по ее же собственным словам{37}) она сказала:

– Камилла, я хотела бы с вами наедине обсудить сложившуюся ситуацию.

Чарльз со своим другом нехотя пошел наверх, где его уже ждала (совершенно некстати) Аннабель Голдсмит. Хозяйка дома собиралась познакомить принца с коллекцией картин своей дочери Джейн Бирли.

Когда женщины остались одни, Диана села рядом с Камиллой и, глядя в глаза своей визави, строго произнесла:

– Я хочу, чтобы вы знали – я отлично осведомлена о том, что происходит между вами и моим мужем. Я не вчера появилась на свет! И не стоит меня воспринимать как дуру![78]

Что ответила Камилла и как дальше развивался диалог, осталось загадкой. Известно только, что спустя некоторое время у Дианы состоится следующая беседа с Чарльзом.

– Дорогой, тебе, наверное, интересно, о чем мы говорили с Камиллой?

– Да, – ответил принц.

– Мне нечего скрывать, можешь спросить у нее, – произнесла Диана. – Я просто сказала, что люблю тебя![79]

Теперь уже непринципиально, сказала ли она тогда Чарльзу правду или просто слукавила, – главное другое. Из этой фразы становится понятна позиция Дианы, которая в тот момент не только не собиралась бросать своего мужа, но, если это потребуется, готова была бороться за него. Аналогичный вывод напрашивается и из другого упоминания об этой встрече.

«Я спросила Камиллу: „Что я сделала неправильно? Что во

мне не так? Почему он хочет с тобой больше проводить времени, чем со мной?“»[80].

Насколько бы фантастично это ни звучало, но после всего пережитого Диана действительно не теряла надежду сохранить брак. Ее друзья даже стали разрабатывать полушутливые, полусерьезные планы о восстановлении отношений с принцем. По словам одной из ее подруг, «Диана хотела иметь от него ребенка, она отчаянно хотела иметь от него ребенка. Она все еще любила Чарльза»[81].

На обратном пути из Ормлилодж-хаус уже Диана «колола» своего мужа. Она то и дело повторяла:

– И как ты только мог поступить так со мной! Это же настолько оскорбительно и унизительно! Как ты мог![82]

Но Чарльз лишь молча смотрел на мелькающий за окном пейзаж.

По приезде в Кенсингтонский дворец у принцессы началась истерика.

«Всю ночь я провела в слезах, – вспоминает она. – Я еще никогда так не рыдала. Я плакала и плакала, чувствуя, как с каждой новой слезинкой наружу выходит горе, которое за все эти годы накопились в моем организме»[83].

Принцесса не хотела понять, что в отношениях с Чарльзом произошел надлом, и если сохранить брак было еще возможно, то хрустально чистое чувство любви – вряд ли. Другая бы на ее месте смирилась, закрыв глаза на происходящие в семье несуразицы, но для Дианы подобная эмоциональная толерантность была просто немыслима. Безразличие Чарльза лишь с новой силой запустило маховик депрессии и саморазрушения.

«В характере Дианы присутствовал сильный конфликт двух различных персоналий, – замечает одна из ее подруг Роза Монктон. – Она была очень сложным человеком, с одной стороны, и простым, наивным ребенком – с другой. Подобное сочетание порой значительно усложняло ей жизнь. И если одна сторона ее личности была словно доброе и отзывчивое существо, то другая больше напоминала раненого зверя. Но, как и любое раненое животное, Диана могла быть жестокой, причиняя боль тем, кто, по ее мнению, представлял опасность»[84].

Все эти эпизоды из жизни четы Уэльских недвусмысленно говорили о нависших над браком тяжелых предгрозовых тучах внутренних противоречий, конфликтов, измен и недопонимания. Другой вопрос – хватит ли этих составляющих, чтобы, преодолев сопротивление дворцовых устоев и правил, подвести под знаменитым браком черту развода? Вскоре жители Туманного

Альбиона узнают на него ответ…

Decree nisi{38}

Во время беседы с одним из своих близких друзей принцесса призналась, что планирует в июле 1991 года «освободиться»[1]. Вряд ли она говорила о разводе. Скорее, речь шла о возможности начать новую, раздельную жизнь – только уже не как супруги принца Уэльского, а как матери потенциального наследника престола.

Диана не случайно выбрала эту дату – именно на июль приходились сразу два юбилея: собственное тридцатилетие и десятилетняя годовщина совместной жизни с Чарльзом. Сохранились сведения, что расставание с Чарльзом должно было совпасть с разрушением брака ее лучшей подруги Сары Фергюсон[2], отношения которой с герцогом Йоркским, принцем Эндрю также были далеки от идеала, и уже давно. Если подобные замыслы действительно существовали, то совместный выпад «виндзорских хулиганок» мог серьезно сказаться на монархии.

Однако ничего не произошло. И, как считает близкий друг Дианы Джеймс Хьюитт, ничего другого и ожидать было нельзя:

«В Букингемском дворце просто не допустили бы, чтобы две женщины одновременно объявили о расставании – с Эндрю и Чарльзом. Диане дали в весьма определенных выражениях понять, что в таком случае последствия для Виндзоров будут катастрофичными»[3].

Из триумфального сражения с Системой (или, как теперь Диана нередко называла штат при королеве, – с Фирмой) ее день рождения и десятая годовщина брака с Чарльзом превратились всего лишь в локальные PR-бои с привлечением прессы.

28 июня «Daily Mail» вышла с заголовком: «С Днем рождения, дорогая! Я не смогу присутствовать на вечеринке». В статье сообщалось, что, скорее всего, Диана отпразднует свой юбилей в отеле «Савой» в компании близких друзей, в числе которых имя ее супруга не значится[4].

Чтобы сохранить лицо, Чарльзу пришлось предпринять ответные шаги. Спустя два дня известному светскому обозревателю Найджелу Демпстеру позвонили из пресс-службы принца и объяснили сложившуюся ситуацию: «Его Королевское Высочество предложил своей супруге все, что она хотела, – праздничный ужин, бал, но она отказалась, предпочитая остаться в роли мученицы»[5].

После обмена PR-ударами, этот раунд остался за Дианой. На следующее утро она с удовольствием узнала, что, согласно опросам общественного мнения, ее выбрали самым популярным

членом королевской семьи.

8 июля супруги Уэльские присутствовали в Альберт-холле на «Реквиеме» Джузеппе Верди. Когда прозвучала финальная кода, Диана повернулась к залу и начала махать публике. Раздался гром аплодисментов.

Журналист Эндрю Нил вспоминал:

«Услышав овацию, устроенную слушателями его супруге, Чарльз буквально выскочил из королевской ложи. Он выглядел очень жалким»[6].

Впоследствии председатель Комитета по жалобам на прессу лорд Макгрегор обвинит Диану в манипулировании средствами массовой информации. На самом деле все эти статьи были еще цветочками. В июле 1991 года Диана начала готовить настоящую PR-бомбу. О том, из каких компонентов она состояла и какой урон нанесла членам королевской семьи, мы поговорим позже, в соответствующей главе, посвященной прессе. Сейчас же самое время рассказать о другом, не менее удивительном событии.

18 декабря 1989 года Чарльз гостил в поместье Итон-лодж, принадлежащем семидесятичетырехлетней вдовствующей герцогине Вестминстерской. Поздним вечером, как ни в чем не бывало, он снял телефонную трубку и, набрав номер Камиллы, стал с ней беседовать. Их разговор не сильно отличался от множества других разговоров влюбленных. За одним исключением. Шесть минут телефонного диалога были записаны на аудиопленку. Впоследствии этой записи присвоят даже отдельное имя – «Камиллагейт».

Худший анти-PR не приснился бы Чарльзу даже в самом жутком кошмаре. Нет, он не сказал ничего аморального, просто он был искренен, излагая мысли, которые должны были услышать не миллионы людей, а один-единственный человек[7]. Чарльз фантазировал на эротические темы и признавался Камилле в любви.

Когда Диана прослушала запись, она пришла в ужас. Больше всего ее потрясла даже не откровенность – степень близости между Камиллой и Чарльзом для принцессы давно уже не была секретом. Нет. Ее поразило другое. Бóльшую часть записанного фрагмента влюбленные обсуждали банальный вопрос – где предаться любви в ближайшее время. Прозвучали имена многих людей, которых принцесса считала своими друзьями. Они не только знали о существовании романа, но частично способствовали его развитию. Неудивительно, что после этого с большинством из них Диана расторгла дальнейшие отношения.

Несмотря на общественный резонанс, возникший после обнародования записи, «Камиллагейт» – всего лишь одна сторона

медали уникального эпизода из истории Британского королевского дома. Вторая сторона также касалась записи частного разговора, но уже другого. Теперь его участниками были Диана и один из ее друзей – Джеймс Гилби. Историческая беседа состоялась спустя две недели после «Камиллагейта», накануне нового, 1990 года, и получила название «Сквиджигейт».{39}

В отличие от Чарльза, Диана не обсуждала интимные подробности своей жизни. Скорее даже наоборот.

Едва Гилби начинал говорить на околосексуальные темы, она тут же меняла тему. И тем не менее запись разговора представляла для принцессы большую угрозу. Образ невинной жертвы, к которому привыкли миллионы ее поклонников и поклонниц, мог быть разрушен. Перед слушателями предстал совершенно другой человек – отличный от того, которого они привыкли видеть на страницах газет и журналов или на экранах телевизоров. В «Сквиджигейте» Диана сплетничает о Ферджи и обсуждает эту «чертову семейку».{40} Она выдает за интеллектуальную победу диалог с епископом из Норвича (по ее же собственным словам – «с этим чертовым епископом»), которая по меньшей мере такой не является. Принцесса хочет придать себе вес и, тем не менее, ищет одобрения среди других, более старших членов королевской семьи. И в первую очередь – королевы-матери.

– Бабушка Чарльза всегда смотрит на меня с очень странным выражением лица, – говорит она Гилби. – Нет, это не ненависть. Больше похоже на одновременное проявление интереса и жалости. Я так и не понимаю ее до конца. Каждый раз, когда я ловлю ее взгляд, она загадочно улыбается и отводит глаза.

Однако не этого фрагмента Диана боялась больше всего. Куда опаснее было следующее.

Диана: В мои планы не входит беременеть.

Гилби: Это и не произойдет. Хорошо?

Диана (*хихикая*): Конечно.

Гилби: Не думай об этом. Ты не забеременеешь, это не случится[8].

В этих четырех репликах содержится фактическое признание в супружеской измене. Только теперь уже со стороны принцессы Уэльской. Все это могло закончиться для Дианы не только большими финансовыми потерями в случае развода – если, конечно, до этого дойдет, – но и нанести непоправимый вред ее репутации.

При прочтении расшифровок «Камиллагейта» и «Сквиджигейта» невольно возникают два вопроса. Кто их записал? И как вообще стала возможна их публикация?

Согласно официальной версии, разговор Дианы и Гилби был записан бывшим банковским служащим, семидесятилетним Сирилом Риненом. Он просто баловался аппаратурой, сканирующей радиоспектр, и случайно наткнулся на беседующих. Первоначально Ринен собирался предупредить принцессу, что ее, мол, подслушивают. Но потом, словно вспомнив максиму проницательного Шарля Мориса де Талейран-Перигора «Избегайте первых побуждений, поскольку они почти всегда благородны», – решил не торопиться. А уже когда осознал, что на этом можно заработать неплохие деньги, смело нажал кнопку «REC».

Не менее случайным образом была произведена и запись «Камиллагейта»[9].

Случайность! А может, и в самом деле случайность? Как ни странно, но в случае с разговором Камиллы и Чарльза такая вероятность существует. Какой-нибудь любитель, решивший проверить новый комплект радиосканирующей аппаратуры, вполне мог поймать откровения принца и записать их.

Однако во втором случае все не так просто. Базовая станция в Абингдоне, единственная, с которой Ринен мог перехватить сигнал, заработала только 3 марта 1990 года – то есть спустя два месяца после записи разговора. Версия Ринена вызвала сомнения и у технических специалистов, проверявших как саму запись, так и его аппаратуру. Вердикт однозначен: «Эта запись не могла быть выполнена на оборудовании мистера Ринена, как, впрочем, и на любом другом устройстве, настроенном на рабочий диапазон частот базовой станции в Абингдоне»[10].

Специалисты все больше сходятся во мнении, что «Сквиджигейт» записан не с радиоэфира, а с телефонной линии где-то на участке между спальной Дианы в Сандрингеме и ближайшим коммутатором. По словам биографа Дианы Тины Браун, «старшие сотрудники дворца могли видеть в Диане источник проблем, считая ее угрозой монархии. Как только стало известно о записи телефонного разговора Чарльза и Камиллы и о том, что она уже продана прессе, тут же потребовалось произвести новую запись, которая на этот раз дискредитировала бы его супругу»[11].

Но если разговор между Дианой и Гилби записали с телефонной линии, тогда возникает другой закономерный вопрос: как запись оказалась у бывшего банковского служащего? На этот вопрос возможны только два ответа: либо ему кто-то передал запись, либо была организована ретрансляция телефонного разговора спустя некоторое время. В пользу последней версии говорят признания самого Ринена,

утверждавшего, что он записал телефонный разговор 4 января 1990 года, то есть спустя несколько дней после того, как он действительно состоялся.

Так или иначе, пройдет два года, прежде чем расшифровки «Камиллагейта» и «Сквиджигейта» увидят свет,{41} не принеся счастья ни одному из участников. А пока записи мирно лежали на полках и ждали своего часа, на королевскую гавань надвигался новый мощный шторм.

За те пять лет, что прошли с момента свадьбы четы Йоркских, отношения Дианы и Ферджи сильно изменились. Первоначальную легкость в общении заменило банальное соперничество за внимание у публики. Даже отличия во внешности – рыжий цвет волос супруги Эндрю и ее полнота, – раньше так органично дополнявшие обеих принцесс, теперь стали восприниматься исключительно как инструменты в борьбе за общественную популярность.

Увидев однажды в газете заметку о «заботливой Ферджи», Диана злобно скажет своему пресс-секретарю Патрику Джефсону:

– Патрик! Не кажется ли вам, что мы слишком много в последнее время читаем об этой рыжей леди![12]

После беседы с принцессой Джефсон не без сожаления отметит:

«Диана постоянно терзает себя мыслью, что вместо полезного дополнения к ее собственной красоте Ферджи превратилась в самого обычного конкурента»[13].

Популярность герцогини Йоркской у СМИ была не единственной причиной, которая приводила Диану в бешенство.

«Ферджи нравилась королеве! – признался один из придворных»[14], и это ранило принцессу Уэльскую больнее всего.

Супруга Эндрю любила лошадей, была жизнерадостна и, как оказалось, больше соответствовала стандартам королевской жизни.

– Почему ты не можешь вести себя так же, как Ферджи? – упрекал свою жену Чарльз[15].

Это было уже слишком. Диану трясло от подобного отношения.

«Я была чертовски ревнива в отношении своей невестки! – вспоминает принцесса. – Я никак не могла понять, как Ферджи могла быть счастлива там, где я практически боролась за выживание? Как она могла воспринимать все это настолько спокойно? По сравнению с ней я выглядела каким-то отбросом. Все на меня смотрели и думали: „Какая жалость, что Диана такой интроверт, – слишком поглощенная решением своих

проблем“»[16].

В начале 1990-х годов принцесса Уэльская и герцогиня Йоркская сидели уже в разных лодках, хотя бурлящая река жизни и несла их к одному водопаду. Их все еще можно было увидеть болтающими друг с другом по телефону, обсуждая, как лучше выйти из сложившейся ситуации. Но как однажды верно заметил Стефан Цвейг о появлении вместе двух непримиримых врагов-министров Талейране и Фуше: «Если собака и кошка заключают союз, они делают это против повара». Во времена Талейрана и Фуше «поваром» был император Франции Наполеон Бонапарт. Теперь им стал королевский истеблишмент.

В поведении «виндзорских хулиганок» все больше стал проявляться бунтарский дух, направленный против закостеневших устоев и правил. Однажды вечером в Балморале Ферджи и Диана сели на мотоцикл и начали гонять на нем по полю для гольфа, чем сильно повредили ухоженный газон. Затем они взялись за «даймлер» королевы-матери. Диана села за руль, надев на себя кепку шофера. Сара расположилась сзади на пассажирском сиденье. Молодые женщины стали нарезать круги по гравию, окружающему дворец[17].

Шутки шутками, но это было бы смешно, если бы не было так грустно. 15 января 1992 года «Daily Mail» вышла с сенсационными фотографиями Сары и ее любовника Стива Ватта, мило проводящих время на отдыхе. Спустя шесть дней супруги Йоркские прибыли в отдельных машинах в Сандрингем для консультации с королевой. Елизавета предложила им не торопиться и подумать некоторое время. Однако ее совет уже не смог залатать возникшую трещину, брак Йоркских был обречен.

Сара наивно предполагала, что Диана последует ее примеру и также объявит о разрыве отношений с Чарльзом. Но принцесса не торопилась совершать необдуманные шаги. Вместо этого она решила использовать свою бывшую подругу. По собственному признанию Дианы, Ферджи превратилась для нее в «желтую канарейку»[18], с помощью которой британские шахтеры определяют залежи метана. На примере Сары принцесса хотела посмотреть, что будет ожидать ее, если она все-таки согласится начать бракоразводный процесс.

Так что же увидела Диана? Ничего обнадеживающего. Едва в марте 1992 года было официально объявлено о том, что супруги Йоркские расстаются, как Ферджи тут же вычеркнули из списка приглашенных на все мероприятия с участием членов королевской семьи. Не лучше обстояли дела и с финансовой стороной дела. После десяти лет брака с герцогом Йоркским у Сары были долги на общую сумму в пять миллионов фунтов плюс

гремучая смесь обиды и ненависти. Единственное, что оставалось Ферджи, – это уповать на милость Виндзоров. На шестьсот тысяч фунтов из королевской казны бывшей невестке королевы будет куплен дом – с условием, что она запишет его на своих дочерей и не сможет продать ради укрепления собственного финансового положения. Также в фонд на имя детей Елизавета II передаст 1,4 миллиона фунтов.

После этого начинаешь понимать, что «публичная вивисекция», как назвала ее сама Сара[19], была не просто красивым фразеологическим оборотом, призванным заострить внимание современников.

Обратила ли на это внимание Диана, сделала ли соответствующие выводы? Скорее всего, да, хотя сохранить брак с каждым днем становилось все труднее и труднее. Символом отношений между супругами Уэльскими в начале 1990-х годов стала знаменитая фотография Дианы на фоне Тадж-Махала.

Мавзолей-мечеть Тадж-Махал был построен в первой половине XVII века по приказу императора Шах-Джахана из династии Великих Моголов в память о любимой супруге Мумтаз-Махал, скончавшейся при родах.{42} Это один из лучших памятников, созданных человеком ради прекрасного чувства любви. А одинокая фигура Дианы с развевающимися на ветру волосами, сидящая на мраморной скамейке напротив белоснежного здания, превратилась в символ разрушенной любви.

А ведь четырнадцать лет назад, сидя на этой же скамейке, Чарльз убеждал присутствующих, что в один прекрасный день он обязательно привезет сюда, к Тадж-Махалу, свою будущую жену. Теперь они были вместе в Индии, но перед мавзолеем Диана сидела одна.

На следующий день прессе представилась новая возможность лицезреть, насколько испортились отношения между супругами. Во время игры в поло Чарльз забил победный гол. После матча он подошел к жене, намереваясь поцеловать ее в щеку. Но Диана в самый последний момент отвернула голову, и Чарльз с неловко раздвинутыми губами, приготовленными для поцелуя, неуклюже уперся в ее ухо. Все это было тут же запечатлено проворными фотокорреспондентами. «Daily Mirror», в частности, вышла с язвительным заголовком на первой полосе: «О, перестань, Чарльз! Ты ведь можешь гораздо лучше!»

Представители пресс-службы дворца попытались обратить время вспять и использовать официальный визит четы Уэльских в ноябре 1992 года в Южную Корею как попытку примирения. Но и в этот раз ничего не получилось.

«Едва открылась дверь самолета, я тут же поймал себя на мысли: „Боже, все кончено!“ – вспоминает сопровождавший Диану и Чарльза Дики Арбитер. – Между ними не было никакого контакта. Такое ощущение, что их разделял какой-то неведомый глазу занавес. Когда они посещали военный мемориал на национальном кладбище, Чарльз скривился, словно шарпей. А Диана больше походила на мраморную статую»[20].

В конце поездки Чарльз признался одному из своих друзей:

«Психологическая нагрузка, выпавшая на мою долю, огромна. Я чувствую, что совершенно не подхожу для этой отвратительной деятельности, связанной с интригами и общим омерзением. Я не знаю, что произойдет дальше, но я боюсь этого»[21].

Представители прессы тут же дали супругам новое прозвище – Мрачные. Словно это были не те самые люди, которые летом 1981 года на глазах у миллионов людей целовались на балконе Букингемского дворца, а герои музыкальной драмы Рихарда Вагнера «Гибель богов»: «Hass' ich die Frohen, freue mich nie!».{43}

Провалившаяся попытка изобразить счастливую семью в Корее оказалась тем более заметна, что буквально через несколько дней, во время своего одиночного визита в Париж, Диана сумела очаровать всех – французский народ, прессу и президента Республики Франсуа Миттерана. Не зря пресс-секретарь принцессы Патрик Джефсон назвал это апогеем ее общественной деятельности.

К этому времени супруги уже давно жили разными жизнями: Чарльз в Хайгроуве, Диана – в Кенсингтонском дворце.

В понедельник 25 ноября 1992 года принц навестил свою жену, приехав в апартаменты № 8 и 9. Визит Чарльза был не случаен. В ходе беседы он сообщил Диане, что намерен подать на развод. Принцесса восприняла эту информацию спокойно, дав свое согласие. Адвокаты обменялись соответствующими документами, и начался бракоразводный процесс, а с ним и утомительное обсуждение вопросов, связанных с воспитанием детей, финансами и, наконец, тем местом, которое займет Диана в Соединенном Королевстве.

9 декабря 1992 года в 15 часов 30 минут с официальным заявлением в палате общин выступил премьер-министр Великобритании Джон Мейджор:

– Букингемский дворец с сожалением сообщает, что принц и принцесса Уэльские приняли решение расстаться. Их королевские высочества не ищут развода. Их конституционное положение и позиции в обществе останутся прежними. Данное решение принято обеими сторонами, и оба супруга будут принимать

участие в воспитании детей. Их королевские высочества продолжат принимать участие в общественных программах и начинаниях. Время от времени они будут посещать семейные торжества и национальные мероприятия вместе[22].

Затем уже от себя лично он добавил:

– Я уверен, что мое мнение разделяют вся палата и миллионы людей, которых она представляет. Мы должны поддержать принца и принцессу Уэльских. Я также уверен, что палата поддерживает их желание защищать свою частную жизнь.

Когда премьер сел на место, в обитом деревянными панелями зале палаты общин воцарилась тишина. Депутаты были потрясены. По словам члена парламента Робина Корбитта, «мы не имели ни малейшего понятия о теме выступления премьер-министра. Объявленная им новость была сродни бомбе, которая упала на здание парламента. Возможно, кто-то из кабинета министров и знал, что происходит. Для остальных же это был самый настоящий сюрприз. Мы были шокированы»[23].

Бывший премьер-министр Соединенного Королевства Эдвард Хит, первым взявший слово после выступления Джона Мейджора, назвал это «самым печальным заявлением, которое какой-либо премьер-министр делал в нашу эпоху»[24].

И это притом, что в тот момент еще никто не предполагал, что все действительно закончится разводом.

Раздельной жизнью – возможно, но развод – маловероятно.

А супруги тем временем готовились к жизни порознь, уничтожая – Диана в Кенсингтонском дворце, Чарльз – в Хайгроуве – все следы совместной жизни. Дизайнерам были даны четкие указания изменить интерьер, а грузчикам – перевезти все личные вещи бывших половинок.

Помимо вещей супруги разделили и обслуживающий персонал. Так, из Хайгроува к Диане был переведен Пол Баррелл, обнародовавший впоследствии немало тайн из частной жизни своего босса. Спустя годы он признавался в своих мемуарах «Королевский долг»: «Как только я узнал о разводе, я сразу понял – отныне мое будущее связано с принцессой. Я не упал духом. Я знал – ничего не бывает просто так»[25].

Баррелл лукавил, когда писал эти строки. На самом деле он не испытывал ни малейшего восторга от своего перехода к Диане:

«Пол не собирался работать на принцессу, – вспоминает Дики Арбитер. – Он выказал желание продолжать работать на Чарльза, однако принц был против его кандидатуры. В тот день как раз проходил рождественский благотворительный вечер. Помню, вечером я увидел Баррелла рыдающим над бокалом с виски. Он только и повторял: “Мне сказали, что отныне я работаю на

принцессу!“»[26].

Куда исчезло подобное недовольство, сказать трудно, но в последующие годы Пол настолько проникнется симпатией к Диане, что в его отношении к ней даже появится чувство ревности. Нет, не той ревности, что возникает между мужчиной и женщиной. Его ревность больше напоминала чувства Скупого Рыцаря, считающего принцессу «своей драгоценностью» и старающегося оберегать ее от неблагоприятного воздействия внешнего мира.

После разрыва отношений с Чарльзом Диана принялась сознательно акцентировать внимание на том, что она стала сильнее. Как описывал эти метаморфозы «ее» журналист из «Daily Mail» Ричард Кэй, «официальное расставание с супругом превратилось для Дианы в катализатор, который поспособствовал ее преображению из отчаявшейся принцессы в уверенную леди нового поколения»[27].

Но так ли обстояло дело на самом деле? К сожалению, нет. Сам Ричард Кэй, написавший эти бодрые строки, в приватных беседах говорил совершенно другое.

«Я никогда не находил ее сильной!» – признавался он[28].

С ним соглашается и Симона Симонс:

«Диана производила гнетущее впечатление. Она чувствовала себя отвергнутой, брошенной и полностью разрушенной»[29].

Первоначально принцесса бодро восприняла новость о расставании с мужем.

«„Он согласился! Он согласился!“ – постоянно твердила Диана. Я никогда еще не видел ее в таком состоянии. Возникало ощущение, что от радости она даже себя не контролирует», – записал в своем дневнике Джеймс Колтхерст[30].

Патрик Джефсон вспоминает, что после исторической беседы с Чарльзом принцесса пребывала в приподнятом расположении духа. Она села за фортепьяно и начала играть заводные мелодии, а члены ее команды принялись танцевать.

«Было такое ощущение, что мы очутились снова в детском возрасте: взрослые ушли и оставили нас на несколько часов одних, предоставив самим себе», – говорит Джефсон[31].

Но когда угар прошел, принцессу охватила тоска. Она не могла не понимать всю сложность своего положения. После одиннадцати лет брака у нее фактически ничего не было. Лишь какие-то безделушки и дешевая мебель из старой квартиры. Что же до знаменитых драгоценностей, то все они принадлежали либо семье Спенсеров,{44} либо короне. Помещения в Кенсингтонском дворце также являлись собственностью королевы.

Когда Диана позвонила своему другу Джеймсу Хьюитту, чтоб

поделиться с ним последними новостями, ее голос звучал «плоско и вяло».

– В любом случае мне не удастся получить то, что я действительно хочу, – с грустью сказала она[32].

Наибольшую обеспокоенность у принцессы вызывал ее общественный статус. Она отлично понимала, что после выхода из королевской семьи ее подвергнут не меньшой «вивисекции», чем Сару Фергюсон. В ее ушах все громче стало звучать мрачное пророчество Ферджи:

– Еще ни одной женщине не удавалось покинуть королевскую семью с головой на плечах[33].

Как сказал личный секретарь Чарльза Ричард Эйлард в беседе с Патриком Джефсоном:

– Нам необходимо найти способ посадить Диану в сейф. А там уж пускай она делает все, что ей только заблагорассудится[34].

На этот раз принцессе пришлось столкнуться не просто с прохладным безразличием придворных кругов – на нее надвигался гигантский айсберг королевской машины.

«Это была тотальная война – грязная, глубокая, злая», – вспоминает лорд Паламбо[35].

Чтобы лучше подготовиться к предстоящей борьбе, подруги советовали Диане получить образование, но она отказалась. Своим главным оружием принцесса избрала обаяние и умение сострадать. Можно лишь сожалеть, что она так и не смогла (а может, и не хотела) понять, что образование – это ноша, которая не тянет; оно не только не ослабило бы ее лучшие качества, а наоборот, подвело бы под них необходимую в таких случаях опору. Это сместило бы центр тяжести, сделав принцессу более устойчивой в море житейских неурядиц. Это помогло бы ей взглянуть на сложившуюся ситуацию не только на эмоциональном, но и на ментальном уровне.

Не желавшей что-либо серьезно менять в своей жизни Диане пришлось бороться со старыми демонами. В который раз ее стало засасывать вязкое болото одиночества.

«Люди наивно полагают, что в Кенсингтонском дворце жизнь бьет ключом: повсюду прислуга и придворные шуты. Но в половине шестого камердинер и горничная уходят домой, и дворец превращается в самое одинокое место на свете», – вспоминал телохранитель Кен Уорф[36].

– Я ненавижу тишину этого дома, – скажет Диана Полу Барреллу[37].

В довершении всего принцесса потеряла поддержку семьи, поссорившись со своим братом. Поводом для разногласий стал

загородный дом. Диана давно уже мечтала иметь свой собственный дом, где она могла бы хоть немного отдохнуть пусть и от любимого, но уж очень суетливого и шумного Лондона. Она нуждалась в уединенном месте, где можно спокойно отдохнуть с детьми и насладится свободой частного лица. В июне 1993 года у принцессы появилась такая возможность. Чарльз Спенсер предложил ей за 12 тысяч фунтов в год снять садовый домик в семейном поместье Элторп. Диана была в восторге.

Однако эйфория продлилась недолго. Спустя две недели Чарльз отозвал свое предложение, сославшись на чрезмерное внимание прессы, которая, по его мнению, сделает жизнь других обитателей Элторпа невыносимой. В качестве компенсации он предложил сестре занять фермерский домик, расположенный за пределами знаменитого парка. Принцесса пришла в бешенство от такого предложения.

– Он хочет лишить меня моего же наследства! – возмутилась она[38].

Чарльз пытался загладить вину и все объяснить, но Диана бросила трубку, даже недослушав его. Сев за рабочий стол, она написала ответное письмо, в котором не стала стесняться в выражениях. На этот раз из себя вышел девятый граф Спенсер. Не распечатывая переполненное ненавистью письмо сестры, он отправил его обратно с припиской: «Сомневаюсь, что чтение этого документа сможет улучшить наши взаимоотношения»[39].

Нашла коса на камень. Два Спенсера схлестнулись друг с другом, и ничем, кроме ссоры, это закончиться не могло.

В сентябре 1993 года Чарльз нанес новый, еще более болезненный удар. Он потребовал от Дианы вернуть фамильную диадему Спенсеров, которая была на ней в день свадьбы. Принцесса очень любила это украшение и часто надевала на официальные приемы в Букингемском дворце, на открытие ежегодных сессий парламента, а также на дипломатические рауты. Чарльз напомнил, что диадема была завещана ему седьмым графом еще в 1970-х годах и он передал ее сестре лишь на время; отныне диадему будет носить его супруга Виктория. Диана была уязвлена. Все ее нутро переполнял и обжигал самый страшный гнев – гнев бессилия. Скрепя сердце, принцесса вынуждена была подчиниться и передать любимое украшение своему теперь уже нелюбимому брату.

А тем временем часы неумолимо двигались вперед. Сначала пролетел 1993 год, а за ним 1994 и 1995 годы. Трудно сказать, сколько бы еще продлился изрядно затянувшийся период оформления развода, если бы не импульсивный поступок принцессы, согласившейся в ноябре 1995 года выступить с

откровенным интервью в передаче Мартина Башира «Панорама». Позже мы более подробно остановимся на обстоятельствах, связанных с этим поистине знаменательным событием. Здесь же отметим, что телевизионное откровение Баширу стало последней каплей, переполнившей терпение уже даже не Чарльза, не придворных, а самой королевы. Елизавета была оскорблена дерзостью невестки. 12 декабря она сообщила премьер-министру Джону Мейджору, что «в интересах страны» брак ее старшего сына «необходимо расторгнуть как можно скорее»[40].

О своем решении Елизавета также сообщила и главной виновнице всех событий. 18 декабря 1995 года специальный курьер доставил принцессе Уэльской личное послание королевы. За вежливыми оборотами – дань дипломатического политеса: «Дражайшая Диана!», «С любовью, мама» – проглядывалась стальная воля британского монарха. Королева поставила свою подданную перед фактом: «Вы должны развестись».

После письма Елизаветы Диане принесли второе послание – на этот раз от Чарльза. Принц Уэльский писал, что считает все это «личной и национальной трагедией», и поскольку развод является неизбежным, его следует совершить быстро, тем самым разрешив «печальную и запутанную ситуацию».

И здесь произошло самое интересное. Диана взяла тайм-аут, отказавшись от немедленного оформления всех бумаг.

«Они посоветовались с премьер-министром и архиепископом Кентерберийским, но это мой брак! – сокрушалась принцесса. – Они говорят об интересах страны. А как насчет моих интересов? Как насчет интересов моих мальчиков?»[41]

Диана знала, как напугать дворец. В случае ее отказа Чарльзу пришлось бы ждать еще два года, прежде чем получить право на развод без согласия жены. Шахматная партия грозила закончиться патом. Срочно требовалось вмешательство высшей инстанции.

Диана всегда очень уважительно относилась к королеве. «Я восхищаюсь ей», – призналась как-то принцесса[42]. Она считала свою свекровь единственным человеком среди Виндзоров, кто сможет помочь ей в случае неприятности. Однако, когда брак между супругами Уэльскими в середине 1980-х пошел под откос, даже Елизавета была вынуждена признаться своей невестке, что не в состоянии изменить ситуацию. Когда принцесса спросила:

– Что же мне делать?

Королева ответила загадочно:

– Я не знаю, но Чарльз безнадежен[43].

Теперь же, после неожиданного отказа принцессы предоставить развод, Елизавете ничего не оставалось, как взять

матримониальные дела старшего сына в свои руки. Для начала она пригласила Диану на аудиенцию.

Встреча состоялась 15 февраля 1996 года в Букингемском дворце.

– Я не хочу развода, – заявила принцесса. – Я все еще люблю Чарльза. Не все плохое, что случилось между нами, произошло исключительно по моей вине[44].

Но Елизавета уже приняла решение.

– Сложившаяся ситуация не принесет добра никому – ни стране, ни семье, ни детям, – произнесла она спокойным тоном; при этом в ее голосе чувствовалась такая решимость, что невольно мурашки бежали по телу. – Будет лучше, если вы разведетесь[45].

По настрою королевы стало понятно – впереди Диану неизбежно ждет развод, и вместо того, чтобы отрицать этот факт, лучше бросить все свои силы на получение максимальной выгоды из сложившейся ситуации. Принцесса была достаточно умна, чтобы понять: ветер переменил направление, и теперь, как никогда, ей следовало позаботиться о своем будущем – будущем вне королевской семьи.

Своим адвокатом Диана выбрала тридцатидевятилетнего Энтони Джулиуса, специализировавшегося не на бракоразводных делах, а на работе с исками в средствах массовой информации.

Когда принцесса позвонила Энтони и попросила представлять ее в этом деле, он ответил:

– Я согласен, но хочу, чтобы вы знали, – для меня этот первый развод.

– Все нормально, для меня тоже, – успокоила его Диана[46].

Подобная откровенность и деловой настрой вселяли оптимизм. Как знать, может быть, им и правда удастся подготовить достойный ответ королевской машине. Именно Джулиус посоветовал Диане сбить ритм переговоров, отказаться от быстрого расторжения брака и выиграть время. Нужно было тщательно продумать величину «контрибуции», которую принцесса будет просить у королевского дома. После длительных раздумий команда Дианы решила, что для ее безопасности и поддержания соответствующего общественного статуса необходимы 17 миллионов фунтов стерлингов.

Другим принципиальным вопросом стала борьба за титул «Ее Королевское Высочество» – не менее важная, чем получение указанной суммы. Это может показаться странным, но для такой страны, как Великобритания, и для того общества, в котором вращалась принцесса Уэльская, иметь подобный титул, присуждаемый и отбираемый лично монархом, значило быть не

только сопричастным с королевской семьей, но и обладать определенным положением. Без громкого титула принцессе пришлось бы приседать в реверансе перед каждым Виндзором, включая ее мужа и даже соседку по Кенсингтонскому дворцу *Ее Королевское Высочество* Мари Кристину, принцессу Кентскую. А для Дианы – матери будущего наследника престола – подобная процедура была не только неудобна, но и весьма унизительна.{45}

С борьбой за титул Британия впала в состояние дежавю. Почти за шестьдесят лет до развода четы Уэльских король Георг VI отказался присвоить титул «Ее Королевское Высочество» Уоллис Симпсон – супруге своего старшего брата, бывшего короля Эдуарда VIII, а ныне герцога Виндзорского. Подобное решение, как и в середине 1990-х годов, вызвало оживленные споры. Но Георг VI остался непреклонен. Это ему и только ему решать, кого делать членом королевской семьи, и Уоллис Симпсон – дважды разведенная американка, – согласно его представлениям, не слишком подходила для столь благородного статуса!

Теперь аналогичную головоломку предстояло решить дочери Георга VI Елизавете. Она считала, что разведенная жена Чарльза не может быть членом королевской семьи.

– Если говорить откровенно, я думаю, что титул «Диана, принцесса Уэльская» в данном случае будет более уместен, – озвучила она свою позицию[48].

Неудивительно, что переговоры шли трудно, пока окончательно не зашли в тупик. Для поиска новых решений инициативу на себя был вынужден взять Чарльз.

«Предлагаю встретиться без адвокатов и прийти к какому-нибудь решению, – написал он своей жене. – Давай забудем о прошлых обидах и перестанем портить себе жизнь»[49].

Беседа прошла 28 февраля в Сент-Джеймсском дворце. Сорок пять минут супруги пили чай и обсуждали сложившуюся ситуацию.

– Что бы ни случилось дальше, я всегда буду любить тебя, – сказала Диана[50].

Несмотря на столь откровенную фразу, душевной теплоты оказалось недостаточно, чтобы растопить лед недоверия. Единственный результат, к которому все-таки удалось прийти: Диана согласилась на развод при условии, что Корона удовлетворит все ее требования.

Сразу же после беседы с мужем Диана направилась в свой кабинет в Сент-Джеймсском дворце, откуда при участии советника по связям с общественностью Джейн Эткинсон сделала официальное заявление. В нем она указала, что не возражает

против развода, сохраняет за собой титул принцессы Уэльской, помещения в Кенсингтонском дворце и офис в Сент-Джеймсском дворце, а также право принимать участие в любых вопросах, связанных с ее детьми.

Адвокаты принца пришли в ярость. Теперь они поняли, для чего Диана просила своего мужа не распространяться о приватной беседе. Перехватив инициативу, принцесса первой сделала официальное заявление, чем нанесла упреждающий удар.

Обращает на себя внимание, что в заявлении принцессы отсутствовали притязания на титул «Ее Королевское Высочество». Быть может, Диана отказалась от борьбы в этом направлении? Королевские адвокаты уже вздохнули с облегчением, но не тут-то было! Отступив на одном фланге, принцесса пошла в наступление на другом. Журналисту «Daily Mail» Ричарду Кэю она передала следующий фрагмент для публикации: «Принцесса собиралась сохранить титул „Ее Королевское Высочество“, но противоположная сторона отказалась пойти на это. На решение столь сложного вопроса ушли последние две недели»[51].

По сути, эти слова взывали к народу и могли нанести сильный урон и без того потрепанному престижу королевского двора. Дворец был вынужден обороняться, и в этом, возможно, заключался главный, уже не тактический, а стратегический ход принцессы: тем самым она рассчитывала отвлечь внимание адвокатов мужа от не менее важного вопроса – финансы.

В течение трех последующих месяцев газеты не без удовольствия ломали голову и перья над проблемой: «Необходимо ли Диане сохранять титул?», а команда принцессы тем временем выдвигала все новые финансовые условия, претендуя уже на доходы Чарльза от герцогства Корнуолл и часть богатства самих Виндзоров.

В мае в приватной беседе с королевой Диана сообщила, что отзовет согласие на развод, если ее условия не будут удовлетворены в полном объеме. Переговоры, казалось, вновь зашли в тупик. После еще полутора месяцев безуспешных юридических хитростей королевские адвокаты были вынуждены признать свое поражение.

13 июля было составлено соглашение о разводе, в котором удовлетворялись все требования принцессы. А спустя еще два дня, 15 июля 1996 года, в небольшой комнатке в Первом суде в Сомерсет-хаус был подписан документ *decree nisi*, указывающий на то, что брак принца и принцессы Уэльских будет считаться официально расторгнутым спустя шесть недель, 28 августа. На всю процедуру ушло чуть более трех минут.

28 августа принцесса проснулась рано. Позавтракав грейпфрутом и медом, она стала рассказывать дворецкому о планируемых поездках: в сентябре – в Вашингтон, в ноябре – в Австралию. В момент ее воодушевленного монолога зазвонил телефон.

Это был личный секретарь королевы сэр Роберт Феллоуз. Однако в данный момент он звонил не как сотрудник Букингемского дворца, а как зять принцессы:

– Хочу пожелать тебе удачи в этот непростой день, – сказал он. – Что ни говори, это был прекрасный роман, хотя и с трагическим финалом.

– О нет! – воскликнула Диана. – Просто начинается новая глава. И помни, Роберт, я все еще люблю Чарльза. И буду любить его всегда[52].

Принцесса надела элегантный нежно-голубой костюм и отправилась в Ассоциацию английского национального балета. О том, что произошло дальше, вспоминает водитель, а по совместительству и телохранитель Дианы Колин Теббут:

– Никогда не забуду, что в 10 часов 26 минут, когда мы подъехали к входу, у нас был служебный «ягуар», а спустя всего две минуты – в 10 часов 28 минут – автомобиль принадлежал уже не нам[53].

Принцесса тоже подготовила сюрприз. Она знала, что ее приезда будут ждать десятки репортеров. Медленно продефилировав перед журналистами, Диана специально держала левую руку так, чтобы все обратили внимание на обручальное кольцо. Да, да, это было то самое кольцо, которое в феврале 1981 года Елизавета II выбрала в качестве подарка своей будущей невестке и которое теперь использовалось Дианой как еще одно оружие в PR-борьбе против Фирмы. Своим жестом принцесса недвусмысленно давала понять, что все еще любит бывшего супруга.

30 августа 1996 года в номере «London Gazette» была опубликована следующая заметка, составленная в характерных для таких случаев выражениях:

«Королева выразила удовлетворение жалованной грамотой от 21 августа 1996 года с большой государственной печатью, сообщающей, что бывшая жена сына монарха данного королевства отныне не будет иметь право титуловаться, величаться, именоваться или каким-либо еще способом соотноситься с титулом Королевское Высочество»[54].

Согласно договору Диана сохраняла за собой титул принцессы Уэльской до конца своих дней – или до тех пор, пока не выйдет второй раз замуж, – апартаменты в Кенсингтонском

дворце и получала единовременно 17 миллионов фунтов; еще 400 тысяч ежегодно шло на содержание ее штата и офиса.

Согласитесь, неплохой расклад. Даже потеря приставки HRH – Her Royal Highness – выглядело в данном случае не так уж и обидно. Одновременно с лишением титула было составлено интересное дополнение: «Диану принцессу Уэльскую следует считать членом королевской семьи»[55]. Кроме того, Диану поддержали дети.

– Не волнуйся, мамочка, – успокоил ее Уильям, – когда я стану королем, я верну тебе титул[56].

Просматривая перечень того, чего принцесса добилась после развода, невольно приходишь к выводу, что в этой бюрократической, юридической и матримониальной схватке она одержала победу. Это была ее вторая крупная победа. По «иронии истории» (как наверняка заметил бы Гегель) первая случилась за пятнадцать лет до этого, когда в оранжерее Виндзорского дворца Чарльз сделал ей предложение.

И тем не менее, одержав победу в битве за условия своей жизни после развода, Диана проиграла войну за счастливую семейную жизнь. Она это отлично понимала, и от этого понимания ей становилось только хуже.

28 августа она написала Полу Барреллу:

«Я никогда не хотела развода. Все, о чем я мечтала, так это о счастливой семейной жизни, о любви и поддержке Чарльза. У нас растут два замечательных сына, глубоко любимые обоими родителями. Часть меня всегда будет любить Чарльза. Как бы я хотела, чтобы он заботился обо мне и был бы горд моей работой.

Это были беспокойные пятнадцать лет, в которых присутствовали и зависть, и ревность, и ненависть со стороны друзей Чарльза и членов его семьи, – они так и не поняли меня. Все это причиняло мне сильную боль и доставляло массу беспокойства.

Я так хочу быть лучшим другом Чарльза, поскольку я понимаю его как никто другой»[57].

Принцесса Уэльская была права, когда в разговоре с Робертом Феллоузом сказала, что в ее жизни началась новая глава. Однако сколько еще тайн хранило ее прошлое…

Глава 4
БОРЬБА С ОДИНОЧЕСТВОМ

Новые кавалеры

В середине 1980-х годов взаимоотношения супругов Уэльских стали напоминать математическую функцию с отрицательной производной. И это притом, что речь шла о девушке, которой в 1985 году исполнилось всего 24 года и которая нуждалась в любви, как зеленые листья растений – в лучах солнца. «Брак века», как его называли журналисты, не смог предоставить это чувство в полном объеме, и принцессе ничего не оставалось, как попытаться восполнить недостаток любви в компании с другими представителями сильной половины человечества.

Одним из первых, с кем у Дианы завязались близкие отношения, стал ее телохранитель, сержант Барри Мэннеки, переведенный в штат принцессы в апреле 1985 года. Диану можно понять, и в том, что она выбрала телохранителя, определенно есть своя закономерность. Люди этой профессии всегда рядом, они приносят ощущение защищенности и всегда готовы поддержать в трудную минуту. Даже эмоционально скупая принцесса Анна, которую телохранители окружали с детства, в 1986 году не смогла устоять и влюбилась в одного из них.

Кроме того, Барри обладал многими чертами, которые всегда привлекают женщин. Он был уверен в себе, с прекрасным чувством юмора, легко сходился с людьми и быстро нашел общий язык с Уильямом и Гарри.

«Мэннеки был приятным парнем, искренним и очень отзывчивым, – свидетельствует один из членов обслуживающего персонала. – Общаясь с ним, вы невольно приходили к мысли: „Если что случится, я бы хотел, чтобы он был рядом“»[1].

Старший телохранитель Чарльза супреинтендант Колин Тримминг предупредил подчиненного об опасности чрезмерно дружеских отношений с Дианой, но Барри лишь отшучивался, утверждая, что между ним и принцессой отношения не выходят за рамки профессиональной этики. Однако это не так.

«Барри и в самом деле был в нее влюблен, – вспоминает один из сотрудников Хайгроува. – Чтобы нравиться принцессе, он накупил целую кучу свитеров из кашемира. Сразу было видно, что Диана вскружила ему голову»[2].

Принцесса платила взаимностью.

«Я всегда старалась выйти на прогулку, лишь бы увидеть его, – с волнением призналась Диана своему инструктору по постановке речи Питеру Сеттелену в 1992 году.{46} – Я испытывала состояние блаженства только тогда, когда Барри был рядом. Своим поведением я напоминала маленькую девчонку,

отчаянно стремившуюся заслужить похвалу»[3].

Обычно принцесса называла Мэннеки «мой парень»[4], а однажды – «любовью всей моей жизни»[5]. Последнее выглядит несколько странным, особенно если вспомнить прошлые высказывания Дианы, когда она использовала аналогичное выражение при описании своих чувств к Чарльзу.

И тем не менее – насколько далеко зашли отношения между принцессой и ее телохранителем? На этот счет, как и в том, что касается большинства других эпизодов из жизни Дианы, однозначного мнения нет. В вышеупомянутой видеопленке Питера Сеттелена принцесса заявляет, что между ней и Барри не было физической близости.

Если обратиться к воспоминаниям очевидцев, то они противоречат друг другу. Так, коллеги Мэннеки Кен Уорф и Колин Теббут считают, что Диана и Барри не были любовниками. В то время как прислуга, некоторые друзья и биограф Дианы Тина Браун сходятся в обратном.

Какие бы отношения ни складывались между ними, ясно одно – влюбившись в принцессу, Барри переступил черту.

«Он пренебрег золотым правилом и перешагнул черту, отделявшую серый ковер обслуживающего персонала от красного ковра членов королевской семьи, – говорит Кен Уорф. – Мэннеки стал типичной жертвой „лихорадки красного ковра“»[6].

Барри и сам это отлично понимал. И даже первое время беспокоился из-за сближения с принцессой.

«Он признался мне, что Диана буквально преследует его, – вспоминал журналист Эндрю Мортон. – Барри боялся, что потеряет работу»[7].

Но чары принцессы оказались слишком сильны. Устоять перед ними смог бы разве что Парсифаль, но никак не обычный телохранитель из Скотленд-Ярда.

Несмотря на жену и двоих детей, Мэннеки не справился с искушением. Он сделал шаг вперед на красный ковер и увидел перед собой разверзшуюся бездну только тогда, когда менять что-либо было уже слишком поздно.

Отношения между Дианой и ее телохранителем не могли долго оставаться незамеченными. В июле 1986 года принцесса и Мэннеки были застигнуты в компрометирующей обстановке. Уединение в гостиной, снятый пиджак Барри и милая шутливая беседа – для Мэннеки это был приговор.

«Это все было так тяжело, а люди настолько завистливы и ревнивы! – возмущалась принцесса. – О, эта злобная и ожесточенная атмосфера Кенсингтонского дворца! Когда всё обнаружили, его просто вышвырнули вон!»[8]

Аутодафе в королевской семье проводят решительно и незаметно для посторонних глаз. Оступившихся сначала переводят на другую работу, после чего их просто не замечают. В конечном счете наступает момент, когда персона нон грата добровольно уходит в отставку.

Аналогичный сценарий ждал бы и Мэннеки, если бы не трагическая случайность. Вскоре после инцидента он был переведен в батальон охраны дипломатического корпуса. 22 мая 1987 года в Южном Вудфорде, графство Эссекс, произошла автокатастрофа. Барри вместе со своим другом-полицейским мчался на мотоцикле «сузуки» по главной дороге. Неожиданно слева на большой скорости выскочил «форд фиеста». Произошло столкновение, удар был такой силы, что Барри скончался на месте.

«Смерть Мэннеки стала самым сильным ударом в моей жизни, – признавалась принцесса. – Я думаю, его убрали!»[9]

Предположения Дианы могли бы подтвердить и опасения самого Мэннеки. По словам одного из друзей покойного, «Барри был очень напуган. Он боялся, что с ним что-то произойдет»[10].

Однако любители сенсаций и теории заговора будут разочарованы. То, что произошло в Вудфорде, скорее всего – несчастный случай. За рулем автомобиля, неожиданно выскочившего на дорогу, сидела семнадцатилетняя Никола Чопп, водительский опыт которой практически был равен нулю.

Об автокатастрофе Диана узнала от своего мужа. Они ехали в аэропорт Норфолка, откуда должны были отправиться на Каннский фестиваль. Неожиданно Чарльз сообщил ей трагическую новость. Диана была потрясена. Причем потряс ее не только сам факт гибели бывшего телохранителя, но и поведение принца, который выбрал для новости самый неподходящий момент: как раз перед появлением принцессы на глазах многотысячной аудитории. Диана считала, что Чарльз сделал это специально.

«Мой муж все знал, но у него не было никаких доказательств. Поэтому он просто надо мной издевался. А я ничего не могла с этим поделать», – скажет потом Диана[11].

В Каннах принцессе придется изображать счастье, хотя в тот момент она страдала от душевной дисгармонии.

Описание этого эпизода будет неполным, если не отметить еще один немаловажный факт. Еще до гибели Барри в жизни Дианы появился новый мужчина. Им стал двадцативосьмилетний начальник квартирмейстерского отделения полка лейб-гвардии капитан Джеймс Хьюитт.

Первая встреча будущих любовников состоялась теплым

летним днем 23 июля 1986 года. В тот день весь Букингемский дворец пребывал в приятном возбуждении: младший сын королевы принц Эндрю, герцог Йоркский, женился на Саре Фергюсон.

Диана сидела около лестницы. Сбросив туфли, она поставила ноги на стул и уперлась в них подбородком, беседуя с кем-то из работников дворца. Неожиданно ее внимание привлек молодой капитан. Бросив на него оценивающий взгляд, Диана воскликнула:

– Хорош, как и его мундир![12]

Джеймс остановился. В течение некоторого времени они смотрели друг на друга. Прошло секунд тридцать, не более, но и их оказалось достаточно, чтобы огонек нового чувства начал потихоньку разгораться.

Желая познакомиться со статным офицером поближе, принцесса попросила придворную даму Хейзел Уэст пригласить Хьюитта на запланированный в Сент-Джеймсском дворце небольшой прием.

Джеймс был немало удивлен приглашением. Однако чувство неловкости длилось недолго. Едва он появился в апартаментах дворца, как к нему тут же подошла принцесса Уэльская. Между ними завязался оживленный разговор, во время которого Диана призналась, что боится лошадей:

– Это идет из детства, когда я упала с лошади и сломала себе руку. Тем не менее в глубине души я всегда мечтала освоить верховую езду.

Стоит ли удивляться, что Хьюитт с радостью предложил ей свои услуги.

Спустя несколько дней они начали первые уроки верховой езды в Гайд-парке. К счастью, Найтсбриджские казармы располагались совсем недалеко от одного из самых известных парков Лондона и – что намного важнее – городской резиденции принцессы Уэльской – Кенсингтонского дворца. После возведения Хьюитта в чин майора в 1987 году и его перевода в Комбермерские казармы в Виндзоре занятия верховой ездой были продолжены в Большом парке королевской резиденции.

Словно волна, чувства подхватили молодых людей и понесли навстречу неизвестному.

– Ты мне нужен, ты делаешь меня сильней, – целуя Хьюитта, шептала ему Диана, когда после занятий они шли подкрепиться в офицерскую столовую. – Если бы ты только знал, как я страдаю, когда тебя нет рядом. Я хочу одного – быть рядом с тобой![13]

Хьюитт был не из тех, кто блистал интеллектом,{47} но для Дианы это было больше достоинством, чем недостатком.

Влюбившись в Джеймса, она была на седьмом небе от счастья. Впервые после стольких лет брака она почувствовала себя внутренне раскрепощенной. Рядом с ней был мужчина, с которым не нужно претворяться, делать себя сильней, выносливей или хладнокровней. Любое проявление эмоций воспринималось уже не как слабость, а как самая обычная человеческая реакция. В одном из писем к Джеймсу она напишет: «Я просыпаюсь ночью и испытываю невероятное чувство – насколько сильно я люблю тебя. Как же я благодарна Господу, что ты появился в моей жизни!»[15]. Это – слова женщины, которая наконец обрела свое счастье.

Их отношения продлились пять лет, и для многих людей не являлись секретом. Знал о романе своей супруги и Чарльз. Однако он не стал ему препятствовать. За плотно закрытыми дверьми королевских резиденций существовали свои правила, и если вы действовали в рамках этих правил, вас оставляли в покое. Роман между принцессой и майором Хьюиттом, хотя и был вполне искренен, за установленные рамки не выходил, а значит, де-факто был разрешен. Сам Джеймс Хьюитт прокомментировал это следующим образом: «Диана и Чарльз заключили негласное соглашение: я был частью жизни принцессы, Камилла – принца Уэльского»[16].

Для того чтобы не ставить друг друга в неловкое положение, каждую неделю супруги Уэльские сверяли свои графики. Теперь они наверняка знали, кто и когда будет находиться в Хайгроуве или Кенсингтонском дворце. К тому же в отличие от своей жены Чарльз, как заметил один из его друзей, «обладал бесценным качеством – он не замечал то, чего не следовало замечать»[17].

Возможно, так оно и было. А может, права и биограф Дианы Сара Брэдфорд, которая полагала – Чарльз не просто не обращал внимания на Хьюитта, он даже вздохнул с облегчением, когда узнал, что в жизни его супруги появился новый мужчина[18]. Ведь по сути, Джеймс был не только любовником Дианы, но и человеком, сумевшим подарить ей душевное спокойствие. А это дорогого стоит.

У Хьюитта был свой метод – ранящим душу стрелам депрессии он подставил щит всеотражающей любви.

«Кто-то идет к психиатрам, кто-то принимает наркотики. Диане же требовалась поддержка, любовь, забота и уверенность, что все, что она делает, делается правильно» – такова была формула его психологической терапии[19].

Как ни банально, но это работало. Душевное состояние принцессы стабилизировалось. Депрессия и перепады настроения мучили ее все реже и реже. Даже проклятая булимия и та

отступила.

До поры до времени Джеймс ничего не знал об этом недуге. Диана сама призналась ему:

– Когда я чувствую себя несчастной, то иду к холодильнику и наедаюсь до отвала. Но от этого мне становится только хуже. Я от всего избавляюсь, потом начинаю есть заново. – Увидев странную гримасу на лице своего любимого, принцесса быстро добавила: – Не беспокойся, когда я с тобой, я чувствую себя прекрасно![20]

Она не лгала. Рядом с Хьюиттом болезнь действительно отступила, что не замедлило сказаться на внешности принцессы. Кожа приобрела румянец, в глазах появился блеск, исчезла худоба, формы округлились, сделав Диану еще более привлекательной.

Отношения между любовниками приносили наслаждение не только принцессе. Хьюитт также черпал удовольствие в этом адюльтере. Ему льстила сама мысль о том, что его любовница – принцесса Уэльская и он сопричастен королевской жизни. Так же, как и Барри, Джеймс заразился «лихорадкой красного ковра».

Вот как описывает его поведение подруга Эмма Стюардсон:

«Помню, Джеймс однажды вернулся домой после очередного визита в Хайгроув. Он был очень возбужден. Чувствовалось, что его переполняют эмоции и впечатления. Он ни о чем не мог говорить. Только и повторял, насколько изысканно его обслуживали за обеденным столом»[21].

Но все имеет свою цену. И пребывание рядом с принцессой, и ее дорогие подарки – за все нужно было платить. Цена, которую потребовала Диана, заключалась в подчинении. Хьюитт должен был полностью посвятить себя принцессе, раствориться в любви к ней, как таблетка аспирина – в стакане воды. Диана слишком долго была одна, чтобы отпустить любимого хоть на мгновение. Поэтому, когда летом 1989 года Джеймс сообщил ей, что его оправляют на два года в Германию командовать танковой ротой, принцесса пришла в бешенство. Она готова была сражаться за свою любовь. Задействовав связи, Диана лично переговорила с генерал-майором сэром Кристофером Эйри, но все безрезультатно.

Принцесса считала, что ее предали. Она могла простить Джеймсу многое, даже его любовную связь с Эммой Стюардсон. Но покинуть ее в столь психологически тяжелый момент (по правде говоря, не менее тяжелый, чем и большинство других периодов в жизни Дианы)… Это же настоящая измена! – негодовала принцесса.

Она не хотела понять – даже Хьюитт мог устать от тотального контроля и захотеть самостоятельности.

Каждый раз, влюбляясь в мужчину, Диана делала это самозабвенно, отдавая всю себя без остатка. Так произошло с Чарльзом – даже после всех семейных бурь, кризисов и, наконец, развода она продолжала его любить. Так произошло и с Хьюттом – даже испытав злобу, связанную с его отъездом сначала в Германию, а потом – в 1991 году – в зону Персидского залива, принцесса продолжала испытывать к нему сильные чувства. Диана исписывала длинные страницы любовных писем. Иногда она писала по два раза в день, иногда – по четыре! Каждая мысль, каждое переживание, каждая эмоция – все тут же переносилось на бумагу. На этих бесценных листках Диана рассказывала Хьюитту обо всем – об одиночестве, возобновившихся переживаниях, «окончательной попытке понять себя», об «ультиматуме Чарльзу – нужно что-то срочно предпринять, потому что так жить больше невозможно»[22].

Расставаясь с Дианой, Джеймс догадывался о возможной реакции своей любовницы. Проведя столько времени вместе, Хьюитт не понаслышке был знаком с характером принцессы.

«Я еще никогда не видел, что настолько можно было потерять голову, – скажет он своему отцу. – Я даже боюсь – если я ее брошу, она наложит на себя руки»[23].

И тем не менее разрыв состоялся. Как по вине самих любовников, так и при участии прессы – вездесущей прессы, сыгравшей в жизни принцессы такую роль, что она достойна отдельного упоминания. Но об этом немного позже.

Расставание с Хьюиттом произошло в характерной для Дианы манере: отношения рвались мгновенно, без лишних объяснений и разговоров, мобильный телефон выкидывался,{48} имя вычеркивалось.

Комментируя поведение принцессы, ее финансовый советник сэр Джозеф Сэндерс заметил: «Диана не умела расходиться с людьми. Нет чтобы пригласить в какой-нибудь уютный ресторанчик и сказать: „Я полагаю, что для нас будет лучше прекратить взаимоотношения и спокойно попрощаться…“ Она просто рвала отношения и переставала общаться. Люди терялись в догадках, не понимая, что происходит»[25].

Скорее всего, столь необычная манера прощаться – втихую, без всяких объяснений – стала следствием хронической неуверенности, которая никогда не покидала принцессу. Для того чтобы прямо сказать человеку, с которым еще вчера связывали тысячи нитей, о предстоящем расставании, надо быть уверенным в себе, в своих силах, надо справиться с комком, который непременно подступит к горлу. Для принцессы это было невыполнимо.

В 1994 году Хьюитт решил поделиться своими воспоминаниями с журналисткой «Daily Express» Анной Пастернак, внучатой племянницей великого русского писателя. Родство с автором «Доктора Живаго» сыграло свою роль, и буквально за полтора месяца Анна создала бестселлер – «Влюбленная принцесса». И хотя в основу этой книги были положены интервью с Хьюиттом, чрезмерная экспрессия автора, изрядно приправленная эротизмом, заставила Джеймса пережить много неприятных минут и даже отказаться от части своих откровений.

Прочитав книгу, принцесса пришла в бешенство:

– И как он мог совершить такой поступок? Все, что было между нами, это сугубо личное! Это нельзя выносить на публику! Он просто взял и продал меня![26]

Диана забеспокоилась, и было от чего. Ведь помимо воспоминаний у Хьюитта хранилась обширная переписка, которая могла еще больше скомпрометировать принцессу.

После продолжительных раздумий Диана предложила Джеймсу сделку: она выкупит у него все письма.

Хьюитт согласился, но поставил три условия: он продаст письма за 250 тысяч фунтов, только за наличные, а сама сделка произойдет в Испании. Принцессе ничего не оставалось, как кивнуть в знак согласия. Она положила деньги в обычный вещевой мешок, надела парик, чтобы ее не смогли узнать постоянно дежурившие около аэропортов папарацци, и отправилась на Пиренейский полуостров.

Несмотря на тщательную конспирацию, Диану все-таки узнали. Поднялась шумиха. Хьюитт испугался, что огласка плохо скажется на его дальнейшей репутации, и в самый последний момент отменил сделку. Он решил оставить бесценную переписку у себя до лучших времен. Диана же несолоно хлебавши вернулась в Туманный Альбион[27].

Джеймс был не прав, когда боялся, что после расставания с ним Диана совершит акт суицида. Да, принцесса переживала, но она смогла справиться с этим испытанием. Она обратила взор на своих старых знакомых. Ближе всего у нее сложились отношения с торговцем машин Джеймсом Гилби. Да, да, это был тот самый мистер Гилби, разговор с которым увековечен в «Сквиджигейте». В годы своей не такой уж бурной молодости Диана мстила Джеймсу Гилби за какую-то незначительную оплошность, уродуя крышу его «альфа-ромео» нелепой смесью из взбитой муки, сахара и яиц[28].

Тогда, в конце 1970-х годов, Гилби оставил младшую дочь графа Спенсера. А может быть, это она предпочла его куда более

притягательной кандидатуре принца Чарльза. Так или иначе, но молодые люди расстались, а летом 1989 года судьба свела их вновь.

Теперь все было по-другому. Диана была мало похожа на юную скромную девушку с Коулэрн-корт. Она была эталоном женской красоты. Не то что общаться, даже просто находиться рядом с ней – уже льстило мужской гордости.

Тщеславием, пожалуй, дело и ограничилось: Гилби было приятно, что среди его знакомых значится мать будущего наследника престола. А для Дианы Джеймс был временным вариантом, позволяющим скрасить серые будни одиночества. Все это было не лучшим материалом для костра любви и страсти, и вряд ли стоит удивляться, что костер так и не разгорелся.

Пока Диана искала утешения на стороне, ее собственный брак шел ко дну. Осенью 1992 года роль посредника в примирении супругов Уэльских предложил взять на себя близкий друг Чарльза, торговец исламскими произведениями искусства Оливер Хор. По словам их общего знакомого, «Оливер пытался помочь Диане лучше понять принца Уэльского. Он хотел показать ей, что Чарльз любит архитектуру, искусство, что у него обостренное восприятие истории и, наконец, что он просто настоящий трудоголик»[29].

Трудно сказать, насколько успешно сложилась отчасти дипломатическая, отчасти искусствоведческая, отчасти просветительская миссия Хора, но с Дианой у него быстро установились хорошие отношения. Слово за слово, и из «посла доброй воли» Оливер превратился в любовника принцессы.

После разрыва с Хьюиттом и застойных отношений с Гилби принцесса нуждалась в новом романе. Она сделала ставку на Хора и… просчиталась. Причем дело вовсе не в том, что Оливер был образованнее своих предшественников (он окончил Итон и Сорбонну), что ему было 47 лет и что у него была полноценная семья. Просто после развода с Чарльзом Диане нужны были серьезные отношения, не исключавшие создания новой ячейки общества. А именно для этого Хор и не подходил. Он не готов был бросить жену и детей ради другой женщины. К тому же какую жену ему пришлось бы оставить – Дайану де Вальднер Хор!

Вначале принцесса с юмором отнеслась к тому, что у супруги ее любовника практически такое же имя, как у нее.

– По крайней мере, если Оливер заговорит во сне и назовет мое имя, Дайана подумает, что он обратился к ней, – смеялась она[30].

На самом деле поводов для веселья было мало. Дайана происходила из семьи французских аристократов и являлась

наследницей крупного нефтяного бизнеса. Именно ее деньги и связи стояли за художественной галереей мужа, расположенной в престижном районе Лондона Белгравии.

Оливер прошел слишком длинный путь – от скромного юноши с наследством в две тысячи долларов, оставленных его отцом в 1964 году, до гладко выбритого, одетого в дорогие шерстяные костюмы и кожаные ботинки ручной работы специалиста по исламскому искусству, главы департамента всемирно известного аукционного дома Christie's и консультанта богатых клиентов, интересующихся культурой Ближнего Востока. Хор потратил слишком много времени и усилий для создания своего настоящего, чтобы разрушить его ради неопределенного будущего, пусть и с принцессой Уэльской.

Диана этого не понимала или, вернее, не хотела понять. В отношениях с Хором лишь усугубились ее эгоизм и желание подчинить мужчину своей воле, не раз имевшие место в период общения с Хьюиттом.

«Принцесса Уэльская ужасная собственница, – как-то заметила ее подруга Эльза Боукер. – Если она в кого-то влюблялась, этот человек должен был ради нее бросить все, даже детей. Собственнический инстинкт пугал мужчин. Все превращалось в драму»[31].

Примерно об этом же говорит приятель Дианы Роберто Деворик:

«В отношении с мужчинами принцесса напоминала разбогатевшего бедняка, который боится тратить новоиспеченные миллионы только потому, что у него еще слишком живы воспоминания о нищете. Разбогатевший бедняк продолжает экономить на всем, оставляя неоплаченными даже счета за электричество»[32].

Подобно этому бедняку, Диана стала терять чувство меры. Ее желание быть рядом с Оливером было настолько сильным, что она начала ревновать его к собственной супруге!

«Из-за собственнического инстинкта она никак не могла свыкнуться с мыслью, что ее любимый мужчина делит постель с другой женщиной, – комментировала сложившуюся ситуацию Симона Симмонс. – По закону Диана была матерью будущего короля. А фактически она была любовницей замужнего мужчины. И как большинство *inamorata*{49} в мировой истории, она была несчастна»[33].

Не зная, как ей поступить, в свободное время Диана начала названивать своему возлюбленному. Она могла по двадцать раз за день звонить на телефон Хора, установленный в его автомобиле[34].

«Если она звонила всего пять или шесть раз, мы считали, что день прошел спокойно», – вспоминает шофер Хора Барри Ходж[35].

Когда Оливер стал отключать телефон, принцесса звонила ему домой. Она звонила утром, днем, вечером, даже ночью. Как правило, Диана ничего не говорила. Она тяжело вздыхала, вешала трубку и как ни в чем не бывало вновь набирала номер.

Надоедливые звонки длились почти год, пока терпение миссис Хор не лопнуло. Отлично зная, кто стоит за всем этим безобразием, она решила прекратить его раз и навсегда. В октябре 1993 года под предлогом страха за жизнь своего мужа, которому якобы угрожают исламские террористы, Дайана обратилась в полицию.

Скотленд-Ярд поработал на славу. В январе 1994 года полицейским удалось выследить «злобного нарушителя» по четырем телефонным линиям. Три из них вели в Кенсингтонский дворец,{50} одна указывала на мобильный телефон принцессы.

На несколько дней звонки прекратились, после чего возобновились вновь. На этот раз полицейские установили, что вызовы поступают с уличных телефонных автоматов Кенсингтона и Нотинг-Хилла, то есть именно из тех районов города, что расположены неподалеку от апартаментов принцессы Уэльской. Также звонки производились из дома сестры Дианы Сары Маккоркудейл.

Когда результаты расследования легли на стол главы королевской охраны, Диане ничего не осталось, как признаться. При этом она с наивной простотой добавила, что, направляясь к телефонному автомату, надевала плащ и бейсболку, чтобы ее никто не узнал. Кроме того, чтобы не оставлять отпечатков пальцев, она пользовалась кожаными перчатками. Такое ощущение, что речь идет об очередной серии телесериала «Чисто английское убийство».

После инцидента со звонками отношения между Хором и принцессой постепенно стали сходить на нет. В течение нескольких месяцев их еще несколько раз видели вместе, но это были уже совершенно другие встречи. Пропасть между любовниками становилась все больше, и преодолеть ее ни в два, ни в один прыжок уже не представлялось возможным.

Не стоит забывать, что все эти любовные перипетии происходили на фоне бракоразводного процесса. При выборе кавалера Диане следовало проявлять особую осторожность. Однажды у принцессы состоялся разговор с историком Полом Джонсоном. Пол предложил ей шутливый список, что можно и что нельзя делать после расставания с принцем Чарльзом. На

первом месте шло «Полное прекращение взаимоотношений с представителями СМИ». На втором – «Никакого секса!».

– Другие женщины вправе распоряжаться своими ногами, в то время как ваши принадлежат британскому народу, – прокомментировал Пол. – Да, я отлично вас понимаю, это несправедливо. Но вам придется смириться!

– Смириться? – произнесла принцесса. – Я уже давно привыкла к этому[37].

Ей необходимо было даже не столько смириться, сколько внимательно взвешивать последствия своих поступков. Особенно если речь касалась такого щекотливого вопроса, как отношения с противоположным полом. В этом заключалась цена – быть частью королевской семьи. Принцесса Уэльская сама стремилась к этому, и теперь уже поздно было взывать к «несправедливости». Да Диана и не собиралась. Она хотела жить. Так же, как и все, она хотела любить и быть любимой. Так же, как и все, она стремилась найти свое счастье под лондонским небом. Так же, как и все, она пыталась найти свой идеал. И трагедия Дианы заключалась в том, что ее поиски не увенчались успехом.

«Вы даже не представляете, насколько она несчастна, – заметил как-то ее близкий друг, американский бизнесмен Тедди Фортстманн. – Диане нужен был настоящий мужчина. Она стремилась найти надежного партнера для жизни. После всего пережитого принцесса чувствовала себя отвергнутой, и порой, когда речь заходила о мужчинах, она могла спокойно сложить два плюс два и получить шесть. Все парни, которые были у Дианы, просто-напросто ее использовали»[38].

После стольких лет брака, романов с Мэннеки, Хьюиттом и Хором Диана, чья жизнь проходила под вспышками фотокамер, по-прежнему чувствовала себя одинокой. Это может показаться странным, но это была правда, горькая правда. Женщина, красотой которой восхищались сотни тысяч мужчин, так и не смогла вылезти из болота одиночества. Но в какой-то момент ей показалось, что трясина позади и она наконец-то встретила человека, с которым проведет остаток своих дней.

Последняя любовь

Вечером 31 августа 1995 года Диане позвонила ее подруга Уна Шэнли-Тоффоло.{51} Она рассказала принцессе, что сегодня ее семидесятилетнему мужу Джозефу Тоффоло сделали шунтирование. Первоначально думали, что все прошло хорошо. Однако буквально через двадцать минут после завершения операции старшая медсестра реанимации, куда перевезли Джозефа, вдруг обнаружила, что дренажные сосуды, подключенные к телу больного, стали наполняться кровью. У Джозефа началось кровотечение, и его вновь перевезли в операционную. К счастью, все обошлось. Благодаря своевременному вмешательству хирургов работу сердечной мышцы удалось восстановить.

Перечисляя все эти события, Уна беспрестанно всхлипывала. Чтобы поддержать свою подругу, Диана сказала, что завтра лично навестит больного.

В 10 часов утра 1 сентября Диана приехала в Королевскую больницу Бромптон. Пройдя по больничным коридорам, она вошла в палату, осмотрелась и села на стул рядом с кроватью.

Принцесса смотрела на больного, говорила какие-то слова его жене, как вдруг услышала приближающиеся шаги и боковым зрением заметила, что в палате появились незнакомые люди. Она повернула голову. Небольшая комната быстро заполнялась ассистентами. Но отнюдь не они привлекли внимание принцессы. Ее взгляд остановился на широкоплечем мужчине лет тридцати шести. Больше всего Диану поразили его темно-карие глаза. Это были глаза человека решительного и сильного, уверенного в собственных силах. Но это была не та уверенность, которая ставит над другими людьми, делая человека чванливым и самодовольным. Нет – это была уверенность совершенно иного рода. Она не только не исключала сострадание и теплоту, но и в каком-то смысле даже дополнялась ими.

Уна представила незнакомца:

– Это старший ординатор Хаснат Хан, помощник проводившего операцию профессора, сэра Махди Якуба. – Затем, указав на свою подругу, она добавила: – А это Диана, принцесса Уэльская.

Не придав значения услышанному, Хаснат вежливо поклонился и тут же занялся пациентом.

– Миссис Тоффоло, состояние вашего мужа очень тяжелое, и я должен просить вашего разрешения снова вернуть его на операционный стол, – сказал он спустя некоторое время.

– Делайте, как считаете нужным, – вымолвила Уна, взяла руку мужа, поцеловала ее и заплакала. – Вы и представить не можете, насколько он дорог нам.

Все это время Диана не отрываясь смотрела на Хасната.

Когда ординатор вышел из палаты, Диана повернулась к подруге и полушепотом произнесла:

– Уна, ну разве он не великолепен![1]

По мнению принцессы, встреча с Хаснатом произошла по кармическим законам[2]. И в самом деле, в далеком январе 1979 года юная леди Спенсер познакомилась с дядей Хасната – Джавадом Ханом. Произошло это, когда отец Дианы восстанавливался в Королевской больнице Бромптон после тяжелого инсульта. Джавад, являвшийся в то время – как впоследствии и его племянник – помощником профессора Махди Якуба, отчетливо запомнил двух молодых девушек, почти каждый день навещавших графа Спенсера. Тогда вопросы в основном задавала старшая сестра Дианы Джейн. Сама Диана, как правило, молчала, внимательно слушая, что говорит доктор. На Джавада произвело впечатление выражения ее лица. Было видно, что девушка очень сильно переживает[3].

Теперь, спустя шестнадцать с половиной лет, впечатление на Диану произвел Хаснат.

На следующий день принцесса вновь пришла в больницу в надежде встретить запомнившегося ей доктора. Диане повезло. Она не только увидела Хасната, но и оказалась с ним наедине в лифте. Обстановка была не самой романтичной, да и Хаснат не был расположен к общению. Войдя в кабину лифта, он принялся разглядывать свои ботинки, даже не взглянув на стоящую рядом женщину. Диана тут же засмущалась и опустила голову. Лифт двигался очень медленно. Минута-две казались целой вечностью.

Наконец принцесса решила взять инициативу в свои руки.

– Вы же не будете все время смотреть на свою обувь? – спросила она.

Кардиохирург поднял голову, их взгляды встретились.

«Меня как будто что-то кольнуло изнутри, – вспоминала впоследствии принцесса. – Его взгляд был таким теплым и утешающим»[4].

В течение последующих восемнадцати дней Диана каждый день навещала Джозефа. С одной стороны, она ухаживала за мужем подруги, с другой – у нее появился лишний повод пообщаться с обходительным доктором.

Диана все больше и больше проникалась к Хаснату симпатией, пока не осознала, что ее вновь охватило чувство влюбленности.

– Он такой милый, – призналась она своей подруге. – У него такие понимающие глаза. Он и в самом деле Мистер Великолепный![5]

В другой раз принцесса, сравнив его с плюшевым мишкой, сказала:

– Хаснат очень приятный человек. В нем есть что-то такое доброе, по-человечески теплое и хорошее. Он располагает к себе. Рядом с ним люди чувствуют себя спокойней[6].

Диана хотела знать о Хаснате все, полностью слиться с его интересами, профессией, образом жизни. Если раньше она увлекалась верховой ездой и исламским искусством, то теперь часами просиживала за руководством по кардиологии, атласом анатомии человека и журналами по хирургии. Она даже попросила Хасната провести ее в операционную, чтобы своими глазами увидеть операцию на открытом сердце.

– Прийти может любой, у кого на это хватит смелости, – спокойно отреагировал ее новый знакомый[7].

Диана приехала в больницу Хейрфилд, где профессор Махди Якуб как раз должен был оперировать семилетнего африканского мальчика, доставленного в Туманный Альбион при поддержке благотворительной организации «Цепь надежды». Визит принцессы был запечатлен телевизионной компанией «Sky TV». Широко открытые, накрашенные, но при этом проникнутые состраданием к больному и наполненные ужасом от увиденного глаза Дианы вскоре показали все крупнейшие мировые агентства новостей.

– Я была потрясена, увидев все эти закупоренные артерии, – вымолвила принцесса[8].

Отвечая впоследствии на вопрос, почему она захотела лично посетить операционную, Диана сказала:

– Это стимулировало меня, добавило моему существованию смысл и цель. К тому же я предпочитаю получать информацию не только из книг, но и непосредственно из жизненного опыта. Когда доходит дело до обсуждения каких-либо вопросов, я чувствую себя гораздо увереннее, если видела все собственными глазами[9].

Безусловно, не последнюю роль в желании принцессы присутствовать на операции сыграло и ее стремление как можно лучше узнать своего любимого.

Их отношения развивались с головокружительной стремительностью. Только недавно они смотрели друг на друга в лифте, и вот Хаснат уже приезжает в Кенсингтонский дворец. Безусловно, подобные визиты организовывались тайно, но для внимательной прислуги не составило труда догадаться – у

принцессы появился новый кавалер.

«Я всегда знала, когда Хан был в апартаментах, – вспоминает стилист принцессы Натали Симонс. – Обычно, приезжая по утрам, я укладывала Диане волосы в ее раздевалке. Если же Хаснат был наверху, принцесса останавливала меня уже на первых ступеньках лестницы и вела в гостиную. Столь странное поведение она объясняла обычно тем, что на верхнем этаже не работает электрическая розетка. Я просто улыбалась. Что еще я могла сказать, когда подобные проблемы с электричеством возникали чуть ли не каждую неделю»[10].

Но даже если кто-то о чем-то и догадывался, Диана не обращала на это ни малейшего внимания. Она вся была во власти прекрасного чувства. Ее отношения с пакистанским доктором не имели ничего общего с прежними романами. Впрочем, и сам Хаснат не был похож на бывших ухажеров принцессы. В отличие от спортивного телосложения майора Хьюитта, у него была полноватая фигура и округлое брюшко, в отличие от шерстяных костюмов и шелковых аскотов Хора, он носил мешковатые брюки или джинсы, удобные рубашки, а дома так вообще старые футболки и шорты-бермуды. Кроме того, Хаснат курил и любил плотно поесть, не слишком следуя рекомендациям по здоровому образу жизни, которые кардиологи дают своим пациентам.

Его маленькая квартирка в Челси, заваленная бесчисленными брошюрами, вырезками из медицинских журналов и какими-то бумагами, напоминала комнату студенческого общежития, а кухня с ее грязными от накипи чашками (по признанию самой же Дианы) – лабораторию[11].

Но для принцессы было важно не это.

«Диану привлекали в Хаснате его ум, тактичность и полная самоотдача любимому делу», – говорит Симона Симмонс[12].

Возможно, принцесса разглядела в кардиохирурге из Королевской больницы не только свой идеал, но и частично саму себя. По словам ее близкого друга, «Хаснат оказался воплощением в мужском образе всех тех начинаний, которые всегда привлекали Диану, – спасать жизни, заботиться о других людях»[13].

Доктор Хан был совершенно равнодушен к магическому ореолу celebrities, окружавшему принцессу. Он видел в Диане не мать будущего наследника престола, не невестку королевы и не принцессу Уэльскую. В первую очередь он видел в ней женщину – страдающую, нежную, хрупкую. Именно таких искренних, человеческих отношений Диане и не хватало столько времени.

– Я наконец-то обрела покой! – признавалась она своей подруге Эльзе Боукер. – Хан дал мне все, о чем я могла только

мечтать[14].

Он дал ей личное счастье…

Ради своего возлюбленного Диана приезжала в его маленькую двухкомнатную квартирку в Челси, мыла полы, убиралась, пылесосила, пытаясь создать домашний уют. Она даже освоила тот вид деятельности, который у многих женщин давно набил оскомину.

– Я научилась готовить пищу! – радостно воскликнула она в беседе с Симоной Симмонс.

– Да? И какое же блюдо?

– Спагетти!

– Ты приготовила спагетти под каким-то соусом?

– Нет, – ответила принцесса. – Знаешь, в «Mark&Spencer» продаются такие замечательные штуки! Ставишь коробку с содержимым в микроволновую печь, нажимаешь на кнопку, несколько минут – и все готово![15]

У нас это может вызвать улыбку, но для принцессы и разогреть спагетти в микроволновке было целым событием. Главное, что это шло от чистого сердца!

Отношения с Ханом не были похожи на обычный *l'amour*, после завершения которого остаются приятные воспоминания и… смешанное чувство досады, что все так быстро закончилось. Нет, Диана считала, что с Хаснатом у нее намного серьезней. Принцесса посетила родину любимого Пакистан, познакомилась с его семьей, попыталась проникнуться культурой и обычаями Востока. В гардеробе Дианы все чаще появляются экзотичные наряды – шальвар-камизы, туники и брючные ансамбли, столь популярные среди мусульманских женщин. А среди ее друзей все большее место занимает супруг Джемаймы Голдсмит,{52} знаменитый игрок в крикет пакистанец Имран Хан.

Диану нисколько не смущало, что Хаснат оказался представителем совершенно другой культуры. Скорее наоборот. Это придавало их отношениям дополнительную пикантность. Диана всегда относила себя к многоконфессиональным людям. Она интересовалась римским католицизмом, индуизмом, каббалой и даже древними обрядами. Еще задолго до того, как увлечение романом Дэна Брауна «Код да Винчи» охватило весь земной шар, принцесса задавалась мыслью – а что, если Иисус Христос и в самом деле был женат на Марии Магдалене?

«Какое влияние это оказало бы на прочтение Евангелия и анализ жизни Христа?» – спрашивала она[16].

Среди прочих религиозных увлечений принцессы был и ислам. Уже во времена общения с Хором Диана проявила неподдельный интерес к исламскому искусству и философии,

особенно к суфизму.

Однако первое ее обращение к исламу состоялось еще раньше. Летом 1990 года принцесса несколько раз посетила лекции известного специалиста по исламу профессора Кембриджского университета Акбара Ахмеда, которые он читал в Королевском антропологическом институте. После одного из выступлений Диана обратилась к профессору:

– Как я могу улучшить взаимопонимание между мусульманским миром и Западом? Какую роль я могу при этом сыграть лично?

– Думаю, вы можете сыграть огромную роль, – ответил Ахмед. – В отношениях между двумя цивилизациями существует пропасть недопонимания, устранить которую под силу только такому человеку, как вы.

Как вспоминает профессор, ему показалось, что он смог зажечь внутри принцессы «небольшую искру» интереса к исламу[17].

Возможно, так оно и было. Диана еще несколько раз встречалась с Акбаром Ахмедом в Кенсингтонском дворце. В сентябре 1991 года супруга Чарльза отправилась с первым официальным визитом в Пакистан. По совету профессора в качестве вступления к своей приветственной речи она выбрала слова известного пакистанского поэта Аллама Мухаммада Икбала: «Столько людей бродят в джунглях в поисках чего-то, но я стану преданным слугой тому, кто испытывает любовь ко всему человечеству»[18].

После встречи Дианы с Хаснатом Ханом эти слова заиграют новыми оттенками.

Во время своего визита в Пакистан в 1996 году, помимо знакомства с семьей Хасната, Диана приняла участие в благотворительном обеде в пользу медицинского центра по лечению рака, созданного на деньги Имрана Хана. Также она посетила и сам центр.

Один из помощников принцессы следующим образом описывает этот визит:

«Я думал, мы никогда не покинем здание. Принцесса заходила практически в каждую палату, брала на руки каждого ребенка. Она шла из одной палаты в другую. Было видно, что она не собирается производить никакого впечатления. Ее поведение было очень естественным. Она оказалось на том самом месте, где ей как раз и следовало быть. Я был полностью измотан, а Диана все продолжала и продолжала обходить палаты. Мы начали в восемь утра и прервались на ланч только в половине четвертого дня. А до этого – все время на ногах»[19].

Дружеские отношения с Имраном Ханом были не случайны. Как и Хаснат, он был человеком Востока,{53} но при этом знакомым с западным образом мышления и ценностями. Имран помогал ей лучше понять Хасната, на которого она имела серьезные виды.

О том, что Диана рассматривала Хасната именно в качестве своего будущего супруга, говорит следующий факт. По просьбе принцессы Пол Баррелл должен был узнать, существует ли возможность заключить тайный брак с Хаснатом. Пол проконсультировался с преподобным Тони Парсоном из римско-католической церкви кармелиток на Кенсингтон-хай-стрит. Отец Парсон ответил, что оформить подобный брак, не ставя в известность официальные власти, нельзя.

Только потом выяснится, что матримониальный союз должен был стать тайной не только от Букингемского дворца, но и от самого жениха! Неудивительно, что даже спокойный Хаснат вышел из себя, когда узнал о подобных начинаниях.

– Неужели ты и в самом деле думала, что можешь привезти к себе священника и спокойно выйти за меня замуж? – возмутился он[20].

Удивляет и другое. Перед глазами Дианы уже был яркий пример, что ее ожидает, если она выйдет за Хасната. Брак Джемаймы Голдсмит и Имрана Хана оказался далеко не таким счастливым, как предполагалось изначально. Едва Джемайма переехала в Лахор, как Имран тут же дал ей понять, что ту жизнь, которую она вела в Лондоне, придется забыть. В Пакистане быт Джемаймы будет скромен, а ей самой придется подчиняться законам семьи и не выходить на улицу без мужского эскорта.

Принцесса все это видела и даже высказала предположение, что брак не продлится долго. Как в воду глядела – Имран и Джемайма разойдутся в 2004 году.

Возможно, Диана считала, что в случае с Хаснатом подобное не повторится. И в этом она была права. Их отношения сядут на другую мель. Так же, как это уже было в свое время с Хьюиттом и Хором, в поведении Дианы все громче стали звучать собственнические нотки. Принцесса считала, что полностью отдает себя Хаснату, но и от него требовала того же. Ее не смутило даже то, что это противоречило профессиональной деятельности Хасната, преданность которой так восхищала Диану. Правда, принцесса думала, что и с этим ей удастся справиться.

В октябре 1996 года Диана приехала в Римини для получения почетной награды исследовательского центра Пио Манцу На торжественном приеме, состоявшемся после награждения, она

завела разговор с одним из своих старых знакомых, известным южноафриканском кардиологом Кристианом Барнардом:{54}

– Не могли бы вы найти для Хасната Хана место в одной из клиник ЮАР?

– Хасната Хана? – удивленно переспросил Кристиан.

– Я без ума от него и хочу родить ему пару девчонок! – воскликнула принцесса. – Я хочу выйти за него и уехать куда-нибудь из Лондона. Может быть, в Южную Африку[21].

Вернувшись в Лондон, она тут же отправила Барнарду по факсу всю необходимую информацию для поиска работы своему любовнику. Когда Барнард был в столице Великобритании, он несколько раз приезжал в Кенсингтонский дворец для обсуждения практических вопросов и даже один раз переговорил с самим Хаснатом. Впоследствии он вспоминал, что его немного смутила реакция собеседника. Видно было, что Хаснат колебался и не собирается совершать столь резкий поворот в своей жизни. К тому же он несколько раз акцентировал внимание на том, что ему претит публичность[22].

Не обращая внимания на скептицизм возлюбленного, Диана продолжила готовить плацдарм для будущей жизни. Она отправилась в Сидней на торжественный обед по сбору средств для открытия кардиологического центра Виктора Чанга. Чанг, трагически погибший в 1991 году, оказал огромное влияние на становление Хасната в медицине. В тот момент в Сиднее собралось много близких Хаснату людей – коллеги по работе, друзья, просто хорошие знакомые. Предполагалось, что он сам приедет в Австралию, однако повышенное внимание со стороны прессы делало его визит невозможным.

Что же касается Дианы, то она поехала в Сидней ради Хасната, словно демонстрируя ему, на что способна ее популярность. Возможности принцессы действительно впечатляли. Благодаря Диане на кардиологический центр удалось собрать свыше миллиона австралийских долларов!

Чем глубже становились отношения между Хаснатом и Дианой, тем жестче проявлялся контроль с ее стороны. Объяснялось ли это эгоизмом принцессы или страхом, что Хаснат предпочтет ее другой? Сказать сложно. Но иногда поведение молодой женщины было слишком навязчивым. Так, например, когда Хаснат, находясь у нее в гостях в Кенсингтонском дворце, звонил своим родственникам в Пакистан, Диана включала громко музыку и начинала танцевать перед ним, если разговор продолжался больше десяти минут[23].

Симона Симмонс вспоминает:

«Для того чтобы в любую минуту связаться с Хаснатом, Диана

решила подарить ему мобильный телефон, но он не принял подарок. Когда Хаснат был на дежурстве, принцесса могла связаться с ним только через пейджер. Однако подобный вид связи ее никак не устраивал. Диана стала названивать в больницу, оставляя такие сообщения: „Это вас беспокоит доктор Аллегра. Мне надо срочно связаться с доктором Ханом. Я прилетела из Америки и пробуду здесь всего несколько дней. Но мне нужно обязательно переговорить с доктором Ханом до отъезда“. При этом она никогда не оставляла контактного телефона. Когда Хаснат получал подобные сообщения, он уже знал, от кого они. Сначала это его забавляло. Но вскоре настойчивое поведение принцессы стало его утомлять»[24].

Не зря Пэнни Торнтон однажды заметила, что по глубине своих эмоциональных переживаний Диана напоминает Лох-Несс – одно из самых глубоких озер Шотландии[25].

Чувство собственничества, которым принцесса изнуряла любимых мужчин, стало не единственным препятствием на пути к браку. То, что выделяло Хасната среди прочих ухажеров принцессы – его простота, человечность, скромность, искренняя привязанность к своей благородной работе и, главное, нежелание получать какие-либо привилегии от общения с невесткой королевы (пусть даже и бывшей), – все эти качества, собранные вместе, представляли собой серьезной контраргумент против возможного союза.

Хаснат Хан прекрасно понимал, что потеряет, женившись на Диане: ему не удастся сохранить свободу частного лица, и он не сможет спокойно заниматься любимым делом, помогая больным. Возможно, именно поэтому со стороны Хасната и поступило предложение о том, что им лучше расстаться.

Но принцесса не собиралась сдаваться. В мае 1997 года она решила снова отправиться в Пакистан, чтобы лично переговорить с семьей Хасната. Больше всего ей хотелось встретиться с матерью любимого Нахид Хан. Диана верила в свое обаяние и считала, что ей удастся склонить матримониальные весы в свою сторону. Но вместо победы очередная поездка в Пакистан превратилась в неприглядное проявление эгоизма со стороны принцессы. Она попросила Джемайму Хан отправиться вместе с ней на реактивном самолете Имрана – и это в столь тяжелый для Джемаймы момент, когда ее отец Джими Голдсмит находился при смерти! После настоятельных просьб Дианы – а она умела быть настойчивой, когда это требовалось, – Голдсмиты согласились отпустить свою дочь в Лахор, но при условии, что реактивный самолет всегда будет готов к немедленному взлету, чтобы доставить Джемайму обратно на берега Туманного Альбиона.

Из резиденции Имрана принцесса в сопровождении двух сестер Хасната в обычной черной «тойоте-королла», чтобы не привлекать излишнего внимания, отправилась в дом Ханов в городе Джемал, расположенном в ста пятидесяти километрах к северу от Лахора. Кроме родителей Хасната на встрече присутствовали одиннадцать членов его семьи. Чтобы произвести лучшее впечатление, Диана надела синий шальвар-камиз. Однако это не помогло. Беседа прошла в лучших традициях восточного политеса. Говорили о многом, но только не о браке. Признавшись Имрану, что больше всего на свете мечтает о браке с Хаснатом, расстроенная принцесса вернулась обратно в Лондон, Диана не понимала (или не хотела понять), что, как бы она ни любила исламскую культуру, как бы ни очаровывала близких Хасната синим шальвар-камизом, – для них она была иноверцем и чужаком. Семья Хасната происходила из пуштунов – народности, известной своим трепетным отношением к обычаям и традициям. Уже дважды, в 1987 и 1992 годах, родители Хасната пытались женить его на правоверной мусульманке из хорошей семьи. По словам отца, Рашида Хана, «Хаснат не собирается жениться на принцессе Уэльской. В настоящий момент мы ищем для него достойную жену. Его будущая супруга должна быть из уважаемой семьи, богата, принадлежать к высшим слоям среднего класса. Лучше всего, если она будет, как и мы, из пуштунов. В любом случае жена Хасната должна быть правоверной мусульманкой из Пакистана»[26].

Ситуация обострилась еще больше, когда в номере «Daily Mirror» от 29 июня 1997 года появилась статья с сенсационным утверждением, что Диана и Хаснат «после трогательной встречи принцессы с родственниками возлюбленного» тайно обручились. Утечка произошла от Симоны Симмонс. До принцессы дошли слухи, что за свое сотрудничество с журналистами и передачу им уникальных сведений о романе Дианы с пакистанским врачом Симмонс получила двадцать тысяч фунтов[27]. Сама Симона обвинения в свой адрес отрицала, но для принцессы упоминание в этом скандале имени близкой подруги оказалось достаточно, чтобы навсегда вычеркнуть ее из своей жизни.

А какова была реакция Хасната? На самом деле не суть важно, кто стоял за этой публикацией, для Хана главным было то, что она состоялась, лишний раз подтвердив его опасения: пресса не даст ему спокойно жить, пока он находится рядом с принцессой Уэльской. Хаснату нужно было решать, по какой дороге следовать дальше: продолжать научную работу, заканчивать диссертацию и лечить больных – либо бросить все, что ему дорого, и уехать с Дианой в ЮАР или Австралию; если

так – ему придется постоянно быть на виду, сопровождая принцессу в бесчисленных поездках по городам и странам. Хаснат выбрал первое. Он любил Диану, но жизнь с ней была не для него.

В конце июля – чуть более чем за месяц до трагической аварии в Париже, – Хаснат сообщил Диане свое окончательное решение: брак между ними невозможен, и будет лучше, если они расстанутся.{55}

«У Хасната был только один по-настоящему сильный интерес в этой жизни, – прокомментирует их расставание Ричард Кэй. – Он очень сильно любил Диану, но он также хотел состояться как специалист, и его главной целью было использовать полученные здесь знания после возвращения в Пакистан. Что же касается идеи одновременно быть супругом Дианы Уэльской и практикующим врачом, то ее никто даже не рассматривал всерьез. Мне кажется, принцесса все это также прекрасно понимала. И вообще, за кого она могла вый ти замуж, если уже побывала в браке за будущим королем!»[28]

Принцесса попыталась начать новые отношения, опять сделав ставку на мужчину с Востока.

Мохаммед аль-Файед занимал видное место на британском небосклоне на рубеже 1980-1990-х годов. Сын школьного учителя из Александрии, он начал свою карьеру в мебельной компании, принадлежащей брату его жены Самиры – Аднану Кашогги. После разрыва с Кашогги Файед занялся самостоятельной коммерческой деятельностью, инвестируя средства в кораблестроение, туристический бизнес и недвижимость.

Дела Файеда постепенно шли в гору. Обзаведясь к 1971 году собственным «роллс-ройсом» с шофером, шале на швейцарском курорте для избранных Гштааде и апартаментами на престижной улице Лондона Парк-Лэйн, Мохаммед добавил к своей фамилии приставку *аль*. На следующий год список его приобретений пополнился шотландским замком Балнагоун, виллой в Сен-Тропе и яхтой «Доди». Однако самыми крупными вложениями денег стал знаменитый парижский отель «Ритц» (покупка 1979 года) и не менее знаменитый лондонский универмаг «Харродс», вошедший в империю аль-Файеда в 1985 году. За год до приобретения «Харродса» Мохаммед еще больше укрепил свои позиции, став финансовым советником одного из богатейших людей планеты, султана Брунея Омара Али Сайффудина III.

Несмотря на многочисленные скандалы, сопровождавшие деятельность египетского бизнесмена, аль-Файед свел близкое знакомство со многими британскими аристократами. В их числе

был и отец Дианы, восьмой граф Спенсер. Вместе со своей второй женой Рейн Джонни часто пользовался гостеприимством аль-Файеда, останавливаясь в роскошных апартаментах «Ритца». Не меньшую слабость супруги питали и к универмагу «Харродс». В 1991 году, на торжественном обеде, посвященном выпуску красочного альбома об истории магазина, отец Дианы выступил с приветственной речью, а в 1996 году мачеха Дианы Рейн возглавила отделение «Харродс-Интернэшнл»,{56} отвечающее за развертывание торговой сети duty-free и представительство «Харродс» в Японии.

В отличие от своего отца, Диана не относилась к числу близких друзей аль-Файеда. В 1980-х годах она не раз встречала его на матчах поло, проходивших при спонсорской поддержке «Харродс», но не более того. Сближение принцессы Уэльской с египетским миллиардером началось в начале 1990-х годов. По словам Мохаммеда, незадолго до своей смерти Джонни Спенсер поручил ему заботиться о Диане, ее сестрах и брате. Однако большинство биографов принцессы, ссылаясь на «весьма вольное обращение мистера аль-Файеда с фактами»[29], ставят под сомнение столь трогательное поручение. Как бы то ни было, но в начале 1990-х годов Диана стала все чаще посещать «Харродс», всякий раз с удовольствием беседуя с его владельцем.

Похоже, их беседы не прошли даром. В 1993 году Мохаммеду удалось невозможное – помирить Диану с ее мачехой. Разговаривая с Рейн об отце, принцесса с удивлением обнаружила, что совершенно неправильно оценивала эту женщину, – на самом деле она оказалась очень интересной личностью. Теперь, после всего пережитого, им было о чем поговорить, причем вдова графа с удовольствием шла на контакт.

– Если у тебя возникнут какие-нибудь вопросы, не стесняйся, звони мне, – сказала она Диане[30].

После развода с Чарльзом участились и встречи Дианы с аль-Файедом. Их нередко можно было увидеть на террасе универмага мило беседующими за чашечкой чая. Мохаммед хорошо разбирался в человеческих отношениях и знал, чем заинтересовать знаменитую гостью.

«Во время общения с Дианой он культивировал мысль, что по сути своей они аутсайдеры и у них много общих врагов», – считает советник Мохаммеда, журналист Эндрю Нил[31].

Нельзя не отметить, что в отношениях с аль-Файедом Диана довольно долгое время старалась сохранять дистанцию. И хотя в частных беседах она не раз использовала конструкцию «близкий друг», все предложения египетского бизнесмена погостить в его замках Шотландии или на виллах Южной Франции были

отклонены.

Все изменилось летом 1997 года.

3 июня Диана присутствовала в Альберт-холле на своем любимом балете «Лебединое озеро». Среди прочих гостей, приглашенных в королевскую ложу, был и Мохаммед аль-Файед. На последовавшем после спектакля торжественном обеде в «Churchill Inter-Continental Hotel» бизнесмен, взяв инициативу в свои руки, обратился к Диане первым:

– Как вы собираетесь провести это лето?

Вопрос оказался как нельзя кстати.

– О, я еще не знаю, – ответила Диана. – Я пока так и не решила, что мне делать с моими мальчиками, Уильямом и Гарри.

– А почему бы вам не провести время в моем имении в Сен-Тропе? – предложил аль-Файед. – Гарантирую, что смогу обеспечить вам необходимое уединение!

– Я должна подумать, – сказала принцесса.

– Не делай этого, это не самая лучшая идея! – неожиданно прошептали на ухо Диане сидевшие рядом с ней Памела и Дерек Дины[32].

Принцесса решила посоветоваться с друзьями. Некоторые из них поддерживали супругов Динов, «настоятельно рекомендуя»[33] не соглашаться с этим предложением. По их мнению, визит Дианы на виллу аль-Файеда может вызвать «ненужную заинтересованность»[34]. Другие, например Рейн Спенсер, были менее категоричны, советуя Диане воспользоваться гостеприимством египетского миллиардера. Принцесса склонилась ко второй точке зрения.

В пятницу, 11 июля, Диана вместе со своими детьми была доставлена на зеленом вертолете универмага «Харродс» в аэропорт, откуда уже на личном самолете аль-Файеда «Гольфстрим IV» их перевезли в Сен-Тропе. Принцесса остановилась в доме для гостей, расположенном неподалеку от главной виллы. В распоряжении Дианы и ее детей был отдельный бассейн. Для прогулок по морю их ждали переоборудованный катер береговой охраны США «Cujo», двухмачтовое судно «Sakara» и шестидесятиметровая яхта «Jonikal».

Эти каникулы стали знаменательны еще и тем, что положили начало знакомству принцессы Уэльской со старшим сыном Мохаммеда Эмадом, больше известным как Доди аль-Файед. К моменту встречи с Дианой в послужном списке Доди значились бесчисленные амурные победы, один несчастливый брак и любовница – американская модель Келли Фишер, на которой он должен был жениться всего через три недели в Лос-Анджелесе. Но этому браку так и не суждено состояться.{57}

Появление Доди в Сен-Тропе было не случайно. Мохаммед приложил слишком много усилий для приезда принцессы Уэльской на свою виллу – он не мог познакомить ее со старшим сыном. Позвонив Доди в Париж, он ультимативным тоном приказал немедленно приехать на Средиземноморское побережье.

– Ты должен быть обходителен, – наставлял Мохаммед своего отпрыска. – Главное, чтобы принцесса Уэльская забыла о том, что на свете есть скука, плохое настроение и всевозможные переживания.

Выбор Дианы удивил даже самых преданных ее друзей. К своим сорока двум годам Доди, или, как его называли близкие, «мальчик», был известен скоротечными романами, непоследовательностью в собственных действиях, импульсивностью, откровенным прозябанием в тени своего амбициозного и властного отца, а также пристрастием к кокаину. Сохранились сведения, что именно наркотики и послужили главной причиной, почему Мохаммед настоял на отношениях сына с принцессой Уэльской: он надеялся, что Диане удастся отвратить Доди от дурной привычки[36].

Возможно, дружба принцессы с Эмадом объяснялась и тем, что он стал первым мужчиной в ее жизни, кто оказался свободен. Свободен не от женщины, а от забот, и что самое главное – от деятельности, которая поглощала бы все его силы и время.

Кроме того, несмотря на разницу в возрасте и социальном происхождении, у Доди и Дианы все же было много общего. Их обоих разлучили в раннем детстве с матерями, они оба были разведены, неуверены в себе, оба пребывали в мире романтических грез и фантазий, оба боялись одиночества и часами могли утолять свою страсть к общению разговорами по телефону.

И наконец, последнее: рядом с аль-Файедом Диана почувствовала себя сказочной принцессой.

«Чарльз воспринимал ее как раздражительное дитя, Джеймс Хьюитт – как партнера в любовных играх, Оливер Хор – как трофей, Хаснат Хан так и не решился связать себя с ее именем, и только Доди обращался с ней, как с принцессой», – считает Симона Симмонс[37].

Доди был способен пустить пыль в глаза, и Диане это несказанно нравилось.

– Хочу пригласить тебя на ужин, – позвонил он ей однажды в Кенсингтонский дворец.

– С удовольствием, – ответила принцесса. – А когда?

– Думаю, где-нибудь завтра вечером.

– И где пройдет ужин? – уточнила Диана.

– В Париже, – совершенно спокойно ответил Доди, будто речь шла не о всемирно известной столице моды и гурманских изысков, а о свидании на Трафальгарской площади[38].

Принцесса была потрясена.

Встреча в Сен-Тропе была далеко не первой в жизни Дианы и Доди. В конце 1980-х годов принцесса видела Доди на поло в Виндзоре. В 1991 году они пересеклись на премьере фильма Стивена Спилберга «Капитан Крюк» – Доди был одним из исполнительных продюсеров этой картины. Однако близко они смогли разглядеть друг друга только летом 1997 года.

Как и большинство отношений, все началось с милых бесед. Диана часами рассказывала своему новому знакомому о последних поездках в Пакистан и Африку. Все это время аль-Файед не сводил с нее глаз. По словам стюардессы «Jonikal» Дебби Гриббл, «Доди ни на минуту не оставлял принцессу одну, следуя за ней буквально по пятам»[39].

Эмад явно хотел произвести на Диану благоприятное впечатление и в качестве подтверждения своих намерений арендовал на двое суток самый популярный дископол Сен-Тропе. Благодаря этому сыновья Дианы могли спокойно отдохнуть, не боясь, что их потревожат.

Доди умел ухаживать красиво. Самолет с Дианой и ее сыновьями покинул виллу аль-Файедов на закате, а уже на следующее утро в Кенсингтонском дворце принцессу ждали охапки роз, корзина с экзотическими фруктами и золотые часы «Panther» от Картье за семь тысяч фунтов стерлингов. Неудивительно, что, делясь с Дебби Франк впечатлениями от поездки, Диана сказала:

– Это были самые замечательные каникулы в моей жизни![40]

Принцессе льстило подобное отношение, но она была достаточна умна, чтобы понимать – все эти подарки имеют и обратную сторону.

– Это совершенно не то, что я хочу, – признавалась Диана своей подруге Розе Монктон, – и это меня беспокоит. Я не хочу, чтобы меня покупали. У меня и так есть все, что мне нужно[41].

Однако справиться с искушением гораздо трудней, чем определить его. Диане нравилась эта жизнь, и отказываться от нее она пока не собиралась.

26 июля они с Доди тайно покинули Лондон и улетели на уик-энд в Париж. Принцесса остановилась в Имперском номере «Ритца», одна ночь пребывания в котором стоила шесть тысяч фунтов стерлингов. Затем были поездки по историческим местам

и романтическая полуночная прогулка по Сене. Воспользовавшись гостеприимством Доди, принцесса также посетила его апартаменты на рю Арсена Гуссе с прекрасным видом на Елисейские Поля. 27 июля Диана и Доди вернулись обратно в Лондон.

Спустя четыре дня Диана и Доди снова вместе. На этот раз они отправились в шестидневный круиз на яхте «Jonikal» по Сардинии и Корсике. Зная, что Диана сидит на диете, Доди лично составил для нее меню с морковным соком по утрам, фруктами на ланч и каким-нибудь редким сортом рыбы на ужин. Кроме того, на яхте в избытке были шампанское, черная икра и pвtй de foie gras.{58} Для музыкального сопровождения Эмад выбрал любимые композиции Дианы – саунд-трек к фильму «Английский пациент», альбом Джорджа Майкла «Older» и песни Фрэнка Синатры. Иногда принцесса сама садилась за фортепьяно и исполняла любимые мелодии.

– В нашей семье все умеют играть! – с гордостью сказала Диана, поймав удивленный взгляд одного из слуг[42].

Спустя несколько дней аль-Файед сделал Диане новый подарок – бриллиантовый браслет, а когда они проплывали мимо Монако, провел вместе с принцессой целый день, скупая драгоценности в ювелирных магазинчиках княжества.

«Это было похоже на рай», – говорит Дебби Гриббл[43].

Вернее сказать, на контролируемый рай. Как заметил один из шеф-поваров Доди, «в их взаимоотношениях всегда присутствовал незримо Мохаммед аль-Файед. Было очевидно, кто дергал за все ниточки»[44].

До поры до времени отношения с сыном миллиардера удавалось скрывать от общественности и прессы. Но долго это продолжаться не могло. В начале августа таблоиды запестрели заголовками о новом романе принцессы Уэльской. Британия была в шоке. Одни взывали к статусу принцессы как матери будущего наследника британской короны, другие, наоборот, разделяли ее право на частную жизнь и личное счастье. По этому поводу Ричард Кэй писал в «Daily Mail»:

«Она хотела, чтобы у нее тоже была жизнь, *настоящая* жизнь. Она одинока, и он одинок. Почему в жизни принцессы Уэльской тоже не может появиться мужчина?»[45].

Куда более экспрессивно прозвучали слова Мохаммеда аль-Файеда. В интервью газете «The Mail on Sunday» в характерной для себя манере он заявил:

«Отношение Дианы ко всей этой критике, что раздается в ее адрес, очень простое – шли бы вы все к черту, если вам что-то не нравится! Так же, как и я, она отлично видит все притворство и

лицемерие, что скрываются за этими упреками. В нашей семье Диана чувствует себя как дома. Ее дети классно проводят время, а критики – можете идти жать лимоны, если вам больше нечем заняться».

Когда аль-Файеда спросили, как принцесса относится к юбилею Камиллы, которой 18 июля 1997 года исполнилось пятьдесят лет, Мохаммед также не стал стесняться в выражениях:

«Она совершенно не думает о ней. Да это и не удивительно. Камилла – это как фильм „Дракула“ по сравнению с красотой Дианы, которая полна жизни!»[46]

Эти отношения казались взаимовыгодными для обеих сторон. Мохаммеду льстило, что его старший сын встречается с бывшей невесткой королевы и матерью будущего наследника, а Диане нравилась щедрость египетского миллиардера и та легкость, с какой удовлетворялись ее малейшие прихоти. После скупости королевской семьи деньги аль-Файедов не могли не произвести впечатления. Даже если в данном случае речь шла о женщине, получившей после расторжения брака 17 миллионов фунтов стерлингов.

К слову заметим, что Диана была не единственным членом королевской семьи, кому нравилась красивая жизнь. Принц Чарльз также любил отдыхать за счет богатых друзей. Особенной популярностью у него пользовался американский миллиардер Арманд Хаммер. А вот Диана не любила Хаммера, называя его «стариком-рептилией»{59} [47].

Красивые ухаживания Доди сделали свое дело. Диана все больше проникалась к своему новому знакомому. Постепенно ей стали нравиться его внешность, чувство юмора, манера говорить и даже акцент.

– Обожаю его необычный акцент, – призналась принцесса своему стилисту Тесс Рок. – Мне нравится, как он произносит «Ди-яна, ты такая шаловливая!»[48].

Единственное, на что Диана не обратила или не захотела обратить внимание, так это на подчинение, которое обычно требуют от женщин в таких семьях. К тому же аль-Файеды вели очень закрытый образ жизни, жестко подчиненный требованиям безопасности. Например, их место проживания в Лондоне – Парк-Лэйн, 60 – превратилось в самую настоящую цитадель под защитой более чем тридцати бывших сотрудников элитных подразделений военной полиции, парашютно-десантных частей особого назначения и британского парашютного полка. При этом, в нарушение общепринятых правил охраны, где на первом месте стоит безопасность охраняемого объекта, определяющим был приказ самого Мохаммеда.

«Оспаривать решения босса запрещалось под строжайшим табу, даже если вы считали, что они противоречат профессиональным процедурам», – заметил Тревор Рис-Джонс[49].

Все это создавало дополнительное психологическое давление, выдержать которое был способен далеко не каждый. К примеру, бывшая супруга Эмада сочла подобный контроль чрезмерным, и в конечном счете брак распался.

Любила ли Диана Доди?

«Нет, – отвечает один из ее друзей. – Она сказала мне, что они мило проводят время, беседуют, но не более того. Если Диана впускала вас в свою жизнь, она была сама любезность. Она могла вас обнять и расцеловать, могла быть отзывчивой и милой, приятной и обходительной. Поэтому, когда папарацци видели ее рядом с Доди – как она его обнимала, целовала, – то все думали, что это любовь. А ничего такого не было. Принцесса просто мило проводила летние каникулы, наслаждаясь обществом красивого мужчины»[50].

28 августа Диана позвонила Роберто Деворику.

– Привет! – сказала принцесса.

– Привет! Как у тебя дела? – спросил Роберто.

– Отлично! – ответила Диана. – Я классно провожу время.

– Да, я вижу. А что это за поцелуи на глазах всей планеты? Я только оставил тебя одну, и здесь такой роман!

– Не начинай, – оборвала его принцесса. – Ты же сам южный человек и отлично знаешь, что все эти летние романы значат[51].

Весьма определенная позиция была у Дианы и в отношении возможного брака. Когда Аннабель Голдсмит предупредила ее, чтобы она была внимательна в матримониальном вопросе, принцесса ответила:

– Не беспокойся, Аннабель. Я прекрасно провожу с Доди время. Но новый брак – это последняя вещь, в которой я сейчас нуждаюсь. Он мне необходим не больше, чем сыпь на лице[52].

Несмотря на все эти заверения, Диана продолжала отношения с аль-Файедом. Вместе с сыном Мохаммеда она отдыхала в Ницце, Монте-Карло, Сардинии. 30 августа принцесса и Доди прибыли в Париж. Им оставалось жить меньше суток…

На этом, пожалуй, пока и остановимся. Понимание личности и поступков принцессы Уэльской будет не полным, если перед трагическими событиями в Париже в ночь с 30 на 31 августа не осветить еще два аспекта, занимавшие огромное место в жизни Дианы.

Глава 5
ИГРА С ОГНЕМ

СМИ – Самый Могущественный Институт

Однажды один из друзей Бенджамина Дизраэли спросил будущего премьер-министра: «Что представляет собой человек в современном обществе?» Умудренный опытом политик ответил: «Лишь то, что о нем напишут газеты».

Эти слова были произнесены более ста лет назад, однако, несмотря на столь солидный временной промежуток, они не только не утратили своей актуальности, но, скорее, наоборот – благодаря глобализации и стремительному развитию телекоммуникационных технологий обрели новый смысл. Сегодня достаточно нескольких часов, а то и минут, чтобы новость о каком-либо событии облетела весь земной шар. Снабжая людей фактами и формируя их мнение, СМИ поистине превратились в Самый Могущественный Институт современного общества.

Огромную роль пресса сыграла и в жизни нашей главной героини. Казалось, Диана была создана для плодотворного общения с акулами пера: знаменита, фотогенична… К тому же она и сама с юношеских лет обожала читать светские колонки газет и журналов.

Первая встреча будущей принцессы Уэльской с журналистами произошла в апреле 1978 года на свадьбе ее старшей сестры Джейн и помощника личного секретаря королевы Роберта Феллоуза. Жених был на шестнадцать лет старше невесты и всего на пять лет моложе тещи, однако это нисколько не помешало семейному счастью молодоженов.

Для освещения торжественного события, которое, среди прочих гостей, почтили своим присутствием королева-мать, герцогиня Кентская, герцог и герцогиня Глостерские, были приглашены представители СМИ. Среди них больше всего выделялся один из членов так называемой «крысиной стаи», известный корреспондент Джеймс Уитакер. В самый разгар мероприятия к нему подошла Диана и, оглядев его оценивающим взглядом сверху вниз, спросила с пренебрежительной интонацией:

– Это вы тот самый Джеймс Уитакер, не так ли?

Джеймс хотел было ответить, но юная леди Спенсер тут же оборвала его, заявив:

– Я знаю о вас все! Я сестра Сары Диана[1].

Упоминание Сары было не случайным. Незадолго до этого старшая сестра Дианы встречалась с принцем Уэльским и была у репортеров на особом счету. Причем, как выяснилось позднее,

интерес прессы к Саре был далеко не безответным. Она внимательно отслеживала любые, даже самые маленькие заметки о себе, с завидной периодичностью появлявшиеся на страницах таблоидов. Для выполнения столь трудоемкой работы девушка обратилась в агентство «Durrants», специализирующееся на предоставлении подобных услуг.

Незадолго до свадьбы Джейн с Робертом Феллоузом Сара дала развернутое интервью о своих взаимоотношениях с наследником престола. Статья вышла в журнале «Woman's Own» за подписью некоего Джереми Слэзингера. На самом деле за псевдонимом скрывался не кто иной, как уже упомянутый Джеймс Уитакер.

Отвечая на вопрос, как бы она могла охарактеризовать свои отношения с Чарльзом, Сара с непонятной беззаботностью сказала:

– Я не люблю принца Уэльского. Я девушка-шторм, девушка-смерч, совершенно не похожая на тех людей, которые предпочитают медленное развитие отношений. Могу вас заверить, что я никогда не выйду замуж за мужчину, которого не люблю, – и не важно, идет ли в данном случае речь о мусорщике или будущем короле Англии. Если он сделает мне предложение, я его просто-напросто отклоню. Да Чарльз и не собирается делать мне никого предложения. Он еще не готов к свадьбе. Наши отношения больше напоминают взаимоотношения между братом и сестрой. И речи быть не может, чтобы я стала королевой Англии[2].

Понимала ли Сара, что говорит? Во время самого интервью, возможно, и нет. Но буквально через несколько мгновений после него – однозначно да.

Едва попрощавшись с Уитакером, она тут же бросилась к телефонному аппарату и набрала номер Чарльза:

– Сэр,{60} мне кажется, я только что совершила глупость.

– Что ты сделала? – спокойно спросил Чарльз.

– Я дала интервью Джеймсу Уитакеру для журнала «Woman's Own».

– Да, Сара, ты действительно совершила чрезвычайно глупый поступок, – спокойно прокомментировал принц Уэльский[4].

На языке аристократов это значило: «Между нами все кончено».

Так что Диана знала, о чем говорит, когда обратилась: «Это вы Джеймс Уитакер, не так ли?» Чего она не знала, так это, что ожидает ее саму в отношениях с представителями СМИ.

Едва роман между Дианой и Чарльзом начал развиваться, как на бедную мисс Спенсер тут же набросилась «крысиная стая». О

ней тогда практически ничего не было известно, даже имя толком никто не знал. А редакторы таблоидов всё требовали и требовали от своих подопечных собрать как можно больше фактов ее биографии, сделать уникальные фотографии. Журналисты стали ломать голову – как раздобыть бесценный материал. Умнее всех оказался Уитакер. Он рассчитал все правильно. Если эта девушка действительно что-то значит для принца, подумал он, то Чарльз обязательно приведет ее в свое самое любимое место. А именно: на берег реки Ди в Балморале, где принц обожает удить рыбу. Так оно и произошло, и в один из дней на одном берегу реки оказались Диана и Чарльз, а на другом – Джеймс Уитакер и фотограф Кен Леннокс.

Это была классическая ситуация с охотниками и жертвой – правда, с одним весьма существенным дополнением. Жертва оказалась не по зубам матерым хищникам с Флит-стрит. Увидев блик фотообъектива и притаившихся в кустах журналистов, Диана проявила чудеса изобретательности и ловкости. Как ни в чем не бывало, она спокойно достала миниатюрное зеркальце и принялась следить за мужчинами. Не выпуская их из поля зрения, она то пряталась за Чарльза, то укрывалась за деревьями. Как Кен ни пытался, но поймать в объектив лицо незнакомки ему так и не удалось.

– Какая коварная девица! – недовольно буркнул Уитакер. – Она еще даст нам жару![5]

Как в воду глядел! Едва рыбалка закончилась, девушка быстро юркнула в машину, оставив журналистов с носом.

Итак, Диана одержала первую победу, но и соперник был далеко не прост – маленьким зеркальцем вряд ли можно было отразить его настойчивость. Журналисты чувствовали, что пахнет жареным, и, расталкивая друг друга, устремились на поиски информации о новой пассии наследника престола.

Корреспондент «The Sun» Артур Эдвардс случайно услышал имя – Диана. В его голове тут же сформировалась логическая цепочка: «Не та ли это девушка, которую я видел недавно на одном из матчей по поло с кулоном в виде буквы „D“?» Проверив по своим каналам, Артур установил точное имя незнакомки. Ей оказалась не кто иная, как леди Диана, дочь восьмого графа Спенсера.

Только Эдвардс хотел насладиться лаврами первопроходца, как пальму первенства у него ловко перехватил пронырливый Джеймс Уитакер. Задействовав свои связи и также узнав имя Дианы, он уже поджидал юную мисс Спенсер в аэропорту Абердина, откуда она должна была отправиться в Лондон.

Увидев Диану, Джеймс направился к ней. Девушка ускорила

шаг, и Уитакер успел задать только один вопрос:

– Как вы смогли провернуть этот трюк с зеркальцем?

Но и тот остался без ответа. Диана лишь смущенно покраснела[6].

Первая полоса нового номера «The Sun» вскоре блистала размашистым заголовком – «Он снова влюблен! Леди Ди – новая подружка Чарльза!».

Дата выхода номера – 8 сентября 1980 года – стала поворотной точкой в жизни будущей принцессы Уэльской. Диану впервые назвали леди Ди, и отныне ее жизнь уже никогда не будет такой же спокойной, как прежде. О ней хотели знать всё – где она работает, чем живет, кто были ее прошлые кавалеры. Журналисты пытались проследить каждый миг ее прежней жизни. Они искали ее подруг, посещали места учебы, спрашивали об интересах и увлечениях.

После визита прессы в альма-матер Дианы в журнале «Time» появилась статья со следующими строками: «Когда Диане исполнилось двенадцать лет, она поступила в привилегированную школу Уэст Хит, расположенную в графстве Кент. Над своей кроватью Диана повесила фотографию принца Чарльза»[7].

Впоследствии упоминание об этой фотографии перекочевало в большинство биографий принцессы, приобретя статус сначала легенды, а потом и мифа. Но мифы, как известно, создаются для совершенно определенных целей и не всегда соответствуют действительности. Так же получилось и на этот раз.

«В 1969 году после инвеституры{61} принца Чарльза одной нашей ученице прислали большую фотографию, на которой была запечатлена торжественная церемония, – вспоминает директриса Уэст Хит Рут Радж. – Мы решили повесить фотографию на стене в одной из спален. Впоследствии, когда к нам пришли журналисты, я стала им показывать помещения, и мы проходили как раз мимо этой комнаты. Меня спросили, где ночевала принцесса, и я, открыв дверь, сказала: „Какое-то время Диана спала здесь“. Так уж устроена школьная жизнь, что ученицы очень часто меняют спальни или подружек по комнате в конце каждого семестра. Репортеры же ухватились за эту фотографию и раздули из нее чуть ли не сенсацию»[8].

Не меньший интерес, чем прошлое Дианы, вызывала и ее нынешняя жизнь. 17 сентября 1980 года в дверь детского сада «Молодая Англия», где работала будущая мать наследника британского престола, постучался фотокорреспондент Джон Миниган. Директриса Кэй Сет-Смит не собиралась пускать журналистов, но Джон оказался таким обходительным, что после

продолжительных уговоров ему все-таки удалось пройти внутрь. К тому же он попросил всего об одном снимке.

– Только один снимок, – строго сказала Сет-Смит и повела его к Диане.

Миниган слукавил. Он сделал несколько кадров, но и их оказалось достаточно, чтобы тираж газеты «Standard» увеличился в разы. Что же это были за фотографии?

Позируя Минигану, Диана решила создать образ целомудренной девушки: взяла одного ребенка на руки, а другого поставила рядом с собой. В самый последний момент, когда Миниган уже готов был спустить кнопку затвора, совершенно неожиданно сквозь тучи прорезался яркий луч солнца. Падая со спины, он предательски просветил насквозь холщовую юбку юной леди. Это было потрясающе! Ни секунды не мешкая, Миниган быстро сменил выдержку и несколько раз нажал на кнопку. Затвор щелкнул, и еще один момент из жизни Дианы оказался увековеченным. Причем какой момент! На опубликованных фотографиях внимание миллионов привлекли ни целомудренный вид леди Спенсер, ни милые карапузы рядом с ней, а длинные и стройные ноги, просвечивающиеся сквозь юбку.

«Увидев снимок, она покраснела и от стыда прикрыла лицо руками», – вспоминает Сет-Смит[8].

Чарльз же отнесся к этому философски:

– Я догадывался, что у тебя красивые ноги, но я и представить не мог, насколько они хороши, – сказал он Диане, рассматривая злополучные фотографии[10].

Эти снимки стали знаковыми в истории нашей героини, фактически втолкнув ее в новую жизнь. В жизнь, где каждый твой шаг и каждое движение отслеживаются. В жизнь, где постоянно придется вставать на котурны, понимая, что за тобой наблюдают миллионы читателей газет и журналов. Отныне Диана больше не принадлежала себе. Она стала достоянием сначала британской, а затем и мировой общественности.

Картина складывалась не слишком обнадеживающая, но ни пресса, ни сама Диана не придали этому большого значения. Невинная и скромная дочь графа Спенсера представлялась идеальной кандидатурой для жены принца Чарльза. Никто не обратил внимания ни на разницу в возрасте, ни на ментальные и духовные различия будущих супругов. После десятилетия экономического кризиса Британия истосковалась по сказке. И как на вышеописанном снимке – все обратили внимание на луч солнца, не заметив нависающих туч.

Рассуждения на эту тему будут не полными, если не отметить еще одну весьма существенную особенность. Диана не просто

подверглась пристальному вниманию со стороны прессы. Она смогла сделать то, перед чем спасовали ее предшественницы – бывшие подружки Чарльза, включая и собственную сестру Сару. Дач сделала практически невозможное – смогла влюбить в себя представителей СМИ. Нельзя не обратить внимания на то, какой теплотой и симпатией проникнуты воспоминания этих прожженных охотников за чужими головами и судьбами, этих профессионалов своего дела, которые за живучесть, настырность и безграничный аппетит получили прозвище «крысиная стая».

«Безусловно, она смогла очаровать нас всех, – говорит Уиаткер. – Я, как и большинство других журналистов, искренне полагал, что Диана идеально подходит на роль принцессы Уэльской»[11].

Или, к примеру, высказывание корреспондентки «The Sun» Джуди Уэйд:

«Мы все были влюблены в Диану. Мы следовали за ней буквально по пятам, невольно подталкивая в объятия принца»[12].

Как же стало возможно, что совершенно неопытная в подобного рода делах Диана, которой не исполнилось еще и двадцати лет, смогла укротить такую стихию, как СМИ?

Возможно, все дело в красоте? Не только. Безусловно, внешность Дианы сыграла свою роль, но в ее рукаве был еще один козырь. Секрет Дианы заключался в ее отношении к прессе. Как емко выразилась Тина Браун, Диана «сама была алчным потребителем журнальной продукции»[13]. Сначала она проглатывала номера светской хроники, посвященные знаменитостям. Потом, когда сама стала пользоваться популярностью у акул пера, читала взахлеб все, что писали о ней.

«Она читала все! – замечает один из ее друзей. – Мне кажется, причина столь необычного увлечения прессой заключалась в самом обычном чувстве неуверенности в собственных силах. Словно, читая все эти заметки, Диана искала одобрения своим поступкам. И это ее вдохновляло»[14].

С годами увлечение превратится в страсть, так что преданный и верный Диане Пол Баррелл впоследствии даже будет прятать от нее некоторые статьи, опасаясь, что их чтение может навредить эмоциональному состоянию принцессы.

«Я всегда очень четко отслеживал, когда авторы касались сугубо личных тем или писали что-нибудь оскорбительное, – признается Пол Баррелл. – По-моему, принцессе не следовало видеть такие заметки»[15].

Возможно, Пол действительно поступал правильно, оберегая принцессу от ненужных переживаний. Возможно, она и в самом

деле искала одобрения своим поступкам на страницах таблоидов. Главное было в другом. Еще в юности, читая светские колонки, Диана сумела понять – пусть и на подсознательном уровне – психологию как читателей, так и самих репортеров. Именно поэтому охота на невесту наследника престола порой превращалась уже в игру Дианы с беспокойными журналистами.

В этой связи очень характерен следующий эпизод. Пытаясь сделать удачный снимок Дианы и Чарльза, корреспондент «Daily Express» Эшли Уолтон вместе с фотографом засели около Сандрингема. Был сильный снегопад, и многочасовая слежка превратилась в настоящее мучение.

«Не знаю, заметила ли нас Диана или это было обычное совпадение, но когда я и мой напарник решили справить нужду, тут как тут появилась она, – вспоминает Уолтон. – Проезжая мимо нас на своем маленьком „фольксвагене“, Диана ударила по тормозам. Она бросила на нас дерзкий взгляд и принялась безудержно хохотать. Смех был настолько звонким, что мы его легко услышали даже сквозь закрытые окна автомобиля. Диана помахала нам рукой и рванула с места».

В следующий раз, увидев Уолтона на официальной пресс-конференции, она кокетливо улыбнулась ему и с нескрываемой иронией прошептала: «Сандрингем»[16].

Играя с прессой, Диана забыла – СМИ подобны огню. Если с ними держать себя правильно – на расстоянии, – они способны обогреть, но стоит проявить неосторожность – и ожог обеспечен.

Ситуация осложнялась и неизменной любовью людей к сенсациям. В этой связи уместно напомнить про подход многих журналистов, которые искренне верят, что скандальные подробности присутствуют в жизни каждого человека, – а если таковых нет, значит, просто биография изучена недостаточно тщательно.

После сентября 1980 года репортеры бесчисленных изданий и шагу не давали ступить бедной Диане, чтобы не заснять ее на пленку или не задать очередной провокационный вопрос. Леди Спенсер любила фотографироваться, но это уже было слишком.

«Журналисты несносны! – сокрушалась она. – Я рыдала, словно маленький ребенок, запершись в своей квартирке»[17].

Впоследствии Диана обвинит Чарльза в том, что в этот напряженный период ее жизни он отказался протянуть ей руку помощи. Однако это не так. По словам камердинера принца Стивена Барри, Чарльз был обеспокоен назойливыми репортерами не меньше, чем его невеста. В разговоре с Барри он однажды возмутился:

– Надеюсь, чертова пресса наконец-то оставит Диану в покое!

[18]

Принимая во внимание сдержанность Чарльза, это было достаточно серьезным для него проявлением эмоций.

Не менее серьезными стали и последующие заявления принца. В декабре 1980 года он обвинил представителей британской прессы в отсутствии моральных ценностей, а в канун рождественских праздников произнес следующее:

– Используя эту возможность, я желаю, чтобы для всех присутствующих здесь новый год был счастливым, а для редакторов таблоидов – отвратительным[19].

Чем же была обусловлена столь жесткая реакция? Как оказывается, повод был. В воскресенье, 16 ноября, «Sunday Mirror» вышла с сенсационной статьей, словно молния, озарившей небосвод достопочтенного британского общества. Аршинными буквами на первой полосе были написаны три слова: «Королевский поезд любви». Как установили репортеры Уэнсли Кларксон и Джим Ньюман, поздним вечером 5 и 6 ноября Диана имела два тайных ночных свидания с принцем Чарльзом в королевском поезде, который специально для этих целей остановился на запасных путях около тихой деревушки Холт рядом с узкоколейкой Стейшнроуд в Уилтшире.

Для встречи с наследником престола в столь необычной обстановке дочь графа Спенсера преодолела сто миль, отделяющие Лондон от графства Уилтшир. Когда Диана приехала в условленное место на Стейшнроуд, к ней в машину сел полицейский в штатском. Вместе они направились на запасной путь, после чего сотрудник правопорядка проводил молодую девушку в королевский поезд. Когда Диана, как выразились бы моряки, поднялась на борт, состав медленно двинулся в сторону Брэдфорд-на-Эйвоне.

Поезд Диана покинула только ранним утром. Чарльз отправился в Бат для встречи с местными жителями, а младшая дочь графа Спенсера – в имение Паркер-Боулзов Боулхайд-Мэнор.

Вечером в дом Камиллы позвонили из королевского поезда, и Диана отправилась на второе свидание. И в этот раз принц Уэльский и леди Спенсер расстались только под утро.

«Но что в этой истории такого особенного? – спросит удивленный читатель. – Чарльз и Диана – взрослые люди, влюбленные друг в друга. И разве это не в порядке вещей, что они провели две ночи вместе? Наоборот, подобные свидания говорят лишь о силе их чувств».

Все это верно. Но в данном случае речь шла не об обычных влюбленных. Главным участником эпизода был не кто иной, как холостой наследник британского престола, а это уже означало,

что затронута репутация королевской семьи.

Не обошлось и без вездесущего финансового вопроса. Все дело в том, что содержание королевского поезда оплачивают британские налогоплательщики. Понятно, что выделенные средства предназначались на техническую эксплуатацию транспортного средства, но уж никак не для проведения в нем тайных свиданий.

«Все это полнейшая чепуха! – возмутился Чарльз. – Пресса лишь собирается выставить Диану в дурном свете»[20].

Личный секретарь принца Эдвард Один обратился к пресс-секретарю королевы Мартину Ши с просьбой отправить в редакцию письмо с требованием опровержения. В послании для редактора с грифом «Не публиковать» было написано: «В статье вашего издания допущены грубейшие ошибки. Прошу вас принести извинения, которые должны быть опубликованы как можно скорее в вашей газете на самом видном месте»[21].

Прочитав письмо, редактор «Sunday Mirror» Роберт Эдвардс отказался дать опровержение. Он отлично знал своих парней и был уверен, что в работе над материалом они использовали проверенные и надежные источники.

В своем ответе Мартину Ши Эдвардс написал: «„Sunday Mirror“ никогда не стала бы публиковать ложные и непроверенные сведения. В связи с тем, что вы категорично настаиваете на опровержении, я вынужден провести свое собственное расследование. Пока же хочу выразить удивление вашим замечанием о „грубейших ошибках“, которые допустили авторы статьи. В планы редакции не входило намекать на что-то действительно неподобающее, и уж чего мы никак не могли предположить, так это того, что статья может вызвать такую реакцию»[22].

В последнем предложении Эдвардс, конечно, лукавил. Прожженный журналист, он не мог не понимать, насколько возрастет тираж газеты с выходом этого материала. Теперь же, когда ящик Пандоры был приоткрыт, единственное, что волновало Эдвардса, – это сохранить тираж, а вместе с ним и авторитет издания.

Лично проверив факты журналистского расследования, Роберт обнаружил, что Кларксон и Ньюман действительно построили свой материал на достоверных источниках. Например – на признании местного полицейского, ответственного за охрану поезда. Посоветовавшись со своими подопечными, Эдвардс решил вместо опровержения, которое в свете проведенного расследования публиковать вообще не имело смысла, выпустить следующий номер с тактичной статьей «Принц Чарльз и Диана».

Это позволило не только сохранить читателей, которые получали новую порцию материала о знаменитых влюбленных, но и спасти репутацию газеты, которая своей публикацией демонстрировала лояльность по отношению к Букингемскому дворцу.

Изворотливость Эдвардса помогла ему выйти сухим из воды.

Что касается Дианы, то ей повезло меньше, хотя публикация не стала для нее неожиданностью. За сутки до выхода номера будущая принцесса Уэльская была проинформирована редакцией «Sunday Mirror» о содержании статьи. Диана заявила, что все это не имеет никакого отношения к правде. Однако, как и следовало ожидать, ее ответ опубликован не был.

После выхода номера мисс Спенсер продолжала настаивать на своей непричастности к описанной истории. По ее словам, вечером 5 ноября она «находилась в своей квартире»:

– Я поужинала, посмотрела телевизор и рано пошла спать. Я не покидала квартиру ночью и никогда не была не только в этом поезде, но и не находилась рядом с ним[23].

Впоследствии она сказала журналистам «Daily Mail»:

– Основная проблема заключается в том, что люди хотят верить тому, что читают[24].

Какую позицию в этой ситуации занял Букингемский дворец? Диана не являлась членом королевской семьи, поэтому ее поддержка и PR-защита не входили в обязанности королевских специалистов по связям с общественностью. Да и сама Елизавета II, как неоднократно демонстрировали прошлые события, обычно не вмешивалась в подобные инциденты.

Аналогичного поведения журналисты ожидали от нее и на этот раз. Однако события стали развиваться совершенно по другому сценарию. Через своего пресс-секретаря Мартина Ши королева выступила с официальным заявлением: «За исключением того факта, что принц Уэльский использовал королевский поезд в эти две ночи, все остальные предположения, сделанные журналистами, – самая обычная фабрикация»[25].

После вмешательства королевы страсти улеглись. Правда, не навсегда. В 1993 году скандал с поездом получил неожиданное продолжение и вновь привлек внимание прессы. В своей книге о супругах Уэльских Джеймс Уитакер выдвинул новую, не менее сенсационную гипотезу: Чарльза действительно посещала в поезде некая леди, но это была не Диана, а Камилла Паркер-Боулз[26]. В качестве основного доказательства Уитакер привел данные о телефонном звонке, который принц Уэльский сделал из поезда в расположенный неподалеку Боулхайд-Мэнор.

Новый поворот старой истории грозил еще большим скандалом. Получалось, что в оплачиваемом

налогоплательщиками поезде принц принимал замужнюю женщину. И это в то время, как все газеты были переполнены материалами о его романе с леди Спенсер!

На этот раз на защиту чести своей супруги выступил Эндрю Паркер-Боулз.

«Принц Уэльский действительно звонил нам, – заявил он. – Но этот звонок был адресован мне. Мы обсуждали детали запланированной на уик-энд охоты»[27].

Версия Уитакера противоречит и воспоминаниям близких к Чарльзу людей.

«Я лично находился вместе с принцем в поезде, – настаивает Стивен Барри, – с нами были только два полицейских, секретарь герцогства Корнуэлл, его преемник и управляющий герцогством. Никаких женщин в поезде не было – ни Дианы, ни кого-то еще»[28].

Слова Барри подтверждают и признания Майкла Колборна:

«Версия Уитакера не имеет под собой никаких оснований»[29].

Мнения, мнения, мнения… Но куда интереснее другое. В свое время от имени автора «Алисы в Стране чудес» Льюиса Кэрролла русский поэт В. С. Высоцкий в своем произведении «Песня Кэрролла» спрашивал: «Что остается от сказки потом – после того, как ее рассказали?»[30]. Так что же осталось после всей этой истории с любовным скандалом в королевском поезде? А остались миф и не знающая кому верить общественность. Одни считали, что в поезде была Диана, другие – Камилла, третьи – ни та, ни другая.

Возможно, тайна ночных свиданий 5 и 6 ноября 1980 года так и останется неразгаданной. Но прежде чем завершить с этим эпизодом, хотелось бы сказать еще о двух фактах, обнаруженных журналистами во время тщательного расследования.

Первый касается автомобиля, на котором Диана приехала из Лондона. В разговоре с уже упомянутым выше полицейским репортерам удалось узнать номер транспортного средства, который охрана принца получила заранее по факсу. Проверив номер, журналисты с удивлением для себя обнаружили, что автомобиль принадлежал… (здесь самое время выдержать небольшую паузу) Фрэнсис Шэнд Кидд. Диана частенько использовала синий «рено» своей матери для собственных нужд[31].

Тут же, правда, нашлись люди, посчитавшие воспоминания полицейского неправдоподобными. Дескать, с какой стати человеку, ответственному за правопорядок около королевского поезда, откровенничать с прессой? И на этот вопрос нашлось

логичное объяснение.

Все дело в том, что у королевского поезда отсутствовали санитарные резервуары. Из-за этой недоработки местному отделению полиции пришлось выделить двух сотрудников для очистки железнодорожных путей после проезда по ним злополучного состава. Бедняга полицейский был возмущен подобным развитием событий и поделился своим недовольством с появившимися как раз вовремя журналистами[32].

Второй факт, который обнаружили репортеры, касался присутствия Дианы в доме Паркер-Боулзов. Один из журналистов решил воспользоваться старым проверенным методом, не раз упоминавшимся на страницах о приключениях Шерлока Холмса. Позвонив спустя неделю в Боулхайд-Мэнор и спросив, гостит ли все еще юная леди Диана у супругов Паркер-Боулзов, он получил необходимую информацию.

– Нет, нет, она уже уехала, – раздался в трубке участливый женский голос. – Леди Диана была у нас на прошлой неделе[33].

Сложив все воедино, правомерно будет предположить, что в те две ночи 5 и 6 ноября Чарльза действительно посещала женщина. И скорее всего, это была именно Диана, хотя это и противоречит воспоминаниям близких к королевскому дому людей.

Косвенно этот вывод подтверждает дальнейшее поведение Дианы. Дочь графа Спенсера решила это дело так не оставлять и самостоятельно разрулить возникшую ситуацию. При этом главным орудием она избрала всю ту же прессу.

Весьма оригинальный способ лечить подобное подобным принцессе, видимо, очень понравился. По крайней мере, впоследствии она еще не раз будет прибегать к его помощи.

Первый же блин, как говорится, получился комом. Отвечая на вопрос Роджера Тавенера из Ассоциации прессы, Диана сказала лишнее. Она подняла вопрос о свадьбе:

– Я собираюсь вскоре замуж. Я не думаю, что девятнадцать лет – слишком рано для такого поступка. Все зависит от человека[34].

Быстро сообразив, что говорить это было совершенно необязательно, Диана попыталась отказаться от собственных слов. Как сообщалось в «Daily Express»: «Леди Диана Спенсер обратилась вчера в нашу газету с просьбой помочь ей прояснить ситуацию. Согласно ее словам: „Я никогда это не говорила. Я вообще ничего не говорила о свадьбе“»[35].

Если упоминание о возможности предстоящего брака было глупым поступком, то отказ от собственных слов – ошибкой. Ведь, если разобраться, утверждая, что она что-то *не* говорила, Диана

фактически обвиняла Тавенера и Ассоциацию прессы во лжи. А это уже было серьезным заявлением, поскольку от степени его достоверности зависела репутация целой организации. Главный редактор Ассоциации лично проверил заметки Тавенера, сделанные им во время интервью, и подтвердил наличие соответствующих записей.

Еще в детские годы за Дианой закрепилась репутация врушки. Как однажды сказал ее брат Чарльз, «у Дианы нередко возникали проблемы с тем, чтобы сказать правду»[36]. К аналогичному выводу теперь стали приходить и журналисты. Даже хорошо знавший Диану Джеймс Уитакер, который утверждал: «Она никогда мне не врала»[37], однажды признался: «Все это очень сложно. Диана никогда не была прямолинейной. Она часто юлила и ловчила»[38], причем делала это с удивительной легкостью.

«Один раз я знал точно, что она мне врет, – вспоминает друг принцессы Клайв Джеймс. – Диана посмотрела мне прямо в глаза, и я увидел, насколько правдоподобно она выглядит, сообщая бессовестную ложь»[39].

Несмотря на возникшую напряженность, буря так и не разразилась. Молодой девушке вновь повезло. Даже больше. Диане удалось установить с журналистами хорошие, партнерские отношения: прессе требовалась новая информация для увеличения тиража своих изданий, леди Спенсер – PR-защита и отсутствие скандалов. Каждый получал что-то свое, тем самым не мешая отношениям Чарльза и его новой дамы сердца перерасти сначала в помолвку, а затем и в свадьбу.

После свадебной церемонии интерес СМИ к принцессе Уэльской не ослаб, что Диане несказанно льстило. Она с удовольствием позировала перед фото– и видеокамерами, получая от этого огромное удовольствие.

«Диана смотрела на окружавшие ее объективы, как Грета Гарбо, – вспоминает сотрудница тогового дома Christie's Мередит Этерингтон-Смит, тесно общавшаяся с принцессой в 1997 году. – Эти две женщины инстинктивно чувствовали, как свет падает на их лица. Научиться такому нельзя, с этим чутьем можно только родиться»[40].

Неуверенная в себе супруга Чарльза преображалась, стоило ей оказаться в центре всеобщего внимания.

«Ей нравилось ощущать себя кинозвездой 1940-х годов, – заметил однажды модельер Джаспер Конран. – Едва принцесса где-нибудь появлялась, как люди вставали со своих мест и начинали аплодировать. Диана была в восторге от всего этого»[41].

С не меньшим интересом принцесса просматривала колонки новостей, в которых упоминалось ее имя. И если на фотографии Диане было чертовски приятно смотреть (женщины любят, когда их красота выгодно подчеркивается), то чтение газет вызывало у нее совершенно другие, не менее радужные эмоции. Восторженные репортажи о поездках Дианы по стране, о ее появлениях на различных мероприятиях служили для принцессы своего рода отдушиной. Не слыша одобрительных слов со стороны королевской семьи, она с упоением отыскивала их на страницах таблоидов.

«Поведение принцессы в отношении СМИ напоминало зависимость наркомана, – делится своими впечатлениями один из журналистов „Daily Express“ Эшли Уолтон. – Буквально с самого начала Диана читала все, что мы публиковали о ней. Она с поразительной точностью знала, какой журналист что о ней написал. Это было видно из того, что она всегда делала очень точные замечания по нашим репортажам»[42].

Сами того не зная, в течение первых пяти месяцев после свадьбы журналисты превратились для молодой принцессы в своего рода «пятую колонну». Отчеты с Флит-стрит позволяли ей оставаться на плаву, гордо держать спину и хотя бы на мгновение почувствовать уверенность в собственных силах.

Однако эта идиллия продлилась недолго. Ни для кого не секрет, что в погоне за сенсационным снимком особо рьяные репортеры нередко переступают черту дозволенного. Именно это и произошло в декабре 1981 года, когда принцесса в очередной раз отправилась из Хайгроува в Тетбери для покупки леденцов. Журналисты повели себя слишком навязчиво, вынудив Диану покинуть магазинчик в расстроенных чувствах.

Возможно, на это никто не обратил бы внимания – супруга Чарльза была не первой и далеко не последней женщиной Туманного Альбиона, кто испытал на себе назойливое внимание прессы, – если бы не одно «но». В инцидент решила вмешаться сама королева. Она попросила своего пресс-секретаря Мартина Ши собрать в зале 1844{62} Букингемского дворца главных редакторов всех общенациональных изданий, а также руководителей Би-би-си и Ай-ти-эн.

Забыв про свое вольнодумие, акулы пера сочли за честь присутствовать на королевском брифинге. Единственным редактором, кто не смог приехать на столь ответственное мероприятие, стал Келвин Макензи из «The Sun». В своем объяснительном письме он просил извинить его: как раз в тот момент, когда его ждали в Букингемском дворце, у него была запланирована встреча с владельцем газеты. Для любого

человека, хоть чуть-чуть разбирающегося в расстановке сил на Флит-стрит, не составило труда определить, что за этим стоял не кто иной, как владелец «The Sun» Руперт Мёрдок, хорошо известный своим нонконформизмом и любовью плыть против течения.

Во время брифинга Мартин Ши сообщил, что королева весьма обеспокоена поведением репортеров в отношении принцессы Уэльской и просит их впредь держать себя в рамках приличия.

Зачитав послание Елизаветы, пресс-секретарь пригласил журналистов пройти в соседний Карнарвонский зал, знаменитый художественными полотнами с изображением сцен сопротивления испанских повстанцев армии Наполеона Бонапарта. Здесь представителям СМИ были поданы легкие закуски и напитки.

Когда все уже были готовы приступить к трапезе, в Карнарвонский зал вместе с принцем Эндрю вошла королева. Это было не просто общение суверена со своими подданными: Елизавета решила принять личное участие в разрешении вопроса с Дианой, фактически снизойдя до обычных объяснений. Никогда прежде, за все двадцать пять лет своего пребывания у власти, она не делала ничего подобного.

Королева обходила журналистов одного за другим и для каждого находила нужную фразу или вежливый оборот. И так потрясенные оказанным приемом, акулы пера были окончательно придавлены ее появлением. Все они, словно по мановению волшебной руки, тут же забыли о Диане и ее личной жизни.

Во всем этом раболепии (восхищенные улыбки, невнятное бормотание в ответ на обращенные к ним слова) нашелся лишь один человек, которому хватило то ли смелости, то ли наглости, чтобы, глядя прямо в глаза королеве, спросить ее о принцессе Уэльской. Это был журналист из другого подотчетного вездесущему Руперту Мёрдоку издания «News of the World» Барри Аскью.

– Ваше Величество, – сказал он, – позвольте вас все же спросить: почему принцесса Уэльская, которая хочет избежать внимания прессы, отправилась лично покупать конфеты? Не логичнее ли было послать в магазин кого-нибудь из обслуживающего персонала?

Елизавета многозначительно улыбнулась и с чувством собственного достоинства произнесла:

– Вы исключительно высокомерный человек[43]. – И как ни в чем не бывало продолжила дальше свой обход.

В тот день королева была на высоте. Но смогла ли она достучаться до сердец приглашенных журналистов? Это уже

другой вопрос, и ответ на него – скорее всего нет, не смогла. По крайней мере, именно такой вывод напрашивается, когда оцениваешь то, что случилось дальше.

В феврале 1982 года супруги Уэльские отправились отдыхать на Багамские острова. Без преувеличения можно сказать, что эти дни, проведенные в уединенном поместье Уиндермир лорда и леди Брэберн, стали одними из самых счастливых за пятнадцать лет знаменитого брака. Не зря даже сам принц Уэльский назвал пребывание на Багамских островах «вторым медовым месяцем».

Впервые за полгода совместной жизни Чарльз и Диана смогли почувствовать себя супругами. Эти дни были слишком светлыми, чтобы походить на правду. «Неужели бывает настолько абсолютное счастье?» – спрашивала себя принцесса. И всё говорило о том, что да, бывает.

На самом деле насколько бы ни была громадна бочка меда, и в ней нашлась ложка дегтя. В тот багамский уикэнд роль нарушителей спокойствия исполнила неразлучная парочка: Джеймс Уитакер и Кен Леннокс. Еще до восхода солнца они спрятались в укромном местечке, как раз напротив лежаков, где молодожены обычно принимали солнечные ванны. В двадцать минут двенадцатого, когда солнце находилось в зените, Кен взял ничего не подозревающую принцессу «на мушку».

Как и на реке Ди, снова началась охота. И вновь Диане выпала роль жертвы, а Ленноксу с его гигантским телевиком, напоминающим гаубицу, – матерого затравщика. Несколько щелчков затвора, и с семейной идиллии супругов Уэльских была сорвана завеса приватности. На следующий день на первой полосе «Daily Star» миллионы людей увидели Диану в розовом бикини на пятом месяце беременности.

Это было уже слишком. «Крысиная стая» не просто оскорбила юную принцессу, она нанесла удар по самой королеве, которая совсем недавно просила журналистов быть более тактичными!

Елизавета отреагировала незамедлительно – в официальном заявлении говорилось о «проявлении бестактности», «нарушении общепринятых в Британии стандартов для прессы» и «беспрецедентном вторжении в частную жизнь»[44]. Эти обвинения были и так серьезны, а из уст (или из-под пера) главы государства они звучали совсем уж громоподобно, заглушая даже характерное, немного «с трещинкой» звучание Биг-Бена.

Но журналистская братия смотрела на произошедшее по-своему. Медиаэксперт Рой Гринслэйд выразил мнение большинства, когда сказал:

«К Диане имелся самый настоящий интерес. Пресса – редакторы и репортеры – были влюблены в эту женщину. Она

выглядела просто потрясающе, она увеличивала в разы продажу номеров. Никто не был способен на такое»[45].

До самого рождения Уильяма интерес СМИ к Диане только возрастал. Волна *Ди*мании накатывала вновь и вновь, пока 21 июня – в день появления наследника – не превратилась в самый настоящий шквал восторженных эмоций, накрывший собой всю страну.

Если Букингемский дворец полагал, что после рождения Уильяма пресса оставит Диану в покое, то он глубоко ошибался. Принцесса Уэльская была для журналистов чем-то вроде Эльдорадо. Да и сама Диана где-то в глубине души опасалась, что репортеры забудут о ней и направят свои объективы на кого-то другого.

В этом отношении супруга Чарльза переживала зря. Ей нужно было беспокоиться совершенно о другом. Похоже, она не до конца понимала механизм работы СМИ. Если одни газеты выходят только по воскресеньям, то другие появляются на прилавках каждый день. И для того, чтобы их раскупали, нужны если не сенсации, то хотя бы новости, способные заставить читателей выложить пенсы. А добыть новости можно было, только установив за принцессой тотальную слежку.

В принципе, на протяжении первого года брака именно это и происходило – тотальная слежка. И как мы уже видели, порой она приводила к весьма неприятным ситуациям. Однако в целом, как говорят врачи, «средняя температура по больнице» оставалась в пределах нормы.

Журналистам нравилась молодая принцесса. Конечно, они не были слепы и во время пребывания четы Уэльских в Балморале осенью 1981 года не могли не заметить некоторые странности. Почему, например, Диана редко появлялась на излюбленном развлечении британской аристократии, охоте на лис, и вообще старалась избегать мероприятий, связанных с лошадьми? Поступали сведения и том, что уж слишком часто принцесса покидает вечерние обеды раньше положенного времени. Почему?

Все это, конечно, не могло не озадачить журналистов. Но, когда дело доходило до написания статей, большинство (не считая бунтарей Руперта Мёрдока) старались рисовать счастливые картины, порой даже немножко идеализируя жизнь супругов.

После рождения Уильяма ситуация начала постепенно меняться. Время брало свое, и пелена всенародной эйфории постепенно стала рассеиваться, оставляя место желанию анализировать и докапываться до истины.

Первый серьезный звоночек, что у супругов далеко не все так

гладко, прозвучал на приеме в Альберт-холле 13 ноября 1982 года. Это было то самое мероприятие, на которое Диана явилась после королевы. Однако вновь обратиться к этому событию нас заставляет отнюдь не нарушение протокола. Сейчас нас в первую очередь интересует, какую роль сыграла в этой истории пресса.

Поздно вечером с Джеймсом Уитакером связалась редактор «Sunday Mirror» Анна Робинсон.

– Привет, Джеймс, – обратилась она к нему. – Я хочу, чтобы ты выяснил, почему принцесса Диана выглядела так плохо на приеме в Альберт-холле. Она вела себя ужасно, а ее внешний вид был просто отвратителен. Она стала такой тощей. Разберись в этом[46].

Джеймс связался с сестрой Дианы Сарой, с которой продолжал поддерживать хорошие отношения. Сара с удовольствием поделилась своими опасениями:

– Мы боимся, что у нее анорексия…[47]

На следующий день информация о том, что мать будущего наследника престола страдает пищевым расстройством, появилась в «Sunday Mirror». Там же, благодаря неуемной активности Уитакера, были приведены слова таинственного незнакомца{63} из штата принцессы:

– Диана перфекционист. Если, например, ее туфли отдаются в чистку, она требует, чтобы потом их ставили строго в линию около буфета. Принцесса одержима, чтобы все и вся делалось идеально[48].

Как и следовало ожидать, Букингемский дворец выступил с опровержением болезни: «Принцесса Уэльская чувствует себя великолепно и находится в хорошей форме»[49]. Также был подан иск против Робинсон, в конечном счете стоивший ей места редактора «Sunday Mirror».

На этом история не закончилась. К делу подключился известный британский журналист Найджел Демпстер. Отбросив рассуждения коллег о булимии (анорексии) и перфекционизме принцессы, Найджел поделился своим видением ситуации:

«Как сообщили мне мои источники, принцесса оказалась настолько дезориентирована свалившейся на ее плечи нагрузкой, что скорее всего ей придется обратиться за помощью к психиатрам»[50].

Дальше – больше. В начале декабря, выступая в передаче «Доброе утро, Америка», Найджел назвал Диану «демоном и монстром, которая на самом деле управляет» этим браком. Что же до Чарльза – то он «ужасно опечален тем, что пресса заставила его жениться на Диане»[51].

Самое интересное заключалось в том, что, по собственному

признанию Найджела, факты для своих выводов он получил «лично от сотрудников принца Уэльского»[52].

Это заявление произвело эффект разорвавшейся бомбы. И дело здесь даже не в том, что Демпстер одним из первых осмелился изобразить любимую всеми принцессу в невыгодном свете. Все оказалось намного серьезнее. Демпстер покусился не просто на имидж Дианы – он нанес сокрушительный удар по изображению брака Уэльских, как счастливой сказки. Народ хотел верить в чудо, а теперь его лишали этой возможности. Конечно, многие журналисты выступили в защиту любимой принцессы, но что сделано, то сделано, и впервые с момента появления Дианы на британском небосклоне публика узнала, что не все так спокойно за массивными дверьми королевских резиденций.

Когда страсти улеглись, обнаружилась еще одна интересная особенность. Проблемы в семье Уэльских добавили образу всенародно любимой принцессы новые краски. Теперь вместе с ней можно было не только радоваться, но и переживать. А как показывает история, те, кто страдает, всегда вызывают большие симпатии, чем те, у кого жизнь похожа на одно сплошное удовольствие. Так уж устроен человек, что, мечтая о сказке и веря в хеппи-энд, он проявляет по-настоящему сильные эмоции лишь перед ликом трагедии.

Именно это и произошло с принцессой Уэльской. Отныне место счастливой сказки заняла драма. Глазами журналистов (путь и не всегда объективными) публика, расположившись в первых рядах, принялась наблюдать за невеселой историей одинокой женщины.

Это было интересное и захватывающее зрелище, длившееся на протяжении шестнадцати лет. Единственное, что никто – ни журналисты, ни члены королевской семьи, ни сами британцы – не мог даже представить, что в борьбе за личное счастье эта хрупкая леди сможет совершить поступки, которые перевернут жизнь многих участников этой истории.

Секретный проект

В октябре 1986 года, во время открытия нового томографа в рентгеновском отделении больницы Святого Фомы, принцесса Уэльская познакомилась с Эндрю Мортоном. На первый взгляд это была ничем не примечательная встреча. В действительности же мимолетное знакомство на рядовой благотворительной акции с участием Дианы прочными нитями связано с одним из важнейших событий в ее жизни. Что же такого удивительного было в этом посещении больницы Святого Фомы и в мистере Мортоне, что сегодня без упоминания о нем не обходится ни одна биография принцессы Уэльской?

Будем последовательны и, прежде чем осветить ту роль, которую предстоит сыграть мистеру Мортону в жизни Дианы, попытаемся разобраться – почему принцесса Уэльская, ежедневник которой и так был переполнен заметками о бесчисленных мероприятиях и благотворительных обедах, согласилась потратить свое драгоценное время на визит в не самую крупную больницу Лондона, где происходила установка нового томографа? По крайней мере, именно такой вопрос задал себе Эндрю Мортон, когда увидел Диану в надраенных до блеска коридорах лечебного учреждения.

По профессии, как, впрочем, и по своей природе, Эндрю был журналистом, а такие люди привыкли сами искать ответы на интересующие их вопросы. Мортон отправился в больничную столовую, где разговорился с радиологом доктором Джеймсом Колтхерстом, сопровождавшим Диану во время ее визита.

Из беседы он узнал, что Диану и Джеймса связывают многолетние узы дружбы. В компании общих друзей они неоднократно проводили свободное время, отдыхая как на берегах Туманного Альбиона, так и за его пределами. Именно во время одной из таких поездок за границу – на горнолыжном курорте в Швейцарских Альпах – Диана принялась активно рассуждать о возможности выйти замуж за принца Чарльза, с которым не была еще даже близко знакома.

После заключения брака общение между Дианой и Джеймсом стало менее насыщенным, хотя они продолжали поддерживать теплые дружеские отношения, встречаясь время от времени и обсуждая последние новости. Так, Колтхерст неоднократно приезжал в Кенсингтонский дворец, а Диана в свою очередь периодически навещала его в больнице Святого Фомы. Один из таких дружеских визитов она совершила и в этот раз, решив почтить своим присутствием запуск нового томографа.

Чем больше Мортон слушал воспоминания Колтхерста, тем больше убеждался – этого доктора ему послал сам Господь. Еще бы – познакомиться с человеком, который входит в число близких друзей принцессы и имеет независимый взгляд на многие события ее жизни! И хотя Джеймс сразу дал понять, что не собирается делиться секретами своей знаменитой подруги, Эндрю уже ни на йоту не сомневался – ему, во что бы то ни стало, следует продолжать развивать отношения с мистером Колтхерстом. Теперь их частенько можно было увидеть играющими в сквош на прибольничной спортивной площадке или что-то эмоционально обсуждающими за яичницей с беконом в расположенном неподалеку итальянском ресторанчике.

Слухи о том, что журналиста и доктора частенько видят вместе, стремительно поползли по Лондону. Настал момент, когда они достигли и Кенсингтонского дворца. Настороженная этим знакомством, Диана решила навести справки по Эндрю Мортону.

В первую очередь ее интересовали два вопроса: что это за человек и какую позицию он занимает по отношению к ней. Принцессе удалось узнать, что, несмотря на внушительные габариты (рост Эндрю достигал 190 сантиметров), он предпочитает не выделяться в стае акул пера. За ним закрепилась репутация сдержанного и хитрого репортера, никогда не распространяющегося о своих намерениях и планах. Диана была поражена, узнав об инциденте, который произошел на одном из мероприятий, организованном Букингемским дворцом специально для прессы. Во время фуршета журналист Майкл Коул проявил неосторожность, рассказав о некоторых подробностях участия королевы в одной из рождественских передач. Все мило рассмеялись и переключились на другое. Все, но только не Эндрю Мортон. Он тихой сапой отправился в редакцию «Daily Star» и в кратчайшие сроки подготовил сенсационный материал. В результате Майкл Коул был вынужден подать в отставку, коря себя за излишнюю болтливость.

Теперь что касается второго вопроса – отношения Мортона к принцессе Уэльской. Ходили слухи, что Эндрю хочет написать о супруге Чарльза книгу и, собирая материал, тщательно скрывает его от посторонних глаз. В тех же статьях, что периодически появлялись в «Daily Mail» и «Daily Star», Мортон проявил себя как очень лояльный журналист, практически всегда занимающий сторону принцессы.

Именно эта лояльность и натолкнула Диану на весьма оригинальное решение. «Пусть Эндрю и в самом деле напишет обо мне книгу, – подумала она. – Только сделает это при моем

непосредственном участии, хоть и за своей подписью».

Это был очень тонкий и весьма результативный ход. С одной стороны, вся ответственность ложилась на Мортона, с другой – принцесса смогла бы наконец публично выговориться.

«Моя жизнь настолько запутанна и сложна, что единственным способом выжить в этих условиях было открыться людям, сообщив им, через что мне пришлось пройти», – впоследствии объясняла Диана свое решение взяться за изложение собственной истории[1].

Больше всего ей не давала покоя Камилла – вернее, то, что в глазах общественности миссис Паркер-Боулз играла незначительную роль в разрушении знаменитого брака.

«Она была просто одержима идеей о том, чтобы все узнали о присутствии Камиллы», – признавался один из друзей Дианы[2].

Принцесса даже дала своей визави особое прозвище – Ротвейлер.

«Потому что она выглядела, как собака, – объясняла Диана. – К тому же если она в кого-то вцеплялась, то никогда не отпускала свою жертву»[3].

В глубине души супруга Чарльза надеялась, что после оглашения правды о виндзорском треугольнике в дело вмешается королева и положит конец изменам своего сына. Если бы Диана лучше знала британскую историю, то наверняка бы поняла, насколько наивны и безосновательными были ее предположения!

Второй стратегический просчет принцесса допустила, не придав значения тому факту, что своей книгой она фактически подожгла мосты, связывающие ее с домом Виндзоров. Ведь помимо упоминания о Камилле устами Мортона Диана собиралась рассказывать о никогда не публиковавшихся ранее фактах из жизни королевской семьи. А это уже была самая настоящая бомба!

Кстати, что касается бомбы и того разрушительного потенциала, которым обладал проект Мортона. Понимая все это, Диана решила действовать осторожно.

Перед ней встал ряд практических вопросов. Например, как передавать информацию? В письменном виде – исключено. Наговаривать на пленку в форме интервью? Но тогда с Эндрю придется встречаться, что также было небезопасно.

Принцесса приняла поистине соломоново решение: задействовать для этих целей их общего знакомого Джеймса Колтхерста, в верности которого она не сомневалась.

Прежде чем сделать окончательный шаг и запустить маховик, Диана обратилась за помощью к астрологу.{64} Роль великого жреца выполнил Феликс Лайл, которого принцессе

порекомендовала супруга Колтхерста Доминик, кстати, сама владевшая искусством составления и чтения гороскопов.

Сеанс предсказания состоялся в спальне Колтхерстов в Фулхэме и продлился больше двух часов. Впоследствии, вспоминая эту встречу с принцессой, Лайл рассказывал:

«По гороскопу было видно, что Диану ожидает скандал. Нептун собирался затеять опасную игру, сильное влияние должен был оказать Плутон. В связи с тем что это все равно должно было случиться, в моих силах было лишь немного помочь принцессе. Мы посмотрели друг на друга, улыбнулись и вместе сказали: „Ну что ж, пусть книга будет написана“»[5].

Работа началась. В мае 1991 года, взяв с собой записывающее устройство и перечень вопросов от Эндрю Мортона,{65} Колтхерст отправился на велосипеде в Кенсингтонский дворец – брать первое интервью. Джеймс и Диана удобно расположились на диванах в личной гостиной принцессы и начали работать. Результаты превзошли все ожидания.

«Первая сессия была – как бы поточней выразиться – словно отчаянное признание, пытавшееся вырваться наружу после десяти лет предательств и несчастий, депрессии и насмешек», – вспоминает Мортон[6].

В тот день Диана наговорила тридцать тысяч слов. События прежних лет, оживая в ее памяти, извергались, как раскаленная магма из кратера гигантского вулкана.

Одновременно с аудиосессиями, которые продолжались в течение шести месяцев, Мортон, с разрешения Дианы, привлек к работе над книгой нескольких близких ей людей. Это позволило немного разнообразить проект. Кроме всего прочего свидетельства новых лиц придавали пусть и небольшую, но объективность.

В основном в список избранных попали друзья принцессы. Единственным исключением стал ее брат Чарльз. Будущий девятый граф Спенсер с удовольствием согласился поучаствовать, хотя и дал понять, что его воспоминания ограничатся периодом до восемнадцатилетия Дианы.

По мере работы над книгой принцесса также обратилась за помощью к своему отцу. Джонни Спенсер должен был подобрать наиболее интересные детские фотографии своей дочери. Принимая во внимание страсть графа к фотоискусству, это задание было как раз для него.

Что касается сестер и своей матери, то их Диана привлекать отказалась. И если Джейн как супруга личного секретаря королевы Роберта Феллоуза отпадала по определению, то Саре и Фрэнсис Диана просто не доверяла, зная об их чрезмерной

болтливости перед жадными до сенсаций журналистами.

Воля принцессы распространялась не только на выбор людей, которые должны были принять участие в ее замысле. Она также просматривала рукопись, исправляя все, что казалось ей неправильным. Так, например, она существенно отредактировала описание знаменитой сцены падения с лестницы после ссоры с Чарльзом в январе 1982 года.

В целом же правки Дианы были малозначительными и больше походили на изменение акцентов в той или иной фразе. Например, в одном эпизоде Мортон назвал Чарльза «человеком, за которого она мечтала выйти замуж». Принцесса исправила на «человека, которого она любила»[7].

Когда настал момент выбора издательства, Мортон решил сделать ставку на малоизвестный издательский дом «O'Mara Books», основанный в 1985 году американцем Майклом О'Марой и его супругой Люси.

Прослушав записи, сделанные Колтхерстом, Майкл не поверил своим ушам.

– Одного не могу понять, – спросил О'Мара, – почему она на всех фотографиях улыбается, если на самом деле так несчастна? [8]

Издатель потребовал дополнительные доказательства. Специально для него Диана вытащила из портфеля Чарльза связку любовных писем к Камилле[9].

Примечательно, но подозрения Майкла оказались весьма симптоматичны для людей его круга. Когда он обратился в «The Sunday Times», а именно в этой газете предполагалось начать сигнальную публикацию отдельных глав, Эндрю Нил, редактор газеты, также высказал сомнения в том, что Мортон использовал реальные факты из жизни принцессы Уэльской.

«Вначале я не поверил в достоверность предложенной книги, – вспоминает Эндрю. – Мне показалось, что на ее страницах слишком много фантазии»[10].

Нил долго не мог поверить, что Диана – эта хрупкая молодая женщина – способна на такой серьезный поступок: пригласить журналиста для написания от ее имени{66} непростой истории собственной жизни. Не мог он поверить и в то, что, всегда жизнерадостная на публике, наедине с собой Диана терзалась душевными переживаниями и страдала булимией.

«Мортон принялся меня убеждать, – рассказывает Нил. – Он ходил взад-вперед по кабинету, приводил в качестве доказательства имена друзей принцессы, некоторые из них даже не встречались в рукописи. А потом он произнес: „У меня в запасе есть еще много неиспользованного материала“. Это произвело на

меня впечатление»[11].

Нил поручил своему заместителю Сью Дуглас внимательно просмотреть текст и проверить, по мере возможности, достоверность представленных фактов. Сью поразил как сам текст, так и детские фотографии Дианы. Майкл О'Мара сообщил ей, что фотоматериалы отобраны лично восьмым графом Спенсером. Это не могло не произвести впечатления. Также Дуглас переговорила с некоторыми людьми, мнению которых могла доверять. Они подтвердили участие друзей принцессы в этом проекте.

– У нас в руках и в самом деле нечто серьезное, – доложила она своему боссу[12].

Только после того, как Дуглас и приглашенные эксперты подтвердили правдоподобие некоторых фактов, Нил согласился выкупить права на публикацию отдельных глав за 250 тысяч фунтов стерлингов.

Медленно, но верно секретный проект Дианы близился к завершению. Все его участники верили в успех, живя в предвкушении чего-то значительного. И их можно понять. Они творили историю, а это всегда волнует. Другое дело, что они были не единственными, кто хотел вписать свое имя в тогда еще не длинный список биографов принцессы Уэльской.

Когда проект уже вышел на финишную прямую, супруга Чарльза с ужасом узнала, что еще до публикации работы Мортона на прилавках появится книга Колин Кэмпбелл «Частная жизнь Дианы». Принцесса была потрясена. Опус ничего не подозревающей Кэмпбелл мог не только минимизировать эффект от всего проекта, но и направить взрывную волну в совершенно другую сторону, а именно против самой Дианы. Получается, что все эти месяцы супруга Чарльза создавала орудие, которое теперь могло выстрелить по ее же крепости.

Принцессу могло спасти только чудо. И оно произошло!

Одновременно с выходом книги Колин Кэмпбелл на страницах «Daily Mail» появилась статья о разводе младшего брата Чарльза герцога Йоркского и Сары Фергюсон. До этого любые сведения о том, что брак принца Эндрю близится к своей завершающей фазе, хранились в строжайшей тайне. Понятно, что статья в «Daily Mail» вызвала в британском обществе большой резонанс. Отныне главной темой всех разговоров стал предстоящий развод. На каких условиях разойдутся супруги? Сможет ли Сара сохранить титул? Как решится вопрос опекунства над детьми? Вопросы, вопросы… Их было так много, и все они были настолько животрепещущи и интересны, что книга Кэмпбелл прошла незамеченной. Диана могла вздохнуть

спокойно, угроза миновала.

Что и говорить, супруге Чарльза повезло. Но вся эта шумиха, поднявшаяся вокруг бедной Сары, так и не смогла отодвинуть на задний план один очень важный вопрос – как информация, о которой знали только избранные, смогла просочиться на страницы прессы? Королева и ее помощники по связям с общественностью были убеждены – в утечке виновата сама Ферджи. Букингемский дворец посчитал это предательством и предпочел отыграться, когда речь зашла о финансовых условиях развода.

Сара кричала во все горло, что она здесь ни при чем, но ее никто не хотел слушать. По ее же собственным словам, «за мной отныне надолго закрепился ярлык „женщины, не подходящей для королевской жизни“. Я превратилась в изгоя»[13].

Но что, если Сара права? Что, если она и в самом деле хранила молчание? Тогда возникает другой вопрос. Кто снабдил журналистов сенсационным материалом? И здесь обращает на себя внимание тот факт, что таинственному незнакомцу (или незнакомке), хорошо представлявшему реакцию монарха на излишнюю болтливость, было что терять, раз он (она) рискнул обнародовать матримониальную тайну Виндзоров. Среди близкого окружения супругов Йоркских был только один человек, кому это действительно было выгодно, – Диана.

«Это невозможно!» – возмутится праведный читатель и в чем-то будет прав. В подобной ситуации передача информации СМИ представляла собой самое настоящее предательство и больше подходила бы для фигуры беспринципного герцога Отрантского Жозефа Фуше, нежели застенчивой принцессы Уэльской, тратившей столько времени и сил на помощь обездоленным.

И тем не менее это была Диана. В пользу этого утверждения говорит не только логика, но и факты. Во-первых, сама статья. Ее авторами были не кто иные, как журналисты принцессы Эндрю Мортон и Ричард Кэй.

Во-вторых, признание самого Мортона, сделанное уже после смерти Дианы. По его словам, именно принцесса сообщила им с Ричардом бесценную информацию о разводе Сары и принца Эндрю[14].

Диану можно осуждать, но она предпочла отвлечь внимание хищника на чужое гнездо – с тем, чтобы свое собственное сохранить целым и невредимым. Пусть она и выбрала для этого гнездо своей лучшей подруги.

Мучили ли Диану угрызения совести? Сказать сложно. Скорее всего, нет. И не потому, что у принцессы был черствый характер. Она умела сострадать и сопереживать. Просто в тот момент ее

мысли были заняты совершенно другим. Близился момент появления на свет ее нового детища.

Час «Х» пришелся на воскресное утро 7 июня 1992 года.

Хайгроув жил своей обычной жизнью. Диана, Чарльз, а также находившиеся в этот день в поместье гости собрались за столом к завтраку. Принц выпил привычный стакан свежевыжатого апельсинового сока и приступил к мюсли с сушеными фруктами из собственного сада. В середине трапезы дворецкий принес газеты. Прервав еду, Чарльз начал просматривать их. Он пролистывал одну газету за другой, пока не подошла очередь «The Sunday Times». Выражение лица Чарльза оставалось непроницаемым, и лишь по взгляду – вспыхнувшему, словно факел в подземелье, – всем присутствующим стало понятно: наследника престола обуял гнев.

Когда принц перевернул первую страницу, сидевшие напротив него увидели сенсационный заголовок: «Из-за невнимания Чарльза Диана уже пять раз пыталась свести счеты с жизнью». Ниже шел набранный более мелкими буквами, но все равно хорошо заметный подзаголовок: «Результатом разрушенного брака стала болезнь: принцесса призналась, что никогда не будет королевой».

Диана тут же встала из-за стола и под каким-то пустячным предлогом покинула столовую, проследовав быстрым шагом в свою комнату. Чарльз же спокойно дочитал всю статью до конца, а затем как ни в чем не бывало отправился с гостями на прогулку по окрестностям Хайгроува.

В комнату своей жены он поднялся только после променада. Какой диалог состоялся между супругами, навсегда останется загадкой. Известно лишь, что после этой беседы прислуга видела, как Диана с заплаканным лицом вышла из комнаты, всхлипывая спустилась вниз по лестнице, выбежала на улицу, села в свой автомобиль и умчалась в Лондон.

На следующее утро Пол Баррелл, в то время еще служивший у Чарльза и каждое утро снабжавший принца свежей прессой, получил от своего босса следующее указание: «Я не хочу больше видеть в этом доме „The Sunday Times“. Впрочем, как и другие газеты. Если они кому-то понадобятся, пусть ищут их в другом месте. Это же относится и к Ее Королевскому Высочеству»[15].

Хладнокровие Чарльза может вызвать удивление. Отчасти это объяснялось многолетней практикой скрывать свои эмоции, отчасти – тем фактом, что принц заранее знал о публикации.

Желая вызвать еще больший общественный резонанс, Эндрю Нил решил подстегнуть ожидания читателей и в одном из радиоинтервью заявил, что вскоре в его газете появятся главы

сенсационной книги журналиста Эндрю Мортона о принцессе Уэльской. Среди прочих людей, услышавших эту новость, был друг Чарльза лорд Ромси. Он тут же связался с принцем, отправив ему стенограмму интервью по факсу. До выхода «The Sunday Times» Ромси дважды приезжал в Хайгроув и что-то оживленно обсуждал с принцем за ужином.

Страсти накалялись. В субботу накануне публикации Хайгроув напоминал ставку военного командования. Телефоны не умолкали ни на минуту, постоянно приезжали и уезжали пресс-секретари и специалисты по связям с общественностью.

Когда Диану спросили:

– Принимали ли вы какое-либо участие в написании этой книги? – она категорично ответила:

– Нет!

– В таком случае, – предложил личный секретарь Чарльза Ричард Эйлард, – наиболее оптимальным решением будет подготовка превентивного заявления, в котором отрицается факт сотрудничества принцессы с журналистами.

Тут же составили черновой вариант. Однако Диана отказалась поставить под ним свою подпись, пробормотав что-то неразборчивое.

Тогда свояк принцессы и личный секретарь королевы сэр Роберт Феллоуз связался с редакцией «The Sunday Times» и попросил их ознакомить его с материалом завтрашней публикации. На что получил пусть и вежливый, но весьма твердый отказ.

Последнее, что могли сделать королевские пиарщики, это провести брифинг и сгладить общественный резонанс отрицающими и убаюкивающими фразами. Так они и поступили.

– Вы же знаете Мортона, – успокаивал собравшихся журналистов Ричард Эйлард. – Его рецепт прост: немного предположений, немного фантазии и веселенькая расцветка наподобие скатерти[16].

Но все эти меры были уже абсолютно бесполезны. На Букингемский дворец надвигалась гигантская волна общественного скандала. Своим поступком Диана прорвала дамбу, и теперь, ворвавшись через арку Адмиралтейства, безудержная стихия за считаные секунды пролетела по Мэлл-стрит мимо Сент-Джеймсского парка с одной стороны и резиденции королевы-матери Кларенс-Хаус – с другой, обтекла памятник королеве Виктории и, взметнувшись, накрыла собой массивный комплекс зданий столичной резиденции британского монарха. На защиту дворца в спешном порядке были брошены многие консервативные СМИ, которые, не жалея красноречия,

попытались не оставить от работы Мортона камня на камне.

Диана поступила хитро, продолжая отрицать свое участие в скандальном проекте. Эндрю пришлось одному отдуваться за содеянное. На него были вылиты ушаты помоев профессионального презрения. Его книгу заклеймили как «скопище мусора и смесь грязных домыслов», а самого автора назвали «недостойным даже для игры на пианино в самом захолустном борделе»[17].

Были и те, кто смотрел на разворачивающийся скандал с изрядной долей иронии. Так, например, газета «The Sun» поместила забавную карикатуру. На рисунке была изображена принцесса и королева-мать, которые ехали в карете мимо толпы, размахивающей экземплярами книги Эндрю Мортона «Диана: Ее подлинная история». Надпись-высказывание королевы-матери гласила: «А я помню времена, когда они махали Юнион-Джеками»[18].

Издания Руперта Мёрдока были не единственными, кто накалял и без того нервную обстановку. Спустя несколько дней после выхода «The Sunday Times» масла в огонь подлила сама Диана. Последовательно отрицая свое сотрудничество с Мортоном, она, тем не менее, посетила одну из главных участниц скандального проекта – свою подругу Кэролайн Бартоломью. Притом сделала это под прицелами нескольких десятков объективов.

На следующее утро фотографии принцессы, мило беседующей с Кэролайн у порога ее дома, появились во всех крупных изданиях. Пресс-служба Букингемского дворца, до этого с завидным постоянством отрицавшая причастность Дианы к «фантазиям» Эндрю Мортона, была в шоке. Их фактически предали, нанеся удар в спину.

Больше всех был потрясен Роберт Феллоуз, который путем неимоверных усилий все-таки смог убедить председателя Комиссии по рассмотрению жалоб на прессу лорда Макгрегора, что Диана не имеет никакого отношения к газетным статьям. С публикацией же фотографий все его труды канули в Лету.

Феллоуз решил для себя – «все, больше в таких условиях работать невозможно». Заявив свояченице, что она сделала его жизнь «несносной»[19], Роберт подал прошение об отставке. Однако королева отказалась подписать этот документ. Не хватало еще в столь напряженный момент лишиться помощника, которого она знала столько лет и который теперь, жертвуя собой, пытался хоть как-то спасти имидж королевской семьи. Что же касается взаимоотношений Дианы со старшей сестрой Джейн и ее супругом, то они были безвозвратно испорчены.

После публикации злополучных фотографий с Кэролайн Бартоломью, ближе к вечеру, принцесса получила письмо от премьер-министра. Джон Мейджор также был потрясен и теперь умывал руки, заявив: «Я не в состоянии ничем помочь вам, если вы взялись за манипулирование прессой»[20].

Прочитав письмо, Диана заплакала. Первоначально она полагала, что все рассчитала правильно: она выговорится, нанесет удар по Фирме и вызовет симпатии обычных граждан. И все это сделает чужими руками, переведя ответственность на издателя Майкла О'Мару, редактора Эндрю Нила и автора книги Эндрю Мортона. Но принцесса забыла о древней китайской мудрости: «Если готовишь акт мести, позаботься о том, чтобы заранее вырыть две могилы: одну для врага, другую – для себя». Волна, накрывшая Букингемский дворец, обладала слишком большой внутренней энергией, чтобы остановиться на главной резиденции британского монарха. Продолжив свое движение через арку Веллингтона и Гайд-парк, пусть с остаточной, но все еще впечатляющей силой стихия приготовилась обрушиться на Кенсингтонский дворец.

Диана оказалась не готова к такому развитию событий. Пытаясь снять со своих плеч груз психологического давления, она, наоборот, увеличила его в разы. Не случайно впоследствии принцесса назвала историю с публикацией книги Мортона «величайшим испытанием в моей жизни»[21].

Анализируя случившееся, супруга Чарльза все чаще склонялась к мысли, что из первоначального замысла, который должен был закончиться триумфом, выход книги превратился в трагедию, или, как она сама выразилась, – «начало моего конца»[22].

Как же так получилось, что все пошло кувырком, и кто был повинен в этом?

«Диана призналась мне, что весь процесс создания книги вышел из-под ее контроля, – вспоминает один из друзей принцессы. – Мортон беседовал с людьми, которых она не хотела привлекать, и опубликовал некоторые факты, которые она не хотела обнародовать. Диана сказала, что у нее было мало возможностей контролировать всю работу с самого начала, и в конце концов она выпустила вожжи из рук»[23].

Немного странное признание, если учесть, что принцесса не раз просмотрела текст и, как сказал сам Мортон, «фактически подписала каждую страницу»[24]. Но Диана уже нашла козлов отпущения. Она попыталась отмежеваться от Эндрю, заявив, что вышедшая в ноябре книга не более чем «смесь второсортных, не представляющих никакого интереса слухов, собранных Мортоном

для получения личной выгоды»[25].

Остракизму подверглись и друзья принцессы. По словам журналиста Ричарда Кэя, «она дистанцировалась или просто вычеркнула из своей жизни большинство людей, которые приняли участие в этом проекте. Диана была зла на них, потому что они предали ее, способствуя написанию этой подстрекательной книги»[26].

Вот как!

Принцесса была не единственной, кто решил изменить свою первоначальную позицию и посреди переправы взялся менять одну тройку лошадей на другую. Пытаясь хоть как-то стабилизировать свое положение, изрядно пошатнувшееся после откровений Мортона, Эндрю Нил организовал публикацию нового блока статей. Они также были посвящены взаимоотношениям между супругами Уэльскими. Но только теперь события преподносились не с позиций Дианы, а с позиции Чарльза.

Ситуацию это, конечно, изменить не могло, но настроение принцессе испортило основательно. В новых материалах приводились комментарии друзей принца. По их мнению, с Чарльзом обошлись несправедливо, а его изображение не соответствует истине. Друзья напомнили также о «благородном молчании» наследника престола, который отказался делать публичные заявления, «боясь, что они могут отрицательно сказаться на его детях»[27].

Сторонники Чарльза не забыли кинуть и пару камней в огород его супруги. Читатели «The Sunday Times» должны были знать, что принцесса не всегда выступала в роли жертвы. Например, планируя первую поездку Уильяма в Уэльс, она не поставила об этом в известность своего мужа. Вспомнили и про перелом руки у Чарльза двухлетней давности, когда Диана отнеслась весьма формально к посещению мужа в больнице Ноттингема[28].

В следующей главе будет показано, что ситуация с визитом к травмированному Чарльзу была далеко не так однозначна. Но сейчас не об этом. Куда больше принцессу задела фраза «одного из близких друзей» ее мужа: «Чарльз очень обеспокоен тем, что Диана продолжает отрицать свою причастность к подготовке книги. Ему бы хотелось, чтобы она открыто заявила о своем участии, а также призналась, что это была ошибка»[29].

В отличие от других приведенных выше высказываний, по сути представляющих самый обычный PR, упоминание об ошибках содержало в себе рациональное зерно.

Осознание собственных ошибок и промахов справедливо считается одним из самых мучительных состояний, которое

испытывает человек. И как принцесса Уэльская ни сопротивлялась, именно эту реку неприятного самоанализа ей теперь предстояло перейти вброд. Хотя порой она все-таки придерживалась прежней линии, повторяя – уже машинально, – что не причастна к злополучной публикации.

В роковой день выхода «The Sunday Times» принцесса в панике связалась с пресс-секретарем Диком Арбитером:

– Что я должна делать? – спросила она растерянно.

– Ничего, – успокоил ее Дик. – Но почему четыре месяца назад, когда я спрашивал вас, какую помощь вы оказали Мортону в его работе над книгой, вы клялись мне, что не сотрудничали с ним?

– Я ему и в самом деле не помогала, – продолжала настаивать Диана[30].

Но помощники принцессы теперь все меньше доверяли ей. Да и сама Диана перестала верить себе, а вернее – той усталой от многолетних страданий женщине, которая считала, что поступила абсолютно правильно, когда в мае 1991 года начала в присутствии Джеймса Колтхерста изливать свою душу на магнитофонную пленку.

«На выставке Экспо-92 в Севилье она неожиданно сказала мне: „Ты даже представить не можешь, что я сделала“, – вспоминает один из близких помощников принцессы. – Диана была очень напугана и растерянна. Мне кажется, уже тогда она стала понемногу осознавать, что́ на самом деле натворила»[31].

Осознание собственной ошибки в конечном счете достигло той стадии, когда Диана уже не могла молчать. Еще до выхода в свет статей Эндрю Мортона, в марте 1992 года, на одном из торжественных банкетов, она призналась кинопродюсеру Дэвиду Путтману:

– Все мы далеки от совершенства, но я и в самом деле сделала глупость: я позволила написать книгу.

Я думала, что это удачная идея, поступок, который сможет освежить атмосферу, но только теперь я понимаю, насколько наивной была эта затея и сколько проблем она принесет. Если бы я только могла, я не думая отмотала бы этот отрывок своей жизни назад. Это самый безрассудный и бессмысленный поступок, который я когда-либо совершала[32].

Но ошибки на то и являются ошибками, что они не только совершаются, но и исправляются. И как показывает практика, последнее требует больше времени, сил и душевной энергии.

Вся эта шумиха прессы, суета сотрудников дворца по связям с общественностью, гнев Чарльза и растерянное поведение Дианы наглядно говорили об одном – для разрешения сложившегося

кризиса необходимо вмешательство более высокой инстанции.

Первоначально королева хотела сохранить брак Уэльских. Однако, взирая на ситуацию с высоты своего солидного жизненного опыта, она все больше приходила к мнению, что сделать это невозможно. Буквально на следующий день после выхода злополучного номера Чарльз отправился на переговоры со своей супругой в Кенсингтонский дворец. Именно тогда впервые прозвучало неприятное слово «развод» и начались первые консультации с адвокатами.

Но «развод» – пока это было только на словах. Да и публикация от 7 июня была всего лишь началом. Через неделю вышла еще одна порция сенсационного материала. Мало того что королевской семье прописали горькую пилюлю, так ее еще пришлось принимать медленно, по частям, переваривая каждый глоточек.

Это уже было слишком. Для аудиенции с королевой Диану пригласили в Виндзорский дворец. На встрече также присутствовали Чарльз и его отец герцог Эдинбургский. Последний, по словам Дианы, вел себя «зло, свирепо и нелюбезно»[33].

Как и следовало ожидать, встреча была малоприятной, а ее полное содержание навсегда останется тайной. Поскольку трое из четырех участников не привыкли делиться воспоминаниями, в распоряжении историков имеются лишь дневники друзей Дианы. Согласно Колтхерсту, принцесса была «потрясена». Она была потрясена обвинениями принца Филиппа в сотрудничестве с Мортоном, она была потрясена предательством Чарльза, который так и не поддержал ее предложение пойти дальше разными дорогами, и, наконец, она была потрясена от того психологического груза, который неожиданно взвалился на ее хрупкие плечи[34].

Всезнающий Пол Баррелл оставил более полные свидетельства. Согласно им, принцесса плакала, чем даже растрогала свою свекровь, которая, как сказала впоследствии Диана, «сразу постарела, поскольку явственно ощутила мою боль»[35].

Прусская броня герцога Эдинбургского оказалась куда прочней и спокойно выдержала трассирующий огонь слез невестки. Филипп лишь удивленно спросил:

– Чарльз, ну что теперь расстроило твою жену?

На это принц Уэльский неожиданно воскликнул:

– Сказать, а потом прочитать об этом в утренних газетах? Нет уж, увольте![36]

Елизавета II предложила свое любимое решение – подождать

полгода. По мнению королевы, лето 1992 года было не самым удачным временем для развода. Пусть супруги «во имя спасения собственных детей, монархии, страны и народа» попытаются пойти на компромисс. Может быть, им даже удастся сохранить рушившийся брак[37].

Когда встреча уже подходила к концу, слово вновь взял Филипп. С трудом сдерживая себя, консорт заявил, что ему достоверно известно о сотрудничестве Дианы с Эндрю Мортоном. Он указал на записи телефонных разговоров принцессы с редакцией «The Sunday Times». Если Диана пожелает, они будут представлены завтра[38].

Принцесса была удивлена подобной репликой. Неужели за ней и правда все это время следили – или ее свекор просто блефовал?

На следующий день было решено встретиться вновь в том же составе, но принцесса на встречу не пришла, чем, понятное дело, не прибавила себе популярности в глазах венценосных особ.

Эскапада герцога Эдинбургского насчет телефонных записей была опрометчивым поступком. Однако для всех, кто не понаслышке знаком с консортом, такое поведение не кажется чем-то необычным. Куда «страньше», как выразилась бы кэрролловская Алиса, было другое. Именно супруг Елизаветы II взял на себя роль посредника в налаживании отношений между Виндзорами и Дианой Спенсер. Да, да – именно Спенсер. В 1992 году принцесса была как никогда прежде близка к своей родной фамилии.

Все эти благородные попытки установить мир и прийти к решению, которое удовлетворило бы обе стороны, были обречены на провал с самого начала. Нельзя не согласиться с биографом Дианы Тиной Браун, по мнению которой «пропасть, разделявшая невестку и свекра – поведенческая, возрастная, культурная, – была слишком глубока, чтобы ее можно было преодолеть так просто»[39].

Сегодня можно лишь сожалеть, что оба переговорщика оказались бессильны изменить ситуацию. 1992 год – «annus horribilis»,{67} как его назвала Елизавета II[40], – шел своим чередом, и когда отмеченные королевой шесть месяцев истекли, а ситуация по большому счету так и не изменилась, было официально объявлено о том, что супруги Уэльские расстаются. Что же касается окончательного разрыва, то до него было далеко. Сначала должны были произойти еще несколько событий, главной участницей которых, разумеется, станет принцесса Уэльская.

Разбитый панцирь

Когда страсти вокруг книги Мортона «Диана: Ее подлинная история» улеглись, а депутаты нижней палаты парламента заслушали официальное заявление премьер-министра Джона Мейджора о расставании супругов Уэльских, в жизни Дианы начался новый этап.

Новый этап начался и во взаимоотношениях с прессой.

Первоначально для нашей героини все складывалось очень благоприятно. Как бы консервативная пресса ни защищала честь королевского мундира, но у обычных британцев сложилось свое мнение. В массовом сознании брак Уэльских превратился в противостояние, где Диане отводилась роль жертвы.

Не сильно пострадала и общественная жизнь принцессы. В отличие от своей невестки Сары Фергюсон, которая после развода с принцем Эндрю попала в списки светских персон нон грата, Диана оказалась в куда более выигрышном положении. Единственным ограничением для супруги Чарльза стало табу на представление королевы в официальных поездках за границу. Что, согласитесь, было не самой крупной потерей, если учесть, какой шум в кулуарах королевских резиденций наделало ее сотрудничество с Эндрю Мортоном.

Да и сама Диана не собиралась пока сокращать свою общественную деятельность. В течение всего 1993 года она была частым и, как правило, долгожданным гостем на бесчисленных мероприятиях, ездила с официальными визитами по стране и за рубежом, участвовала в жизни благотворительных организаций. И где бы ни появилась принцесса, всюду ее сопровождали толпы журналистов.

Возникало такое ощущение, что время обратилось вспять – что на календаре начало 1980-х годов, когда были любимая принцесса, восторженная пресса и обычные британцы, с нетерпением ждавшие последних новостей о своей богине.

Аналогия с прошлым десятилетием действительно впечатляет. Но, как мы помним, вспышки фотокамер приносили не только радость и оживление. Излишнее внимание со стороны прессы нередко приводило к нервным срывам и психологическим кризисам. И если Диана надеялась, что эта сторона медали осталась в прошлом, то она глубоко ошибалась.

Принцесса мечтала сбросить с себя оковы королевского протокола. Она хотела вести такую же жизнь, как и миллионы обычных жителей Туманного Альбиона. Ей хотелось свободы, и после расставания с Чарльзом эта мечта впервые стала казаться

реальностью. Именно поэтому Диана отказалась от услуг телохранителей, именно поэтому она всеми силами старалась выйти из-под влияния дворца.

Однажды Диана села за стол, достала чистый листок бумаги и написала на нем:

ЧУВСТВО СОБСТВЕННОГО ДОСТОИНСТВА

Напротив она поставила галочку.
Затем она аккуратно вывела:

УВЕРЕННОСТЬ В СЕБЕ

И также поставила галочку.
Дальше на листке появилось слово:

СЧАСТЬЕ

И вновь – галочка.
В конце Диана написала:

ТЕЛОХРАНИТЕЛИ

Здесь она поставила жирный крест[1].

Принцесса действовала как всегда импульсивно, больше полагаясь на собственные эмоции, чем разум. Она не хотела понять, что та опека со стороны Фирмы, которая сковывала ее движения, не давала ей жить и дышать, служила и другой цели – защищала ее от опасных воздействий внешнего мира. Это был ее панцирь, разбив который она стала не только свободной, но и беззащитной.

«Крысиная стая» быстро почувствовала произошедшую метаморфозу и с еще большим рвением набросилась на бедную женщину. Ее поджидали везде, где бы она ни появлялась, – в больницах, ресторанах, общественных центрах. Когда Диана выходила и сознательно опускала голову, чтобы спрятать лицо, папарацци начинали нагло скандировать:

– Стерва! Стерва![2] – лишь бы на ее лице появились раздражение, страх, ненависть, смятение, слезы – то есть именно те эмоции, за которые можно было получить неплохие деньги.

Как правило, принцесса держалась. Но однажды репортерам все-таки удалось вывести ее из себя. В тот день Диана повела Уильяма и Гарри в кинотеатр «Одеон» на премьеру самого кассового триллера Стивена Спилберга «Парк Юрского периода». Накануне принцесса похоронила свою бабушку Рут Фермой – одного из самых загадочных членов семьи. Их отношения после

выхода книги Мортона были сильно испорчены, и лишь за несколько недель до смерти старой леди Диане удалось восстановить отношения, построив хоть и понтонный, но все-таки мост.

Размышляя над судьбой своей бабушки, принцесса была уже не так категорична. Да, леди Фермой всегда занимала сторону королевской семьи, и с ней порой было трудно найти общий язык. Но несомненным было и то, что она всегда желала своей внучке счастья и добра. По крайней мере, как это понимала сама Рут.

Примерно в такие мысли была погружена Диана, когда вместе с детьми направлялась к кинотеатру «Одеон» на Лейстер-сквер. Неожиданно путь им преградили папарацци. Меланхолично-созерцательное настроение принцессы тут же сменил гнев. Диану начало трясти от столь беспардонного вторжения в частную жизнь. Ни минуты нельзя побыть наедине с детьми, с самой собой, со своими мыслями!

«Она бросила на нас бешеный взгляд и, словно раненый зверь, прорычала: „Вы превратили мою жизнь в ад! Вы превратили мою жизнь в ад!“ Выражение ее лица было жутким. Оно было искажено гримасой гнева и ярости. На шее набухли вены. В глазах полыхал огонь ненависти», – вспоминает один из участников травли[3].

На следующий день «Daily Mail» вышла с карикатурой. Принцессу изобразили в виде гигантского динозавра, который склонился над двумя съежившимися от страха журналистами. Все это происходило на виду у детей, подпись рядом с которыми гласила: «Круто, мамочка! Ты выглядишь еще лучше, чем в кино!»[4]

Папарацци вели себя бесстыдно, но трагедия принцессы заключалась в том, что в глубине души она жаждала внимания и подчас сама провоцировала охотников с объективами. Как еще можно объяснить странный поступок Дианы, когда она предпочла гимнастический комплекс «Ля Фитнес», заслуженно считавшийся «самым людным в Лондоне», спортзалу для избранных в Челси?

Если Диане надоел спортзал в Челси, она могла бы спокойно заниматься в Кенсингтонском дворце, выделив для этого отдельное помещение, или в спортивном зале Букингемского дворца. Но нет, принцессе нужно было людное место. Ей нужны были публика и внимание, восторженные возгласы и взгляды. Все это удовлетворяло ее потребность в признании, наполняло духовные сосуды живительным соком.

Так стоит ли удивляться, что некоторые несознательные граждане – как, например, директор «Ля Фитнес» Брюс Тейлор – решили воспользоваться столь уникальной возможностью и

сколотить себе на этом небольшое состояние?

В один из майских дней 1993 года за потолочной перекладиной над любимым тренажером Дианы «Сайбекс», который используется для укрепления мышц ног и брюшного пресса, Тейлор установил фотоаппарат с возможностью удаленной съемки. За свою предприимчивость он получил от представителей прессы 250 тысяч фунтов и массу удовольствия.

Сенсационные фото с принцессой Уэльской, запечатленной в весьма пикантных позах, были опубликованы спустя полгода в одном из ноябрьских номеров «Sunday Mirror» и заняли девять полос. 2, 7 миллиона читателей были в восторге, Диана же пришла в ярость.

На этот раз принцесса отреагировала жестко. Она подала на спортзал в суд за вторжение в частную жизнь.

Диана была уверена в предстоящей победе. Даже если ей не удастся подвести правовую базу под свои обвинения, она сможет выступить за изменение существующего законодательства, регламентирующего эту область!

Защита ответчика тоже не дремала. Адвокаты Тейлора решили направить усилия Дианы против нее. Ведь, по сути, чем методичней, уверенней и громче принцесса обвиняла других во вторжении в частную жизнь, тем глубже загоняла в ловушку саму себя. Разве, сотрудничая с Мортоном, она не вмешивалась в жизнь своего мужа? Конечно, ее участие в скандальном проекте под названием «Диана: Ее подлинная история» нужно было еще доказать. Но от процесса с приглашением в качестве свидетелей многих влиятельных и известных людей, включая членов королевской семьи, могло подняться столько шуму, что гораздо легче было решить дело с «Ля Фитнес» полюбовно.

Именно этой линии и решили придерживаться сотрудники Букингемского дворца, которые были вынуждены подключиться к этому делу. После утомительных переговоров Брюс Тейлор передал негативы, принес извинения, а за свою сговорчивость получил 600 тысяч фунтов. На том и порешили, создав в судебной практике новый прецедент, когда ответчик получил больше денег, чем истец!

Деньги – да, но, как считают близкие к Диане люди, принцесса также не оказалась внакладе. Телохранитель Дианы Кен Уорф предложил свою версию событий в «Ля Фитнес». По его мнению, вся эта съемка была самым настоящим спектаклем, и роль главного кукловода в нем исполнила принцесса Уэльская.

«Я убежден, что Диана тщательно продумала весь этот план, чтобы уколоть газеты, а потом вновь завоевать симпатии публики», – считает Уорф[5].

Принимая во внимание многолетний опыт работы Кена с принцессой Уэльской, его точка зрения не кажется такой уж абсурдной и вполне имеет право на существование. Впрочем, если Уорф и прав, то, как показало дальнейшее развитие событий, Диана была не единственным членом королевской семьи, кто умел использовать прессу в своих интересах.

В конце 1992 года, к двадцать пятой годовщине инвеституры принца Уэльского, пресс-служба решила подготовить о нем документальный фильм. Для воплощения нового проекта в жизнь был приглашен известный британский телеведущий Джонатан Димблби. Одновременно с подготовкой передачи Димблби взялся за написание авторизованной биографии Чарльза, на страницах которой впервые должны были увидеть свет многие никогда не публиковавшиеся ранее выдержки из дневников и фрагменты «тысячи писем, которые принц писал с самого детства»[6].

Первоначально в документальном фильме планировалось рассказать об увлечениях наследника престола наукой, историей, искусством, а также о его активных действиях, направленных на охрану окружающей среды и борьбу за экологию нашей планеты. Однако публикация откровений Дианы внесла свои коррективы.

«Чарльз рассматривал этот проект как реабилитацию своего имени после выхода книги Мортона», – признался один из друзей принца Уэльского[7].

Теперь, помимо повседневной деятельности Чарльза, британским телезрителям следовало рассказать и о его характере. Разумеется, окрасив все в благородные цвета, чтобы исправить тот крен в восприятии наследника престола, который наметился благодаря стараниям Дианы, Колтхерста и Мортона.

Но так уж устроен мир, что закон Ломоносова – Лавуазье действует не только в классической механике, но и в обычных человеческих отношениях. И если в одном месте что-то прибывает, значит, в другом месте этой же системы налицо будет убыток.

Применительно к начинаниям Димблби Диана боялась, что создание благородного образа Чарльза будет осуществляться за счет ее репутации. Такое развитие событий удручало принцессу. Она приложила столько усилий, чтобы рассказать людям правду – свою правду, – а теперь все ее старания могут быть перечеркнуты слаженной работой профессиональных пиарщиков и журналистов. К тому же телевизионная передача о Чарльзе выходила после книги Мортона, а последнее слово, как известно, лучше врезается в память.

Для того чтобы хоть как-то успокоить принцессу, Димблби лично встретился с ней в марте 1994 года. Он попытался убедить

ее, что постарается быть максимально объективным в своем исследовании. Хотя вряд ли Диана поверила его словам. Пусть она и не была так начитана, как ее муж, но отлично понимала, что ни один официальный биограф по определению не может быть объективен.

Принцесса решила действовать самостоятельно. Используя свое обаяние, она попыталась очаровать Димблби и – как бы абсурдно это ни звучало – склонить его хоть немного на свою сторону.

Самое удивительное, что ей это удалось. Присутствующий на встрече Патрик Джефсон описывает магию принцессы следующим образом:

«Когда Диана стала прощаться, я обратил внимание на взгляд Димблби. Да, да, это был именно тот взгляд, который я столько раз видел на восхищенных лицах других людей, ослепленных красотой принцессы»[8].

После ухода Дианы Джефсон подошел к Димблби и спросил его:

– Какое впечатление произвела на вас принцесса по сравнению с теми мнениями, что вы о ней слышали?

Еще не успев прийти в себя, Джонатан ответил:

– О, если бы я только мог, я бы теперь перестал верить всему, что о ней говорят негативного[9].

Трудно сказать, повлияло ли это и в самом деле на дальнейшую работу Димблби, но в его документальном фильме появился один нюанс, который кардинально изменил весь проект. Отныне под ударом оказалась не только Диана, но и сам Чарльз.

Все дело в том, что помимо документальных кадров: хроника официальных визитов принца, его отдых с Уильямом и Гарри в Клостере, пребывание в Балморале – центральное место в передаче заняло интервью, отснятое в Хайгроуве в апреле 1994 года. Именно эта запись и преподнесла главный сюрприз. После серии продуманных вопросов Джонатана Чарльз публично признался в супружеской измене. Ни много ни мало, это признание стало сенсацией для всей многовековой истории британской монархии. Как заметили журналисты «Daily Mail», «Чарльз не первый член королевской семьи, кто не хранит верность в браке, но он первый, кто признался об этом перед 25 миллионами своих подданных»[10].

Не меньшее удивление вызвал фрагмент, когда, услышав вопрос Джонатана «Вы будете королем?», принц засмущался![11]

Помощники, находившиеся в момент просмотра этого эпизода рядом с королевой, вспоминают, что Елизавета лишь недовольно поджала губы и как бы про себя буркнула:

– Похоже, все идет к этому…[12]

Штат принца был потрясен не меньше.

– Как Чарльз мог признаться в измене?! – озадаченно восклицали сотрудники его пресс-службы. – Ведь его предупреждали, чтобы он не вдавался в подробности своей супружеской жизни! Пусть Джонатан задает столько вопросов, сколько ему заблагорассудится. Ответил бы какой-нибудь обтекаемой фразой типа «Мой брак, как и отношения в семьях большинства других людей, – слишком личное, чтобы рассказывать об этом на публике» – и закрыл бы тему[13].

Чарльз и сам, наверное, быстро осознал, что сказал лишнее. А как еще можно объяснить ту злость, с которой принц накинулся на ни в чем не повинного Ричарда Эйларда? Или то отчуждение, которое возникло у него по отношению к своей близкой подруге, герцогине Вестминстерской, когда на вопрос «Как вам передача?» она в вежливой форме, но весьма определенно ответила: «Знаете, сэр, если честно, то мне кажется, что все прошло не очень хорошо»[14]?

Услышав это, Чарльз не разговаривал с герцогиней в течение всего уик-энда.

Диана также не стала сидеть сложа руки. В день выхода передачи в эфир она решила преподнести своему мужу сюрприз, домашнюю заготовку.

«Что я, одинокая женщина, могу противопоставить многомесячной работе целой команды?» – спросила себя Диана. Ответ напрашивался сам собой: «Только себя, свою красоту, свое женское обаяние!» И принцесса сделала это с потрясающим профессионализмом.

В вечер премьеры, 29 июня 1994 года, когда 13,4 миллиона британцев{68} собрались у экранов телевизоров просмотреть давно анонсируемую передачу о старшем сыне королевы, принцесса Уэльская появилась на благотворительном вечере, организованном журналом «Vanity Fair» в Галерее Серпентин в Кенсингтонском саду.{69}

Диана тщательно продумала свое появление и свой наряд. На ней было короткое сексуальное черное шифоновое платье с открытыми плечами, строгие туфли из шелковой ткани и струящийся от пояса шелковый шарф. Также в глаза бросалось ожерелье из жемчуга, плотно обхватывающее шею, и накрашенные ярко-красным лаком ногти, словно она предупреждала: «Берегитесь меня!»

В беседах с Полом Барреллом Диана часто повторяла, что самое главное при посещении общественных мероприятий – это появление и уход. Теперь, когда они выходили из

Кенсингтонского дворца, Пол вспомнил об этом и добавил:

– Ваше Королевское Высочество, не забудьте выйти гордо, с высоко поднятой головой. Расправьте спину. Руки пожимайте уверенно. «Я – принцесса Уэльская», – скажите себе и не забывайте об этом на протяжении всего мероприятия.

Принцесса улыбнулась и произнесла:

– Тогда вперед, Пол[15].

Когда автомобиль с принцессой подъехал к галерее, она спокойно появилась под вспышками объективов перед ожидающей ее публикой.

«Принцесса настолько уверенно вышла из лимузина – словно атлет, готовый к установке нового рекорда, – вспоминает председатель галереи Питер Паламбо. – Тут же все обратили внимание на ее платье в стиле „Ну, я вам всем покажу!“. Это было незабываемо!»[16]

Во время мероприятия Диана заняла место между председателем Совета искусств лордом Гоури и редактором «Vanity Fair» Грэйдоном Картером. Грэйдон также вспоминал, что принцесса держалась очень уверенно. Настолько уверенно, что он так и не решился завести разговор о Чарльзе.

«У меня даже мысли не было, чтобы спросить ее: „Почему вы здесь, а не дома смотрите передачу?“», – признается Картер[17].

Их разговор больше вращался вокруг Жаклин Кеннеди-Онассис, статья о которой была помещена в последнем номере «Vanity Fair». Диана всегда с пиететом относилась к бывшей первой леди США, которая после убийства своего мужа вышла замуж за греческого судовладельца Аристотеля Онассиса. Возможно, подсознательно принцесса даже готовилась к тому, чтобы повторить ее путь. Если и так, то при поиске соответствующей кандидатуры Диане следовало помнить – второй брак Жаклин, первоначально казавшийся манной небесной, на самом деле не принес счастья ни Ари, ни самой Джеки. К тому же трагично разрушенными оказались куда более искренние отношения, сложившиеся между греческим миллиардером и богиней мировой оперной сцены Марией Каллас. Но Диану волновало совершенно другое.

«Она прочитала статью, опубликованную в нашем номере, и хотела побольше узнать о том остракизме, которому подверглась Жаклин со стороны клана Кеннеди после гибели ее мужа, – вспоминает Картер. – Я стал ей рассказывать, но Диана неожиданно произнесла: „Да, да. Как мне все это хорошо знакомо, когда тебя третируют подобным образом“»[18].

Своим появлением в Галерее Серпентин Диана одержала PR-победу. На следующий день журналисты на разные лады

восхищались красотой принцессы и ее уверенным поведением. Кто-то привел для сравнения фото Камиллы, нелестные для последней, кто-то вспомнил о неуклюжих жестах Чарльза, когда тот отвечал на неприятные вопросы. Элегантная принцесса была на голову выше обоих и в этой медиагонке вырвалась на корпус вперед.

Но были и те, кто не стал присоединяться к всеобщему хвалебному хору. Они предпочли выждать и посмотреть, изменится ли общественное мнение, когда эмоции отойдут на задний план, а их место займут факты. Мнение действительно изменилось. Те, кто внимательно слушал интервью, обратили внимание, что, несмотря на свое признание в измене, в целом Чарльз повел себя тактично по отношению к своей супруге. После всех откровений Мортона он не стал отвечать Диане тем же. И телезрители это оценили. Согласно одному опросу общественного мнения, популярность принца возросла с 54 до 63 процентов. По другим данным, Чарльза поддержали 80 процентов респондентов.

В целом же, если подвести итог, по общественному резонансу проект Димблби не шел ни в какое сравнение с книгой Мортона. С поставленной первоначально задачей: показать принца Уэльского как человека, познакомить телезрителей с его увлечениями и хобби – команда журналистов, безусловно, справилась. Что касается Дианы, то ее образ в глазах британцев изменился ненамного, и она нисколько не стала меньше любима в народе, чем прежде.

Куда больше интервью Димблби сказалось на Камилле Паркер-Боулз. Эндрю долго закрывал глаза на адюльтер своей супруги с наследником престола, но после публикации телефонного разговора «Камиллагейт» и сенсационного признания Чарльза он посчитал делом чести подать на развод. Супруги развелись в январе следующего, 1995 года, сохранив при этом дружеские отношения. Спустя десять лет, когда в апреле 2005-го многолетняя любовь Камиллы и Чарльза будет скреплена узами брака, имя Эндрю внесут одним из первых в список приглашенных на свадебные торжества.

Интервью Димблби несло в себе еще один потенциал для серьезных изменений, на который в тот момент практически никто не обратил внимания. Тот знаменательный выход в Галерее Серпентин придал Диане уверенность в себе. Причем не только как женщине, но и как специалисту в области PR. Восхищенные глаза очевидцев и восторженные отклики прессы вдохнули в нее новые силы. Принцесса поняла, что великолепно разбирается в вопросах по связям с общественностью, – возможно, даже лучше всех в Букингемском дворце. Она ощутила приток невиданной

энергии. С небывалым рвением Диана взялась за создание своего нового имиджа и налаживание связей с редакторами бесчисленных газет и журналов.

Принцесса чувствовала, что поступает правильно. Ее поведение было настолько уверенным, как будто она лично присутствовала при диалоге между руководителем «Associated Newspapers» Дэвидом Инглишем и приглашенным в штат принца для восстановления его имиджа Марком Болландом, в ходе которого Дэвид заявил:

– Марк, вы должны объяснить принцу, что пресса не против него, просто мы за Диану. Она продает газеты, а он нет![19]

Диана чувствовала, что пресса к ней благоволит, и в этом заключалась ее главная ошибка. Во-первых, принцесса неправильно интерпретировала слова Инглиша (даже если она никогда не слышала их), совершенно забыв, что пресса – это огонь, близкое приближение к которому грозит ожогом. Газетчики действительно молились на Диану, потому что она хорошо продавалась. Молились всегда, а не только в те периоды времени, когда принцесса хотела предстать на публике. За ней началась самая настоящая охота – перманентная, изматывающая, наглая. И все потому, что это приносило деньги. За фото Дианы, выходящей из магазина, редакции выкладывали две тысячи фунтов. За снимок принцессы в купальнике счастливчик получал в пять раз больше – десять тысяч. За такой куш можно было сражаться, и сотни папарацци засели в бесчисленных засадах.

Второй просчет принцессы заключался в самом чувстве уверенности. Диана относилась к тому типу людей, для которых быть уверенным в себе – состояние не только крайне редкое, но и чреватое весьма неприятными последствиями. Нередко случалось, что там, где требовались хитрость и осторожность, принцесса шла с открытым забралом, сметая все на своем пути. Именно это случилось во время романов с Джеймсом Гилби, Оливером Хором и Хаснатом Ханом, когда настойчивое поведение Дианы начало тяготить ее кавалеров.

Аналогичная ситуация произошла и в отношениях с прессой. Принцессу занесло, она забыла, что иногда нужно ударить по тормозам или просто перейти на другую скоростную передачу.

Все началось после того, как личный секретарь Патрик Джефсон подал прошение об отставке. Его уход проходил по привычному для Дианы сценарию. Не было никаких громких сцен, выговоров или объяснений. Она просто отстранила Патрика от дел, запустив новый крупный PR-проект. Отстранила кого! Патрика Джефсона! Человека, который проработал у нее восемь лет и пережил с ней не одну бурю. Человека, который как никто

понимал и оберегал своего босса.

«Джефсон всегда стремился оградить принцессу от всякой чепухи, стараясь направить ее силы только на решение серьезных вопросов, – делился своими впечатлениями о личном секретаре Дианы президент Национального фонда по борьбе со СПИДом Майкл Адлер. – Он защищал принцессу как от воздействия внешнего мира, так и от разрушительных импульсов, которые нередко исходили от нее самой. У него было природное умение чувствовать опасность задолго до ее появления»[20].

С уходом Джефсона в тень пало последнее препятствие, способное остановить Диану от опрометчивых поступков. Принцесса осталась один на один сама с собой. Люди, хорошо знавшие супругу Чарльза, понимали, что это не сулит ничего хорошего.

Вниз по наклонной

После Димблби и Мортона, которые за три года рассказали о королевской семье больше сенсационных подробностей, чем другие авторы за три столетия, можно было подумать, что для Букингемского и Кенсингтонского дворцов настал период спокойствия и тишины. Требовалось время оправиться, прийти в себя, осознать произошедшее и сделать соответствующие выводы. Да и к тому же вряд ли нашелся бы третий авантюрист от журналистики, который смог бы, выражаясь профессиональным языком, раскрутить какого-нибудь члена королевской семьи на откровенное интервью. Слишком сильная волна обрушилась на Диану после выхода статей и книги Мортона, слишком сильной критике подвергся Чарльз, связавшись с Димблби, слишком много супруги Уэльские натерпелись от общения с прессой, чтобы вновь раскрывать душу перед записывающими устройствами и телекамерами.

Но на то жизнь и славится своей непредсказуемостью, что за ожидаемой ровной и прямой дорогой нередко скрывается горный серпантин. На берегах Туманного Альбиона нашелся человек, который захотел не просто взять откровенное интервью в духе Мортона и телевизионной передачи Димблби, но и сделать что-то необычное. Например, объединить оба проекта и дать в эфир развернутое телевизионное интервью принцессы Уэльской. Таким человеком стал ведущий программы «Панорама» тридцатидвухлетний журналист Би-би-си Мартин Башир.

Но одно дело желать что-то необычное, и совсем другое – воплотить это в жизнь. Для большинства рационально мыслящих людей задумка Башира была обречена на провал с самого начала. По крайней мере, если Мартин решит действовать прямолинейно. Но Башир был не из тех, кто ломится в стену, когда в ней имеется дверь, пусть даже и закрытая на крепкий засов. Чего стоит хотя бы тот факт, что именно Мартин в 2002 году убедил Майкла Джексона дать ему эксклюзивное интервью. А потом он так смонтирует передачу, что короля поп-музыки обвинят в педофилии.

По мнению Башира, взять у Дианы интервью – не такая уж и сверхъестественная задача, как может показаться на первый взгляд. Нужно только правильно ответить на два вопроса: чем заинтересовать принцессу и через какие каналы на нее выйти.

Для ответа на первый вопрос Мартин решил использовать старый трюк с психокомплексами – своеобразными рычагами, воздействуя на которые можно вызвать у человека определенную,

вполне ожидаемую модель поведения. Например, психокомплекс страха, основанный на эмоции, заслуженно считающейся одной из самых сильных по воздействию на человеческую психику. Люди боятся всего – умереть, заболеть, обеднеть, лишиться своего социального статуса и т. д.

Ведь не зря Аль Капоне любил повторять: «Словом и пистолетом можно добиться бóльших результатов, нежели одним лишь словом».

Это, конечно, очень грубо. К тому же, какой бы сильной ни была эмоция страха, для сложнейшей игры, что затеял Башир, одного ее наличия было явно недостаточно. В сложившейся ситуации обычной угрозой вряд ли можно было чего-то добиться. Разве что вызвать недоверие и сразу похоронить весь проект.

Гораздо лучше, если сигнал угрозы будет исходить не извне, а зародится внутри самой Дианы. Для этих целей нужен уже второй психокомплекс, который позволил бы проникнуть во внутренний мир принцессы, смоделировав нужный результат. Таким троянским конем стала хорошо известная подозрительность супруги Чарльза, нередко распространявшаяся на самых близких людей.

Итак, сложив все эти рассуждения вместе, на свой первый вопрос Мартин получил следующий ответ: необходимо посеять в голове принцессы зерна сомнения в близком окружении, а это в свою очередь запустит сигнал тревоги, механизм спасения и чувство доверия к тому человеку, кто предоставил бесценные сведения.

Теперь дело осталось за малым – найти способ донести информацию об «измене» до Дианы. Этой проблеме и был посвящен второй вопрос.

На самом деле у Башира было не так уж и много вариантов – выйти прямиком на принцессу, на ее друзей или родственников. Непосредственное общение сразу с Дианой было чревато недоверием. К аналогичному результату могло привести и воздействие через ее друзей, которые слишком часто и слишком спонтанно попадали у принцессы в немилость. Что касается родственников, то своей матери Диана не доверяла, с сестрами отношения были сложны, а восьмого графа Спенсера к тому времени уже не было в живых. Оставался только брат Чарльз, отношения с которым еще были вполне сносными. Именно к нему и решил обратиться Башир в августе 1995 года.

Во время встречи с Чарльзом Мартин сообщил, что в рамках проводимого им журналистского расследования ему удалось обнаружить примечательные факты. Якобы некоторые издания вышли на сотрудников графа Спенсера и платят им неплохие

деньги за предоставление частной информацию о нем и его сестре.

Чарльз был заинтригован подобной информацией. Он встретился с журналистом несколько раз. Во время одной из таких конфиденциальных бесед Башир представил девятому графу Спенсеру выписку с банковского счета бывшего главы службы охраны Элторпа Аллана Уэллера. Мартин обратил внимание на сумму, которую Уэллер получил от международного медиаконгломерата Руперта Мёрдока «Media International».

Проникшись к Баширу доверием, Чарльз познакомил его с Дианой. Во время их первой встречи, которая состоялась в Лондоне, в доме одного из друзей принцессы, Мартин сказал, что, по его данным, подкупались не только слуги Элторпа, но и сотрудники самой Дианы. Кроме того (на этот раз не приводя уже никаких доказательств) Мартин посоветовал принцессе быть осторожней со своими подругами – Катериной Соамс, Кейт Мензис и Джулией Сэмюель. Слова Башира прозвучали как нельзя вовремя. Отношения с Джулией были на грани разрыва, а что касается Катерины и Кейт, то с ними Диана уже и так была в контрах. «Получается – этому человеку можно верить», – подумала про себя принцесса.

Можно ли было на самом деле верить Баширу? Вопрос сложный и, как большинство других вопросов в истории Дианы, не имеет достоверного ответа. Известно только, что брат принцессы очень скоро засомневался в своем новом друге. Он сравнил факты, приведенные журналистом в разных беседах, и обнаружил несоответствия. К тому же, проверив по своим каналам, Чарльз установил, что выписка с банковского счета, которую ему до этого показывал Башир, оказалась искусной подделкой. Наводит на размышления и тот факт, что, когда Чарльз попытался вывести Мартина на чистую воду, тот сделал все возможное, чтобы больше не встречаться с графом Спенсером.

Что же касается самой Дианы, то Башир задел ее за живое. Подозрения стали расти как снежный ком, пока принцесса не убедила себя в том, что помимо прессы за ней следит и королевская семья. Диана была в ярости. Ее снова предали!

Как раз в этот момент Башир предложил Диане идею ответного удара – рассказать обо всем по телевидению. Супруга Чарльза живо ухватилась за эту мысль. Полтора месяца она тайно встречалась с Баширом, обсуждая подробности предстоящего интервью. Окончательный план был утвержден в конце октября, спустя всего несколько дней после того, как медиагуру Маргарет Тэтчер Гордон Рис представил принцессу новому председателю Комиссии по жалобам на прессу лорду Уэкхэму. В беседе с ним

Диана подчеркнула, что всегда выступала против вторжения в частную жизнь. Как заметила биограф Дианы Салли Беделл Смит, «подобное заявление было тем примечательно, что как раз в это время принцесса готовила масштабный план по вторжению в частную жизнь королевской семьи»[1].

Своей идеей дать Баширу интервью Диана поделилась с тремя друзьями в СМИ – Дэвидом Паттнемом, Клайвом Джеймсом и Дэвидом Аттенборо. Все трое ответили единодушно: ни о каком участии в программе «Панорама» не может быть и речи.

– Вы абсолютно правы, конечно, вы правы. Я понимаю, о чем вы говорите, – ответила принцесса и решила действовать по-своему[2].

Отныне никто не узнает о ее новом проекте. Единственным человеком, с которым поделится Диана, станет ее медиум Рита Роджерс. Остальным – друзьям, сотрудникам по связям с общественностью, родственникам, включая и брата Чарльза, принцесса не скажет ни слова. Когда съемочная команда приедет в апартаменты № 8 и 9 для работы над передачей, дверь им откроет она сама. Даже прислуга ничего не должна была знать о том, что готовит их хозяйка. Да что там прислуга – председатель Би-би-си сэр Мармадьюк Хасси и тот оказался в полном неведении. Впоследствии это, кстати, приведет к неприятному обострению отношений между Би-би-си и Букингемским дворцом.

Съемка интервью состоялась в воскресенье, 5 ноября 1995 года, в Кенсингтонском дворце и заняла пять с лишним часов: два часа ушли на расстановку и подключение аппаратуры, три часа – непосредственно на саму запись.

Диана тщательно подготовилась к ответственному событию. Просматривая интервью, сразу бросается в глаза, насколько внимательно принцесса подбирает слова, отвечая на тот или иной вопрос. Также она продумала и время выхода передачи в эфир. Когда в ходе записи один из членов съемочной команды пошутил:

– Мы снимаем еще один подарок Чарльзу на день рождения!

Принцесса ответила:

– Именно в его день рождения – 14 ноября – я и хочу, чтобы вы объявили о нашей передаче[3].

Для телевизионного же показа принцесса выбрала другую, не менее важную дату в жизни Виндзоров: 20 ноября – сорок восьмую годовщину брака королевы Елизаветы II и герцога Эдинбургского.

Для того чтобы достигнуть максимального эффекта, Диана провела успокаивающую дезинформацию. Своим друзьям она сказала, что «в этом интервью нет ничего, что может вызвать какие-то дискуссии»[4]. Общественности же устами Ричарда Кэя

Диана заявила, что «этот фильм опровергнет враждебные отклики о принцессе, в нем она предстанет как спокойная и рационально мыслящая женщина»[5].

Сама Диана решила во время выхода передачи в эфир быть на публике. Вечером 20 ноября она приехала на один из благотворительных обедов, проходивший при поддержке председателя совета директоров «General Electric International» сэра Рональда Грирсона. По воспоминаниям очевидцев, Диана выглядела очень уверенно, словно «предчувствовала свой триумф»[6].

В девять часов Грирсон обратился к принцессе:

– Мадам, ваше интервью сейчас выходит в эфир. Вы не волнуетесь?

– Нет, – улыбнувшись, ответила Диана.

– Почему?

– Профессионализм, – произнесла принцесса. – Вы будете мной гордиться, Ронни![7]

Гордиться чем? Смелостью или безрассудством?

Интервью принцессы превзошло все, что когда-либо говорилось о королевской семье. Перед пятнадцатью миллионами британцев и десятками миллионов телезрителей из других стран Диана как ни в чем не бывало принялась рассуждать о своей булимии, о превратностях собственного брака, об измене Чарльза и его перспективах стать будущим королем. Она подтвердила достоверность записи телефонного разговора «Сквиджигейт», свой роман с Хьюиттом, заявила, что не хочет развода и собирается «бороться до конца». Когда Диана описывала собственный характер, у нее четыре раза встретилось прилагательное «сильный», а когда речь зашла о том, в какой роли принцесса видит саму себя в ближайшем будущем, она ввела новый термин – «королева людских сердец».

Откровение принцессы потрясло всех – друзей, королевскую семью, общественность и прессу. И если в случае с Мортоном Диана вынесла ссор из избы тайно,{70} то теперь сделала это максимально публично.

На следующий день после выхода «Панорамы» в эфир в отставку подал помощник пресс-секретаря королевы Джеффри Кроуфорд, отвечающий за общение Дианы с прессой. Спустя два месяца, в январе 1996 года, прошение об отставке написал и личный секретарь принцессы Патрик Джефсон. Он сделал бы это и раньше, но его задержали определенные обязательства.

Как вспоминают очевидцы, принцесса тяжело перенесла уход Джефсона.

«Она была шокирована, – рассказывает один из ее друзей. –

Диана не ожидала от него такого. Да, они порой громко спорили и даже говорили друг другу обидные вещи, но она доверяла Патрику»[8].

Диана и в самом деле была шокирована. Иначе просто нельзя объяснить, чем была обусловлена следующая фраза, брошенная принцессой после ухода Джефсона: «Крысы всегда первыми бегут с корабля»[9].

Супруга Чарльза была не права. Во-первых, Патрик был далеко не первым, кто покинул Диану. Во-вторых, он не был крысой. Просто Джефсон теперь не мог доверять своему боссу. Он не для того занимал должность личного секретаря, чтобы принцесса за его спиной осуществляла замыслы, о которых потом будет говорить вся страна. И это в то время, когда Патрик буквально по крупицам пытался наладить отношения между принцессой и королевской семьей!

В известность о сотрудничестве с Баширом Диана соизволила поставить своего личного секретаря только за неделю до выхода «Панорамы». Да и то она сказала лишь о самом факте интервью, не вдаваясь при этом в излишние комментарии.

Патрик тут же связался с королевой, но изменить что-либо было уже слишком поздно. Злополучное интервью он смотрел вместе с фрейлиной принцессы Энн Беквит-Смит. Вечером после просмотра Патрик записал в своем дневнике: «Энн выключила телевизор, и призрачное лицо с накрашенными темными глазами наконец-то исчезло с экрана. „Все, это конец“, – вымолвил я»[10].

Однако самое неприятное ждало Диану впереди. Подруга принцессы Роза Монктон увидела в сотрудничестве с Баширом «Диану в ее худшем обличье»[11], Симона Симмонс назвала это «самой крупной ошибкой, которую можно было совершить»[12], друг Чарльза Николас Соамс заявил, что своим интервью принцесса продемонстрировала «прогрессирующую стадию паранойи»{71} [15], а известный политик Вудро Ватт, упоминая об участии Дианы в «Панораме» на страницах своего дневника, назвал принцессу «психопаткой и шизофреничкой, которая преисполнена ненависти»[16].

Когда на следующее утро Диана позвонила своей матери в Шотландию, бедная женщина не смогла найти в себе силы обсудить передачу. Миссис Шэнд Кидд сказала, что сейчас не может разговаривать, потому что беседует по другому телефону.

«Это было просто ужасно! – вспоминает Фрэнсис. – Мне стало так страшно, я и в самом деле подумала, что отныне больше не смогу поддерживать свою дочь»[17].

Принцесса Маргарет, до этого симпатизировавшая Диане, порвала с ней все отношения, о чем сообщила в письменном виде.

Принцесса Анна призналась Вудро Ватту, что отныне считает свою невестку «не только безумной, но также олицетворением зла и коварства»[18].

Свое недовольство Диане высказали и ее дети. Уильям бойкотировал поступок своей матери тем, что отказывался разговаривать с ней в течение нескольких дней[19].

«Уильям был возмущен тем, что она не сказала ему ни слова о сотрудничестве с Баширом, тем, что она плохо отозвалась о его отце, и тем, что она призналась о романе с Джеймсом Хьюиттом, – говорит Симона Симмонс. – По мнению ее сына, Диана выставила дурой не только себя, но и его, Уильяма»[20].

Патриарх британской журналистки Уильям Дидс в свою очередь отметил, что «в некоторых моментах своего выступления Диана, вместо того чтобы предстать уравновешенной женщиной, добилась прямо противоположного результата». В качестве примера он привел слова принцессы, что она «не собирается тихо уходить и будет бороться до конца».

«О чем она думала, когда, произнося нечто подобное, полагала, что укрепляет свои позиции?» – озадаченно восклицает Дидс[21].

О какой вообще уверенности можно было говорить, когда бóльшую часть своих откровений принцесса фактически проплакала в жилетку многомиллионной аудитории? Как она, которая считала себя таким искушенным специалистом по связям с общественностью, могла забыть неписаную истину: никогда не показывай свои слабости? Разве не о PR говорил проницательный Бенджамин Дизраэли, когда провозгласил максиму «Never explain, never complain»?{72} Он знал, что Лондон – как и Москва – слезам не верит. Это только Уинстон Черчилль мог позволить себе плакать, когда осматривал руины британских городов после налетов люфтваффе. Людей восхищали его слезы, поскольку он плакал не о себе, а разделяя их горе.

А что же принцесса? Ради чего она вообще согласилась на это интервью? Когда Башир задал ей этот вопрос, Диана ответила следующее:

– Я стала беспокоиться, что многие люди начали сомневаться во мне. Я хотела заверить этих людей, на протяжении последних пятнадцати лет переживавших за меня, что я их не предала. Самые обычные граждане на улице – вот кто беспокоит меня больше всего.

В этом ответе – вся Диана образца 1995 года. После свадьбы интервью в «Панораме» стало самым важным (по своим результатам) поступком принцессы. На глазах миллионов свидетелей она нарушила обет молчания члена королевской

семьи, она предала свой круг, поставила под удар взаимоотношения с друзьями, членами семьи, свой брак, наконец, – и все это ради любви масс, ради уважения неперсонифицированной публики. Популярность превратилась одновременно в самоцель, оружие против Фирмы и образ жизни принцессы. Но она не понимала, что интервью Баширу – это не аудиозаписи, передаваемые втайне – через Колтхерста – Мортону, это прыжок в неопределенность, это шаг через черту, это последняя капля в чаше королевского терпения, это точка невозврата, после которой уже невозможно сохранить вчерашнее благополучие. Именно после выхода «Панорамы» Елизавета II приняла окончательное решение о том, что в интересах всех – королевской семьи, Чарльза, будущих наследников и конечно же самой Дианы – будет лучше, если супруги Уэльские разведутся.

Отныне принцессе нужно было самостоятельно прокладывать путь в богатом рифами и подводными течениями океане массмедиа. Первым ее кадровым решением стало приглашение на место Джефсона сорокавосьмилетнего специалиста по связям с общественностью Джейн Эткинсон.

Как женщина, Джейн симпатизировала Диане. Но одно дело – личные симпатии и другое дело – работа.

После первых же бесед с боссом перед Джейн начала раскрываться иная сторона медали – та самая, которая обычно была скрыта от глаз непосвященной общественности.

«Если вы не давали принцессе то, что она хотела в данный момент, – вспоминает Эткинсон, – она переставала обращать внимание на ваши предложения. Диана действовала только на основе своего собственного мироощущения – и не важно, было ли ее представление правильным или в корне ошибочным»[22].

Однако манера действовать по своему усмотрению была далеко не самой большой кошкой, которая пробежит между Дианой и Джейн. Эткинсон быстро поняла, что работа с принцессой Уэльской будет далеко не так проста, как она это предполагала изначально. Но даже она, со своим многолетним опытом, не могла представить, насколько сложным станет это сотрудничество.

«Диана была очень скрытным человеком и постоянно держала все в тайне, – замечает Джейн. – Если, например, принцесса получала от кого-нибудь совет, она никогда не сообщала, от кого именно. Диана не могла, как обычные люди, сказать: „Знаешь, я разговаривала с Аланом, и он посоветовал мне то-то и то-то“. Нет, вместо этого принцесса беседовала с Аланом, а потом выдавала его мысли за свои. Мне кажется, причина подобного поведения заключалась в чувстве незащищенности. Она

постоянно ощущала, что не может никому доверять, поэтому стремилась все держать под своим контролем»[23].

Вскоре Эткинсон узнает, чем грозит это чувство незащищенности. Каждый сотрудник из штата принцессы Уэльской рано или поздно распарывал себе брюхо на одном и том же рифе – рифе доверия. Лояльность – вот что для Дианы было самым важным качеством в ее подопечных, и если кто-нибудь ее предавал – не важно, на самом деле или это ей всего лишь казалось, – он тут же попадал в черный список. Вскоре в этот список попала и Эткинсон, когда после триумфального визита принцессы Уэльской в США имела неосторожность связаться с журналистами из «Daily Express». Все, что сделала Джейн, – провела лишь самую обычную сверку фактов перед публикацией, но Диана увидела в этом нечто большее – сотрудничество с прессой, а вместе с ним и предательство.

На следующее утро после выхода номера она вызвала Эткинсон к себе и отчитала за ее поступок. В этот же день на ланч к принцессе приехал редактор «Daily Express» Ричард Эддис. Он, как мог, уверял Диану, что Джейн не имеет никакого отношения к злополучной статье, но принцесса уже сформировала свое мнение и менять его не собиралась. Наоборот, она стала в приватных беседах со своими друзьями и дальше очернять Эткинсон, рассказывая о том, что та передает о ней негативную информацию в «The Sun».

Разумеется, эти заявления не имели ничего общего с правдой, но кого это интересовало. Судьба Джейн была решена. Сначала она попала в опалу, потом ее отстранили от участия в делах и уж затем, после одного неприятного инцидента, о котором мы расскажем в следующей главе, вынудили подать прошение об отставке.

В этой связи хочется привести высказывание британского историка Нормана Роуза о премьер-министре Артуре Бальфуре: «Ни один премьер не имеет права устраивать безнаказанно столь очевидный погром своего кабинета».{73}

Если Бальфура ждала потеря власти, то Диану – кадровой вакуум. Слишком долго она высасывала воздух вокруг своих помощников, чтобы теперь, после развода с Чарльзом и, возможно, в один из самых сложных периодов своей жизни, когда наличие собственной команды специалистов по связям с общественностью было не блажью, а необходимостью, остаться одной.

Конечно, принцесса быстро нашла себе нового секретаря, пригласив на этот пост пятидесятитрехлетнего Майкла Гиббинса. Однако по сравнению с Эткинсон – и уж тем более с Джефсоном –

должность личного секретаря для мистера Гиббинса, бывшего бухгалтера и финансового советника Дианы, превратилась в самую настоящую синекуру. Отныне основную политику осуществляла сама принцесса. Именно она теперь задавала вопросы и отвечала на них – как, что и когда ей следует предпринимать.

Иногда принцесса консультировалась со своими подругами и Полом Барреллом, который в 1996–1997 годы стал для нее всем – «дворецким, личным помощником, секретарем, курьером, шофером, посыльным, другом, фрейлиной и камеристкой в одном лице»[24]. Хотя, даже превратившись в невидимую тень принцессы («моя скала»[25], как она его теперь называла; раньше этот эпитет принцесса использовала по отношению к Патрику Джефсону[26], а до Патрика – к своему отцу[27]), Баррелл не был застрахован от превратностей противоречивого характера своего босса. Незадолго до гибели принцесса призналась своему стилисту Натали Симонс: «Я вскоре собираюсь избавиться от Пола»[28].

Кадровый вакуум Дианы был тем более заметен на фоне приглашения в команду принца Чарльза известного специалиста в области PR Марка Болланда, работавшего до этого в Комиссии по жалобам на прессу.

Марк должен был восстановить сильно пошатнувшийся в последние годы престиж наследника престола. Однако Диана в первую очередь видела в появлении Болланда угрозу для самой себя.

Она решила пригласить Марка в Кенсингтонский дворец. Используя хорошо зарекомендовавшее себя оружие – женское обаяние, принцесса попыталась убедить его войти в ее положение. Но Болланд хорошо знал свое дело, и как бы ему ни были приятны знаки внимания, оказываемые принцессой, он предпочел сохранить независимость собственных суждений.

«Диана всегда была очень добра ко мне, подчеркнуто вежлива, – вспоминает Марк. – Принцесса часто присылала мне всевозможные открытки, а моей маме – подписанные фотографии. Каждый раз, когда это случалось, мои коллеги из Сент-Джеймсского дворца говорили: „Ты видишь, вот какими методами она действует“. Но это нисколько не изменило моей оценки сложившейся ситуации»[29].

На самом деле Диане не стоило бояться Болланда. Он не ставил своей целью разрушение репутации принцессы. Вскоре это поняла и сама Диана. Кроме того, у нее уже не было времени, чтобы отвлекаться на Марка. На горизонте появилась новая волна, несущая для нее куда более серьезные проблемы, чем

беспокойство за штат своего мужа.

1996–1997 годы для Дианы прошли под знаком отношений с Хаснатом Ханом, наверное, единственным мужчиной в ее жизни (разумеется, кроме принца Чарльза), с кем она готова была построить семью. Именно по этой причине к роману с пакистанским кардиологом принцесса относилась особенно. Никто, даже Пол Баррелл, до поры до времени не должен был знать об этой любовной связи. Тем более это касалось прессы. Но Хаснат – не иголка в стоге стена, и утаить тайные встречи с ним было далеко не так просто.

Принцесса шла на всевозможные уловки, и до поры до времени ей удавалось водить журналистов за нос. Но она сражалась против системы, и исход этой битвы был заранее предрешен.

В конце концов, в ноябре 1996 года наступил момент, когда информация о новом романе Дианы достигла журналистов. «Sunday Mirror» тут же вышла с сенсационной статьей[30].

Принимая во внимание характер Хасната, которому претила любая публичность, подобное внимание со стороны прессы могло положить конец дальнейшим взаимоотношениям. Диана была в панике. Она обратилась к Ричарду Кэю, чтобы он выступил в «Daily Mail» с опровержением. Тут же появилась статья со словами: «Как сообщила принцесса, статья в „Sunday Mirror“ – полная чушь!{74} Она весело посмеялась над этими заявлениями со своими помощниками»[31].

Редакция «Daily Mail» была в восторге. Используя Диану, они не только оказались на гребне волны, но и смогли сделать весьма неприятный выпад в сторону своих конкурентов.

Принцесса также была довольна, считая, что сумела ловко отразить удар.

– А почему бы тебе не сказать правду? – предложила Симона Симмонс, единственная из близкого окружения, кто знал об этом романе.

– Как ты себе представляешь, что я начну говорить правду *сейчас*! – воскликнула Диана, сделав на последнем слове ударение. – Ведь это фактически будет означать, что раньше я лгала[32].

Диана не понимала, что на самом деле ее ответные действия были уже лишены всякого смысла. Для Хасната не важно было, поверила ли публика «Sunday Mirror» или ее смог переубедить репортаж Ричарда Кэя. Главным для него было другое – пока он находится рядом с принцессой, журналисты не оставят его в покое.

«Это было первый раз, когда общественная популярность

привела совершенно не к тем результатам, которые ожидала принцесса, – замечает Роберто Деворик, – скорее, даже наоборот, популярность обернулась против нее»[33].

В целом Роберто прав. После продолжительных размышлений Хаснат предложил Диане расстаться. И только благодаря усилиям Пола Баррелла и Мартина Башира, к которым принцесса срочно обратилась за помощью переубедить доктора, Диане удалось сохранить взаимоотношения. Правда, ненадолго. Летом, по инициативе все того же Хасната, любовники разойдутся навсегда.

Но Диана не собиралась сдаваться. Она происходила из рода Спенсеров, а Спенсеры не привыкли легко отказываться от того, что мило их сердцу. Поставив перед собой цель вернуть Хасната, принцесса решила лечить подобное подобным. Во время круиза на яхте «Jonikal», когда ее роман с сыном владельца «Харродс» стал известен журналистам, Диана вновь привлекла прессу к своей игре.

Словно опытный кукловод, она срежиссировала целый спектакль. На скалистом побережье, в пятистах метрах от «Jonikal», спрятались папарацци. У них были огромные восемьсотмиллиметровые телеобъективы «Canon» и горячее желание сделать эксклюзивные снимки знаменитой пары.

«У принцессы было прирожденное чутье на камеру, – вспоминал один из ее доверенных лиц. – Она всегда точно знала, когда на нее направлен объектив»[34].

Знала она это и сейчас. Одетая в красный купальник, Диана стала обнимать Доди. Ее руки сначала обвили его шею, затем скользнули на загорелую грудь, а папарацци тем временем фиксировали все движения на пленку.

Серия этих снимков, вошедшая в историю под скромным, но весьма красноречивым названием «Поцелуй», буквально уже на следующий день обошла все крупные медиаагенства. Фотографии просмотрели миллионы людей, в том числе и Хаснат. Диана это знала, именно для него она и устроила спектакль, попытавшись вызвать у него ревность.

Некоторые друзья вообще считали, что все отношения с Доди аль-Файедом были организованы только ради того, чтобы вернуть Хасната.

«Она хотела, чтобы Хаснат ее ревновал, – говорит Симона Симмонс, – и плейбой Доди идеально подходил для этой цели»[35].

В любом случае, принцесса плохо изучила характер своего возлюбленного – вместо ревности она вызвала у него лишь чувство отвращения.

Также Диана совершила грубейшую ошибку, когда

подпустила прессу слишком близко к себе. Принцесса никогда не была хорошим стратегом. Концептуальное мышление было не для нее. Планируя в пределах одного хода, она оставляла многоходовые комбинации другим. Если перед ней была проблема – она принимала сиюминутные решения, совершенно не считаясь с тем, как это скажется завтра, послезавтра, через неделю, месяц или год.

Порой принцесса совершала поступки, совершенно не отдавая себе отчета в последствиях. Например, так произошло весной 1996 года.

21 апреля королеве исполнилось семьдесят лет. Желая отметить юбилей в семейном кругу,{75} Елизавета выбрала для проведения мероприятия тихий ресторанчик. Все держалось в строгом секрете, пока Диана не рассказала все представителям прессы. Теперь, к огромному недовольству королевы, обед пришлось переносить в Фрогмор-хаус и Большой виндзорский парк.

– Спасибо тебе, Диана, что ты испортила еще один день моей жизни, – выговорила Елизавета своей невестке[36].

Природное чутье изменило принцессе, и она не смогла распознать ту угрозу, которая исходила от СМИ. Почувствовав, что принцесса им благоволит, да еще позволяет делать снимки, которые потом приносят целое состояние, сотни папарацци начали на нее беспрецедентную охоту. Где бы Диана и Доди ни появлялись, их тут же окружали люди с объективами. Диана и раньше не могла чувствовать себя свободно, теперь же ее жизнь превратилась в самое настоящее бегство – бегство от надоедливых папарацци, бегство от бесконечных проблем, бегство от самой себя. Ускоряя темп, принцесса вылетела на последний рубеж. Но прежде чем проследовать за ней дальше, остановим мгновение и попытаемся ответить на последний и, возможно, самый важный вопрос относительно этой удивительной, противоречивой, так до конца и не понятой женщины.

Глава 6
«КОРОЛЕВА ЛЮДСКИХ СЕРДЕЦ»

Сила сострадания

К имени Бенджамина Франклина не зря с таким уважением относятся в Новом Свете, а его мудрый взгляд наверняка каждый из вас видел на документе Федеральной резервной системы США номиналом в 100 долларов. Книгоиздатель-самоучка, ученый-физик, дипломат-миротворец, экономист, общественный и государственный деятель, поставивший свою подпись под двумя такими знаковыми документами, как «Декларация независимости США» и «Конституция США», Франклин по праву считается одним из умнейших людей своего времени. Среди прочих достижений этого титана XVIII века значится «Альманах Простака Ричарда», представляющий собой сборник метких замечаний, емких афоризмов и мудрых сентенций. «Альманах» давно уже разошелся на цитаты, а в некоторых странах мысли, высказанные в нем, оказались настолько актуальны, что их со спокойной совестью включили в народный фольклор. Применительно к истории жизни принцессы Уэльской интересно следующее высказывание старого и мудрого Бена: «Каждый человек есть лишь то, что он делает».

Пришло время взглянуть на нашу главную героиню с необычного ракурса, абстрагируясь от ее романов с Чарльзом и прочими мужчинами, от ее взаимоотношений с подругами и членами собственной семьи, от ее статуса принцессы Уэльской и потомка древнего рода Спенсеров. Пришло время ответить на вопрос: «Каким человеком была Диана?»

В качестве критерия воспользуемся вышеприведенным высказыванием Франклина и попытаемся определить – к какому делу у принцессы Уэльской были наклонности и насколько успешно ей удалось реализовать их. Для этого нам придется вновь обратиться к детству – самому важному периоду в жизни каждого человека – периоду, когда закладываются основы и формируется система ценностей.

Детство Дианы было наполнено сильными переживаниями и эмоциями. Но, как считала сама принцесса, именно они открыли в ней способности к такому важному чувству, как сострадание:

«Благодаря разводу моих родителей я научилась находить общий язык с любым человеком, кто оказался разочарован семейной жизнью. Я отлично понимала их. Мне всегда было легко общаться с людьми. Будь то обычный садовник, полицейский или кто-нибудь еще. Я просто подходила и начинала с ними беседовать»[1].

Маленькая Диана не раз слышала мрачные истории о

местном ночном стороже, который был знаменит своей раздражительностью и несдержанным нравом. Но в глубине души она чувствовала – бедняга всего лишь очень одинок. Младшая дочь виконта Элторпа пошла в коморку, где он жил, и завела с ним разговор. Сторож оказался настолько растроган поведением Дианы, что не смог сдержать слез и заплакал[2].

Способности Дианы развились еще больше во время учебы в частной школе Уэст Хит. Благодаря стараниям Мюриэль Стивенс, управляющей больницы Дарент-Парк, где содержались инвалиды и психически нездоровые люди, в школе была организована специальная волонтерская служба. Два раза в неделю – во вторник и четверг – ученицы Уэст Хит отправлялись на мини-автобусе в больницу, чтобы провести некоторое время с пациентами. У большинства девушек визиты в мрачное здание в стиле викторианской готики оставили неприятные впечатления.

«Помню, как открывались тяжелые деревянные двери, словно в старинном средневековом замке с подвесным мостом, и тут же в нос ударял отталкивающий запах лекарств и мочи, – вспоминает старшая сестра Дианы Сара. – Увидев нас, больные быстро устремлялись в нашу сторону»[3].

Большинство пациентов были настолько рады приезду гостей, что, подбегая к ученицам, начинали хватать их за руки и гладить по волосам. Бедные девушки пугались, не зная, как себя вести, и только Диана чувствовала себя как рыба в воде. Особенно трогательным выглядело общение младшей дочери графа Спенсера с больными в инвалидных креслах. Им очень нравилось, когда их коляски двигали в такт музыке. На самом деле это было далеко не легкой задачей – кресла были слишком громоздкими и тяжелыми. Но Диану не останавливали эти трудности. Она вставала перед креслом, наклонялась, бралась за металлические ручки и начинала совершать танцевальные па, двигаясь при этом назад в такт музыки. Таким образом человек в инвалидной коляске превращался в партнера, будто он был не в больнице, а на танцполе.

«Этого было очень сложно добиться, – замечает Мюриэль Стивенс, – немногим удалось бы сохранить равновесие в подобном положении. Но Диана обладала превосходным чувством ритма»[4].

Склонность Дианы к заботе о других нашла свое продолжение и в последующие годы ее жизни. После окончания Уэст Хит, в начале 1978 года, Диану отправили в швейцарскую школу «Institute Alpin Videmanette», расположенную неподалеку от Гштаада. В свое время через это же учебное заведение прошли ее мать и старшие сестры. Все, что требовалось от Дианы, –

прилежно учиться французскому языку и постигать тонкости «высокой кухни». Получив соответствующий диплом, ей оставалось найти достойную пару и начать добропорядочную жизнь большинства девушек ее круга. Но Диана хотела большего. К тому же она стеснялась разговаривать на французском языке; пользуясь возможностями курортной альпийской местности, Диана не столько улучшала свои лингвистические способности, сколько каталась на горных лыжах и коньках.

И наконец, последнее – девушка жутко скучала по дому. Все свободное время она проводила за написанием бесконечных писем, через которые красной нитью проходила одна-единственная просьба: как можно скорее забрать ее обратно домой.

«За первый месяц пребывания в Альпах я написала свыше 120 писем, – признается Диана. – Я была настолько несчастна, что только и делала, что писала, писала и писала. Да, я научилась кататься на лыжах, но это место было совершенно не для меня. Оно было слишком клаустрофобным»[5].

В итоге, поняв, что образование в элитном учебном заведении не приносит должных результатов, Джонни Спенсер забрал свою любимицу обратно на берега Туманного Альбиона.

Возвращение Дианы домой совпало с серьезными социальными изменениями, проходившими в британском обществе в конце 1970-х годов. Венцом новой эпохи стал май 1979 года, когда пост премьер-министра заняла «дочь бакалейщика» (как однажды не без свойственной галлам иронии заметил президент Франции Валери Жискар д'Эстен) Маргарет Тэтчер. Многие старомодные обычаи, культивируемые и тщательно оберегаемые на протяжении десятилетий, стали отходить в прошлое. Подрастающее поколение аристократов по-своему смотрело на жизнь и на то место, которое им суждено занять в мире безграничных возможностей. Так, в среде юных представительниц высшего света появилось социальное движение «Слоунские рейнджеры».{76} Участницы движения считали, что работа (для них) должна не столько удовлетворять материальные запросы или поддерживать социальный статус, сколько представлять собой еще одну форму общественного протеста. Поэтому чем проще и непрестижнее был род деятельности, тем лучше. Доставлять поющие телеграммы, убираться в домах, присматривать за чужими детьми и выгуливать собачек – вот лишь неполный перечень того, чему теперь посвящали свое время выходцы из громких аристократичных фамилий.

Через кадровые агентства «Реши свои проблемы» и «Кнайтсбриджские няни» Диана нашла себе работу официантки

на частных вечеринках; также она прибиралась в домах у состоятельных столичных жителей. В перерывах между работой будущая принцесса сдала (со второй попытки) экзамены по вождению.

Но в целом ее жизнь была далека от разнообразия.

«Она не пила, не курила, предпочитая проводить свободное время дома, за чтением и телевизором, – говорит Эндрю Мортон. – Иногда Диана ходила в гости или ужинала в скромных бистро. Дикие тусовки, ночные клубы и наполненные табачным дымом пабы – все это было не для нее»[6].

Пытаясь вернуть свою дочь на «правильный» путь, достойный потомка Спенсеров, Фрэнсис Шэнд Кидд уговорила Диану записаться на трехмесячные курсы *cordon-bleu*,{77} которые организовала живая легенда великосветских сезонов Элизабет Рассел. Диана добросовестно прошла весь курс. Ее специальностью были шоколадные рулеты и русский борщ. Однако вместо этих двух блюд (настолько же разных, насколько и вкусных) наша героиня научилась готовить лишь канапе для коктейлей, а также прибавила в весе.

Тогда она еще не думала о проклятой булимии и с удовольствием позволяла себе поесть. Чувствуя себя неважно, она перебегала на другую сторону улицы и в небольшом ресторанчике заказывала огромную порцию цыпленка. Будущая принцесса могла с легкостью съесть полкилограмма конфет за игрой в бридж, а потом попросить добавки[7].

«Она обожала вкусную еду, шоколад, бисквиты и всевозможные конфеты, – вспоминает ее няня Мэри Кларк. – И это неудивительно, ведь она была самая обычная сельская девушка»[8].

Диана слишком сильно прониклась идеологией «Слоунских рейнджеров», чтобы старомодно-элитное заведение Элизабет Рассел могло найти отклик в ее душе. Нет, теперь она принадлежала молодежи, которая вместо привычного растягивания слов, как принято у аристократов, говорила быстро, коверкая фразы наподобие футбольных фанатов. Так, «house» звучал, как «хайс», а «yes» – как «йе». Скучных людей «слоуны» прозвали «тяжелыми шкафами», а надоедливых стариков – «настоящими Хорликами»[9].

Мисс Спенсер оказалась в своей среде. Недаром, размышляя над поведением будущей принцессы Уэльской, автор «Официального путеводителя „Слоунских рейнджеров“» Питер Йорк сказал: «Диана была не чем иным, как живым воплощением духа Слоуна»[10].

И тем не менее Фрэнсис не теряла надежды. Она искренне

верила, что ей все-таки удастся вовлечь Диану в вихрь великосветских увлечений. После длительных уговоров в январе 1979 года Диана подписала на три года контракт с балетной студией мадам Бетти Вакани. Это заведение пользовалось большой популярностью и заслуженным уважением. За свою многолетнюю карьеру в балете мадам Вакани обучила три поколения детей из королевской семьи. Диана в свое время также изучала основы *pas de deux*,{78} и теперь в ее обязанности входили занятия с небольшой группой из пятнадцати двухлетних девочек.

Преподавание в балетной студии закончилось бесславно. Диану больше интересовала не судьба вверенных ей учениц, а собственная карьера. Она считала, что обладает выдающимися способностями, которые быстро отметит опытная мадам Вакани.

Прошел месяц, другой… Но какого-то уникального таланта никто так и не разглядел. «Все, хватит!» – решила Диана. Недолго думая, она расторгла отношения с балетной студией. Причем сделала это в характерной для себя манере – ничего никому не объясняя, просто перестала приходить на занятия. Когда ее попросили сказать, что же все-таки произошло, юная леди Спенсер сослалась на нелепую травму ступни, которую получила во время катания на лыжах в Альпах.

В июле 1979 года Диана купила на часть наследства, оставленного ей прабабушкой Фрэнсис Уорк, матерью четвертого барона Фермоя, четырехкомнатную квартиру в Южном Кенсингтоне, в районе Коулэрн-корт. В новую квартиру она переехала с тремя подружками по Слоун-сквер – Кэролин Прайд, Вирджинией Питман и Энн Болтон.

Всю работу по дому Диана выполняла исключительно сама. Больше всего ей нравилось пылесосить, гладить одежду и мыть посуду.

Кроме того, будущая мать наследника британского престола, потратившая пятьдесят тысяч фунтов стерлингов на покупку новой квартиры, за символическую плату – один фунт в час – подрабатывала у своей сестры Сары, прибирая квартиру, которая та делила со своей подругой.

«Сара воспринимала свою младшую сестру как ходячую тряпку, – удивлялась соседка Сары Люсинда Крэйг. – Она постоянно мне повторяла, чтобы я не стеснялась просить Диану помыть то или это»[11].

Неужели будущая принцесса Уэльская и в самом деле так обожала свою сестру – или ей нравилась работа горничной? Вопрос сложный…

Осенью 1979 года Диана нашла себе новую работу. Она устроилась помощницей воспитательницы в детский сад

«Молодая Англия», расположенный в престижном районе Лондона Пимлико. Детский сад занимал (на правах аренды) скромное помещение в церкви Святого Спасителя. Из музыкальных инструментов там было одно лишь старое расстроенное пианино. И тем не менее, как это часто бывает на берегах Туманного Альбиона, за внешней непрезентабельностью скрывалась неповторимая изюминка. Так, «Молодую Англию» посещали правнук бывшего премьер-министра Гарольда Макмиллана и сын министра сельского хозяйства Питера Уокера.

«Когда дело касалось детей, у Дианы были потрясающие способности вести себя с ними, как с равными, – вспоминает директриса детского сада Кэй Сет-Смит, также выпускница Уэст Хита. – Они отвечали ей взаимностью. В общении с детьми Диана была очень естественна. И рядом с ней им ничего не угрожало»[12].

Спустя полгода будущая принцесса Уэльская нашла себе вторую работу, устроившись через кадровое агентство няней в американскую семью мистера и миссис Робертсонов. В обязанности Дианы входил уход за их девятимесячным сыном Патриком.

Знала ли тогда Мэри Робертсон, что перед ней потомок рода Спенсеров? Даже не догадывалась!

«Диана была очень замкнутой девушкой, никогда не вдаваясь в подробности, как она проводит выходные, – вспоминает Мэри Робертсон. – Она могла, например, сказать: „Я возьму Патрика к своей сестре, она живет в Кенсингтоне“. Я и понятия не имела, что ее старшая сестра Джейн, которая вышла замуж за помощника секретаря королевы, живет в Кенсингтонском дворце»[13].

Что же касается своих прямых обязанностей, то Диана идеально подходила для ухода за ребенком. Буквально через несколько минут после появления в доме Робертсонов она уже увлеченно играла с Патриком на полу, как будто это был ее собственный карапуз. Для Мэри сразу стало понятно – ее новая няня как раз то, что нужно. Она словно создана для этой работы.

«Диана на голову превосходила всех девушек, которые приходили к нам до нее устраиваться на работу.

Она была первоклассной няней – имела исключительные манеры, прекрасно ладила с детьми. Диана приходила к нам утром, брала малыша на руки и с удовольствием возилась с ним до самого вечера. Она кормила его завтраком, обедом, давала детское питание из баночек, а когда он научился жевать – йогурты или омлет»[14].

Лишь однажды Диана повела себя необычно. После какого-то незначительного переживания она пришла к Робертсонам и съела

все жаркое, приготовленное хозяйкой на вечер. Мэри была очень удивлена, но, будучи женщиной воспитанной, решила ничего не говорить и оставить Диане записку. В ней она указала, что в принципе в этом нет ничего страшного, но было бы лучше, если бы впредь Диана заранее предупреждала о своем желании поглотить такое количество пищи. А то после ее «выходки» в доме практически не осталось продуктов и пришлось срочно идти в магазин.

Диана отреагировала спокойно.

– Сожалею, что доставила вам неудобство, миссис Робертсон, – робко опустив глаза, произнесла она после инцидента[15].

Однако на самом деле Диана знала себе цену. И уж о чем она никогда не забывала, так это о своем происхождении. Спенсеры – в ее произношении – это звучит гордо! Чтобы дать понять, с кем миссис Робертсон имеет дело, девушка «случайно» оставила на диване чек, выданный одним из самых солидных банков лондонского Сити. Когда Мэри нашла «сюрприз», ее взгляд сначала привлекло название банка, а затем уже – размашистая подпись в правом нижнем углу: «Леди Диана Спенсер».

Миссис Робертсон решила вести себя так, будто ничего не произошло. Но когда твоего ребенка нянчит член одной из самых известных фамилий Соединенного Королевства, трудно каждый раз надевать маску безразличия.

Спустя несколько недель Мэри обратилась к Диане:

– Теперь, благодаря чеку, я знаю, кто вы.

В ответ леди Спенсер лишь опустила глаза, улыбнулась и тихим голосом произнесла:

– Ах, это…[16]

Статус-кво был восстановлен, но это не сильно сказалось на взаимоотношении между няней и работодательницей. Младшая дочь графа Спенсера была так же мила, обходительна и учтива.

У Дианы и в самом деле было много общего со «Слоунскими рейнджерами». Но в отличие от «слоунов», которые выбирали себе непрестижную работу потому, что это соответствовало их взгляду на жизнь, Диана устроилась воспитателем в детский сад, а потом и няней в семью Робертсонов исходя из внутренних побуждений – заботиться о тех, кто в этом нуждается. И если в конце 1970-х годов объектом ее внимания были дети, то замужество предоставило ей новые возможности для развития кипучей деятельности в этом направлении.

Последовавшая активная работа принцессы на ниве благотворительности имела еще одну важную составляющую. Для маркетологов крупнейших компаний Диана была не просто

невесткой королевы и матерью будущего наследника британского престола – она представляла уникальный бренд, который был словно специально создан для рекламы.

Правда, и здесь имелись свои особенности. По своему статусу принцесса Уэльская не могла, как большинство знаменитостей, рекламировать духи, часы или спортивные автомобили. Ее бы просто не поняли. Требовалось найти такую площадку, на которой супруга Чарльза и крупный бизнес могли спокойно объединить свои усилия. Таким пересечением общих интересов стала благотворительность. При умелом подходе она могла принести не меньше, чем использование обычных рекламных каналов. Вместо многомиллионных затрат на рекламу в прессе или на телевидении заинтересованным компаниям достаточно было выступить спонсором благотворительного мероприятия с участием Дианы, и на следующее утро им был обеспечен такой PR, о котором и мечтать было трудно.

Конечно, подобное может показаться циничным, но таковы безжалостные законы бизнеса. Что же до принцессы Уэльской, то она с искренним энтузиазмом занималась благотворительностью. Взять хотя бы детскую организацию «Барнардо».{79} До прихода Дианы на пост президента в 1984 году «Барнардо» возглавляла принцесса Маргарет, появлявшаяся на мероприятиях не чаще одного раза в год. За двенадцать лет принцесса Уэльская посетила 110 мероприятий, превратив «Барнардо» в современную детскую благотворительную организацию.

Вот как исполнительный директор «Барнардо» Роджер Синглтон описывает силу одного лишь присутствия Дианы на собрании:

«Она сидела среди мамаш, которые активно спорили о воспитании небольшой группы детей. Возможно, они и сами в детском возрасте воспитывались в приютах или сиротских домах. Диана просто сидела и внимательно слушала. Она говорила очень мало. Казалось бы, ну и что такого? Но когда принцесса ушла, все вдруг оживились. У женщин возникло такое ощущение, что они только что беседовали с человеком, который их понял. Это было потрясающе. И как мне кажется, ее самым большим личным вкладом в развитие „Барнардо“ стало изменение жизни тех людей, с кем ей удалось встретиться»[17].

Изменяя жизнь других людей, принцесса не могла изменить свою собственную. Участие в благотворительной деятельности, равно как и умение сострадать, оказалось бессильно в сохранении надломленного брака. Возможно, даже наоборот. Принц не мог не обратить внимания, что фотографии его супруги, посещающей очередную больницу или присутствующей на открытии

очередного фонда, появляются в прессе намного чаще, чем его собственной персоны.

Весьма неприятный эпизод произошел летом 1990 года. Во время игры в поло в Киренчестер-парк Чарльз упал с лошади и сломал себе правую руку в двух местах. Диана приехала навестить его после операции в университетскую больницу в Ноттингеме. Встреча четы Уэльских прошла эмоционально холодно. Вместо того чтобы посочувствовать Чарльзу, принцесса проявила сострадание к двадцатитрехлетнему Дину Вудворду, находившемуся в коме после автомобильной аварии!

Диана еще несколько раз приезжала в больницу с тем, чтобы навестить Вудворда. Дяди юноши сказал:

– Принцесса Уэльская – ангел! Ее послал нам сам Господь! Мы все молимся о чуде![18]

И чудо произошло. Дин Вудворд поправился.

Поведение Дианы и ее прохладное отношение к собственному мужу не выглядят столь необычно, если учесть один факт – первой, кто навестил Чарльза, была Камилла Паркер-Боулз. Она продолжила навещать его и впоследствии, так что сотрудники принцессы вынуждены были заранее сообщать о намечающихся визитах Дианы в больницу, чтобы две женщины, не дай бог, не встретились.

Стараясь не отставать от своей супруги, Чарльз организовал собственную кампанию по охране окружающей среды. Заручившись поддержкой опытных советников, принц начал активную борьбу за экологию Туманного Альбиона.

В декабре 1987 года он выступил в Мэншен-хаус с программной речью, в который обрушился на современных застройщиков. Принц заявил, что принимаемые застройщиками решения наносят британским городам больше вреда, чем бомбардировки люфтваффе в годы Второй мировой войны. В пример он привел разумную послевоенную реконструкцию европейских городов с бережным сохранением существующих парковых ансамблей и зон отдыха. То же, что происходило в Бристоле, Бирмингеме и Ньюкасле, Чарльз заклеймил как «насилие над Британией». Но больше всего принца поразили планы по перестройке лондонской Патерностер-сквер, расположенной рядом с собором Святого Павла:

«Несмотря на тщательно продуманные правила, специально составленные для сохранения величественного вида собора в 1960-1970-е годы, современными архитекторами и застройщикам лондонского Сити удалось осквернить великое творение Рена. Вы можете вообразить, что аналогичные здания будут воздвигнуты во Франции около Нотр-Дам де Пари или собора Святого Марка в

Венеции?»[19]

Чарльз поднял правильный вопрос. Но беда принца заключалась в том, что его глас прозвучал не вовремя. 1980-е годы вошли в историю Британии как эпоха миссис Тэтчер, а для «железной леди» главным было восстановление экономики. Ради этого на жертвенном алтаре могли оказаться и эстетика, и экология.

Кроме того, у принца не хватило запала для последовательного отстаивания своих начинаний.

И наконец, последнее – образ жизни наследника престола противоречил его собственным заявлениям, отчего они резко теряли в своей убедительности. Например, выступая за сокращение выбросов вредных веществ и снижение уровня парниковых газов{80} в атмосфере, Чарльз методично разъезжал на машине «астин-мартин» с неэкономичным расходом топлива.

Но вернемся к его супруге. Помимо энтузиазма и стремления помочь другим Диана также обладала уникальными способностями внушать людям спокойствие. Рядом с ней больные и страждущие знали, что они не одиноки. Одной ее улыбки или прикосновения было достаточно, чтобы почувствовать облегчение.

«По-моему, у нее был уникальный дар, – считает один из сотрудников принцессы Дэвид Паттнем. – Далеко не все умеют *так* прикасаться к другим людям. Однажды она призналась мне: „Все дело в прикосновении. Помню, когда я сделала так первый раз, произошло что-то невероятное, как будто раздался электрический разряд“»[20].

Об уникальных способностях принцессы вспоминают многие близкие к ней люди. Вот описание одного из очевидцев:

«Она приносила столько счастья… Люди тут же забывали о своих проблемах. Ее магия была реально осязаема. Я еще никогда не видел в своей жизни что-либо подобное… Это было на крупной конференции в Бирмингеме, организованной для добровольцев „Барнардо“ – всех этих девушек в ситцевых платьицах, которые собирали для нашей организации деньги в бесчисленных супермаркетах. Едва Диана вошла в помещение, как тут же сформировалась необычная атмосфера. На что даже принцесса – уже достаточно опытная в посещении подобных мероприятий – воскликнула: „Боже мой!“ Затем она стала обходить всех. Я шел за ней и видел реакцию людей. От нее исходила необычная энергетика. Это был феномен, самый настоящий феномен! Все, с кем она встречалась – независимо от пола, мужчины или женщины, – все попадали под влияние этого уникального явления»[21].

Однако благотворительная деятельность приносила не только утешение. Как и любое общественное мероприятие, она требовала от Дианы умения держаться на публике и произносить речи. И если с первым принцесса справлялась вполне достойно, то второе так и осталось для нее *terra incognita,* движение по которой давалось с большим трудом.

Как бы интенсивно Диана ни занималась ораторским искусством, каких бы педагогов ни нанимала для постановки голоса, но проговорить публично больше десяти минут было выше ее возможностей. К тому же, будучи неуверенной в собственных силах, она каждый раз нервничала, выступая перед публикой. Это приводило к появлениям пауз в самых неподходящих местах или, наоборот, к быстрой скороговорке, когда требовались выдержка и размеренность.

«Ее чувство времени в публичных выступлениях было совершенно ошибочным, отчего ее речь иногда звучала неестественно и даже фальшиво», – вспоминает советник Дианы по медиавопросам Джейн Эткинсон[22].

Пусть публичные выступления и не относились к сильным качествам принцессы Уэльской, но в ее рукаве все же был козырь, и какой! В отличие от многих знаменитостей, активно занимающихся благотворительностью, она поражала всех степенью своей вовлеченности, неподдельной искренности и, что самое удивительное, – полным отсутствием брезгливости. Пожать руку прокаженным в удушающей жаре, когда раскаленный воздух будто и сам переполнен бактериями, – для Дианы это было не геройство, а самое обычное проявление чувств.

«Отлично осведомленная обо всех ужасах проказы, Диана без всяких колебаний пожала руку маленькой девочке. Она жала скрюченные и изуродованные болезнью пальцы пациентов, прикасалась к окровавленным повязкам стариков и гладила женщин по рукам!» – восхищались поведением принцессы журналисты «Sunday Mirror»[23].

Патрик Джефсон еще долго не мог отделаться от неизгладимого впечатления, которое произвел на него совместный визит с принцессой в геронтологическое отделение одной из лондонских больниц. Палата, где лежали тяжелобольные люди в коматозном состоянии, пропахла мочой. Всюду слышались полубезумные стоны пациентов.

«Как ни в чем не бывало Диана широко распрямила плечи, вошла в палату и приступила к работе, – вспоминает Джефсон. – Я с восхищением наблюдал, как она медленно обходит больных, напоминая невинную девочку, оказавшуюся среди разлагающих тел. В своем идеально подогнанном ярко-красном костюме

принцесса олицетворяла собой энергию и здоровье на фоне беспомощности и старости. Для пациентов отделения Диана стала самой настоящей „сывороткой молодости“»[24].

К концу 1980-х годов принцесса курировала уже свыше ста благотворительных организаций. Особое внимание она уделяла лечению наркологической и алкогольной зависимости, открытию хосписов и лепрозориев, заботе об умственно отсталых детях. Также она оказывала помощь организациям, стремящимся сохранить рушившиеся браки.

Учитывая сложные отношения с принцем Чарльзом, последнее было особенно интересно, поскольку имело к Диане непосредственное отношение. По словам одной из сотрудниц организации «Relative» Розы Спе, «принцесса сумела полностью погрузиться в нашу повседневную работу»[25].

Сквозь призму полученных знаний Диана пыталась взглянуть на свой брак, а «Руководство „Relative“ по проблемам в сфере супружеских отношений» превратила в настольную книгу. И речь даже не о том, насколько эффективным оказалось подобное самообразование. Главное, что принцесса предпринимала все возможное для налаживания отношений с супругом, а это, в свою очередь, не может не вызывать уважения.

В начинаниях Дианы было одно направление, которому она уделяла более пристальное внимание, чем всем остальным. Таким направлением стала проблема распространения СПИДа.

В 1980-е годы медицинская наука располагала очень скромными сведениями о страшном недуге. Считалось, что эта болезнь поражает только людей, погрязших в сексуальном распутстве. Ей даже дали соответствующее название – «чума геев»[26]. А сам ретро-вирус ВИЧ считался настолько высокопатогенным, что для защиты от него требовалось полное исключение контакта с зараженными – начиная от плавания в одном бассейне и заканчивая беседой за обеденным столом.

Таким было отношение общества, но не Дианы. Среди ВИЧ-инфицированных оказалось много друзей принцессы из мира шоу-бизнеса, моды и искусства.

В апреле 1987 года в Миддлсекской больнице должно было состояться открытие первого на берегах Туманного Альбиона отделения для больных СПИДом. Один из сотрудников этого отделения, а впоследствии главный советник правительства по вопросам сексуального здоровья профессор Майкл Адлер написал в Букингемский дворец письмо с предложением пригласить кого-нибудь из членов королевской семьи выступить на церемонии открытия. В первую очередь Майкл имел в виду наследника престола принца Чарльза. Однако предубеждение в порочном

характере заболевания оказалось слишком устойчивым, и Букингемский дворец во избежание всевозможных кривотолков вместо принца решил направить его супругу.

Диана же сочла это за честь. Она очень нервничала перед началом мероприятия, но сумела совладать с эмоциями. Принцесса была на высоте. Без единой тени сомнения, сняв перчатки, она пожала руки двенадцати пациентам отделения, даже нахождение рядом с которыми для большинства было запредельным героизмом.

«Увидев это, мы ощутили, как рушатся табу! – вспоминал корреспондент „Daily Mail“ Ричард Кэй. – Я всегда считал себя достаточно либеральным человеком с широкими взглядами, но даже я был потрясен»[27].

С Ричардом соглашается фотограф Артур Эдвардс, также ставший свидетелем этого поступка Дианы:

«На следующий день газеты вышли с сенсационными снимками принцессы Уэльской. Весь мир увидел, как она разговаривает с больными, шутит, старается облегчить их состояние. Это была ее магия, ее очарование. Люди смотрели на фотографии и понимали, что мы совершенно неправильно воспринимаем ВИЧ. Диана смогла пойти против „старой гвардии“ Букингемского дворца и одна, своими руками, снять бесчестье и позор с больных СПИДом»[28].

Благотворное влияние принцессы в деле по борьбе с чумой XX века отмечают многие специалисты, включая и знаменитого французского вирусолога Люка Монтанье – ученого, который в 1983 году совместно с Франсуазой Барре-Синусси открыл ретровирус ВИЧ.

«В целом Диана была очень хорошо подготовлена по этому предмету, – вспоминает Монтанье. – Это очень важно, чтобы люди, которые у всех на виду, внесли свой вклад в борьбу против СПИДа и помогли тем пациентам, кто уже заразился вирусом»[29].

Пока общественность обсуждала поведение принцессы, Диана пошла дальше и разрушила еще один миф о смертельном недуге. В феврале 1989 года она посетила Медицинский центр в Гарлеме, Нью-Йорк. На этот раз Диана взяла на руки ВИЧ-инфицированного ребенка.

«Я только потом уже осознала огромное значение этого поступка. Фотографии принцессы с ребенком на руках буквально на следующий день облетели весь мир! – вспоминает заведующая педиатрическим отделением больницы. – Но самая удивительная вещь произошла потом. Люди стали звонить к нам в больницу и говорить: „Мы и понятия не имели о детях, больных СПИДом, до

визита принцессы в Гарлем“. К нам тут же стали обращаться многие родители с предложениями помочь больным детям. В глубине души я уверена: Диана первая, кто сделал такое возможным»[30].

Первым другом Дианы, скончавшимся от СПИДа, стал искусствовед Адриан Уорд-Джексон.

– Это было бы очень мило с вашей стороны, если бы вы помогли мне пройти этот путь… – обратился он к принцессе Уэльской.

– Конечно, я вам помогу, – ответила Диана[31].

Адриан включил ее в список людей, которых он хотел бы видеть рядом с собой в момент смерти. Принцессе польстило подобное отношение. Она попросила Патрика Джефсона приобрести для нее специальный пейджер, по которому Адриан или его друзья смогли бы в любой момент связаться с ней и сообщить, что назначенный час настал.

Состояние Уорд-Джексона резко ухудшилось в августе 1991 года. Уколы морфия уже не помогали, и его срочно перевезли в расположенную неподалеку от Паддингтонского вокзала больницу Святой Марии.

Посещения Адриана не прошли незамеченными. У входа в больницу дежурили несколько десятков корреспондентов, мечтавших запечатлеть Диану на пленку. Во избежание ненужной публичности брат больного договорился, чтобы Диана проникала в больницу инкогнито, через служебный вход. Однако принцесса отказалась воспользоваться этой возможностью.

«Она сказала: „Меня не запугают“, – вспоминает один из ее друзей. – Затем, чтобы пройти незамеченной в больницу, Диана стала каждый день менять свою внешность. Похоже, эта игра в переодевание доставляла ей удовольствие. Она напоминала молоденькую девчонку, которая, с одной стороны, хотела избежать встречи с папарацци, но с другой – ей нравилось их дразнить»[32].

Вообще, игра в переодевание Диане не только нравилась, но и хорошо удавалась. Симона Симмонс вспоминает, как во время одного из визитов в Кенсингтонский дворец дверь ей открыла незнакомая женщина. На ней были очки, туфли-лодочки, блузка, пиджак и темная юбка ниже колен.

– Я – новый секретарь принцессы, – сказала незнакомка. – Не желаете выпить чашечку чая?

Только потом, когда они уже прошли в гостиную, женщина скинула с себя парик, очки и, засмеявшись, закричала:

– Да это же я!

Симона была потрясена. Парик, незнакомый наряд – все это

понятно, но принцессе удалось изменить свою манеру говорить, мимику и даже язык тела[33].

Лицедейство лицедейством, но Диана была членом королевской семьи, и она должна была следовать предписанным правилам. Во второй половине августа принцесса покинула Лондон и отправилась в Балморал. В понедельник 19 августа с ней связалась близкая подруга Уорд-Джексона Анжела Серота и сообщила, что Адриан умирает. Не спрашивая разрешения королевы – чем, разумеется, вызвала огромное недовольство венценосных особ, – Диана в срочном порядке отправилась в столицу, преодолев за одну ночь тысячу километров.

У постели умирающего вместе с Анжелой она провела четверо суток. Даже находясь при смерти, будучи уже не в состоянии говорить, Уорд-Джексон слегка шевелил пальцами в ответ на ее голос.

«Глядя, как спокойно Адриан умирает, я поняла, что значит смирение», – делилась принцесса своими переживаниями[34].

23 августа Адриан Уорд-Джексон скончался. Спустя шесть дней, 29 августа, принцесса Уэльская вновь нарушила протокол, появившись в часовне Гросвенора в Мэйфейре на мемориальной службе в честь своего друга, обычного британского подданного, в жилах которого не текла королевская кровь.

Активная деятельность Дианы в борьбе со СПИДом оказывала огромное воздействие и на саму принцессу. Сострадая людям, которые в этом нуждались, она научилась преодолевать собственные страдания. Стараясь помочь чужой боли, принцесса чувствовала, как ее собственная отходит на второй план, вытесненная более сильными и благородными эмоциями.

Очевидцы никак не могли понять этого, но после общения с умирающими и тяжелобольными людьми – жизненный опыт, после которого обычно испытывают угнетенное состояние и упадок сил, – принцесса, наоборот, оживлялась. Диана сама однажды призналась после посещения хосписа, что до того, как войти в помещение, «чувствовала себя отвратительно», а после – «Я ухожу и ощущаю себя на вершине»[35]. Это удивительно, но между Дианой и теми людьми, которым она сопереживала, устанавливался уникальный в своем роде энергетический контакт. От общения Дианы с больными лучше становилось всем – и больным, и самой принцессе. Не зря в конце своей жизни она была уверена в том, что обладает целительной силой.

Вторым важным моментом в борьбе против СПИДа стало изменение общественного статуса Дианы.

«Впервые, глядя на фотографии принцессы в газетах и журналах, люди обращали внимание не на то, во что она одета, а

каким видом деятельности она занимается», – прокомментировала эту метаморфозу Сара Брэдфорд[36].

Наконец-то, после стольких лет поиска, Диана нашла свое призвание. Она осознала, что рядом тоже есть горе, и благодаря своему общественному положению она может сделать так, чтобы его стало меньше.

Ей хотелось и дальше применять свое положение и способности во благо, и на рубеже нового десятилетия Диана устремилась к новым рубежам.

На минном поле

В феврале 1992 года Диана совершила поездку, которой суждено будет оказать огромное влияние на ее духовную жизнь. Принцесса посетила хоспис матери Терезы в Калькутте.

По возвращении в Кенсингтонский дворец среди прочих записок, которые супруга Чарльза любила развешивать на холодильнике, зеркалах и всевозможных предметах мебели, появился лист синей писчей бумаги со следующими словами:

«Наконец, после стольких лет поиска, я нашла свой путь. Когда я приехала в хоспис матери Терезы, сестры милосердия специально для меня спели торжественный гимн. Это было незабываемое духовное переживание. Я буквально воспарила духом. Эмоции были настолько сильны, что они не смогли не оказать на меня огромного воздействия. Я только теперь поняла, что всем своим сердцем, всей своей душой хочу заниматься этим делом в глобальном масштабе»[1].

С самой матерью Терезой принцесса встретилась позже – в Риме, где восьмидесятидвухлетняя основательница Ордена милосердия восстанавливалась после перенесенного инфаркта.

Во время беседы с Дианой мать Тереза своим спокойным и тихим голосом произнесла:

– Вы не сможете заниматься тем, чем занимаюсь я.

Сказав это, она сделала паузу. Выражение лица Дианы начало меняться с благодушно-восторженного на удивленно-настороженное.

Помолчав еще какое-то время, мать Тереза добавила:

– А я не смогу сделать то, на что способны вы[2].

Это были поистине мудрые слова. Как и в любом деле, чтобы достичь успеха, необходимо найти свой путь, «свою колею», – так и Диане требовалось проложить собственную дорогу.

Поиск своего пути не был легок, и, как мы увидим дальше, принцесса порой совершала ошибки. Но в чем она действительно оказалась права, так это в том, что смогла привнести в благотворительную деятельность частицу себя и своей истории.

«Принцесса не смогла бы добиться таких ошеломительных успехов на этом поприще, если бы оказалась обычной светской леди, тратящей свое время на совершение добрых дел, – считает адвокат Дианы Энтони Джулиус. – На нее работал пафос ее собственного положения, уникальный парадокс ослепительно красивой женщины, оказавшейся отвергнутой»[3].

Тремя китами благотворительной деятельности Дианы стали участие, вовлеченность и собственный опыт. Отныне в ее

выступлениях все громче стали звучать личные нотки. В апреле 1993 года, готовясь к выступлению на первой в Британии конференции по пищевым расстройствам, Диана попросила своего спичрайтера Питера Сеттелина написать такую речь, чтобы «в ней хоть и не упоминалось бы открыто, что я страдаю булимией, но тем не менее публике стало ясно – принцесса знает, о чем говорит»[4].

Окончательную правку речи принцесса сделала сама. Хорошо знавший Диану журналист Ричард Кэй считает, что сравнение булимии с «постыдным другом», а сами переживания – «с чувством вины, отвращением к самой себе и низкой самооценкой, которые приводят к желанию раствориться, как диспирин, в воде и полностью исчезнуть» принадлежат непосредственно принцессе[5].

Аналогичное сопоставление с собственным жизненным опытом звучит и в выступлении Дианы на конференции благотворительной организации «Turning Point», помогающей людям справляться с алкогольной и наркотической зависимостью. Отказываясь в первые годы брака принимать транквилизаторы, впоследствии Диана употребляла некоторые виды антидепрессантов, успокоительные и снотворные средства. Однако в какой-то момент она поняла, что обращение к подобным медикаментам аналогично хождению по краю пропасти – одно лишнее движение, и ты, сам того не замечая, теряешь равновесие и устремляешься вниз.

«Она сказала мне, что боится применять антидепрессанты из-за начавшегося к ним привыкания, – вспоминает один из близких друзей Дианы. – Подобное положение дел ее очень пугало, и она решила бросить»[6].

В июне 1993 года во время своего выступления, посвященного проблемам лечения женской депрессии, Диана предупредила собравшихся: когда «туман одиночества и отчаяния» заставляет женщин подсесть на «транквилизаторы, снотворные и антидепрессанты», легко превратиться в «беспокойных зомби».

«Быть может, намного важнее направить наши усилия на пристальное изучение причин этого недуга, чем на его отчаянное подавление?» – предложила принцесса[7].

Личное участие было не единственным, что требовалось Диане для организации успешной благотворительной деятельности. Так уж устроена наша жизнь, что успех некоторых начинаний невозможен без поддержки влиятельных особ. К счастью, в распоряжении Дианы был завидный арсенал женской красоты и неотразимого обаяния. Неудивительно, что многие политики, как в самой Великобритании, так и за ее пределами,

считали за честь помочь принцессе Уэльской.

«Принцесса обладала удивительным сочетанием красоты и обаяния, которое было способно растопить сердце любого представителя сильной половины человечества, – считает министр иностранных дел в правительстве Джона Мейджора Дуглас Хард. – Иностранные президенты, премьеры и члены кабинетов министров забывали о том, что происходит в британской королевской семье, едва на час-другой их окутывало это необыкновенное сияние»[8].

Что же касается благотворительной деятельности Дианы, то Хард прокомментировал ее следующим образом:

«Для меня не составило труда заметить, что принцесса интересуется не только политикой, но и с почти болезненной настойчивостью стремится продолжать зарубежные поездки с нашего благословения. Я был очень рад, можно даже сказать – очень счастлив, оказать Диане соответствующую поддержку»[9].

Хард был верен своему слову. Он сделал все от него зависящее, чтобы международные визиты принцессы продолжались. Так, при поддержке Форинофис в марте 1993 года Диана посетила высокогорное королевство Непал, а спустя всего несколько месяцев, в июне, совершила с миссией Красного Креста триумфальный визит в Зимбабве. Как заметил преданный телохранитель Дианы Кен Уорф, «тем, кто полагает, что благотворительная работа для принцессы Уэльской – это всего лишь путешествие по миру с поиском гламурных мест для очередной фотосессии, лучше бы посмотреть на эту вымотанную и усталую женщину, которая рассказывала в вертолете душераздирающие истории, свидетельницей которых она стала сегодня»[10].

Среди политиков Нового Света близкие отношения у Дианы сложились с Генри Киссинджером, Хиллари Клинтон и Колином Пауэллом.

«Мы часто обсуждали наедине те сложности, которые возникают у публичных людей, – вспоминает Хиллари Клинтон, первая леди Америки. – Она рассказывала мне о своих планах использовать собственное положение для помощи страждущим. Хотя Диана производила впечатление очень ранимой, неуверенной в своем будущем женщины, для меня не составило труда разглядеть в ней способность к быстрому восстановлению и необходимую решимость при воплощении своих идей в жизнь, несмотря на все препятствия и трудности»[11].

Своей кульминации отношения между влиятельными людьми и принцессой Уэльской достигли в последний год ее жизни. Именно в этот отрезок времени – вторая половина 1996 года –

первая половина 1997 года – она стала той крупной общественной фигурой, которую мы все имеем в виду, когда сегодня говорим о Диане. В этом плане очень характерны впечатления, оставленные нам историком королевской семьи Энтони Холденом после одного из ланчей с принцессой Уэльской в Кенсингтонском дворце:

«Она как раз вернулась из Вашингтона после встречи с Хиллари Клинтон. Мы побеседовали об этом. Потом обсудили встречу Дианы с понтификом. Затем – встречу с королевой-матерью. Всего в нашем разговоре мы упомянули имена шести крупнейших мировых знаменитостей, с которыми принцесса встречалась за последний месяц. В конце беседы у нас зашла речь о возможности учредить ее собственный благотворительный фонд. И здесь она неожиданно сказала: „А как тебе это? Я разговаривала на днях с Колином Пауэллом, и он посоветовал мне не организовывать фонд. Это все так сложно. Скорее всего, я потеряю контроль над его управлением. Кроме того, не стоит забывать и про налоги“. Я был потрясен. Особенно от интонации, с которой она произнесла: „А как тебе это?…“»[12].

Несмотря на все эти громкие имена, активность принцессы на ниве благотворительности была далеко не так спокойна, как может показаться. На ее пути встретилось много препятствий, вызванных как внешними обстоятельствами, так и особенностями характера самой принцессы.

20 октября 1993 года в Кенсингтонский дворец приехал Джон Мейджор. Темой приватной беседы между первым министром королевы и ее невесткой стало определение той роли, которую будет исполнять Диана во время предстоящего официального визита в Брюссель. Как впоследствии рассказывала сама принцесса, она предложила премьеру сделать ее гуманитарным послом Великобритании. Мейджор согласился. Здесь-то и произошло самое интересное. По словам принцессы, «Чарльз пришел в бешенство от подобного предложения. Он обратился в редакцию „Financial Times“ с тем, что это именно *он*, кто хочет стать послом.

Сам того не желая, Мейджор оказался втянут в неожиданное противостояние между двумя супругами. Ему ничего не оставалось, как посетовать, что „ситуация становится малоприятной“»[13].

Что же произошло на самом деле? Чарльз действительно дал интервью «Financial Times», но в конце ноября – то есть спустя пять недель после разговора своей супруги с премьер-министром. И наконец, самое главное – упоминая о желании стать послом, принц имел в виду совершенно другое. Он лишь хотел

посодействовать распространению британского бизнеса на международной арене, нисколько не собираясь вмешиваться в сферу влияния своей супруги. Диана просто неправильно интерпретировала слова своего мужа.

Что это было – самое обычное недопонимание, эмоциональная несдержанность или умышленное искажение фактов? Для ответа на этот вопрос достаточно понять, в какой период времени принцесса выдвинула столь необычное обвинение.

Ноябрь 1993 года оказался очень тяжелым (в психологическом отношении) для Дианы месяцем. Произошел ряд событий, которые просто выбили ее из колеи. В начале месяца одна из ближайших подруг Дианы, жена посла Бразилии в Великобритании Люсия Флеха де Лима, сообщила, что их с мужем переводят в Вашингтон. В этот же день шофер принцессы Саймон Солари заявил, что покидает ее и переходит на работу к принцу Чарльзу. Не успела Диана оправиться от этих потрясений, как буквально на следующий день пришла еще одна новость. Скотленд-Ярд решил перевести ее любимого телохранителя Кена Уорфа на другую работу.{81}

Принцесса была в панике – один за другим ее оставляли близкие люди – люди, на которых она всегда могла положиться. Диана чувствовала себя покинутой и затравленной. То есть находилась именно в том состоянии, когда человек способен сделать опрометчивые шаги.

Что в итоге и произошло. И дело здесь не ограничивалось очередным скандалом с Чарльзом. Нет, принцесса совершила еще один поступок, только уже с куда более серьезными последствиями.

В начале декабря 1993 года Диана решила выступить с сенсационным заявлением о полном прекращении своей общественной деятельности. Королева Елизавета и герцог Эдинбургский советовали невестке смягчить тон выступления и не быть столь категоричной. Разве не лучше сказать о постепенном сокращении публичной активности, тем самым оставив себе место для маневра? Аналогичного мнения придерживался и Чарльз. Но принцесса проигнорировала советы Виндзоров.

3 декабря, выступая на благотворительном обеде в отеле «Хилтон» на Парк-Лэйн, она расставила все точки над «i»:

– Я собираюсь сократить свою разросшуюся общественную деятельность. В будущем я постараюсь акцентировать внимание на менее масштабных проектах. В ближайшие месяцы все мои усилия будут направлены на поиск такого пути, который

позволит мне совмещать полезную роль в обществе и свободу частного лица. В настоящий момент на первом месте для меня стоят мои дети – Уильям и Гарри, которые заслуживают столько любви, заботы и внимания, сколько я способна им предоставить[14].

Закончив речь, длившуюся меньше пяти минут, Диана села на место, опустила голову, закусила губу и заплакала[15].

Как видите, принцесса немного смягчила свою позицию. И тем не менее сказано было достаточно, чтобы повергнуть достопочтенную публику в состояние, близкое к шоку.

Как же объяснила Диана свое решение оставить публичную жизнь?

Она считала, что своим поведением ей удалось посеять панику в рядах врага:

«Мое решение сильно удивило тех людей, которые причинили мне столько горя. Они этого просто не ожидали. Я свято верю в то, что врагов нужно сбивать с толку. В данном случае моими врагами были сотрудники мужа, которые отлично знали, что я всегда привлекала к себе больше общественного внимания»[16].

Нельзя забывать и о той напряженной эмоциональной атмосфере, в которой Диане пришлось принимать свое неоднозначное решение.

«Психологическое давление, что оказывали на меня, было невыносимым, – признавалась принцесса впоследствии, – я постоянно чувствовала себя усталой и измотанной»[17].

Это же подтверждают и очевидцы.

«Решение принцессы было полностью продиктовано эмоциями, – замечает один из ее сотрудников. – Что и говорить, это было не самое лучшее для Дианы время»[18].

Еще более детальный срез психологического состояния принцессы в тот момент дала дочь одной из ее близких подруг:

«Мне кажется, она всегда находилась под влиянием трех желаний: „Хочу быть принцессой Уэльской“, „Хочу быть супругой принца Чарльза“ и „Хочу, чтобы у меня была нормальная семья“. И что в итоге? – ничего из того, что она хотела, не сбылось. Ей очень сложно было найти место в жизни. Она хотела быть любимой и постоянно искала одобрения своим поступкам. И я думаю, ее никогда не покидало ощущение, что она отвергнута. Ее оставили – сначала мать, потом отец и, наконец, муж»[19].

Как и следовало ожидать, выступление Дианы не прошло незамеченным. Одни считали, что все это блеф, что принцесса не сможет прожить и нескольких месяцев без внимания публики, других задели ее выпады в адрес прессы, третьи увидели в этом

попытку Дианы замести следы из-за развивающихся отношений с Оливером Хором. Нашлись и те, кто воспринял уход Дианы как общественную трагедию.

«Неужели мы убили курицу, которая несла золотые яйца?» – озадаченно воскликнул один из журналистов[20].

Однако ближе всего к истине, вероятно, подошел хорошо знавший Диану Майкл Адлер:

«Я не думаю, что она сама отдавала себе отчет в том, что произошло. Когда Диана заявила, что уходит, она и понятия не имела, почему это делает. Но когда это случилось, она испытала чувство сожаления и разочарования, потому что выпала из фокуса всеобщего внимания»[21].

Диане нужно было остановиться и оглядеться вокруг. Все, что ей требовалось, – это, как она сама выразилась, «пространство и время»[22]. Пространство – чтобы наконец-то вдохнуть полной грудью, время – чтобы осознать, пропустить через себя все те события, которые, словно снежный ком, навалились на нее в последние месяцы.

Но что принцесса собиралась делать после того, как надышится воздухом свободы, после того, как найдет свое место или когда ей просто захочется, по выражению Майкла Адлера, снова попасть в «фокус всеобщего внимания»? То же, что и большинство людей на ее месте. Следовало ожидать, что отдохнувшая внутренне и похорошевшая внешне Диана вновь предстанет на публике. Когда это случится? Это лишь вопрос времени.

Добровольная ссылка принцессы продлилась полгода. В мае 1994 года Диана вместе с Люсией Флеха де Лимой и Хайат Паламбо отправилась на уик-энд в Париж. Подруги не заметили, как настало воскресенье, а с ним и возвращение в Лондон. Настроение Дианы было паршивым. Пытаясь скрасить последний день пребывания в Париже, Люсия и Хайат организовали интересную программу с осмотром достопримечательностей и роскошным обедом в ресторане «Даллой» на рю Фобур-Сент-Оноре.

По пути Люсия предложила остановиться около церкви Святой Риты и выйти помолиться. Леди Паламбо вспоминает:

«Диана и я не собирались идти в церковь, но уговорить Люсию следовать дальше нам так и не удалось. Тогда мы сказали: „Хорошо, помолись, а мы тебя пока подождем в машине“».

Время шло, а Люсия так и не возвращалась. Тогда Диана и Хайат вышли из автомобиля и направились в церковь. Зайдя в неф, они были поражены обилием народа. Оглядевшись по сторонам, женщины заметили стоящую на коленях справа от

прохода Люсию.

– Давай уйдем отсюда, – неожиданно сказала Диана, повернувшись к леди Паламбо.

Когда они стали выходить на улицу, произошло что-то невероятное. Прихожане узнали Диану, и буквально за несколько минут вокруг нее образовалась огромная толпа.

– Мадам, мадам, – зазвучали женские голоса, – знайте, что мы вас поддерживаем!

Принцесса тут же преобразилась. Она пыталась что-то сказать на плохом французском языке, но в сложившейся ситуации это было ни к чему. Языковой барьер не стал помехой. Общение происходило на совершенно другом уровне.

Диана вновь ощутила любовь публики – живительную эссенцию, способную вдохнуть в нее новые силы. Как вспоминает Хайат Паламбо, «Диана засияла в окружении пожилых женщин. На ней был обычный брючный костюм и скромные украшения. Я впервые стала свидетелем этой трогательной, ни с чем не сравнимой любви, которую к ней питали обычные люди. Женщины пытались дотронуться до нее, словно перед ними была сама Дева Мария. При этом Диана держалась очень естественно, она жала им руки, смотрела в глаза, пыталась что-то отвечать на французском языке»[23].

Этот инцидент отчетливо показал – без внимания общественности супруга Чарльза не может.

«Диана жаждала любви, – замечает ее астролог Дебби Франк. – Она нуждалась в любви всю свою жизнь. Принцесса черпала ее из многих источников. В первую очередь от своих мальчиков. Также от друзей и конечно же от публики. Она чувствовала, что чем-то связана с обычными людьми. Это ощущение действительно давало ей очень много»[24].

Неудивительно, что буквально в том же месяце, в мае 1994 года, принцесса сделала первый шаг к возвращению. В подготовленном Дианой заявлении сообщалось, что она собирается войти в состав комитета планирования Международного Красного Креста. По ее мнению, это было «самое настоящее назначение», с чтением циркуляров, разработкой стратегии и посещением всевозможных совещаний. Ее даже не смутило, что она говорила о тех видах деятельности, к которым никогда не испытывала ни малейшего интереса.

Однако Диану хватило всего на три собрания. По мнению одного из ее помощников, «принцессе стало скучно. Интересно, а кому бы не стало? Мы занимались достаточно скучными делами, на которые у нее просто не было терпения. Сила Дианы была в общении с людьми, а совещания в темных и удаленных от глаз

общественности кабинетах для нее было пустой тратой времени»[25].

Но повторимся, это был всего лишь первый шаг к новой жизни. Окончательное возвращение состоялось спустя четыре месяца, в сентябре 1994 года. Тогда Майкл Адлер обратился к принцессе с предложением посетить открытие нового отделения для больных СПИДом.

– Я знаю, что вы отошли от дел, но в качестве любезности с вашей стороны – не могли бы вы открыть еще одно амбулаторное отделение? Я гарантирую, что прессы не будет. Это будет сугубо частный визит.

Как же удивился Адлер, когда услышал ответ принцессы:

– Я бы хотела, чтобы пресса присутствовала. И чем больше, тем лучше![26]

Возвращение началось. Правда это уже была не та Диана и не та благотворительность. Отныне большинство благотворительных мероприятий, которые удостаивала своим присутствием супруга Чарльза, были связаны с ее друзьями. Например, в апреле 1995 года Диана отправилась с трехдневной поездкой на Дальний Восток с так называемой «миссией по сбору фактов»[27]. Последняя была организована на средства миллионера из Гонконга Дэвида Танга. Принцессу и Дэвида познакомила Сара Фергюсон.

Во время своего визита в Гонконг Диана посетила раковый корпус одной из местных больниц, приют для молодых бездомных, центр лечения наркомании, а также присутствовала на сборе средств для лепрозория и онкологического центра.

– Ваш приезд к нам – это равносильно выигрышу в лотерею! – заявил Дэвид Танг, представляя Диану на благотворительном обеде[28].

Именно Танг взял на себе все расходы, связанные с пребыванием принцессы в Гонконге. Он оплатил транспортные расходы, организацию мероприятий с участием Дианы, а также шикарный люкс, в котором она остановилась.

Спустя шесть недель мистер Танг вновь был рядом с принцессой, на этот раз в Венеции, на обеде по сбору средств для Галереи Серпентин.

Начиная с этого момента Диана практически перестала принимать участие в мероприятиях Международного Красного Креста, а само отношение принцессы к деятельности этой организации лучше всего описывает юридический термин *in abeyance*.{82}

Летом 1996 года Диана подготовила новый «сюрприз». Буквально сразу после вступления в силу бракоразводного

документа с Чарльзом принцесса Уэльская выступила с официальным заявлением о прекращении патронажа свыше ста благотворительных организаций, которые до этого представляла. Отныне, заявила Диана, ее участие в благотворительности ограничится шестью учреждениями: приютом для бездомных «Центрпоинт», Фондом борьбы с проказой, Национальным фондом по борьбе со СПИДом, Английским национальным балетом, детской больницей на Грейт-Ормонд-стрит и королевским Марсденским госпиталем.

Решение принцессы прозвучало как гром среди ясного неба. Эффект был еще сильнее от того, что многие благотворительные организации узнали обо всем из газет и оказались полностью не готовы к столь резким переменам.

На самом деле, как это часто бывает с громкими событиями, решение принцессы не было спонтанным. Резко сузить масштабы своей благотворительной деятельности, сосредоточив основные силы только на тех направлениях, которые, как выразилась Салли Беделл Смит, «соответствовали собственным эмоциональным потребностям Дианы»[29], было решено еще за два с половиной месяца до официального заявления.

Так, например, Национальный фонд по борьбе со СПИДом был выбран, потому что помощь ВИЧ-инфицированным стала, по сути, первой крупной благотворительной акцией принцессы, которая изменила к ней отношение общественности. В случае с Фондом по борьбе с проказой – Диана считала, что ее присутствие является обязательным, так как это поможет приковывать внимание к нуждам людей, пораженным страшным недугом. Что касается больницы на Грейт-Ормонд-стрит и Марсденского госпиталя, то благодаря им принцесса могла бы поддерживать связь с больными и умирающими, а через «Центрпоинт» – с обездоленными и нуждающимися.

В этой цепочке немного странным выглядит Английский национальный балет. Оставить балет в сфере влияния принцессы предложила ее пресс-секретарь Джейн Эткинсон. Джейн считала – в деятельности принцессы должно быть что-то такое, что она делала бы «с легким сердцем»[30]. Учитывая многолетнюю любовь Дианы к балету, забота о нем воспринималась как вполне удачный выбор.

Резкое сворачивание благотворительной активности принцессы приковывает внимание к двум интересными моментами. Во-первых, удивительно, что среди объявленного списка из шести организаций, которые Диана оставила за собой, отсутствовал Международный комитет Красного Креста, с которым принцессу связывало столько нитей совместного

сотрудничества. Как сообщили в кругах, близких к Диане, принцесса сочла, что у Красного Креста и без ее участия достаточно поддержки и он не особенно нуждается в ее помощи.

Вторым интересным моментом стала причина, якобы вынудившая Диану совершить столь решительный шаг по сворачиванию своего участия в благотворительности. В официальном заявлении, опубликованным Джейн Эткинсон по личному распоряжению принцессы, сообщалось, что после развода Диана «не может больше предоставить патронируемым организациям сильную позицию в обществе». Далее следовал вывод: в связи с тем, что изменение в общественном статусе принцессы «не принесет пользы данным организациям», она решила их оставить[31].

Более нелогичного утверждения трудно себе представить. Как же тогда быть с оставшимися шестью организациями, которым, получается, Диана вредит своим участием? Эткинсон не преминула указать на это противоречие принцессе, но та осталась непреклонна – текст должен быть опубликован именно в такой редакции.

Когда острословы с Флит-стрит начнут обсуждать заявление принцессы, Диана найдет козла отпущения – Джейн Эткинсон. Дескать, это именно она неправильно истолковала ее слова. Стоит ли удивляться, что после подобного обращения пресс-секретарь немедленно подала в отставку.

Увольнение Эткинсон было очень симптоматично для Дианы в последний год ее жизни. Возникает такое ощущение, что развод полностью выбил принцессу из колеи и теперь она оказалась потерянной, не зная не только, чем заняться, но и на кого можно положиться.

После расставания с Чарльзом Диана порвала отношения со многими близкими людьми.

Прежде всего из обоймы выпала Сара Фергюсон. Причин было несколько. Во-первых, Сара рассказала о подруге в своих интервью во время визита в США, хотя та просила ее этого не делать. Кстати, сама Диана не чуралась отвечать на вопросы журналистов об экс-супруге герцога Йоркского.

Во-вторых, осенью 1996 года Сара опубликовала мемуары. Среди прочего там был фрагмент, где она рассказала, как однажды одолжила у Дианы какие-то туфли. И будто, нося эти туфли, подхватила грибок. Какой вздор! Разве у принцессы может быть грибок! А даже если и может, то писать об этом по крайней мере бестактно![32]

Разорвались отношения и с Джанни Версаче. Источником ссоры вновь стали мемуары. Диане не понравилось, что среди

фотографий полуобнаженных манекенщиков итальянский модельер вставил в свои воспоминания «Рок и королевская семья» фото принцессы с детьми.

Когда благородную, но, как оказалось, неблагодарную миссию помирить бывших друзей взял на себе их общий друг Элтон Джон, он также лишился доверия Дианы.

В июле 1997 года Джанни Версаче был убит. Несмотря на размолвку, Диана присутствовала на похоронах, где постфактум помирилась (если можно так выразиться) с покойным.

Все контакты принцесса порвала и со своей матерью Фрэнсис Шэнд Кидд (к тому времени уже оставленную вторым мужем Питером Шэндом Киддом, изза романа с которым рухнул брак Спенсеров в далеком 1967 году), а восстановить так и не успела.

У Дианы всегда были «особые отношения» с матерью.

– Я ненавижу ее, – иногда вырывалось у принцессы в минуту откровенности[33].

Последней каплей стало интервью, которое мать Дианы дала в ноябре 1995 года журналу «Hello!». Диану задело, что, не посоветовавшись с ней, Фрэнсис начала комментировать потерю титула «Ее Королевское Высочество». При этом она высказала точку зрения, не совпадавшую с мнением самой Дианы.

«Мне кажется, это замечательно, – заявила Фрэнсис. – Наконец-то моя дочь сможет быть сама собой, использовать свое собственное имя и найти свой путь»[34].

Прочитав интервью, принцесса тут же связалась с Фрэнсис:

– Я на тебя очень разозлилась! – недовольно сказала она в трубку.

– За что? – недоуменно спросила Шэнд Кидд.

– За то, что ты продала интервью «Hello!». Зачем ты это сделала? Весь мир делает на мне деньги, но ты же моя мать! Зачем ты меня продала?

– Дорогая. Но я всего лишь рассказала свою историю…

Но Диана не хотела ее слушать. Чем больше она возмущалась, тем багровее становилось ее лицо.

– Ты совершенно не знаешь, о чем говоришь! – закричала она. – Пообещай мне, что больше никогда, никогда, не будешь давать интервью.

– Я стану звездой! – неожиданно произнесла Фрэнсис.

Это было слишком.

– Я больше не могу с тобой разговаривать, – не выдержала Диана и бросила трубку[35].

В длинный список тех, с кем Диана порвала незадолго до смерти, попали также журналист Ричард Кэй – за то, что «черновики его речей слишком длинные и сложные»[36]; ее брат

Чарльз Спенсер, отношения с которым так и не восстановились после размолвки из-за садового домика; целительница Симона Симмонс; прежде близкие друзья лорд и леди Паламбо; личная помощница Виктория Мендхэм; горничная Сильвия Макдермотт (последние две женщины верой и правдой проработали у принцессы, первая семь лет, вторая{83} – десять).

Аналогичной участи «удостоился» и журналист Мартин Башир, с помощью которого двумя годами ранее Диана потрясла британское общество откровенным интервью в телевизионной передаче «Панорама», а теперь готовила книгу о благотворительной деятельности под черновым названием «С верой и надеждой». Понятное дело, что после размолвки работу над книгой пришлось приостановить.

Этот весьма неприятный список будет неполным, если не вспомнить о Хаснате Хане. Хотя он, возможно, единственный из «опальных» друзей принцессы Уэльской, кто предпочел расстаться с ней сам.

«Рано или поздно принцесса рвала отношения со всеми, с кем общалась, – с грустью замечает Симона Симмонс. – Она думала примерно так: „Лучше я первой разорву с тобой отношения, чем у тебя появится шанс навредить мне“»[38].

Астролог принцессы Дебби Франк считала главной причиной подобного поведения булимию:

«Когда вы страдаете булимией, ваш мозг начинает концентрироваться на каком-то объекте. Это может быть еда, дружба или что-то еще. Неважно. Результат все равно один. Объект, на котором вы постоянно фокусируете свое внимание, начинает занимать так много места в вашей жизни, что в конце концов вы избавляетесь от него. Именно поэтому принцесса порвала отношения с большинством друзей. Именно поэтому она так часто меняла свои мобильные телефоны»[39].

Ощущая внутри себя разрушительные наклонности, Диана однажды сама призналась своему близкому другу Роберто Деворику:

– Роберто, прошу тебя, умоляю, не подходи слишком близко! Поскольку отношения со всеми людьми, с которыми я сближаюсь, рано или поздно оказываются разрушенными[40].

Так уж была устроена ойкумена принцессы. Для поддержания настоящей, верной и, что самое главное, долговременной дружбы ей не хватало очень важного качества: постоянства. Диана не умела дорожить теми людьми, которые находились рядом с ней. Если она замечала, что кто-то нелоялен к ней (как она сама считала), от этого человека тут же избавлялись. Как сказала одна из «жертв» подобного обращения, «никогда еще фраза

„Вычеркнуть из списка рождественских поздравлений“ не была настолько актуальна, как в разрыве отношений с принцессой Уэльской»[41].

Завершив небольшое отступление, вернемся к спорному решению принцессы сократить свою благотворительную деятельность. Обратимся к прессе, которая сначала недоумевала, а потом стала анализировать – чем вызвано необычное решение Дианы. Если следовать логике, то объяснение могло быть только одно: отныне принцесса будет уделять гораздо больше внимания, сил и энергии оставшимся шести организациям. Одна из газет даже предположила, что осенью Диана будет посещать по три благотворительных мероприятия за неделю. Тут же приводились данные, что в последнее время подобного рода события происходили не чаще одного раза в месяц.

Однако этого не произошло, и даже больше – активность Дианы в последний год ее жизни практически не была связана с вышеупомянутыми организациями.

«В последние два года жизни принцесса Уэльская была совершенно непредсказуема, едва речь заходила о профессиональном сотрудничестве, – с грустью констатировал Майкл Адлер. – Когда Диана сократила свою деятельность со ста до шести организаций, она даже для этой шестерки делала очень мало. Мы ей писали, лично встречались, но ее интересовали уже совершенно другие вопросы. Такова жизнь, но если вы взяли на себя функции патрона, то это накладывает определенную ответственность. Диана обладала уникальными качествами, но она была слишком переменчива»[42].

В конце лета 1996 года принцесса Уэльская связалась со своей американской подругой из Кризисного фонда по борьбе со СПИДом Маргаритой Литтман.

– Я хочу поделиться с тобой своими платьями, – предложила Диана.

– Мне кажется, я не настолько плохо одета, – удивилась Маргарита.

– Ты ничего не поняла, – засмеялась принцесса. – На днях Уильям сказал мне: «Мам, твои платья занимают столько места в гардеробе, а ведь ты их никогда больше не наденешь. Что собираешься с ними делать дальше? Используй их лучше для благотворительных целей». Посоветовавшись, мы решили выставить на аукцион часть платьев, а полученные средства пустить на благотворительность. Мне кажется, это неплохая идея для твоего Фонда. Приезжай ко мне завтра или в ближайшие дни на ланч, посмотришь на мою коллекцию одежды[43].

На самом деле еще до беседы с Маргаритой Литтман, в июле

1996 года, Диана обсудила этот вопрос с председателем всемирно известного аукционного дома Christie's Кристофером Бальфуром. После разговора с принцессой Кристофер пригасил к себе в кабинет директора по маркетингу Мередит Этерингтон-Смит. Между ними состоялся следующий диалог.

– Для тебя есть классный проект, – не тратя время на излишние вступления, сказал Бальфур. – Принцесса Уэльская собирается распродать свою одежду.

– Не будьте так наивны! – удивилась Мередит. – О чем вы?!

– Диана хочет продать платья, которые не будет больше надевать на торжественные мероприятия, – объяснил Кристофер. – Принцесса собирается начать новую жизнь. Вырученные от продажи деньги она намерена передать в Кризисный фонд по борьбе со СПИДом Маргариты Литтман. Отправляйся в Кенсингтонский дворец, встреться с Дианой, и обсудите детали[44].

Да, это и в самом деле была неплохая идея. Гардероб принцессы, состоявший из сотен платьев, блузок, всевозможных костюмов, брюк и пар туфель, располагался в отдельной L-образной комнате, которая по своим размерам спокойно могла использоваться в качестве спальни.

Но Диана не просто освобождала площадь. Распродавая ненужные платья, она прощалась со своим прошлым. Да еще и получала за это деньги! Эта было великолепное решение. И пришло оно в голову действительно Уильяму. Неслучайно Диана часто признавалась в беседе с друзьями, что «он умен не по годам»[45].

Однако вовсе не участие Уильяма делает поступок Дианы примечательным для нашей истории. Почему, объявив себя патроном британского фонда по борьбе со СПИДом, принцесса решила помочь американской организации, преследующей аналогичные цели? И это в то время, когда, по словам Майкла Адлера, Национальный фонд находился на грани банкротства{84}[46].

Причиной всему стала банальная любовь к знаменитостям, которая, как ни странно, отличала принцессу Уэльскую на протяжении всей ее жизни. Она гордилась своей дружбой со многими голливудскими звездами и не раз пересказывала забавные эпизоды общения с ними.

Например, о знакомстве с Томом Крузом. Это было на одной из кинопремьер. Том предложил Диане жвачку.

– А что делать, когда она мне надоест? – удивилась принцесса.

– Да не вопрос, просто прилепите ее под ваше кресло, –

ухмыльнувшись, ответил актер[47].

Основные средства Кризисный фонд собирал на мировых кинопремьерах. Понятное дело, что публика на подобных мероприятиях была куда более интересна, чем участники благотворительных обедов.

Сотрудничество с Маргаритой Литтман предоставило Диане больше возможностей для публичного позиционирования собственной персоны. Для того чтобы привлечь как можно больше внимания к продаже своих 79 платьев, принцесса настояла организовать аукцион сразу в двух городах – Лос-Анджелесе и Нью-Йорке.

– Все должно превратиться в шоу, в классное времяпрепровождение, в ходе которого будут делаться деньги, – сказала она Литтман[48].

Мотивы Дианы можно понять, но факт остается фактом – то, что для одних превращалось в блестящее шоу, у других (раньше не менее близких для Дианы людей) вызывало совершенно иные эмоции.

«Своим поведением принцесса не просто послала нашему сообществу бесчестное сообщение, что передает средства организации, связанной с премьерами кинофильмов, но и то, что фонд, патроном которой она является, отныне фактически прекращает свое существование», – прокомментировал решение Дианы Майкл Адлер[49].

Но для Дианы это было уже не важно. Аукцион принес неплохие деньги – 3 миллиона 258 тысяч 750 долларов. О чем еще можно говорить?

Единственной ложкой дегтя во всей этой истории стала публикация в «Sunday Express», где указывалось, что на продаже своих платьев супруга Чарльза заработала около одного миллиона фунтов стерлингов. Это было очень неприятное обвинение, и Диана отреагировала на него соответствующе. Она подала на газету и ее главного редактора Ричарда Эддиса в суд.

Судебное разбирательство закончилось в пользу истца. Газета должна была выплатить Диане штраф в размере 75 тысяч фунтов стерлингов, а также разместить на первой полосе официальное извинение.

Ричард предложил не передавать деньги лично Диане, а направить их на какие-нибудь благотворительные цели. Но адвокат принцессы Энтони Джулиус заявил следующее:

– Мой клиент хочет, чтобы деньги были переданы ей, и только ей[50].

Принцесса потом сама передаст полученную сумму нуждающимся организациям. Как прокомментировал ее решение

Ричард Эддис, «Диана специально так сделала, чтобы наказать нас. Если бы мы сказали, что передаем деньги на благотворительность, это лучше отразилось бы на имидже „Sunday Express“»[51].

На распродаже платьев общественная деятельность Дианы не закончилась. Лебединой песней, лучше всего врезавшейся в память современников, стала борьба принцессы с противопехотными минами.

В одном из интервью Диана сказала:

– Ко мне стало поступать очень много информации об использовании противопехотных мин. Все эти фотографии настолько ужасны, что я подумала – если бы я стала частью команды, которая занимается этой проблемой, то наверняка смогла бы чем-то помочь[52].

О чем принцесса умолчала, так это о своей подруге Симоне Симмонс, отношения с которой к тому времени еще не были разорваны. Симона как раз вернулась из поездки по Боснии и была потрясена количеством пострадавших от мин. Когда она стала показывать фотографии увечных, лицо принцессы исказил ужас. Почти шепотом она спросила:

– Как ты считаешь, я могу изменить ситуацию?[53]

Сама Диана этого не услышит, но те овации, которыми почтят память принцессы Уэльской в Концертном зале Стокгольма, когда 10 декабря 1997 года международному движению за прекращение использования противопехотных мин будет вручена Нобелевская премия мира, позволяют сделать вывод, что ответ был утвердительным.

Отныне принцесса Уэльская решила посвятить себя противоминной кампании. В разговоре с Мередит Этерингтон-Смит, которая на рубеже 1996/1997 годов была частой гостей в Кенсингтонском дворце, пока происходил отбор экспонатов для предстоящего аукциона Christie’s, Диана рассказала следующее:

– Я написала в Форин-офис письмо с просьбой предоставить мне соответствующие полномочия, чтобы стать послом мира. Разумеется, они ответили отказом. Тогда я решила действовать самостоятельно. Этот вид оружия наносит колоссальный вред, а об этом никто даже не заботится. Мины просто раскидывают по миру, словно луковки тюльпанов. По крайней мере, я могу сделать что-то хорошее в предотвращении дальнейшего распространения противопехотных мин. Ты же знаешь, что те возможности, которыми я обладаю, это не просто возможности – это самые настоящие шлюзы, способные изменить ситуацию[54].

Диана с головой окунулась в новую проблему. Ее не смутило, что противоминная кампания находилась под патронажем

Международного комитета Красного Креста, с которым она уже успела прекратить сотрудничество. Но это тоже одна из отличительных черт Дианы – она так же легко налаживала отношения, как и рвала[55].

Словно ничего не произошло, она связалась с представителями Красного Креста и заручилась спонсорской поддержкой. Также было решено, что во всех поездках Диану будет сопровождать президент Британского Красного Креста Майкл Уитлэм.

Первоначально Красный Крест собирался отправить Диану с миссией в Камбоджу, но на эту поездку наложил вето Форин-офис, посчитав, что визит бывшей супруги принца Чарльза отрицательно скажется на переговорах между двумя странами, которые проходили в это время. Также министерство иностранных дел высказалось против поездки Дианы в Афганистан, сославшись на небезопасность этого региона. В конечном счете интересы Красного Креста, принцессы Уэльской и британских дипломатов сошлись на Анголе, где уже двадцать с лишним лет шла гражданская война и на двенадцать миллионов жителей приходилось свыше пятнадцати миллионов мин.

13 января 1997 года принцесса Уэльская, сопровождаемая Майклом Уитлэмом, восьмидесятитрехлетним ветераном «Daily Telegraph» бароном Уильямом Дидсом и молодой, но уже достаточной опытной военной журналисткой из «The Sunday Times» Кристиной Лэмб, прилетела в столицу Анголы Луанду. Уже в машине, проезжая по улицам города, Диана была поражена количеством мужчин, женщин и детей, лишившихся ног. Многие из них, не имея инвалидных кресел и протезов, передвигались на самодельных костылях.

«С миссией Красного Креста мы переезжаем из одного госпиталя в другой, – писала с места событий Кристина Лэмб. – В каждом последующем госпитале мы видим все больше и больше тощих, похожих на обтянутые кожей скелеты тел с оторванными руками и ногами. Все это жертвы противопехотных мин, в несчетном количестве разбросанных по стране. Некоторые из ранений настолько отвратительны, что я не могу не отвести глаз, и это несмотря на мой многолетний опыт работы репортером в странах третьего мира. Но что поражает, так это Диана – она никогда не отворачивает голову. Напротив, в ней есть что-то такое, что я до этого встречала только у Нельсона Манделы, – какая-то аура, вызывающая у людей желание оставаться рядом с ней. К тому же она обладает уникальной, исходящей из самого сердца способностью внушать людям надежду, особенно в тех случаях, когда кажется, что человека практически ничто не

связывает с жизнью»[56].

Это было жуткое, выворачивающее душу зрелище. Посещая заброшенный госпиталь с голыми оштукатуренными стенами, где не было электричества и на всех не хватало больничных коек, Диана познакомилась с шестнадцатилетней Розалиной. Наступив на мину, Розалина потеряла не только правую ногу, но и не успевшего родиться ребенка. Рядом с ней на жалком подобии кровати лежала Хелен Уссова. Ей было всего семь лет. Девочка хотела сбегать за водой, но взрыв противопехотной мины разворотил ей живот. Жизнь Хелен поддерживали лекарствам, поступающие в ее кровь через капельницу. Над изувеченным тельцем жадно роились жирные мухи.

Принцесса не могла пройти мимо, она села на кровать к Хелен и стала что-то говорить, поглаживая худенькие руки.

Вставая с кровати, Диана обратилась к присутствующим репортерам:

– Я прошу вас, не надо больше снимать, пожалуйста[57].

Лампочки на камерах тут же погасли.

Диана направилась дальше, а к девочке подошла знавшая португальский язык Кристина Лэмб. Она наклонилась и услышала, как малышка едва слышно прошептала:

– Кто это женщина?

– Это принцесса, она из Англии, далекой страны, – попыталась объяснить Кристина.

В этот момент на пересохших губах Хелен появилась слабая улыбка. Совсем другим, каким-то мечтательным, светлым голосом девочка спросила:

– Она ангел?[58]

Вскоре Хелен умерла, и можно лишь порадоваться, что незадолго до своей кончины она встретила, как ей казалось, ангела…

Между тем на берегах Туманного Альбиона далеко не все разделяли энтузиазм от международных поездок принцессы. Находившиеся в тот момент у власти консерваторы считали, что действия Дианы расходятся с государственной политикой. Тори не исключали возможность использования так называемым «умных» мин, которые представляют опасность лишь в течение определенного периода вре мени.

В борьбе за полное запрещение этого вида вооружения принцессу поддержали лейбористы во главе с Тони Блэром. Сначала они делали это со скамьи оппозиции, а после всеобщих выборов весной 1997 года – как правящая партия. Но сама Диана старалась в политическую борьбу не вмешиваться.

– Я не политик, я гуманист, – определила она свою

позицию[59].

Принцесса добилась визита в самый заминированный город Анголы Куито. Всего за несколько дней до ее приезда семь мальчиков погибли во время игры в футбол, гоняя мяч на, как считалось, разминированном поле.

На этот раз Диана решила лично пройтись по деактивированному полю. Для безопасности она надела синий бронежилет и укрыла лицо за специальным пуленепробиваемым экраном.

Майкл Уитлэм вспоминает:

«Думаю, что к концу обсуждения всех деталей, связанных с предстоящим проходом, Диана пришла к мнению, что идти по пусть и разминированному полю – не самая удачная идея»[60].

Тем не менее принцесса прошла весь путь от начала и до конца.

«У меня душа ушла в пятки, челюсть свела судорога, – делилась она впоследствии своими впечатлениями. – Я еще никогда не делала шаги с такой осторожностью. Я отлично понимала, что малейшая ошибка – и твой следующий шаг может оказаться последним. Но я это сделала»[61].

Когда принцесса уже вступила на безопасную территорию и, сдвинув экран, стала вытирать со лба капли пота, кто-то из журналистов, не успевший снять историческое шествие на пленку, в шутку закричал:

– А не могли бы вы пройти еще раз?

Все были потрясены, но Диана повернулась и снова прошла весь путь.

«Принцесса сделала это, потому что понимала: это не просто снимки, они должны произвести огромное впечатление», – комментирует ее решение Майкл Уитлэм[62].

После возвращения из Анголы и выступления в Лондоне на конференции, посвященной запрету на использование противопехотных мин, Диана стала планировать новую поездку на лето 1997 года. При поддержке фонда «Помощь норвежского народа» и «Общества выживших после противопехотных мин» на частном самолете Джорджа Сороса Диана отправилась в Боснию, где провела три дня, с 8 по 10 августа. Ее сопровождали бесстрашный Билл Дидс, неизменный дворецкий Пол Баррелл и два американца, основатели «Общества…» Джерри Уайт и Кен Ратерфорд. Оба были жертвами бесчеловечного оружия – Джерри потерял одну ногу, Кен – две.

Проявленное Дианой сострадание никого не могло оставить равнодушным. Находясь рядом с принцессой, раздавленные горем преображались. Нет, конечно, Диана не могла исцелить

физическую боль или заполнить пустоту, которая образовывалась в душах тех, кто потерял своих близких в недавней войне, но от ее присутствия людям становилось легче.

Однако не это больше всего поразило проницательного мистера Дидса, у которого было достаточно времени присмотреться поближе к своей знаменитой спутнице. Дидс был потрясен, насколько естественно, без лишней рефлексии Диана переключалась со страшных картин, изобилующих изуродованными телами, на безмятежное времяпрепровождение с Доди аль-Файедом[63].

Нельзя не согласится с бароном Дидсом и в другом вопросе. Опытный журналист очень точно сравнил участие Дианы в противоминной кампании с «водоразделом»[64] в ее собственной биографии. Ступая по минному полю, принцесса чувствовала, что ей удается преодолеть собственный страх, собственные комплексы, собственные проблемы. С каждым шагом вперед прежняя Диана уступала место новой, решительной женщине, готовой к жизни, где не будет места ни булимии, ни депрессии. Принцесса наконец смогла вдохнуть полной грудью и ощутить пьянящий аромат свободы, уверенности в собственных силах. Отныне ей хотелось жить, и она даже начала задумываться над тем, что никогда раньше не ассоциировалось с ее именем: о карьере.

«Принцесса очень сильно хотела состояться как профессионал, – замечает ее подруга Ширли Конран. – Она стремилась сделать что-нибудь достойное, показав всему миру, что она отнюдь не идиотка»[65].

Диана решила заняться производством документальных фильмов. Во время поездки в Анголу совместно с Би-би-си она сделала документальный фильм о противопехотных минах. В ее планы входило заниматься углубленным изучением животрепещущих гуманитарных проблем, а затем в сотрудничестве с каким-нибудь телевизионным каналом снимать об этом фильмы. Принцесса предполагала готовить по одному фильму раз в два года. А первой ее темой должна была стать проблема безграмотности. Но жизнь распорядилась иначе.

Глава 7
ПОКОЙ И БЕССМЕРТИЕ

Трагедия в Париже

30 августа 1997 года в аэропорту Ля Бурже на взлетно-посадочной полосе сел реактивный самолет. Когда гул двигателей стих, к нему подвезли трап. Дверь самолета открылась, и на трап вышли принцесса Уэльская с Эмадом аль-Файедом. Внизу их уже ждали папарацци, которые тут же начали делать первые снимки. Диана и ее спутник не ожидали столь навязчивого приема. На их лицах появилось недовольство, смешанное с удивлением от осведомленности журналистов.

«Даже мы не всегда знали, где будем через час, но папарацци уже оказались тут как тут, – вспоминает один из сотрудников охраны Кез Уингфилд. – Такое ощущение, что их кто-то информировал»[1].

Диана и Доди быстрым шагом направились к зданию аэропорта. Вихрем пролетев по внутренним помещениям, они выскочили на улицу и юркнули в бронированный «мерседес». За рулем «мерса» сидел шофер аль-Файедов в Париже Филипп Дорно. Место рядом с водителем занял любимый телохранитель Доди Тревор Рис-Джонс. Багаж разместили во второй машине, «рендж-ровере», которым управлял глава службы безопасности отеля «Ритц» Анри Поль. В эту же машину сел обслуживающий персонал.

Кортеж рванул с места и помчался по направлению к городу. Вслед за ним на своих мотоциклах устремились папарацци.

– Прибавь газу! – закричал Доди, обращаясь к Дорно.

«Мерседес» резко увеличил скорость и вскоре оторвался от назойливых репортеров.

Филипп продолжал давить на педаль газа, но Диана неожиданно воскликнула:

– Помедленнее! Мы же столкнемся![2] Дорно послушно сбавил обороты.

Первоначально принцесса и аль-Файед собиралась отправиться в «Ритц», где для Дианы уже был забронирован Имперский номер – тот самый, где она останавливалась во время своих предыдущих визитов в столицу Франции. Однако в самый последний момент Эмад изменил планы. Бронированный «мерседес» направился в Булонский лес на виллу отрекшегося короля Эдуарда VIII, герцога Виндзорского.

В 15.47 автомобиль с принцессой и сыном египетского бизнесмена, миновав массивные ворота, въехал на территорию. Диана сама открыла дверцу и буквально выскочила из машины.

«Ее лицо было красным, она выглядела очень

возбужденной, – вспоминает глава службы безопасности виллы Бен Мюррелл. – Было видно, что что-то произошло. Диана была чем-то потрясена»[3].

Когда Доди вышел из автомобиля, Бен направился к нему и учтиво спросил:

– Я могу вам чем-нибудь помочь?

– Нет! – резко ответил аль-Файед[4].

Пара прошла в кабинет, расположенный на первом этаже, и закрыла за собой дверь. Тем временем Мюррелл направился к Тревору Рис-Джонсу и Филиппу Дорно. Удобно разместившись на стульях веранды, мужчины подставили лица солнцу.

Дорно оживленно рассказал Мюрреллу о том, как они пытались оторваться от папарацци. По словам водителя, только благодаря его ловкому маневру на окружной дороге около съезда на Порт Майо приставучие репортеры остались позади.

– Принцесса была в восторге! – не скрывая удовольствия, произнес он.

Не зная, что ответить, Мюррелл улыбнулся.

– В зеркальце заднего вида я заметил, как Диана положила руку боссу на колено и стала что-то шептать ему, – продолжал рассказывать Филипп. – Мне показалось, она его успокаивает. Я расслышал только: «Не беспокойся, Доди»[5].

В отличие от Дорно, Тревор Рис-Джонс пребывал в мрачном расположении духа.

«Телохранителя возмутило, что Доди совершенно не прислушивается к его рекомендациям, – вспоминает Бен Мюррелл. – В этом и заключалась работа Тревора – давать рекомендации в целях обеспечения большей безопасности, но Эмад следовал лишь одному ему известному плану. К тому же он никогда не ставил Тревора в известность о том, что собирается сделать»[6].

Поболтав с Тревором и Филиппом, Мюррелл направился к себе в кабинет взглянуть на мониторы (камеры видеонаблюдения были расположены по периметру и внутри виллы). В это время к главным воротам на «рендж-ровере» подъехали Анри Поль и Кез Уингфилд. Сразу из аэропорта они направились сначала в квартиру аль-Файеда на рю Арсена Гусе неподалеку от Елисейских Полей и только потом, разгрузив багаж, приехали на виллу в Булонский лес.

Дорно впоследствии вспоминал, что сильно удивился, увидев Поля за рулем. Анри Поль, которому на тот момент иполнился сорок один год, работал в службе безопасности отеля уже одиннадцать лет, с момента ее основания в 1986 году. Он пользовался большим уважением как среди сотрудников «Ритца»,

так и у хозяина, Мохаммеда аль-Файеда. Являясь высококлассным сотрудником, он, однако, никогда не водил машины такого класса, как «рендж-ровер». Тем более это будет касаться лимузина, на котором он вскоре повезет Диану и Доди.

Бена Мюррела поразило и другое.

«Я направился к воротам, чтобы впустить их на территорию, – рассказывает глава службы безопасности виллы. – Поль открыл окно автомобиля и, потянув меня к себе, закричал: „А, Бен! Ты классно выглядишь!“ От него пахло спиртным. Я был потрясен его поведением. Поль выглядел таким возбужденным»[7].

Впустив машину на территорию, Бен вернулся в комнату наблюдения. Через некоторое время он увидел, как аль-Файед со своей спутницей покинули кабинет и отправились осматривать виллу. Бен присоединился к ним. У него сложилось впечатление, что экскурсия не вдохновила Диану. И вообще, она хотела как можно скорей покинуть скучные комнаты.

Сделав символический обход по пустым залам (все внутреннее убранство было вывезено для продажи на аукционе), Диана и Доди сели в «мерседес» и отправились в «Ритц». За ними уехал и «рендж-ровер». Следуя должностным инструкциям, Мюррелл связался со штаб-квартирой аль-Файедов на Парк-Лэйн в Лондоне и сообщил: время приезда гостей – 15:47, время отъ езда – 16:18. На вилле бывшего короля Соединенного Королевства, которую Мохаммед втайне планировал отреставрировать специально для своего сына и принцессы Уэльской, Диана пробыла всего 31 минуту.

Направляясь в «Ритц», принцесса мечтала лишь об одном – отдохнуть. День выдался слишком напряженным – утро на яхте «Jonikal» в Сен-Тропе, перелет в Париж, бегство от репортеров, поездка на виллу Виндзоров, а на часах только пять вечера. В планы Дианы входило заехать на Елисейские Поля и купить подарки детям, но после всего этого она была слишком вымотана. Отдых и только отдых!

«Мерседес» с Дорно, Рис-Джонсом, Дианой и Доди подъехал к заднему входу отеля на рю Камбон. Почетных гостей вышел встречать помощник президента «Ритца» Клод Руле, временно исполняющий обязанности своего босса Фрэнка Кляйна, который в этот момент находился в отпуске. Клод проработал в «Ритце» уже семнадцать лет и очень гордился тем, что в мельчайших подробностях знал историю отеля. В 1998 году, когда отель отмечал сто лет со дня своего основания Цезарем Ритцем, Клод написал красочную книгу «“Ритц“: история легендарного красавца».

До этого Руле ни разу не встречался с Дианой, поэтому его

первым вопросом было:

– Как мне вас величать?

– Зовите меня просто Ди, – сказала принцесса и протянула ему руку[8].

Клод проводил пару в Имперский номер. Диана сразу попрощалась с Доди, и тот направился в расположенный неподалеку от отеля магазин ювелира Альберто Репосси: ювелир обещал заказать для Доди бриллиантовое кольцо из Монако. Справившись о заказе, Доди вернулся в «Ритц». Диана тем временем позвонила в Лондон Ричарду Кэю. По словам журналиста, принцесса была «несказанно счастлива».

В 19.00 Диана и Доди покинули «Ритц» и направились в апартаменты аль-Файеда на рю Арсена Гуссе. Вслед за ними устремился «рендж-ровер» с Кезом Уингфилдом и Тревором Рис-Джонсом. За рулем на этот раз был один из руководителей агентства по прокату машин «Etoile Limousine» Жан-Клод Муза.

«Мы решили оставить их наедине, – замечает Рис-Джонс. – Во время всего пути наш кортеж сопровождали репортеры. Но в целом все прошло без инцидентов. Мы попросили не делать фотографии, особенно на перекрестках»[9].

Ситуация резко изменилась, когда «мерседес» въехал на рю Арсена Гуссе. Первые парижские фотографии Дианы уже появились в прессе, и многие медиа-агентства послали своих журналистов охотиться за звездной парой. Так что с момента приземления самолета аль-Файеда в аэропорту Ля Бурже количество папарацци возросло в несколько раз. Рис-Джонсу и Уингфилду даже пришлось применить физическую силу, чтобы принцесса и Доди могли спокойно пройти внутрь.

В течение двух следующих часов в хорошо охраняемой квартире аль-Файеда были слышны крики, раздававшиеся с улицы.

«Принцесса была сильно обеспокоена, хотя и имела достаточный опыт общения с представителями прессы, – вспоминает находившейся рядом с ней Кез Уингфилд. – Папарацци вели себя очень шумно, внушая своим поведением дополнительный страх. Доди также стал нервничать. Для него это было в новинку, и он обратился ко мне с вопросом, что можно сделать»[10].

Один из сотрудников охраны, Дидье Гамблин, связался с Анри Полем и запросил срочные инструкции относительно дальнейших действий. Анри посоветовал предоставить репортерам возможность сделать свое дело – но при условии, что они не будут подходить слишком близко к автомобилю.

Телохранители вышли на улицу и отозвали в сторону

наиболее агрессивно ведущего себя репортера Ромуальда Рэта, который преследовал пару с момента прилета в Париж. В ходе переговоров удалось прийти к соглашению – служба безопасности позволит журналистам сделать несколько снимков, а те в свою очередь не станут нарушать профессиональную этику.

В 21.45 принцесса и аль-Файед вышли на рю Арсена Гуссе и быстро проследовали в «мерседес». За рулем, как и прежде, сидел Филипп Дорно. Телохранители устроились во второй машине – «рендж-ровере» под управлением Жан-Клода Муза. На Диане были светлые обтягивающие джинсы и черный блейзер. Ее спутник был одет в голубые джинсы, ковбойские ботинки, серую рубашку и просторный кожаный пиджак.

В самый последний момент, перед тем как покинуть квартиру, Доди решил, что остаток вечера они с Дианой проведут в роскошном ресторане «Chez Benoit». Он связался с Клодом Руле, чтобы тот заказал столик.

В отличие от господина Руле, телохранители аль-Файеда пребывали в полном неведении относительно дальнейших перемещений своего босса.

«Когда мы выходили на улицу, дворецкий Доди Рене Делорм сказал нам, что пара собирается в ресторан, – говорит Рис-Джонс, – но в какой именно, он не уточнил. Только Доди было известно, куда мы едем»[11].

Едва принцесса и Доди появились на улице, на них тут же набросились репортеры.

«Папарацци забыли все, о чем мы их просили! – возмущался Дидье Гамблин. – Как только „мерседес“ тронулся, репортеры повели себя, как настоящие черти. Они вскочили на свои мотоциклы и помчались словно полоумные. Они заполнили собой все – и проезжую часть, и тротуары. Оказавшиеся в это момент на улице прохожие были вынуждены прижаться к стенам домов, чтобы не попасть под колеса»[12].

Доди был взбешен таким поведением.

– Это уже слишком! – закричал он, увидев, как его «мерседес» окружили мотоциклисты с фотоаппаратами. – Да эти папарацци настоящие психи[13]!

Филипп Дорно вспоминает:

«Репортеры были везде – по бокам, сзади, спереди – везде! Они нас полностью окружили. Некоторые из них выполняли роль разведчиков: мчались впереди, пытаясь определить дальнейший маршрут нашего следования. Мне кажется, это беспокоило Доди больше всего. По пути в „Chez Benoit“ босс попросил предупредить Руле, уже ждавшего в ресторане, что он передумал и будет ужинать в „Ритце“. По крайней мере, там его не смогут

побеспокоить папарацци»[14].

Доди ошибся. Когда бронированный «мерседес» подъехал к отелю, их уже ждали репортеры. Ни Уингфилд, ни Рис-Джонс, ничего не знавшие о маршруте, не успели заранее очистить площадку. Когда Диана вышла из машины, на нее тут же набросились представители прессы. Принцесса пулей пролетела небольшое расстояние, отделяющее автомобиль от входа в отель, и, проскочив через вертящиеся двери, направилась в ресторан «Espadon».

За Дианой в отель проследовал Кез Уингфилд, затем Доди, который специально немного задержался в автомобиле, чтобы не дать охотникам с объективами заснять его вместе с принцессой. Последним в «Ритц» вошел Тревор Рис-Джонс.

– Бардак! – закричал аль-Файед, возмущенный тем, что телохранители подпустили репортеров так близко к принцессе.

Реплика задела телохранителей за живое. Уингфилд заявил, что им уже порядком надоела эта обстановка неопределенности, которую создает их босс, постоянно меняя свои решения. Аль-Файед неожиданно осекся. Однако ситуацию это не разрядило. По воспоминаниям Уингфилда, его напарник Тревор Рис-Джонс готов был подать в отставку.

Доди между тем снова изменил свое решение. Посчитав, что в ресторане им также не дадут уединиться, он заказал ужин в Имперский номер.

Следующие полтора часа принцесса и аль-Файед провели наедине. Уингфилд и Рис-Джонс смогли немного передохнуть. Поужинав в баре «Vendom», они вернулись к номеру и заняли свои позиции у дверей. В 23.37 к ним присоединился Анри Поль. В 19.00 он покинул «Ритц», однако, узнав, что пара неожиданно приехала в отель, решил вернуться.

Перебросившись несколькими фразами с Кезом и Тревором, Анри прошел в Имперский номер. Через несколько минут он сообщил охранникам о новом решении босса. Для того чтобы обмануть журналистов, Доди и Диана выйдут на рю Камбон и сядут в другой «мерседес». Машину поведет Анри Поль. В задачу Рис-Джонса и Уингфилда входило запутать репортеров. Для этого они проследуют через главный вход к «рендж-роверу» и вместе с Филиппом Дорно будут создавать видимость, что с минуты на минуту ожидают появление знаменитой пары. Тем временем «мерседес» без машины сопровождения проследует на рю Арсена Гуссе.

От услышанного Кез и Тревор пришли в шок. На этот раз телохранителям предписывалось нарушить Инструкцию персональной защиты, которой они неизменно руководствовались

в своей службе. Согласно пункту 1615, «глава службы охраны и личные телохранители обязаны находиться в непосредственной близости от охраняемой персоны и напрямую отвечать за ее безопасность в течение всего времени работы». Кроме того, пункт 1629 указывал, что перемещения особо важных персон осуществляются только при наличии машин сопровождения. Нарушая Инструкцию, телохранители фактически совершали должностное преступление.

Кез и Тревор решили связаться с главой лондонской штаб-квартиры Дэйвом Муди, чтобы поставить его в известность о плане и запросить о дальнейших действиях. Однако Анри Поль прервал их, сказав, что в этом нет никакой необходимости: план уже согласован с аль-Файедом-старшим.

В этот момент открылась дверь люкса и в проеме показался Доди. Бизнесмен в точности повторил план, изложенный Анри Полем. Уингфилд стал спорить, ссылаясь на опасность предприятия. Без охраны Диана и Доди окажутся практически беззащитными перед папарацци, которые пойдут на все, чтобы снять их вместе.

Не желая, чтобы Диана слышала спор, аль-Файед вышел в коридор и закрыл за собой дверь. У них с Уингфилдом произошла словесная перебранка. Кез продолжал настаивать на своем. Предложенный план представляет угрозу для принцессы Уэльской, нужно подумать о ней, настаивал он.

После длительных препираний Эмад согласился взять одного из телохранителей с собой. Но второй обязательно выйдет на улицу и вместе с Филиппом Дорно будет сбивать папарацци с толку.

Между тем голову репортерам морочил Анри Поль.

«Месье Поль выходил к нам несколько раз в промежутке между одиннадцатью часами и полуночью, – вспоминает Ромуальд Рэт. – Мне показалось это очень необычным. Именно тогда я узнал, что он был шишкой в службе безопасности отеля. В „Ритце“ шоферы и другие служащие обычно не разговаривали с нами. Поведение Поля было очень странным. Один раз он подошел к нам и стал показывать куда-то рукой, то ли на небо, то ли на Вандомскую колонну. Словом, он вел себя очень странно».

Примерно такое же мнение осталось и у других фотографов.

«Я увидел мужчину, который вышел к нам, чтобы сделать какое-то заявление, – рассказывает журналист Пьер Хонсфилд. – Я уже встречал его в „Ритце“, но понятия не имел, какую должность он там занимает. Поль сказал нам: „Итак, парни, они выйдут минут через пятнадцать…“ Потом он появился второй раз и сказал: „Время выхода – через десять минут!“ Появившись в

третий раз, он достал маленькую сигару из портсигара и, засмеявшись, произнес: „Через десять минут!“ Мы даже стали подумывать: может быть, Диана и Доди вообще никогда не появятся через парадный вход?»[15]

В этот момент Дорно и Муза решили произвести ложный отъезд. Бронированный «мерседес» и «ренджровер» тронулись с места и поехали по Вандомской площади. Часть папарацци сели на мотоциклы и бросились вслед за ними. Кортеж из двух машин, сопровождаемый репортерами, объехал Вандомскую колонну и снова подкатил к отелю.

– Один ноль в нашу пользу, – засмеявшись, прокричал Анри Поль.

В 00.18 Диана и Доди подошли к заднему выходу отеля «Ритц» и стали ждать «мерседес». Рядом с ними стояли Анри Поль и Тревор Рис-Джонс. Издалека доносились голоса подъехавших к дверям отеля репортеров. Они разместились на противоположной от выхода стороне улицы.

Кез Уингфилд вспоминал, что его клиенты были счастливы, когда покинули Имперский номер:

– Было видно, что они выпили по бокалу вина и находились в приятном расположении духа[16].

Однако, по мнению личного водителя принцессы Колина Теббута, который просматривал потом запись с камер видеонаблюдения, своими жестами и манерой поведения Диана демонстрировала, скорее, недовольство[17].

В 00.19 на рю Камбон появился черный «Мерседес S-280». За рулем сидел подрабатывающий в «Ритце» на парковке машин студент Фредерик Лакард. Тревор выглянул на улицу и, увидев подъехавший автомобиль, подал сигнал выходить. Первым из отеля выбежал Анри Поль. Он собирался забрать у Лакарда ключи.

Увидев Поля, журналисты тут же засуетились, однако тот хвастливо крикнул:

– Даже не пытайтесь следовать за нами! Все равно не догоните![18]

В этот момент из отеля вышли Рис-Джонс, Доди и Диана. Последние двое сели на заднее сиденье, а Тревор, как и положено телохранителю, – рядом с водителем. Ни один из пассажиров не пристегнул ремни безопасности.

В 00.20 Анри нажал на педаль акселератора, и машина, сорвавшись с места, пролетела по рю Камбон, выехала на рю де Риволли и рванула в сторону площади Согласия. Вслед за ней устремились папарацци.

Тем временем у главного входа в «Ритц» Уингфилд и Дорно

пытались осуществить навязанный им план. Согласно оговоренной схеме, Дорно (на «мерседесе») и Уингфилд (на «рендж-ровере») через пять минут после отъезда знаменитой пары должны были совершить круг по Вандомской площади. Однако, видя, что некоторые репортеры тронулись в направлении рю Камбон, они решили не ждать и сразу поехали к Вандомской колонне. Но за ними никто не последовал. План Доди с треском провалился.

Подъехав к площади Согласия, «Мерседес S-280» остановился на перекрестке. Пока на светофоре горел красный свет, Анри Поль принял роковое решение: вместо того чтобы ехать к рю Арсена Гуссе по кратчайшему маршруту через Елисейские Поля, он выбрал популярный среди парижан обходной маршрут по набережной Сены. Анри руководствовался тем, что в это время на Елисейских Полях многолюдно. К тому же до поворота на рю Арсена Гуссе было несколько светофоров. Принимая во внимание, что у «мерседеса» не были затонированны стекла, остановки на перекрестках представляли для папарацци хорошую возможность сделать долгожданные совместные снимки Дианы и Доди.

Итак, решение было принято. Цвет светофора изменился на зеленый, Анри вдавил педаль в пол, и, издав ревущий звук, «мерседес» рванул в сторону Сены. Доехав до набережной, Анри повернул направо, на бульвар Ля-Рейн, затем, проехав по нему и бульвару Альберта, нырнул в туннель под площадью Альма. Потом он планировал уйти вправо и уже по авеню Марсо и маленьким улочкам выехать на рю Арсена Гуссе.

Но Анри Поль не учел, что они въезжают в самый опасный туннель Парижа. За пятнадцать лет здесь произошло 34 аварии. Восемь человек погибли и еще восемь получили серьезные травмы. Туннель был проложен в 1956 году, хотя его строительство и не входило в первоначальный план реконструкции города. Особенности его были таковы, что перед въездом в туннель имелся неприятный бугорок, а после дорога резко уходила влево. И наконец, последнее – в самом туннеле отсутствовали защитные экраны или какие-либо другие сооружения, способные смягчить лобовой удар автомобиля в опоры.

Еще когда машина вылетела на бульвар Ля-Рейн, ее скорость составляла 100 км/ч, и это притом, что в центре Парижа разрешенная скорость в два раза меньше – 50 км/ч!

«Я еще никогда ни видел, чтобы кто-то так несся, – вспоминал один из репортеров. – Анри Поль мчался, словно гангстер»[19].

Неудивительно, что на участке от площади Согласия до

площади Альма «мерс» с Дианой и Доди ехал практически один. Часть папарацци, решив, что соревноваться в скорости не имеет никакого смысла, отправилась на рю Арсена Гуссе по короткому маршруту через Елисейские Поля. Другие проследовали в сторону площади Альма, не увеличивая скорости.

Перед въездом в туннель Анри Поль снова ударил по газу, так что стрелка спидометра забилась между 118 и 155 км/ч. Справа от «мерседеса», с боковой дороги, на значительно меньшей скорости в туннель въезжал белый «фиат-уно». Пытаясь избежать столкновения, Анри резко крутанул руль влево, но скорость была настолько высока, что он все-таки зацепил левый задний фонарь «фиата». В момент соприкосновения машин «мерседес» въехал на злополучный холмик. Поль потерял управление, машину стало заносить вправо, и она на полной скорости врезалась в тринадцатую опору туннеля. От удара автомобиль развернуло, и он ударился в правую стену. Из капота «мерседеса» повалил густой дым, включилась сирена. На часах было 00.23.

Первым на место аварии прибыл репортер Ромуальд Рэт. Он подбежал к покореженному «мерседесу». Передняя половина машины была смята, словно пластмассовая игрушка. На рулевой колонке лежал Анри Поль, он не подавал признаков жизни. Как потом установит вскрытие, начальник службы безопасности отеля «Ритц» скончался практически сразу. Причиной смерти послужил разрыв аорты и перелом шейных позвонков. Также у него были многочисленные переломы ребер, таза и ног. Но, пожалуй, самое интересное заключалось в том, что уровень алкоголя в крови Анри Поля в три раза превышал разрешенную во Франции норму. Помимо этого, в крови были обнаружены следы антидепрессанта прозак и транквилизатора тиаприд[20].

Последний раз Анри употреблял спиртное за полтора часа до того, как сесть за руль. Он подсел к Филиппу Дорно и Тревору Рис-Джонсу в баре «Ритца»; в руках у него были два бокала с желтоватой жидкостью, напоминающей фруктовый сок. Поймав на себе удивленный взгляд телохранителей, Анри отшутился.

– Это всего лишь ананасы, – улыбнувшись, сказал он[21].

На самом деле это был пастис «Рикар» – анисовый аперитив, превышающей по своей крепости даже самое крепкое вино. Но и это еще не все. Как потом установил профессор судебной токсикологии Шеффилдского университета Роберт Форрест, в период между семью и десятью часами вечера, перед тем как выпить эти два бокала, Анри Поль употребил алкоголь в дозе, равной «как минимум четырем и максимум шести бокалам „Рикара“»[22].

Принимая во внимание прием прозака и тиаприда, высокую скорость и неприятные для водителей особенности туннеля под площадью Альма, пассажиры «мерседеса» находились в большой опасности.

Вернемся, однако, на место трагедии. Рядом с водителем в бессознательном состоянии находился Тревор Рис-Джонс. Его лицо походило на кровавое месиво. В профиль оно казалось совершенно плоским – нос, скулы, глазные яблоки, все было на одном уровне.

Ромуальд вызвал «скорую помощь» и службу спасения, затем подошел к задней части «мерседеса» и открыл дверцу. Его внимание сразу привлекло изуродованное тело Доди аль-Файеда. Экспертизой будет установлено, что, как и Анри Поль, Эмад скончался сразу после аварии. От удара у него произошел разрыв аорты, позже врачи констатировали перелом позвоночника и разрушение спинного мозга, приведшие к летальному исходу. Кроме того у бизнесмена был сильный ушиб грудной клетки, вызвавший внутреннее кровотечение, и переломаны обе ноги: правая в четырех местах, левая – в трех.

Рядом с телом аль-Файеда на полу лежала принцесса. Ее голова была зажата между передними сиденьями и обращена назад. Правая рука была сломана и находилась в неестественном положении. Внизу валялись ожерелье из жемчуга и золотые часы. На теле Дианы лежал автомобильный коврик. Принцесса еще дышала.

Рэт переложил коврик на тело Эмада и взял ее руку, пытаясь нащупать пульс. В этот момент Диана издала стон.

– Не волнуйтесь, мадам, врачи уже едут, – произнес Рэт по-английски[23].

Пока репортер оказывал принцессе первую помощь, в туннель въехали другие журналисты. Один из них, Кристиан Мартинес, подбежал и принялся снимать место аварии из-за плеча Рэта.

– Пошел вон! – закричал тот.

– Сам убирайся прочь! – не остался в долгу Мартинес. – Я делаю то же, что и ты![24]

Между репортерами завязалась перебранка. В этот момент по противоположной стороне туннеля проезжал доктор Фредерик Майлье. Он возвращался со дня рождения друзей и оказался в туннеле совершенно случайно. Майлье тут же остановился, выскочил из машины и подбежал к разбившемуся лимузину.

«Я был уверен, что произошло что-то ужасное, – вспоминал он впоследствии. – Не умолкая пищала сирена, из-под капота автомобиля валили густые клубы дыма. Я заглянул внутрь „мерседеса“ и увидел четырех человек. Мне показалось, что двое

уже скончались, а два других тяжело ранены»[25].

Майлье вернулся к своей машине и набрал номер «скорой»:

– Это говорит доктор Фредерик Майлье. В туннеле под площадью Альма произошла автомобильная авария. Два человека находятся в тяжелом состоянии. Требуется два реанимобиля[26].

Захватив кислородную маску, он снова побежал на место трагедии.

«Задняя дверь разбившегося автомобиля была уже открыта, – рассказывает Майье. – Я начал осматривать молодую женщину, поскольку мне показалось, что у нее больше всех шансов выжить. Было видно, что она очень красива, но в тот момент я еще не знал, кто передо мной».

Не считая раны на лбу и кровотечения из носа и горла, при первом осмотре никаких серьезных повреждений на теле принцессы Майлье не заметил. Диане было тяжело дышать. Доктор надел на нее кислородную маску и отклонил голову принцессы немного назад. Чтобы язык не препятствовал проникновению кислорода в дыхательные пути, он проверил его размещение в ротовой полости.

Спустя несколько мгновений принцесса начала двигать руками и застонала.

«Она заговорила по-английски. Постоянно повторяя, что ей очень больно», – свидетельствует Майлье[27].

В 00.30 на место происшествия прибыла полиция. В момент аварии ближе всего к площади Альма находились патрулировавший этот район офицер 8-го округа Парижа Себастьян Дорзе и его напарник Лино Гальярдоне. Они увидели толпу людей, указывающих на туннель и кричащих вразнобой:

– Там произошла авария, в туннеле!

– Ужасный шум. Такое ощущение, что взорвалась бомба!

– Скорее, скорее…[28]

Полицейские припарковали машину у входа. Гальярдоне связался с центральной по рации: «Происшествие в туннеле Альма! Срочно нужна помощь!» Запросив поддержку, они устремились внутрь. Дорзе подошел к Майлье, чтобы узнать, что произошло. Заглянув в машину, полицейский сразу узнал принцессу Уэльскую.

«Ее глаза были открыты, – вспоминает он. – Принцесса повернула голову и, увидев безжизненное тело Доди, что-то произнесла. По-моему, это было „Боже мой! Боже мой!“. Затем она посмотрела вперед, где лежало мертвое тело водителя. Через несколько секунд Диана повернулась в мою сторону. Она посмотрела на меня, откинула голову и закрыла глаза»[29].

В 00.33 в туннель прибыла специализированная группа из

десяти пожарных, прошедших медицинскую подготовку. Группу возглавлял сержант Хавьер Гурмелон. Двое пожарных занялись Рис-Джонсом, пытаясь сделать ему массаж сердца. Вытащить тело без применения специальных устройств было очень сложно, поэтому пока они лишь приподняли голову пострадавшего, чтобы облегчить дыхание, и закрепили шею специальным воротником.

Принцессе стал помогать сержант Филипп Бойер. Он сменил кислородную маску и накрыл тело Дианы изотермическим одеялом. Гурмелон слышал, как она прошептала:

– Боже мой! Что случилось?[30]

Это были последние слова принцессы Уэльской. По крайней мере, те слова, которые удалось разобрать.

Пока пожарные помогали пострадавшим, суматоху в туннеле Альма прорезал рев мотоцикла. Это приехала помощник государственного прокурора Мод Кужар. Одновременно с ней в туннеле появились полицейские. Мод тут же приказала оцепить место происшествия и приступила к допросу свидетелей-журналистов, пригласив их в полицейский мини-автобус.

Те несколько минут, пока шел допрос, оставшимся в живых практически не оказывалось никакой помощи. Подобная медлительность впоследствии вызовет массу критики со стороны общественности. Серьезной проверке на прочность подвергнется и принятая во Франции процедура спасения пострадавших. В отличие от англоязычных стран, где первостепенной задачей является освобождение попавших в аварию людей и скорейшая доставка их в больницу, французские специалисты предпочитают оказывать помощь на месте. Для этого у них применяется специальная система скорой медицинской помощи SAMU (Services d'Aide Medicale d'Urgente). В рамках реализации программы SAMU на реанимобилях установлено дорогостоящее оборудование, а сами врачи проходят дополнительный курс повышения квалификации.

В 00.40 в туннель въехал реанимобиль. Дежурными врачами в тот день были доктор-координатор Арно де Росси и доктор-реаниматолог Жан-Марк Мартино. Арно тут же связался с контрольным центром, а Мартино направился к принцессе. Он пытался поставить ей капельницу, но принцесса размахивала левой рукой, мешая врачу. Извлечь Диану из искореженного автомобиля пока не представлялось возможным. Единственное, что смог сделать Мартино, – это измерить пострадавшей давление и стабилизировать дыхание.

К часу ночи при помощи пожарных Диану все-таки удалось вытащить. Ее положили на носилки и стали переносить в машину «скорой помощи». В этот момент сердце принцессы остановилось.

Жан-Марк приступил к реанимации. Пострадавшей был сделан массаж сердца, в рот вставлена трубка аппарата искусственной вентиляции легких. Несмотря на все усилия, стабилизировать состояние принцессы удалось только спустя восемнадцать минут.

Когда на часах было 01.30, давление пострадавшей стало резко падать, Мартино был вынужден сделать срочное впрыскивание нейромедиатора дофамина.

После тщательного осмотра тела Дианы Жан-Марк обнаружил в правой стороне груди повреждение.

– Это может вызвать внутреннее кровотечение, – забеспокоился доктор. – Ее нужно как можно скорее доставить в больницу!

В 01.41, то есть спустя семьдесят с лишним минут после аварии, реанимобиль с Дианой под вой полицейских сирен отправился в больницу. Ближе всех находилась Отель Дье, но там отсутствовали специалисты по кардио– и нейрохирургии. Совет «Скорой помощи», с которым де Росси связался для получения дальнейших инструкций, решил направить принцессу в больницу де ла Питье-Сальпетриер. Это медицинское учреждение находится на противоположном берегу Сены, в районе вокзала Аустерлиц, примерно в шести километрах от места трагедии.

В обычных условиях такое расстояние можно преодолеть за считаные минуты, но только не в этот раз. Мартино боялся повторной остановки сердца, поэтому реанимобиль ехал очень медленно.

Через пятнадцать минут после выезда из туннеля, когда «скорая» подъехала к Ботаническому саду и уже был виден корпус больницы, давление принцессы стало резко падать. Жан-Марк приказал остановить реанимобиль. Он сделал дополнительный укол дофамина, и только после этого машина поехала дальше.

В начале третьего утра Диану наконец доставили в больницу, где ее уже ждала бригада специалистов под руководством профессора реаниматологии и анестезиологии Бруно Руи. Последний отрезок пути для принцессы завершился – в больнице, построенной в XVII веке по указу короля Людовика XIV, изначально предназначавшейся для малоимущих, бездомных женщин и проституток, а теперь – одном из лучших лечебных учреждений Франции.

Известие о трагедии в туннеле уже облетело Париж. Носилки с Дианой помогали вытаскивать прибывшие к больнице министр внутренних дел Франции ЖанПьер Шевенеман и его помощник Сами Наир. Также к больнице подъехали шеф полиции Филипп Массони и посол Ее Величества во Франции сэр Майкл Джей. Пока бывшую супругу Чарльза несли в корпус Кордье, в

отделение «Скорой помощи», Сами Наир не отрываясь смотрел в лицо пострадавшей.

«На ней была маска от аппарата искусственного дыхания, ее глаза отекли, но все равно она была очень красива, – вспоминает он. – Лицо Дианы было красиво, свежо, спокойно и юно, а светлые волосы делали ее похожей на Мадонну с картин Рафаэля. „Она очень красива, не правда ли?“ – неожиданно произнес Шевенеман. „Да, вы правы, господин министр, очень красива…“, – последовал ответ».

Но врачам было не до этого. Перед ними была умирающая женщина, и ее нужно было спасать.

– Давление очень слабое, – сказал Мартино, передавая Диану Бруно Руи, – мы подключили ее к аппарату[32].

В корпусе Кордье началась борьба за жизнь принцессы. Мартино оказался прав, рентген показал, что у Дианы обширное внутреннее кровотечение в области грудной клетки, которое мешало нормальной работе сердца и правого легкого. Тут же был проведен дренаж с одновременным вливанием порции крови, но все тщетно. В 2.10 сердце Дианы остановилось.

Бруно Руи и дежурный хирург Монсеф Даман вскрыли грудную клетку, чтобы попытаться оперативным путем устранить кровотечение. Одновременно с хирургическим вмешательством продолжался массаж сердца. Через десять минут к Руи и Даману присоединился срочно вызванный кардиохирург Ален Пави. Врачам удалось обнаружить источник кровотечения. Также было установлено, что от удара сердце принцессы сместилось немного вправо, что создавало дополнительные трудности.

Кровотечение в конце концов прекратилось. По ходу операции принцессе постоянно впрыскивался адреналин. В 03.00 врачи расширили операционное поле и приступили к прямому массажу сердца. В этот момент обнаружился новый источник кровотечения – отверстие в верхней части левой легочной вены. Пока его устраняли, массаж сердца продолжался.

После безуспешных попыток вызвать самостоятельный сердечный ритм, реаниматологи обратились к последнему средству – дефибриллятору. Но и он оказался бессилен.

После почти двух часов интенсивной реанимации в 04.00 утра 31 августа врачи больницы де ла Питье-Сальпетриер были вынуждены констатировать, что Диана, принцесса Уэльская, скончалась.

«Прощай, Роза Англии»

Ночью 31 августа 1997 года тишину в квартире Пола и Мэри Баррелл, расположенную на территории Кенсингтонского дворца, нарушил тревожный телефонный звонок. Это была подруга Дианы Флеха де Лима, звонившая из Вашингтона. Ее голос дрожал, а сама она очень нервничала.

– Со мной только что связалась Мэл Фрэнч{85} и сообщила, что принцесса Уэльская попала в автокатастрофу. Она услышала это по Си-эн-эн. У меня нет нового сотового Дианы, пожалуйста, свяжись с ней. Я очень беспокоюсь…

Пол тут же принялся звонить принцессе. В трубке раздались длинные гудки, после чего сработал автоответчик. Руки Баррелла задрожали. Его супруга побежала на кухню варить кофе, а Пол снова и снова набирал номер. Но – безрезультатно, лишь не сулящие ничего хорошего гудки и бесстрастный голос автоответчика[1].

Баррелл выбежал из квартиры и направился через парк вдоль Кенсингтонского дворца к канцелярии. Около входа он встретил личного секретаря принцессы Майкла Гиббинса, шофера Колина Теббута, личного помощника Джеки Аллен и секретарей Джо Гринстеда и Джейн Харрис. Все вместе они прошли внутрь. Майкл проследовал в свой кабинет и начал звонить личному секретарю королевы в Балморал. Остальные ждали в приемной.

В половине первого в канцелярии раздался первый звонок. Голос в трубке подтвердил, что в Париже принцесса попала в автокатастрофу. Предварительный прогноз благоприятный.

Через час раздался второй звонок. По уточненным данным, все оказалось намного серьезней. Доди погиб, у Дианы переломаны рука и тазовая кость.

Джеки Аллен связалась с «British Airways», чтобы заказать для Пола Баррелла и Колина Теббута билеты в Париж. Лондонский офис «British Airways» оказался закрыт, поэтому билеты пришлось заказывать через отделения Нью-Йорка.

В четыре часа утра в кабинете Гиббинса снова зазвонил телефон. Майкл снял трубку. В этот момент к нему в кабинет зашла Джеки. Разговор длился меньше минуты. Положив трубку, Гиббинс прошептал:

– Принцесса скончалась…

Джеки вышла из кабинета и тут же направилась к Барреллу.

– Пол, будет лучше, если вы присядете, – сказала она.

Баррелл сел на стул. Джеки обняла его за плечи и произнесла:

– Крепитесь. Мне очень трудно это говорить, но принцесса умерла.

Пол сжал руку в кулак, поднес ее к губам и заплакал. По словам Баррелла, его «откинуло назад».

«Даже если я закричал, то, скорее всего, из моего рта не вылетело ни звука. Я почувствовал, как внутри меня разливаются всепоглощающая пустота и острая боль»[2].

Не смогли сдержать слезы ни Майкл Гиббинс, ни другие сотрудники. Только Колин Теббут сумел подавить подступивший к горлу комок отчаяния. «Я снова почувствовал, что являюсь полицейским. Я просто не имел права дать слабину и проявить эмоции», – признался он впоследствии Тине Браун[3].

Теббут обратился к присутствующим:

– Как бы тяжело нам сейчас ни было, мы все должны собраться. Мы еще можем послужить нашей принцессе.

Баррелл забежал домой, быстро собрал сумку для предстоящего вылета в Париж и через заднюю дверь прошел в апартаменты № 8 и 9.

Больше всего его поразила тишина[4]. Он прошелся по комнатам и зашел в кабинет. На письменном столе едва слышно тикали трое маленьких часов, рядом из специальной подставки торчала дюжина остро заточенных карандашей, у чернильницы лежала перьевая ручка, на видном месте был листок со списком выражений, которые Диана любила использовать в благодарственных письмах.

Под лампой, как всегда, были две статуэтки Девы Марии, одна белая, другая с желтоватым оттенком. Рядом с ними находилась небольшая мраморная фигурка Христа. На ней висели четки, которые принцессе подарила мать Тереза. Поль снял эти четки и положил их в карман.

Затем он проследовал в туалетную комнату, где на столике перед зеркалом также стояли часы, а рядом – флакончики с любимыми духами Дианы: «Faubourg-4» от Hermes и «Heritage» от Guerlain. Здесь же – лак для волос «Pantene» и подставка с губной помадой. Пол взял тюбик с помадой, пудреницу и положил их в кожаную сумку с золотой буквой D. Потом задернул шторы, спрятал драгоценности принцессы в сейф и вышел наружу, где его уже ждал Колин Теббут.

Они еще раз прошлись по комнатам, закрыли двери на ключ и опечатали их. К дверям Колин и Пол приклеили скотчем листы бумаги, на которых написали, что вход запрещен, и поставили свои подписи.

Когда обход помещений закончился, мужчины покинули Кенсингтонский дворец и отправились в аэропорт Хитроу. Пройдя

регистрацию для VIP-персон, они первым же рейсом вылетели в Париж.

В самолете Пол попытался осознать, что произошло. Но мысли были бессвязны и хаотичны. Больше всего его поразили бесчисленные вопросы, которые, возникая один за другим, стучали в голове, как дождь по металлическому козырьку: «Какой я ее увижу? Как я это переживу? Почему? Почему? Почему?!»[5].

Над случившимся размышлял и Колин Теббут. «Пойди пойми эту жизнь, – думал он про себя. – Первыми к принцессе едем мы – ее шофер и дворецкий, которые не имеют на это ни малейших полномочий».

Когда они подъезжали к посольству на рю Фо бур-Сент-Оноре, Колин повернулся к Барреллу и сказал:

– Наверное, они думают, что сейчас приедет масса фрейлин, генералов… Уж кого-кого они не ждут, так это самого обычного шофера и дворецкого[6].

Пол лишь кивнул, то ли в знак согласия, то ли для того, чтобы его оставили в покое.

В посольстве их встретил посол Ее Величества сэр Майкл Джей со своей супругой Сильвией. Сэр Джей выглядел подавленным и усталым. После нескольких общих фраз он предложил гостям кофе.

После кофе Пол отозвал Сильвию в сторону:

– Меня беспокоит, что принцессу сейчас нарядят в какой-нибудь жуткий саван, который ей страшно не понравился бы, – произнес дворецкий.

– Я вас поняла, – кивнула миссис Джей. – Пойдемте со мной, я постараюсь что-нибудь придумать.

Баррелл проследовал с ней в другую комнату. Сильвия открыла гардероб в стиле Людовика XIV и предложила:

– Выбирайте. Можете взять все, что считаете наиболее уместным.

– Я думаю, лучше всего подойдет что-нибудь черное, длиной в три четверти, с неглубоким вырезом, – сказал Пол.

Миссис Джей раздвинула вешалки и достала черное платье с отложным воротником.

– Как раз то, что нужно[7].

Затем Сильвия посоветовала взять пару черных, строгих туфель.

Уложив все в сумку, Баррелл, Теббут и супруга посла отправились в больницу. Их провели в темную, душную комнату, где единственными источниками света были робко пробивающиеся сквозь жалюзи лучи утреннего солнца и небольшой настенный светильник. Цветов в комнате практически

не было. Только две дюжины роз от бывшего главы Пятой республики Валери Жискар д'Эстена и его супруги Анн-Эймон Соваж де Брант. В углу, словно две статуи, безмолвно стояли сотрудники похоронного бюро. Пол бросил взгляд на кровать, и…

«И тут я увидел ее, накрытую белой хлопковой простыней до самой шеи – вспоминает Баррелл. – Я пошатнулся, но медсестра и Колин вовремя меня поддержали. Именно в этот момент я впервые осознал всю реальность происходящего. Я подошел к краю кровати и зарыдал. Мне так хотелось, чтобы она открыла свои большие голубые глаза, улыбнулась своей белоснежной улыбкой. Вентилятор медленно повернулся, и прохладный ветерок обдал меня и голову принцессы. Ее ресницы зашевелились. Я был готов на все, лишь бы она открыла свои глаза…»[8].

Дворецкий постарался взять себя в руки. Он передал медсестре платье, туфли, помаду и пудреницу. Также он достал из кармана четки матери Терезы со словами:

– Вложите их, пожалуйста, принцессе в руку. Большое спасибо[9].

Именно с ними в руках Диана и будет захоронена.

Из больницы мужчины отправились в «Ритц», чтобы забрать вещи покойной. Однако в отеле им сказали, что все уже отправлено в Англию.

Баррелл и Теббут вновь вернулись в де ла Питье-Сальпетриер.

Вскоре в больницу приехал Мохаммед аль-Файед. По мусульманским обычаям Доди полагалось захоронить до заката. Аль-Файед хотел совершить обряд погребения на берегах Туманного Альбиона, поэтому торопился. В больнице ему сказали, что тело Эмада с места аварии было отвезено в морг, расположенный неподалеку, на правом берегу Сены. Мохаммед тут же направился туда.

Впоследствии он вспоминал:

«Доди снова был похож на маленького мальчика. Его лицо было таким умиротворенным, спокойным. Мне даже показалось на какое-то время, что душа вернулась в тело и сейчас он оживет. Но, взглянув на его затылок, я понял, что это всего лишь мираж. Повреждения черепа были чудовищными»[10].

За этими словами скрывается боль отца, потерявшего любимого сына. Эмад, который был для него всем, которого он боготворил, значился теперь во французском морге как тело № 2146…[11]. Sic gloria transit mundi,{86} как в свое время писал немецкий философ-мистик Фома Кемпийский.

Тем временем Колин Теббут и Пол Баррелл сидели в

маленькой комнатке в больнице де ла Питье-Сальпетриер. Неожиданно на столе рядом с ними зазвонил телефон. Пол снял трубку:

– Пол, ты как? Держишься? – раздался на другом конце провода усталый голос принца Уэльского, звонившего из Балморала.

– Да, Ваше Королевское Высочество, стараюсь, – машинально произнес дворецкий.

– Пол, ты вернешься с нами на королевском самолете, – сказал Чарльз. – Мы прилетим в шесть часов вечера. Со мной будут сестры Дианы Сара и Джейн.

Баррелл попытался сказать что-то утвердительное, и тут принц неожиданно добавил:

– Уильям и Гарри просили тебе передать, чтобы ты держался. Королева также скорбит вместе с тобой[12].

Чарльз узнал об автокатастрофе в час ночи.{87} Следующие два часа он провел в нервном ожидании. Спустя пятнадцать минут после того, как реаниматологи де ла Питье-Сальпетриер констатировали смерть принцессы, Чарльзу позвонил сэр Майкл Джей и сообщил, что все кончено. Принц был потрясен и раздавлен. Не в состоянии усидеть на месте, он отправился на прогулку по окрестностям Балморала. Ему хотелось побыть наедине со своими мыслями, со своими воспоминаниями, со своим горем.

«В этот момент он пережил сильнейший шок, – считает подруга Дианы Кэролайн Грэм. – Первая мысль Чарльза была о детях. Что бы про него ни говорили, но на самом деле он очень чуткий человек»[13].

В начале восьмого утра принц вернулся во дворец, чтобы выполнить, возможно, одну из самых тяжелых обязанностей – сообщить детям, что они никогда больше не увидят свою мать.

Уильям был потрясен, но старался держаться. Он признался отцу, что долго не мог заснуть – все прокручивал в голове неприятный телефонный разговор, который состоялся накануне вечером и касался взаимоотношений Дианы с Доди. Как оказалась, это была его последняя беседа с матерью, и можно лишь сожалеть, что она закончилась совершенно не так, как им обоим хотелось бы.

Вместе с Уильямом Чарльз прошел в комнату Гарри. Страшная новость потрясла двенадцатилетнего мальчика. Он был безутешен.

Теперь членам королевской семьи предстояло решить самый главный вопрос – как организовать ритуал похорон. Первоначально Елизавета II считала, что похороны Дианы не

следует связывать с королевской семьей. Ее поддерживал супруг, герцог Эдинбургский.

Чарльз считал иначе.

– Моей бывшей супруге должны быть оказаны королевские почести, – настаивал он. – Гроб с ее телом до начала похорон нужно установить в королевской часовне Сент-Джеймсского дворца.

После утомительных споров, продлившихся почти все утро 31 августа, королева согласилась признать, что хотя Диана и лишена титула Ее Королевское Высочество, она является матерью будущих наследников британского престола. Вместо обычного коммерческого рейса, на котором предполагалось лететь в Париж, Елизавета разрешила использовать сыну военный самолет. Также она согласилась установить гроб с телом принцессы Уэльской в вышеупомянутой часовне Сент-Джеймсского дворца. Кроме того королева предложила похоронить Диану на кладбище Виндзоров в Фрогморе. Именно там одиннадцать лет назад была погребена супруга отрекшегося короля Эдуарда VIII герцогиня Виндзорская.

Символично, но даже после смерти Дианы Чарльз продолжал бороться за честь своей бывшей супруги. И при этом сумел добиться своего.

Ранним утром 31 августа о гибели принцессы Уэльской уже знали многие ее друзья и близкие. Не знала только ее мать, проживавшая на уединенном шотландском острове Сейл. О трагедии в туннеле под площадью Альма Фрэнсис сообщила ее подруга Джейни Милн, услышавшая об аварии из теленовостей. Мать Дианы весь день просидела у телефона, ожидая соболезнований королевы. Но никто не позвонил. Бывшую свекровь принца Уэльского не включили и в список людей, которые отправились в Париж за телом Дианы. История повторялась – тридцать восемь лет назад Фрэнсис не дали взглянуть на умершего сына Джона, теперь ее оставили в стороне по случаю скоропостижной кончины дочери.

«В этом определенно есть горькая ирония судьбы – что мне пришлось похоронить двух своих детей, – с грустью в голосе скажет Фрэнсис. – Когда они умирали, я не могла ни увидеть их, ни прикоснуться к ним, ни поддержать их за руку»[14].

Чарльз, как и обещал, прилетел в Париж в шесть часов вечера и тут же направился сначала в посольство, а затем в больницу. Свои соболезнования ему выразили присутствовавшие там президент Французской Республики Жак Ширак, глава внешнеполитического ведомства Роббер Ведрен, министр внутренних дел Жан-Пьер Шевенеман и министр здравоохранения Бернар Кушнер.

«Меня поразила чуткость принца, – вспоминает руководитель пресс-службы больницы Тьерри Мересс. – Вся его забота и внимание были сосредоточены только на принцессе Уэльской»[15].

Чарльз поблагодарил всех на французском языке и один прошел в комнату, где лежало тело его бывшей супруги. Впоследствии он признался Камилле:

«Мертвое тело Дианы было самым отталкивающим и неприятным зрелищем, которое мне когда-либо приходилось видеть. Я не мог на него смотреть. Я видел лишь прекрасную молодую девушку, когда мы впервые с ней познакомились. Я постарался забыть о том, какой она стала теперь, какие проблемы нависли над нами. Я плакал о ней, плакал о наших детях»[16].

Чарльз старался сохранять спокойствие. Но даже через маску хладнокровия у принца проглядывались следы невосполнимой утраты.

«Да, он был все так же спокоен и собран, – замечает Мересс, – но это уже был совершенно другой человек, человек, которого глубоко задело случившееся»[17].

Шокированы были все – принц, дети, сотрудники принцессы и, главное, – народ. Для обычных жителей Туманного Альбиона Диана была словно член семьи, и ее смерть восприняли как утрату национального масштаба. За тридцать два года, прошедшие с момента смерти Уинстона Черчилля, британцев никогда еще так не объединяло единое горе. Умерла не просто бывшая супруга наследника престола, умерла всенародная принцесса. Когда в четыре часа утра известие о ее гибели заполнило эфиры всех телеканалов, был отмечен небывалый всплеск энергопотребления. Люди смотрели телевизоры, варили кофе и плакали, и пели национальный гимн, который исполнялся каждые тридцать минут.

31 августа в Лондон потянулись потоки потрясенных горем людей. Каждый час столичные вокзалы принимали по шесть тысяч человек. Пространство перед Кенсингтонским дворцом в считаные часы заполнилось тысячами букетов, фотографиями, записками и свечами. Вскоре цветы появились и на прилегающих к дворцу деревьях и кустарниках. Район Кенсингтонского дворца превратился в место выражения глубокой скорби, где плач десятков тысяч людей слился в один чудовищный по своему эмоциональному напряжению стон. Туманный Альбион погрузился в траур.

Вечером 31 августа, когда солнце еще не скрылось за горизонтом, самолет с телом принцессы приземлился на военном аэродроме Нортхольт в Западном Лондоне. Принц, сестры Дианы,

Пол Баррелл и Марк Болланд выстроились на взлетно-посадочной полосе, пока восемь гвардейцев военно-воздушных сил выносили накрытый королевским штандартом гроб из багажного отделения самолета. Гроб погрузили в автомобиль. Чарльз отправился в Балморал к своим детям, а Баррелл и сестры покойной должны были сопровождать тело принцессы в похоронное бюро.

Траурный кортеж, состоящий из трех машин, выехал на четырехполосное шоссе A40 и направился к центру города. На всем пути следования водители останавливали свои автомобили, выходили и склоняли голову. На тротуарах толпились пешеходы, многие кидали на дорогу цветы.

В похоронном бюро процессию встретил врач принцессы Питер Уилер. Когда все прошли внутрь, он сказал, что должен произвести вскрытие.

– А зачем еще одно вскрытие? – спросил Баррелл. – Ведь оно уже было сделано в Париже?

– То вскрытие было произведено на французской территории и по французским законам, – ответил Уилер[18].

На следующее утро гроб был на четыре дня перенесен в королевскую часовню Сент-Джеймсского дворца. Пол Баррелл, пришедший вместе с Люсией Флехой де Лима проститься с Дианой, был потрясен увиденным:

«Дверь со скрипом отворилась, и мы увидели в конце прохода из деревянных скамей дубовый гроб со свинцовыми заклепками. Он стоял на невысоком постаменте, как раз перед алтарем. Вокруг было сумрачно. Однако не эта темнота поражала больше всего. Куда больше меня поразило царившие здесь одиночество и отчужденность. В часовне не горело ни одной свечки, рядом с гробом не лежало ни одного цветочка. И это в то время, когда снаружи колыхалось целое море цветов, а на близлежащих газонах горело больше свечей, чем звезд на небе»[19].

Люсия нашла местного капеллана и обратилась к нему:

– Здесь же совершенно нет цветов! Прошу вас, внесите внутрь хоть немного букетов из тех, что лежат снаружи.

– Хорошо, мадам. Я что-нибудь придумаю. Не беспокойтесь, – ответил капеллан.

Неудовлетворенная столь флегматичным ответом, Люсия возмутилась:

– Послушайте, если завтра к нашему приезду здесь не будет цветов, я выйду на улицу и при всех скажу, что около гроба принцессы нет ни одного цветка. Представляете, к чему это приведет?[20]

Не дожидаясь реакции священника, Люсия заказала несколько букетов у флориста принцессы Джона Картера. На

следующий день около гроба появились также белые розы от друзей Дианы лорда и леди Паламбо и букет из любимых цветов Дианы – белых лилий – от принца Чарльза.

Все то время, пока нация прощалась со своим кумиром, королевская семья проявляла чудеса эмоциональной сдержанности. В воскресенье, 31 августа, в одиннадцать часов утра королева, принцы Филипп, Чарльз, Уильям и Гарри отправились на воскресную службу в расположенную неподалеку от Балморала церковь Крайти. Как потом выяснится, это была одна из немногих церквей в стране, где в то утро в молитвах не упомянули имя матери наследников престола.

Королевская семья жила так, будто ничего не произошло. Чтобы не травмировать психику детей, по личному распоряжению Елизаветы из Балморала убрали все телевизоры и радиоприемники. Во всем дворце работал только один телевизор в личной гостиной британского монарха. Сотрудникам Балморала пришлось идти на различные хитрости – слушать новости тайком через карманные радиоприемники и смотреть втихаря телевизоры, замаскированные в шкафах или за диванами. Иллюзия спокойствия оказалась настолько реальной, что Гарри молился, «чтобы мамочка вернулась домой». И вдруг он совершенно серьезно спросил у отца:

– А это правда, что мамочка умерла?[21]

Что на это мог сказать принц? Промолчать?

Было бы не правильно думать, что горе Уильяма и Гарри было безразлично королеве. Напротив, Елизавета делала все возможное, чтобы облегчить их состояние. Трудность заключалась в том, что она использовала для этого только те средства, которые считала наиболее эффективными. Королева рассуждала так же, как и многие психологи, которые считают, что в один отрезок времени мозг способен обрабатывать лишь одну единицу информации. Елизавета постаралась настолько занять своих внуков, чтобы у них просто не осталось времени на переживания.

Специально, чтобы отвлечь юных принцев, в Балморал приехала сестра королевы принцесса Анна со своими детьми – двадцатилетним Питером и шестнадцатилетней Зарой. Не давал переживать Уильяму и Гарри и их дедушка, герцог Эдинбургский. Сам в десять лет потерявший мать, Филипп часто брал их с собой на длительные прогулки по окрестностям.

Возможно, эта терапия и в самом деле приносила свои плоды, но она была слишком холодной и слишком рациональной. Хотя именно разум, а не эмоции представлял собой тот штурвал, который позволял Елизавете II вести каравеллу института британской монархии сквозь бури и шторма второй половины XX

века. Стоицизм и молчание стали главными китами, на которых строилась модель ее поведения. Королева считала, что сильные потрясения для того и созданы, чтобы переносить их стойко и без лишних эмоций.

Этот подход у кого-то может вызвать критику, но самое главное заключается в том, что он работает. Работает так же точно, как швейцарские часы, и так же слаженно, как двигатель немецкого автомобиля. Со своей эмоциональной сдержанностью королева представляла собой последний оплот чего-то вневременного посреди хаоса постоянных изменений. Это придавало и придает институту монархии смысл существования, снабжая его новыми силами.

Но только не в этот раз. Британский народ, рыдавший в голос, не хотел чувствовать себя одиноким. Всем хотелось, чтобы их суверен переживал вместе с ними.

«Разве, когда умер Черчилль, Елизавета не настояла на том, чтобы ему были организованы государственные похороны, как члену королевской семьи, разве она не отменила несколько своих визитов в связи с его болезнью? – спрашивали себя британцы. – Неужели королеве и в самом деле нет никакого дела до женщины, которая привела в этот мир ее внуков, будущих наследников престола?»

Пока подданные Елизаветы мучили себя этими вопросами, в Лондоне разразился новый скандал. Люди неиссякаемым потоком шли и шли к Сент-Джеймсскому дворцу, чтобы отдать дань любимой принцессе и расписаться в книге соболезнования. Книг оказалось слишком мало, и вскоре на Мэлл-стрит образовалась гигантская очередь, уходящая далеко за арку Адмиралтейства. Взгляды стоявших в очереди невольно упирались в памятник королеве Виктории и Букингемский дворец. Кто-то обратил внимание на пустой флагшток, и понеслось… «Как же так! – возмутился народ. – Принцесса скончалась, а королевская семья даже не приспустила флаг над Букингемским дворцом!»

На самом деле в этом не было ничего экстраординарного. По протоколу над главной резиденцией британского монарха развевается только его штандарт с лирой и львами. Он символизирует присутствие главы государства во дворце и никогда не приспускается. Даже когда монарх умирает – ведь его место тут же занимает наследник.

Но разве можно было объяснить эти сложные правила тысячам британцев, которые видели лишь отсутствие приспущенного флага, что лишний раз подчеркивало нежелание королевской семьи признать и разделить их горе?

Лучше всего недоумение людей от поведения Елизаветы,

которая все это время продолжала пребывать в своем отчасти шотландском, отчасти викторианском мирке Балморала, выразила пресса. «Покажите нам, что вы тоже горюете!» – писала «Express»; «Где наша королева? Где ее флаг?» – спрашивала «The Sun»; «Ваш народ страдает – поговорите же с ними, мадам!» – просила «Daily Mirror». «The Sun» открыла горячую линию, по которой свое недовольство высказали сорок тысяч человек, а ее редактор разразился следующей тирадой: «Пустой флагшток в конце Мэлла – величайшее оскорбление памяти Дианы! Кто в такое время думает о чертовых протоколах?»[22]

В итоге, под прессом небывалого давления, королева вынуждена была уступить. Она прервала свой отдых в Балморале и приехала в Лондон; она впервые в своей жизни выступила с обращением к нации в прямом эфире; она смирилась с приспущенным Юнион-Джеком на крыше Букингемского дворца; и, пожалуй, самое главное – она сделала то, что прежде делала только для глав государств: склонила голову, когда гроб с телом принцессы проезжал мимо нее. Это удивительно, но даже после своей смерти Диана продолжала перекраивать многовековые параграфы королевского протокола!

«Гибель принцессы заставила монархию взглянуть на себя по-новому, – комментирует заместитель личного секретаря королевы сэр Роберт Жанрен. – У нас появилась возможность собрать камни, когда до этого никому не было дела. Кого пригласить в Букингемский дворец? Какие мероприятия станут частью похоронной церемонии? Смерть Дианы предоставила возможность встряхнуть всю систему»[23].

Ломка штампов продолжится, когда сотрудники Букингемского дворца, члены семьи Спенсеров и сотрудники администрации Блэра примутся обсуждать детали траурной церемонии. Это будет необычное мероприятие. Вместо военных оркестров и солдат за гробом принцессы пойдут волонтеры благотворительных организаций, в Вестминстерском аббатстве наряду с музыкой Верди и патриотическим гимном «Клянусь тебе, моя страна», который Диана выбрала шестнадцать лет назад для своей свадьбы, будет звучать ремейк Элтона Джона «Свеча на ветру».{88}

В восемь часов вечера 5 сентября гроб с телом принцессы был перевезен из королевской часовни в Кенсингтонский дворец. Последнюю ночь перед похоронами Диана провела в своей резиденции в просторном вестибюле, украшенном белыми лилиями, белыми тюльпанами и белыми розами. Вокруг горели свечи.

Утром следующего дня на накрытый королевским

штандартом гроб положили венок из розовых роз и маленький трогательный букетик из кремовых роз. На прикрепленной к нему записке было только одно слово – «Мамочке».

В Кенсингтонский дворец вошли восемь гвардейцев из первого батальона Уэльской гвардии. Они вынесли гроб во двор и установили на оружейный лафет времен Первой мировой войны, запряженный шестеркой черных лошадей. На лошадях сидели шесть всадников в ало-красной форме. На головах всадников были блестящие шлемы с торчащими вверх перьями. По команде лошади двинулись вперед, и лафет медленно тронулся с места. Принцесса отправилась в свой последний путь.

В восемь минут десятого процессия под плач тысяч людей выехала из ворот Кенсингтонского дворца и направилась к Сент-Джеймсскому дворцу, где к ней присоединились принцы Чарльз, Филипп, Уильям, Гарри и девятый граф Спенсер. Последний был против участия в церемонии детей, ссылаясь, что самой Диане это бы не понравилось. «Она наверняка не захотела бы подвергать своих детей такому тяжелому испытанию», – считал брат Дианы Чарльз[24].

Это опять показало, насколько разными они были людьми. Неужели Диана, активно занимавшаяся благотворительностью, неоднократно бравшая своих детей в приюты и больницы, стала бы возражать против их участия в церемонии прощания с собственной матерью?

Лафет с гробом медленно проследовал по Мэлл-стрит, через арку здания конной гвардии, затем по Уайтхоллу в направлении Вестминстерского аббатства. На всем пути следования его провожали толпы людей. Они кидали под копыта лошадей букеты с цветами, многие не сдерживали слез, кто-то пытался подбодрить детей Дианы, выкрикивая:

– Благослови тебя Господь, Уильям!

Или:

– Благослови тебя Господь, Гарри!

В одиннадцать часов восемь гвардейцев внесли гроб с телом принцессы в неф Вестминстерского аббатства.

Под мерное звучание малого колокола гости стали рассаживаться по местам. Когда все сели, наступила пугающая тишина.

«Создалось такое впечатление, будто нас всех окутали покрывалом из черного бархата, – вспоминает Мередит Этерингтон-Смит. – Это ощущалось даже физически»[25].

Во время прощания в Вестминстерском аббатстве особенно запомнилось выступление графа Спенсера. Вместо того чтобы помянуть свою сестру, Чарльз взошел на кафедру и, глядя сверху

вниз на гроб, принялся выяснять отношения с Виндзорами. В четко подобранных словах и выражениях, он предстал как один из самых близких и хорошо знавших покойную людей, хотя на самом деле начиная с 1981 года встречался с ней в основном на официальных мероприятиях. Он напомнил о том, что Спенсеры древнее Виндзоров, хотя это было здесь явно не к месту. И наконец, самое удивительное, он заявил о своей готовности воспитывать Уильяма и Гарри, «чтобы не дать их юным душам увянуть под жестким гнетом обязанностей». Это было уже слишком.

Тем не менее речь графа, транслировавшаяся на улицу, вызвала поддержку у обычных граждан. Когда было сказано последнее слово, в западные ворота аббатства ворвались оглушительные овации. Аплодисменты раздались и внутри нефа. Аплодировали все, кроме членов королевской семьи. Виндзоры были уязвлены. Принц Эдинбургский даже обратился впоследствии за советом к своему другу лорду Брэберну – как ответить на подобный выпад. Тот порекомендовал сделать вид, будто ничего не произошло. Возможно, это лучшее, что можно было посоветовать в сложившейся ситуации.

Граф Спенсер преподнес новый сюрприз, когда вместо упокоения сестры в фамильном склепе в церкви XIII века Грейт-Бринтон – именно там Диана хотела быть захороненной[26] – выбрал для ее последнего пристанища небольшой островок Овэл, расположенный в центре декоративного озера в 250 метрах к северу от замка Элторп.

В половине четвертого катафалк въехал на территорию Элторпа. По указанию графа королевский штандарт на гробе сменил красно-бело-черный, с золотом флаг Спенсеров. Массивные ворота поместья закрылись – за ними остались тысячи людей, сопровождавшие процессию по улицам Лондона и на протяжении всех 110 километров, отделяющих Элторп от столицы.

При погребении принцессы присутствовали только близкие родственники покойной, а также Пол Баррелл и Колин Теббут.

Когда гроб с телом принцессы пересек границы Элторпа, граф Спенсер сказал:

– Вот Диана и дома![27]

Он ошибся. Элторп давно уже не был ее домом. Но именно здесь – на острове Овэл, вдали от суеты любимого Лондона и от глаз миллионов поклонников, принцессе Уэльской было суждено найти свой последний приют. Здесь она обрела покой и шагнула в бессмертие.

Примечания

Глава 1. «Сложные люди»

Несвоевременное рождение

[1] *Wade J.* Diana: The Intimate Portrait. P. 29.

[2] *Riddington M., Naden G.* Frances: The Remarkable Story of Princess Diana's Mother. P. 26.

[3] Номер «Daily Mail» от 20 мая 1997 года.

[4] *Brown T.* The Diana Chronicles. P. 25.

[5] *Bedell Smith S.* Diana. The Life of a Troubled Princess. P. 23

[6] *Bradford S.* Diana. P. 4.

[7] *Riddington M., Naden G.* Op. cit. P. 42.

[8] Номера «Hello!» от 24 и 31 мая 1997 года.

[9] *Brown T.* Op. cit. P. 27.

[10] Ibid. P. 24.

[11] Ibid.

[12] *Bradford S.* Op. cit. P. 5.

[13] Номер «Daily Mail» от 15 июня 1993 года.

[14] *Harris T.* Diana: The Making of a Saint. P. 15.

[15] *Brown T.* Op. cit. P. 29.

[16] *Bradford S.* Op. cit. P. 5.

[17] Номера «Hello!» от 24 и 31 мая 1997 года.

[18] *Bedell Smith S.* Op. cit. P. 22.

[19] Номера «Hello!» от 24 и 31 мая 1997 года.

[20] Ibid.

[21] Ibid.

[22] *Bradford S.* Elisabeth: A Biography of Her Majesty the Queen. P. 430.

[23] *Bedell Smith S.* Op. cit. P. 21.

[24] Номер «The Times» от 2 апреля 1992 года.

[25] *Coward R.* Diana: The Portrait. P. 49.

[26] *Bedell Smith S.* Op. cit. P. 21.

[27] Ibid. P. 22.

[28] *Bradford S*. Diana. P. 6.

[29] *Spencer C.* The Spencer Family P. 315.

[30] *Levin A.* Raine and Johnnie: The Spencers and the Scandal of Althorp. P. 29.

[31] *Morton A.* Diana: Her True Story. P. 73.

[32] Ibid.

[33] *Bedell Smith S*. Op. cit. P. 25.

[34] Номера «Hello!» от 24 и 31 мая 1997 года.

[35] Ibid.

[36] Номер «The Mail on Sunday» от 9 марта 1997 года.
[37] Ibid.
[38] *Harris T.* Op. cit. P. 17.
[39] *Bradford S.* Op. cit. P. 1.
[40] *Morton A.* Op. cit. P. 70.
[41] *Bedell Smith S.* Op. cit. P. 26.
[42] *Morton A.* Op. cit. P. 24.
[43] *Bedell Smith S.* Op. cit. P. 26.
[44] *Snell K.* Diana: Her Last Love. P. 17–18.

Крах семьи

[1] *Whitaker J.* Charles vs. Diana: Royal Blood Feud. P. 240.
[2] Номер «Daily Mail» от 27 ноября 1997 года.
[3] *Bedell Smith S.* Diana. The Life of a Troubled Princess. P. 27.
[4] Ibid.
[5] Ibid. P. 29.
[6] *Bradford S.* Diana. P. 8.
[7] *Bedell Smith S.* Op. cit. P. 24.
[8] Ibid. P. 28.
[9] Номера «Hello!» от 24 и 31 мая 1997 года.
[10] Номер «The Mail on Sunday» от 9 марта 1997 года.
[11] *Morton A.* Diana: Her True Story. P. 70.
[12] *Brown T.* The Diana Chronicles. P. 35–36.
[13] *Snell K.* Diana: Her Last Love. P. 16.
[14] *Simmons S.* Diana: The Last Word. P. 59.
[15] Номер «Hello!» от 15 июня 2004 года.
[16] Номер «Daily Express» от 30 ноября 1981 года.
[17] *Bradford S.* Op. cit. P. 10.
[18] Ibid.
[19] *Campbell C.* The Real Diana. P. 18.
[20] *Bradford S.* Op. cit. P. 10.
[21] *Bedell Smith S.* Op. cit. P. 31.
[22] Номер «Evening Standard» от 15 апреля 1969 года.
[23] Номер «Daily Express» от 14 августа 1982 года.
[24] *Bedell Smith S.* Op. cit. P. 32.
[25] *Morton A.* Op. cit. P. 81.
[26] Номер «Daily Mail» от 15 июня 1993 года.
[27] *Brown T.* Op. cit. P. 38.
[28] *Morton A.* Op. cit. P. 23, 24.
[29] Ibid. P. 24–25.
[30] Ibid. P. 25.
[31] *Bradford S.* Op. cit. P. 13.
[32] *Morton A.* Op. cit. P. 24.

[33] *Thornton P.* With Love from Diana. P. 23.

[34] *Bedell Smith S.* Op. cit. P. 39.

[35] *Simmons S.* Op. cit. P. 183–184.

[36] Ibid. P. 186.

[37] *Morton A.* Op. cit. P. 82.

[38] Ibid.

[39] *Bradford S.* Op. cit. P. 12.

[40] *Clarke M.* Little Girl Lost: The Troubled Childhood of Princess Diana by the Woman who Raised Her. P. 25.

[41] Номер «The Mail on Sunday» от 25 мая 1986 года.

[42] *Bedell Smith S.* Op. cit. P. 43.

[43] Ibid.

[44] *Whitaker J.* Op. cit. P. 137.

[45] Номер «Hello!» от 10 октября 1992 года.

[46] *Junor P.* Diana Princess of Wales: A Biography. P. 58.

[47] *Morton A.* Op. cit. P. 81.

[48] *Brown T.* Op. cit. P. 47.

[49] *Bradford S.* Op. cit. P. 36.

[50] *Brandreth G.* Charles and Camilla: Portrait of a Love Aff air. P. 225.

[51] *Robertson M.* The Diana I Knew: The Story of my Son's Nanny who Became Princess of Wales. P. 43.

[52] Номер «The Sun» от 4 декабря 1993 года.

[53] *Morton A.* Op. cit. P. 26.

[54] *Snell K.* Op. cit. P. 19.

[55] *Morton A.* Op. cit. P. 27.

[56] *Bedell Smith S.* Op. cit. P. 46.

[57] Ibid.

[58] Ibid. P. 329.

[59] *Harris T.* Diana: The Making of a Saint. P. 25.

[60] *Bedell Smith S.* Op. cit. P. 54.

[61] *Junor P.* Op. cit. P. 71.

[62] Ibid.

[63] *Bedell Smith S.* Op. cit. P. 54–55.

[64] *Gilbert M. Winston S.* Churchill: Road to Victory. V. VII. P. 340.

[65] *Clayton T., Craig P.* Diana: Story of a Princess. P. 16.

[66] *Morton A.* Op. cit. P. 28.

[67] Номер «The Times» от 17 октября 1998 года.

[68] *Morton A.* Op. cit. P. 28.

[69] *Bradford S.* Op. cit. P. 26.

[70] Специальный выпуск «Birmingham Evening Mail» от 1 сентября 1997 года.

[71] *Kelley K.* The Royals. P. 259.

[72] *Bradford S.* Op. cit. P. 34.

[73] Номер «Sunday Mirror» от 9 ноября 1980 года.

[74] *Levin A.* Raine and Johnnie: The Spencers and the Scandal of Althorp. P. 143.

[75] *Morton A.* Op. cit. P. 29.

[76] *Bradford S.* Op. cit. P. 38.

[77] Номер «Woman's Own» от 9 апреля 1988 года.

[78] *Brown T.* Op. cit. P. 267.

[79] *Morton A.* Op. cit. P. 29.

[80] *Whitaker J.* Op. cit. P. 192.

[81] *Levin A.* Op. cit. P. 271.

Глава 2. Долгожданный принц

Поиск невесты

[1] *Dimbleby J.* The Prince of Wales: A Biography. P. 337. (Ed. 1995.)

[2] *Morton A.* Diana: Her True Story. P. 31.

[3] Ibid.

[4] *Coward R.* Diana: The Portrait. P. 72.

[5] *Bradford S.* Diana. P. 47.

[6] *Coward R.* Op. cit. P. 69.

[7] *Simmons S.* Diana: The Last Word. P. 37.

[8] *Clayton T., Craig P.* Diana: Story of a Princess. P. 26.

[9] *Snell K.* Diana: Her Last Love. P. 20.

[10] Ibid. P. 21.

[11] *Brown T.* The Diana Chronicles. P. 83.

[12] *Dimbleby J.* Op. cit. P. 220.

[13] Номер «Private Eye» от 3 июля 1981 года. Эту фразу можно найти практически в любой биографии, посвященной как принцу Чарльзу, так и Диане. Но были ли эти слова произнесены на самом деле? Ответить с полной достоверностью не представляется возможным. Известно, что впервые фраза появилась в статье журналиста Найджела Демпстера в июле 1981 года. По воспоминаниям Демпстера, когда после публикации статьи он встретился с супругом Камиллы Эндрю Паркер-Боулзом, тот сказал ему, что фраза «чертовски правдоподобна» (*Bedell Smith S.* Diana. The Life of a Troubled Princess. P. 68).

[14] *Brandreth G.* Charles and Camilla: Portrait of a Love Aff air. P. 46.

[15] *Bedell Smith S.* Op. cit. P. 69.

[16] *Brandreth G.* Op. cit. P. 183–184.

[17] *Dimbleby J.* Op. cit. P. 232.

[18] *Ziegler P.* Mountbatten. P. 687.

[19] *Bedell Smith S.* Op. cit. P. 72.

[20] Ibid. P. 70.

[21] Номер «The Observer» от 9 июня 1974 года.

[22] Номер «Evening Standard» от 7 января 1975 года.

[23] *Bradford S.* Op. cit. P. 62.

[24] *Dimbleby J.* The Prince of Wales: A Biography. P. 267. (Ed. 1994.)

[25] *Holden A.* Charles: A Biography. P. 137.

[26] *Dimbleby J.* The Prince of Wales: A Biography. P. 317–318.

(Ed. 1995.)

[27] *Morton A.* Op. cit. P. 108.

[28] *Dempster N., Evans P.* Behind Palace Doors. P. 65.

[29] *Campbell C.* The Real Diana. P. 60.

[30] *Junor P.* Diana Princess of Wales: A Biography. P. 97.

[31] *Brown T.* Op. cit. P. 101.

[32] Ibid.

[33] *Dimbleby J.* The Prince of Wales: A Biography. P. 282. (Ed. 1994.)

[34] *Morton A.* Op. cit. P. 32.

[35] *Brown T.* Op. cit. P. 105.

[36] *Morton A.* Op. cit. P. 32.

[37] *Dimbleby J.* The Prince of Wales: A Biography. P. 337. (Ed. 1995.)

[38] Ibid.

[39] *Dimbleby J.* The Prince of Wales: A Biography. P. 280. (Ed. 1994.)

[40] Ibid.

[41] *Campbell C.* Op. cit. P. 56.

[42] *Bradford S.* Op. cit. P. 66.

[43] *Barry S.* Royal Service: My Twelve Years as Valet to Prince Charles. P. 194.

[44] *Campbell C.* Diana in Private. P. 125.

[45] *Dimbleby J.* The Prince of Wales: A Biography. P. 339. (Ed. 1995.)

[46] *Campbell C.* The Real Diana. P. 62.

Трудный выбор

[1] *Harris T.* Diana: The Making of a Saint. P. 39.

[2] *Campbell C.* The Real Diana. P. 61–62.

[3] Номер «The New Yorker» от 15 сентября 1997 года.

[4] *Bedell Smith S.* Diana. The Life of a Troubled Princess. P. 79.

[5] Ibid.

[6] *Morton A.* Diana: Her New Life. P. 155.

[7] *Barry S.* Royal Service: My Twelve Years as Valet to Prince Charles. P. 177.

[8] *Morton A.* Diana: Her True Story. P. 42.

[9] Ibid.

[10] *Bradford S.* Diana. P. 71.

[11] *Morton A.* Op. cit. P. 36.

[12] *Dimbleby J.* The Prince of Wales: A Biography. P. 340. (Ed. 1995.)

[13] *Bradford S.* Op. cit. P. 71.

[14] *Brandreth G.* Charles and Camilla: Portrait of a Love Aff air. P. 233; *Bedell Smith S.* Op. cit. P. 96.

[15] *Bedell Smith S.* Op. cit. P. 95.

[16] Ibid.

[17] *Dimbleby J.* The Prince of Wales: A Biography. P. 283. (Ed. 1994.)

[18] Ibid.

[19] *Morton A.* Op. cit. P. 33–34.

[20] Номер «The Sun» от 21 мая 1991 года.

[21] *Morton A.* Op. cit. P. 34.

[22] *Brown T.* The Diana Chronicles. P. 130.

[23] *Burrell P.* A Royal Duty. P. 53.

[24] *Bedell Smith S.* Op. cit. P. 97.

[25] Номер «The Sun» от 11 января 1998 года.

[26] *Barry S.* Op. cit. P. 174.

[27] *Brown T.* Op. cit. P. 125.

[28] Ibid. P. 126.

[29] *Burrell P.* Op. cit. P. 53.

[30] *Morton A.* Op. cit. P. 36.

[31] *Bradford S.* Op. cit. P. 76.

[32] *Morton A.* Op. cit. P. 37.

[33] *Burrell P.* Op. cit. P. 58.

[34] *Morton A.* Op. cit. P. 37.

[35] *Bradford S.* Op. cit. P. 79–80.

[36] *Bedell Smith S.* Op. cit. P. 103.

[37] Ibid. P. 110.

[38] *Morton A.* Op. cit. P. 119.

[39] *Vickers H.* Elisabeth: The Queen Mother. P. 424.

[40] *Morton A.* Op. cit. P. 38.

[41] *Brown T.* Op. cit. P. 142.

[42] *Morton A.* Op. cit. P. 39.

[43] Ibid. P. 38.

[44] *Dimbleby J.* The Prince of Wales: A Biography. P. 345. (Ed. 1995.)

[45] *Bedell Smith S.* Op. cit. P. 108.

[46] *Morton A.* Op. cit. P. 124.

[47] *Brown T.* Op. cit. P. 147.

[48] *Morton A. Op. cit. P. 41.*

[49] *Wade J.* Diana: The Intimate Portrait. P. 42.

[50] *Morton A.* Op. cit. P. 41–42.

[51] *Bradford S.* Op. cit. P. 92.

[52] *Morton A.* Op. cit. P. 41.

[53] *Morton A.* Diana: Her New Life. P. 83.

[54] *Burrell P.* Op. cit. P. 281.

[55] *Snell K.* Diana: Her Last Love. P. 24.

[56] Выражение самой принцессы. *Morton A.* Diana: Her True Story. P. 41.

Глава 3. Несостоявшаяся сказка

На грани нервного срыва

[1] *Brown T.* The Diana Chronicles. P. 150.

[2] *Dimbleby J.* The Prince of Wales: A Biography. P. 294. (Ed. 1994.)

[3] *Morton A.* Diana: Her True Story. P. 42.

[4] *Carpenter H.* Robert Runcie: The Reluctant Archbishop. P. 222.

[5] *Bradford S.* Diana. P. 94.

[6] *Simmons S.* Diana: The Last Word. P. 120.

[7] Ibid. P. 40.

[8] *Morton A.* Op. cit. P. 39.

[9] Ibid. P. 43.

[10] Ibid. P. 42–44.

[11] *Berry W.* The Housekeeper's Diary: Charles and Diana Before the Breakup. P. 53.

[12] *Morton A.* Op. cit. P. 55, 56.

[13] *Barry S.* Royal Service: My Twelve Years as Valet to Prince Charles. P. 225.

[14] *Morton A.* Op. cit. P. 43.

[15] *Bedell Smith S.* Diana. The Life of a Troubled Princess. P. 121.

[16] *Simmons S.* Op. cit. P. 41.

[17] *Bedell Smith S.* Op. cit. P. 122.

[18] *Davies N.* Diana: A Princess and Her Troubled Marriage. P. 126.

[19] *Coward R.* Diana: The Portrait" P. 109.

[20] *Bedell Smith S.* Op. cit. P. 160.

[21] *Clayton T., Craig P.* Diana: Story of a Princess. P. 91.

[22] *Morton A.* Op. cit. P. 44.

[23] Ibid.

[24] *Dempster N., Evans P.* Behind Palace Doors. P. 139.

[25] *Brown T.* Op. cit. P. 165.

[26] *Morton A.* Op. cit. P. 44.

[27] Ibid. P. 43.

[28] *Martin R.* Charles and Diana. P. 234.

[29] *Clayton T., Craig P.* Op. cit. P. 95.

[30] *Bradford S.* Op. cit. P. 101.

[31] *Clayton T., Craig P.* Op. cit. P. 96.

[32] Ibid. P. 96–97.

[33] *Morton A.* Op. cit. P. 49.
[34] *Brown T.* Op. cit. P. 169.
[35] *Bradford S.* Op. cit. P. 101.
[36] *Simmons S.* Op. cit. P. 17.
[37] Ibid. P. 33.
[38] *Brown T.* Op. cit. P. 174.
[39] *Bradford S.* Op. cit. P. 102.
[40] *Jephson P.* Shadows of Princess. Diana, Princess of Wales 1987–1996. P. 7.
[41] *Morton A.* Op. cit. P. 45.
[42] Ibid. P. 19.
[43] *Brown T.* Op. cit. P. 177.
[44] *Whitaker J.* Charles vs. Diana: Royal Blood Feud. P. 126.
[45] *Burrell P.* A Royal Duty. P. 87.
[46] *Dimbleby J.* Op. cit. P. 304.
[47] *Morton A.* Op. cit. P. 45.
[48] *Holden A.* Charles: A Biography. P. 174.
[49] *Whitaker J.* Op. cit. P. 132.
[50] *Bedell Smith S.* Op. cit. P. 147.
[51] *Martin R.* Op. cit. P. 316.
[52] *Brown T.* Op. cit. P. 186–187.
[53] Ibid. P. 187.
[54] Ibid.
[55] *Morton A.* Op. cit. P. 37.
[56] *Bedell Smith S.* Op. cit. P. 135.
[57] Ibid.
[58] *Bedell Smith S.* Op. cit. P. 135–136.
[59] *Dimbleby J.* The Prince of Wales: A Biography. P. 401. (Ed.1995.)
[60] *Bradford S.* Op. cit. P. 111.
[61] *Bedell Smith S.* Op. cit. P. 137.
[62] Номер «Daily Mirror» от 15 ноября 1982 года.
[63] *Morton A.* Op. cit. P. 46.
[64] *Burrell P.* Op. cit. P. 95.
[65] *Brown T.* Op. cit. P. 190.
[66] *Kelley K.* The Royals. P. 308.
[67] *Morton A.* Op. cit. P. 121.
[68] *Brown T.* Op. cit. P. 191.
[69] Ibid.
[70] Ibid.
[71] Ibid.
[72] *Clayton T., Craig P.* Op. cit. P. 15.
[73] *Bradford S.* Op. cit. P. 116.
[74] *Dimbleby J.* The Prince of Wales: A Biography. P. 333. (Ed.

1994.)

[75] *Bradford S.* Op. cit. P. 118.
[76] *Brown T.* Op. cit. P. 197.
[77] *Bradford S.* Op. cit. P. 141–142.
[78] *Burrell P.* Op. cit. P. 134.
[79] Ibid. P. 198, 199, 200.
[80] *Bradford S.* Op. cit. P. 122.
[81] *Barry S.* Op. cit. P. 235.
[82] *Bradford S.* Op. cit. P. 121.

Виндзорский треугольник

[1] *Morton A.* Diana: Her True Story. P. 51.
[2] Ibid.
[3] *Bradford S.* Diana. P. 126.
[4] *Bedell Smith S.* Diana. The Life of a Troubled Princess. P. 152.
[5] *Morton A.* Op. cit. P. 51.
[6] *Burrell P.* A Royal Duty. P. 174.
[7] *Simmons S.* Diana: The Last Word. P. 103.
[8] *Coward R.* Diana: The Portrait. P. 141–142.
[9] *Bedell Smith S.* Op. cit. P. 310–311.
[10] Ibid. P. 311.
[11] *Snell K.* Diana: Her Last Love. P. 49.
[12] Номер «Daily Mirror» от 19 февраля 1989 года.
[13] *Simmons S.* Op. cit. P. 100.
[14] *Harris T.* Diana: The Making of a Saint. P. 252.
[15] *Bradford S.* Op. cit. P. 258–259.
[16] *Harris T.* Op. cit. P. 251.
[17] Номер «The Times» от 23 декабря 2009 года.
[18] *Simmons S.* Op. cit. P. 100.
[19] *Bedell Smith S.* Op. cit. P. 312.
[20] *Wade J.* Diana: The Intimate Portrait. P. 45.
[21] *Brown T.* The Diana Chronicles. P. 227.
[22] *Simmons S.* Op. cit. P. 186.
[23] *Brown T.* Op. cit. P. 229.
[24] *Burrell P.* Op. cit. P. 101.
[25] *Brown T.* Op. cit. P. 231.
[26] *Simmons S.* Op. cit. P. 234.
[27] *Bedell Smith S.* Op. cit. P. 169.
[28] Ibid. P. 264.
[29] *Dimbleby J.* The Prince of Wales: A Biography. P. 481. (Ed. 1995.)
[30] *Brown T.* Op. cit. P. 213.
[31] *Holden A.* Charles: A Biography. P. 180.

[32] *Burrell P.* Op. cit. P. 164.
[33] *Bradford S.* Op. cit. P. 132–133.
[34] *Bedell Smith S.* Op. cit. P. 165.
[35] *Bradford S. Op. cit. P. 154.*
[36] *Dimbleby J.* Op. cit. P. 477–479.
[37] *Morton A.* Op. cit. P. 55.
[38] *Bedell Smith S.* Op. cit. P. 163.
[39] *Dimbleby J.* Op. cit. P. 480.
[40] *Burrell P.* Op. cit. P. 124–125.
[41] *Morton A.* Op. cit. P. 181.
[42] *Bedell Smith S.* Op. cit. P. 165.
[43] *Morton A.* Op. cit. P. 50–51.
[44] Номер «The Sunday Times» от 1 ноября 1998 года.
[45] *Morton A.* Op. cit. P. 55.
[46] *Dimbleby J.* Op. cit. P. 480.
[47] Ibid. P. 481.
[48] *Wade J.* Op. cit. P. 67.
[49] Ibid. P. 70.
[50] *Morton A.* Op. cit. P. 56.
[51] *Bedell Smith S.* Op. cit. P. 166.
[52] *Simmons S.* Op. cit. P. 13.
[53] Номер «The Sun» от 15 января 1998 года.
[54] *Rogers R., Garnett N.* From One World to Another. P. 241.
[55] *Simmons S.* Op. cit. P. 10.
[56] Ibid. P. 11.
[57] Ibid. P. 22–23, 7.
[58] *Bedell Smith S.* Op. cit. P. 188.
[59] *Wade J.* Op. cit. P. 4.
[60] Номер «The Sun» от 15 января 1998 года.
[61] *Morton A.* Op. cit. P. 66.
[62] *Burrell P.* Op. cit. P. 188.
[63] *Morton A.* Op. cit. P. 65.
[64] Ibid. P. 29.
[65] *Simmons S.* Op. cit. P. 29.
[66] Ibid. P. 22, 7.
[67] *Brown T.* Op. cit. P. 264.
[68] *Whitaker J. Charles vs. Diana: Royal Blood Feud. P. 162.*
[69] *Bradford S.* Op. cit. P. 194.
[70] *Jephson P.* Shadows of Princess. Diana, Princess of Wales 1987–1996. P. 67.
[71] *Bradford S.* Op. cit. P. 205.
[72] Номер «The Sun» от 12 января 1998 года.
[73] *Brown T.* Op. cit. P. 267.
[74] Ibid. P. 265.

[75] *Morton A.* Op. cit. P. 62.
[76] Ibid.
[77] *Brown T.* Op. cit. P. 265.
[78] *Morton A.* Op. cit. P. 63.
[79] Ibid.
[80] *Bedell Smith S.* Op. cit. P. 199.
[81] *Bradford S.* Op. cit. P. 186.
[82] *Wharfe K.* Diana: Closely Guarded Secret. P. 96–97.
[83] *Brown T.* Op. cit. P. 266.
[84] *Monckton R.* Requiem: Diana, Princess of Wales 1961–1997. P. 64–65.

Decree nisi

[1] *Bradford S.* Diana. P. 205.
[2] Ibid. P. 206.
[3] *Hewitt J.* Love and War. P. 151.
[4] Номер «Daily Mail» от 28 июня 1991 года.
[5] *Bedell Smith S. Diana.* The Life of a Troubled Princess. P. 210.
[6] *Neil A.* Full Disclosure. P. 260.
[7] Впервые полная стенограмма разговора была опубликована в январе 1999 года в «Sunday People» и «Sunday Mirror», а затем повторена 53 мировыми агентствами новостей. Сегодня «Камиллагейт» находится в свободном доступе в глобальной сети Интернет.
[8] Запись телефонного разговора между Дианой и Гилби сегодня также находится в свободном доступе в глобальной сети Интернет.
[9] *Wade J.* Diana: The Intimate Portrait. P. 84.
[10] *Brown T.* The Diana Chronicles. P. 277.
[11] Ibid. P. 278.
[12] *Jephson P.* Shadows of Princess. Diana, Princess of Wales 1987–1996. P. 138.
[13] Ibid. P. 147.
[14] Ibid. P. 137.
[15] *Morton A.* Diana: Her True Story. P. 58.
[16] Ibid. P. 58–59.
[17] *Bradford S.* Op. cit. P. 214.
[18] Ibid. P. 199.
[19] *York, Sarah, Duchess of.* My Story. P. 201.
[20] *Brown T.* Op. cit. P. 306.
[21] *Dimbleby J.* The Prince of Wales: A Biography. P. 593–594. (Ed. 1995.)
[22] *Dimbleby J.* The Prince of Wales: A Biography. P. 489. (Ed.

1994.)
[23] *Wade J.* Op. cit. P. 82.
[24] Ibid.
[25] *Burrell P.* A Royal Duty. P. 167.
[26] *Brown T.* Op. cit. P. 308.
[27] *Bedell Smith S.* Op. cit. P. 245.
[28] Номер «Daily Mail» от 1 сентября 1997 года.
[29] *Bedell Smith S.* Op. cit. P. 253.
[30] *Morton A.* Diana: In Pursuit of Love. P. 57.
[31] *Jephson P.* Op. cit. P. 278.
[32] *Pasternak A.* Princess in Love. P. 297.
[33] *Bradford S.* Op. cit. P. 271.
[34] *Brown T.* Op. cit. P. 316.
[35] *Clayton T., Craig P.* Diana: Story of a Princess. P. 261.
[36] *Brown T.* Op. cit. P. 320.
[37] *Burrell P.* The Way We Were. P. 51.
[38] *Simmons S.* Diana: The Last Word. P. 209.
[39] *Burrell P.* A Royal Duty. P. 183.
[40] Номер «The Daily Telegraph» от 21 декабря 1995 года.
[41] *Burrell P.* Op. cit. P. 221–222.
[42] *Morton A.* Diana: Her True Story. P. 52.
[43] *Bradford S.* Op. cit. P. 158.
[44] *Burrell P.* Op. cit. P. 225–226.
[45] Ibid. P. 226–227.
[46] *Brown T.* Op. cit. P. 360.
[47] *Burrell P.* Op. cit. P. 237.
[48] *Bradford S.* Op. cit. P. 304.
[49] *Morton A.* Diana: In Pursuit of Love. P. 212.
[50] *Bradford S.* Op. cit. P. 305.
[51] *Lacey R.* Royal: Her Majesty Queen Elisabeth II. P. 343.
[52] *Burrell P.* Op. cit. P. 239.
[53] *Bradford S.* Op. cit. P. 314–315.
[54] Номер «London Gazette» от 30 августа 1996 года.
[55] *Bradford S.* Op. cit. P. 306.
[56] *Morton A.* Op. cit. P. 212.
[57] *Burrell P.* Op. cit. P. 242.

Глава 4. Борьба с одиночеством

Новые кавалеры

[1] *Bradford S.* Diana. P. 145–146.
[2] *Brown T.* The Diana Chronicles. P. 224.
[3] Ibid.
[4] *Simmons S.* Diana: The Last Word. P. 63.
[5] *Holden A.* Charles: A Biography. P. 204.
[6] *Brown T.* Op. cit. P. 224.
[7] Номер «Daily Express» от 8 декабря 2004 года.
[8] *Bradford S.* Op. cit. P. 146.
[9] *Brown T.* Op. cit. P. 226.
[10] *Bradford S.* Op. cit. P. 147.
[11] *Brown T.* Op. cit. P. 226.
[12] *Hewitt J.* Love and War. P. 9.
[13] Ibid. P. 18.
[14] Номер «Daily Mail» от 28 ноября 1998 года.
[15] *Hewitt J.* Op. cit. P. 175.
[16] *Clayton T., Craig P.* Diana: Story of a Princess. P. 166.
[17] *Bedell Smith S.* Diana. The Life of a Troubled Princess. P. 177.
[18] *Bradford S.* Op. cit. P. 155.
[19] Номер «Daily Express» от 3 сентября 1998 года.
[20] *Bradford S.* Op. cit. P. 157.
[21] Номер «News of the World» от 24 марта 1991 года.
[22] *Pasternak A.* Princess in Love. P. 239.
[23] Ibid. P. 138.
[24] *Simmons S.* Op. cit. P. 11, 274.
[25] *Clayton T., Craig P.* Op. cit. P. 278.
[26] *Simmons S.* Op. cit. P. 70.
[27] Ibid. P. 71–73.
[28] *Morton A.* Diana: Her True Story P. 104.
[29] *Bedell Smith S.* Op. cit. P. 257.
[30] *Simmons S.* Op. cit. P. 81.
[31] *Bedell Smith S.* Op. cit. P. 258.
[32] *Snell K.* Diana: Her Last Love. P. 52.
[33] *Simmons S.* Op. cit. P. 81.
[34] *Snell K.* Op. cit. P. 52.
[35] Номер «News of the World» от 19 февраля 1995 года.
[36] Номер «The Mirror» от 30 апреля 1998 года.
[37] *Brown T.* Op. cit. P. 321.

[38] Ibid. P. 327.

Последняя любовь

[1] *Snell K.* Diana: Her Last Love. P. 85.
[2] *Bradford S.* Diana. P. 311.
[3] *Snell K.* Op. cit. P. 109.
[4] *Simmons S.* Diana: The Last Word. P. 145.
[5] Ibid. P. 142.
[6] *Wade J.* Diana: The Intimate Portrait. P. 169.
[7] *Brown T.* The Diana Chronicles. P. 374.
[8] *Simmons S.* Op. cit. P. 218.
[9] *Wade J.* Op. cit. P. 126.
[10] Ibid. P. 187.
[11] *Simmons S.* Op. cit. P. 150
[12] *Simmons S.* Diana: The Secret Years. P. 112.
[13] *Bedell Smith S.* Diana. The Life of a Troubled Princess. P. 299.
[14] Ibid. P. 316.
[15] *Snell K.* Op. cit. P. 99.
[16] *Simmons S.* Diana: The Last Word. P. 173.
[17] *Snell K.* Op. cit. P. 64.
[18] *Simmons S.* Op. cit. P. 175.
[19] *Bradford S.* Op. cit. P. 313.
[20] *Brown T.* Op. cit. P. 375.
[21] *Snell K.* Op. cit. P. 135.
[22] Номер «Daily Mail» от 23 ноября 1998 года.
[23] *Simmons S.* Op. cit. P. 142.
[24] Ibid. P. 158.
[25] *Snell K.* Op. cit. P. 56.
[26] Номер «Daily Express» от 9 февраля 1997 года.
[27] *Brown T.* Op. cit. P. 382.
[28] *Bradford S.* Op. cit. P. 363.
[29] *Bedell Smith S.* Op. cit. P. 320.
[30] *Simmons S.* Op. cit. P. 210.
[31] *Bedell Smith S.* Op. cit. P. 320.
[32] *Bradford S.* Op. cit. P. 360; *Bedell Smith S.* Op. cit. P. 332.
[33] Номер «The Sunday Telegraph» от 7 сентября 1997 года.
[34] Номер «Daily Mail» от 14 июля 1997 года.
[35] *Snell K.* Op. cit. P. 180.
[36] *Harris T.* Diana: The Making of a Saint. P. 118.
[37] *Simmons S.* Op. cit. P. 283–284.
[38] *Burrell P.* A Royal Duty. P. 279.
[39] Номер «News of the World» от 7 декабря 1997 года.

[40] Номер «The Sun» от 12 января 1998 года.

[41] *Snell K.* Op. cit. P. 198.

[42] *Bradford S.* Op. cit. P. 364.

[43] Номер «News of the World» от 7 декабря 1997 года.

[44] *Bedell Smith S.* Op. cit. P. 346.

[45] Номер «Daily Mail» от 8 августа 1997 года.

[46] Номер «The Mail on Sunday» от 20 июля 1997 года.

[47] *Bradford S.* Op. cit. P. 140.

[48] *Wade J.* Op. cit. P. 204.

[49] *Rees-Jones T.* The Bodyguard's Story: Diana, the Crash and the Sole Survivor. P. 15.

[50] *Snell K.* Op. cit. P. 201.

[51] Ibid. P. 202.

[52] *Wade J.* Op. cit. P. 223.

Глава 5. Игра с огнем

СМИ – Самый Могущественный Институт

[1] *Whitaker J.* Charles vs. Diana: Royal Blood Feud. P. XI.
[2] Номер «Woman's Own» от 8 апреля 1978 года.
[3] *Morton A.* Diana: Her True Story. P. 95.
[4] *Bradford S.* Diana. P. 43–44.
[5] Номер «Daily Star» от 29 июня 1981 года.
[6] Номер «Daily Star» от 8 сентября 1980 года.
[7] Номер «Time» от 8 сентября 1997 года.
[8] *Bedell Smith S.* Diana. The Life of a Troubled Princess. P. 62.
[9] *Clayton T., Craig P.* Diana: Story of a Princess. P. 42.
[10] *Morton A.* Op. cit. P. 112.
[11] *Brown T.* The Diana Chronicles. P. 114.
[12] Ibid.
[13] Ibid. P. 115.
[14] *Bedell Smith S.* Diana. The Life of a Troubled Princess. P. 326–327.
[15] Ibid. P. 327.
[16] *Brown T.* Op. cit. P. 116.
[17] *Morton A.* Op. cit. P. 35.
[18] *Barry S.* Royal Service: My Twelve Years as Valet to Prince Charles. P. 191.
[19] *Junor P.* Diana Princess of Wales: A Biography. P. 131.
[20] *Barry S.* Op. cit. P. 223.
[21] Номер «Sunday Mirror» от 23 ноября 1980 года.
[22] Ibid.
[23] Номер «Evening Standard» от 28 ноября 1980 года.
[24] Номер «Daily Mail» от 24 ноября 1980 года.
[25] Номер «Sunday Mirror» от 23 ноября 1980 года.
[26] *Whitaker J.* Op. cit. P. 32.
[27] Номер «Daily Express» от 26 июля 1991 года.
[28] *Barry S.* Op. cit. P. 194.
[29] *Bedell Smith S.* Op. cit. P. 93.
[30] *Высоцкий В. С.* «Песня Кэрролла». Цит. по: *Высоцкий В. С.* Собрание сочинений в пяти томах. Т. 3. С. 77.
[31] *Brown T.* Op. cit. P. 120.
[32] Ibid. P. 121.
[33] Ibid.
[34] Номер «Evening Standard» от 28 ноября 1980 года.
[35] Номер «Daily Express» от 29 ноября 1980 года.

[36] *Morton A.* Op. cit. P. 82.
[37] *Whitaker J.* Op. cit. P. 158.
[38] *Bedell Smith S.* Op. cit. P. 94.
[39] Номер «The New Yorker» от 15 сентября 1997 года.
[40] *Brown T.* Op. cit. P. 164.
[41] Ibid. P. 198.
[42] Ibid. P. 195.
[43] *Bedell Smith S.* Op. cit. P. 130.
[44] *Brown T.* Op. cit. P. 181; *Bradford S.* Op. cit. P. 105.
[45] Bradford S. Op. cit. P. 105
[46] Ibid. P. 112.
[47] Ibid.
[48] Номер «Daily Mirror» от 15 ноября 1982 года.
[49] Номер «The Times» от 16 ноября 1982 года.
[50] Номер «News of the World» от 12 декабря 1982 года.
[51] Номер «The Sun» от 11 декабря 1982 года.
[52] *Bedell Smith S.* Op. cit. P. 138.

Секретный проект

[1] *Bradford S.* Diana. P. 206.
[2] *Bedell Smith S.* Diana. The Life of a Troubled Princess. P. 211.
[3] *Simmons S.* Diana: The Last Word. P. 52.
[4] *Bedell Smith S.* Op. cit. P. 215.
[5] *Brown T.* The Diana Chronicles. P. 290.
[6] *Bradford S.* Op. cit. P. 207–208.
[7] *Morton A.* Diana: Her True Story. P. 11.
[8] *Morton A.* Diana: In Pursuit of Love. P. 50.
[9] *Brown T.* Op. cit. P. 292.
[10] *Neil A.* Full Disclosure. P. 261.
[11] *Bedell Smith S.* Op. cit. P. 222.
[12] Ibid.
[13] *York, Sarah, Duchess of.* My Story. P. 4.
[14] *Morton A.* Op. cit. P. 50.
[15] *Burrell P.* A Royal Duty. P. 112.
[16] *Morton A.* Op. cit. P. 54.
[17] *Brown T.* Op. cit. P. 298.
[18] Номер «The Sun» от 18 июня 1992 года.
[19] *Morton A.* Diana: Her New Life. P. 30.
[20] Ibid. P. 31.
[21] *Burrell P.* Op. cit. P. 159.
[22] *Bedell Smith S.* Op. cit. P. 230.
[23] Ibid.
[24] Ibid. P. 223.

[25] Номер «The Observer» от 5 октября 1997 года.
[26] *Bedell Smith S.* Op. cit. P. 230.
[27] Номер «The Sunday Times» от 28 июня 1992 года.
[28] Ibid.
[29] Ibid.
[30] *Bradford S.* Op. cit. P. 221.
[31] Ibid. P. 220.
[32] *Bedell Smith S.* Op. cit. P. 222.
[33] *Morton A.* Diana: Her New Life. P. 34.
[34] *Morton A.* Op. cit. P. 33.
[35] *Burrell P.* Op. cit. P. 158.
[36] *Lacey R.* Royal: Her Majesty Queen Elisabeth II. P. 319.
[37] *Burrell P.* Op. cit. P. 159.
[38] *Morton A.* Op. cit. P. 33–34.
[39] *Brown T.* Op. cit. P. 303.
[40] *Burrell P.* Op. cit. P. 146.

Разбитый панцирь

[1] *Burrell P.* A Royal Duty. P. 176.
[2] *Morton A.* Diana: In Pursuit of Love. P. 85.
[3] *Brown T.* The Diana Chronicles. P. 324.
[4] *Saunders M., Harvey G.* Dicing with Di: The Amazing Adventures of Britain's Royal Chasers. P. 7–8.
[5] *Wharfe K.* Diana: Closely Guarded Secret. P. 231.
[6] *Dimbleby J.* The Prince of Wales: A Biography. P. XVIII. (Ed. 1994.)
[7] *Bradford S.* Diana. P. 260.
[8] *Jephson P.* Shadows of Princess. Diana, Princess of Wales 1987–1996. P. 293.
[9] Ibid.
[10] Номер «Evening Standard» от 1 июля 1994 года.
[11] *Brown T.* Op. cit. P. 337.
[12] *Brandreth G.* Charles and Camilla: Portrait of a Love Aff air. P. 249.
[13] *Bradford S.* Op. cit. P. 262.
[14] Ibid.
[15] *Burrell P.* Op. cit. P. 196.
[16] *Bedell Smith S.* Diana. The Life of a Troubled Princess. P. 265.
[17] Ibid.
[18] Ibid.
[19] *Brown T.* Op. cit. P. 340.
[20] *Bedell Smith S.* Op. cit. P. 281.

[1] *Bedell Smith S.* Diana. The Life of a Troubled Princess. P. 283.
[2] *Bradford S.* Diana. P. 292.
[3] Номер «Sunday Express» от 19 ноября 1995 года.
[4] *Bedell Smith S.* Op. cit. P. 284.
[5] Номер «Daily Mail» от 16 ноября 1995 года.
[6] *Brown T.* The Diana Chronicles. P. 348.
[7] Ibid.
[8] *Bedell Smith S.* Op. cit. P. 293.
[9] *Burrell P.* A Royal Duty. P. 219.
[10] *Jephson P.* Shadows of Princess. Diana, Princess of Wales 1987–1996. P. 538.
[11] Номер «Sunday Telegraph» от 7 сентября 1997 года.
[12] *Simmons S.* Diana: The Last Word. P. 92.
[13] Номер «Daily Mail» от 22 ноября 1995 года.
[14] *Bedell Smith S.* Op. cit. P. 285.
[15] Номер «The Guardian» от 21 ноября 1995 года.
[16] *Brown T.* Op. cit. P. 354.
[17] *Bradford S.* Op. cit. P. 292.
[18] *Brown T.* Op. cit. P. 354.
[19] *Bradford S.* Op. cit. P. 296.
[20] *Simmons S.* Op. cit. P. 104–105.
[21] Номер «The Daily Telegraph» от 21 ноября 1995 года.
[22] *Bedell Smith S.* Op. cit. P. 294.
[23] Ibid.
[24] *Burrell P.* Op. cit. P. 205, 219–220, 262.
[25] Ibid. P. 228.
[26] Номер «Daily Mail» от 23 января 1996 года.
[27] Слова самой принцессы: «Моя спасительная сеть, моя скала». *Simmons S.* Op. cit. P. 208.
[28] *Wade J.* Diana: The Intimate Portrait. P. 21.
[29] *Bradford S.* Op. cit. P. 326.
[30] Номер «Sunday Mirror» от 3 ноября 1996 года.
[31] Номер «Daily Mail» от 4 ноября 1996 года.
[32] *Simmons S.* Diana: The Secret Years. P. 118.
[33] *Snell K.* Diana: Her Last Love. P. 134.
[34] Ibid. P. 190.
[35] *Simmons S.* Diana: The Last Word. P. 282.
[36] Ibid. P. 128.

Глава 6. «Королева людских сердец»

Сила сострадания

[1] *Morton A.* Diana: Her True Story. P. 25.
[2] Ibid. P. 93.
[3] *Coward R.* Diana: The Portrait. P. 67–68.
[4] *Clayton T., Craig P.* Diana: Story of a Princess. P. 18.
[5] *Morton A.* Op. cit. P. 30.
[6] Ibid. P. 98.
[7] *Bedell Smith S.* Diana. The Life of a Troubled Princess. P. 60; *Morton A.* Diana: Her True Story. P. 127.
[8] *Brown T.* The Diana Chronicles. P. 58.
[9] Ibid. P. 59.
[10] Номер «Newsweek» от 25 октября 1985 года.
[11] *Morton A.* Op. cit. P. 103.
[12] *Bedell Smith S.* Op. cit. P. 58.
[13] *Brown T.* Op. cit. P. 62.
[14] *Robertson M.* The Diana I Knew: The Story of my Son's Nanny who Became Princess of Wales. P. 20–21.
[15] Ibid. P. 23–24.
[16] Ibid. P. 33.
[17] *Coward R.* Op. cit. P. 132.
[18] *Clayton T., Craig P.* Op. cit. P. 198–199.
[19] *Bradford S.* Diana. P. 173.
[20] *Brown T.* Op. cit. P. 247–248.
[21] *Bradford S.* Op. cit. P. 167–168.
[22] *Bedell Smith S.* Op. cit. P. 290.
[23] Номер «Sunday Mirror» от 5 ноября 1989 года.
[24] *Jephson P.* Shadows of Princess. Diana, Princess of Wales 1987–1996. P. 153.
[25] Номер «Today» от 24 мая 1989 года.
[26] *Bradford S.* Op. cit. P. 169.
[27] *Coward R.* Op. cit. P. 179.
[28] Ibid.
[29] *Bradford S.* Op. cit. P. 183.
[30] *Coward R.* Op. cit. P. 183–184.
[31] *Bedell Smith S.* Op. cit. P. 190.
[32] Ibid. P. 219.
[33] *Simmons S.* Diana: The Last Word. P. 147.
[34] *Burrell P.* A Royal Duty. P. 139.
[35] *MacArthur B.* Requiem: Diana, Princess of Wales, 1961–

1997: Memories and Tributes. P. 107.
[36] *Bradford S.* Op. cit. P. 170.

На минном поле

[1] *Burrell P.* The Way We Were. P. 89–90.
[2] *Coward R.* Diana: The Portrait. P. 256.
[3] Ibid. P. 261.
[4] *Bedell Smith S.* Diana. The Life of a Troubled Princess. P. 246.
[5] Номер «Daily Mail» от 28 апреля 1993 года.
[6] *Bedell Smith S.* Op. cit. P. 248.
[7] Ibid.
[8] *Hurd D.* Memoirs. P. 430.
[9] Ibid. P. 501.
[10] *Wharfe K.* Diana: Closely Guarded Secret. P. 231.
[11] *Bradford S.* Diana. P. 272.
[12] Ibid. P. 338.
[13] *Bedell Smith S.* Op. cit. P. 252.
[14] *Wade J.* Diana: The Intimate Portrait. P. 99–100.
[15] *Bedell Smith S.* Op. cit. P. 254.
[16] Ibid. P. 253.
[17] Ibid.
[18] Ibid.
[19] *Bradford S.* Op. cit. P. 254.
[20] Ibid. P. 253.
[21] *Bedell Smith S.* Op. cit. P. 255.
[22] Ibid.
[23] *Brown T.* The Diana Chronicles. P. 332.
[24] *Snell K.* Diana: Her Last Love. P. 34.
[25] *Bedell Smith S.* Op. cit. P. 277.
[26] Ibid.
[27] Ibid. P. 278.
[28] Ibid.
[29] Ibid. P. 305.
[30] Ibid.
[31] Номер «Daily Mail» от 17 июля 1996 года.
[32] *Simmons S.* Diana: The Last Word. P. 242.
[33] Ibid. P. 195.
[34] Ibid. P. 197.
[35] Ibid. P. 196–197.
[36] *Simmons S.* Diana: The Secret Years. P. 58.
[37] *Wade J.* Op. cit. P. 181.
[38] *Simmons S.* Diana: The Last Word. P. 133.
[39] *Snell K.* Op. cit. P. 46.

[40] Ibid. P. 47.
[41] *Brown T.* Op. cit. P. 329.
[42] *Bedell Smith S.* Op. cit. P. 306–307.
[43] *Bedell Smith S.* Op. cit. P. 308; *Bradford S.* Op. cit. P. 339.
[44] *Bradford S.* Op. cit. P. 339.
[45] *Burrell P.* A Royal Duty. P. 229.
[46] *Bedell Smith S.* Op. cit. P. 309.
[47] *Wade J.* Op. cit. P. 19.
[48] *Bedell Smith S.* Op. cit. P. 309.
[49] Ibid.
[50] Ibid. P. 324.
[51] Ibid.
[52] Номер «Daily Express» от 17 января 1997 года.
[53] *Simmons S.* Op. cit. P. 253.
[54] *Bradford S.* Op. cit. P. 341–342.
[55] *Simmons S.* Op. cit. P. 93.
[56] *MacArthur B.* Requiem: Diana, Princess of Wales, 1961–1997: Memories and Tributes. P. 135.
[57] *Burrell P.* Op. cit. P. 261.
[58] *Clayton T., Craig P.* Diana: Story of a Princess. P. 315.
[59] Номер «The Sunday Times» от 19 января 1997 года.
[60] *Clayton T., Craig P.* Op. cit. P. 317.
[61] *Simmons S.* Op. cit. P. 256.
[62] *Clayton T., Craig P.* Op. cit. P. 317.
[63] *Bradford S.* Op. cit. P. 345.
[64] Номер «Daily Telegraph» от 17 января 1997 года.
[65] *Brown T.* Op. cit. P. 253.

Глава 7. Покой и бессмертие

Трагедия в Париже

[1] *Gregory M.* Diana: The Last Days. P. 51.
[2] *Bradford S.* Diana. P. 367.
[3] Ibid.
[4] *Gregory M.* Op. cit. P. 52.
[5] Ibid. P. 52–53.
[6] Ibid. P. 53.
[7] Ibid. P. 54.
[8] Ibid. P. 55.
[9] Ibid. P. 57.
[10] *Bradford S.* Op. cit. P. 368.
[11] *Gregory M.* Op. cit. P. 58–59.
[12] *Bradford S.* Op. cit. P. 368.
[13] *Gregory M.* Op. cit. P. 59.
[14] Ibid.
[15] Ibid. P. 65.
[16] *Rees-Jones T.* The Bodyguard's Story: Diana, the Crash and the Sole Survivor. P. 86.
[17] *Bradford S.* Op. cit. P. 371.
[18] *Gregory M.* Op. cit. P. 67.
[19] *Brown T.* The Diana Chronicles. P. 402.
[20] *Bedell Smith S.* Diana. The Life of a Troubled Princess. P. 356.
[21] *Rees-Jones T.* Op. cit. P. 81.
[22] «Operation Paget Inquiry». P. 362.
[23] *Brown T.* Op. cit. P. 391.
[24] Ibid. P. 392.
[25] *Gregory M.* Op. cit. P. 72.
[26] Ibid.
[27] Номер «The Times» от 22 ноября 1997 года.
[28] *Brown T.* Op. cit. P. 392.
[29] *Gregory M.* Op. cit. P. 74.
[30] «Operation Paget Inquiry». P. 513.
[31] *Clayton T., Craig P.* Diana: Story of a Princess. P. 351–352.
[32] *Gregory M.* Op. cit. P. 76.

«Прощай, Роза Англии»

[1] *Burrell P.* A Royal Duty. P. 284.

[2] Ibid. P. 285.
[3] *Brown T.* The Diana Chronicles. P. 396.
[4] *Burrell P.* Op. cit. P. 285.
[5] Ibid. P. 286.
[6] *Brown T.* Op. cit. P. 397.
[7] *Burrell P.* Op. cit. P. 287.
[8] Ibid. P. 288.
[9] Ibid. P. 289.
[10] *Bower T.* Fayed: The Unauthorized Biography. P. 429.
[11] *Brown T.* Op. cit. P. 405.
[12] *Burrell P.* Op. cit. P. 289–290.
[13] *Graham C.* Camilla: Her True Story. P. 303.
[14] *Riddington M., Naden G.* Frances: The Remarkable Story of Princess Diana's Mother. P. 165.
[15] *Clayton T., Craig P.* Diana: Story of a Princess. P. 356.
[16] *Graham C.* Op. cit. P. 301.
[17] *Brown T.* Op. cit. P. 411.
[18] *Burrell P.* Op. cit. P. 291–292.
[19] Ibid. P. 294.
[20] Ibid.
[21] *Brown T.* Op. cit. P. 415.
[22] Номер «The Sun» от 4 сентября 1997 года.
[23] *Brown T.* Op. cit. P. 420.
[24] Ibid. P. 422.
[25] Ibid.
[26] *Simmons S.* Diana: The Last Word. P. 298.
[27] Номер «Daily Mail» от 9 ноября 2002 года.

Список литературы

Barry S. Royal Service: My Twelve Years as Valet to Prince Charles. – New York: Avon Books, 1983.

Bedell Smith S. Diana. The Life of a Troubled Princess. – London: Aurum Press, 2007.

Berry W. The Housekeeper's Diary: Charles and Diana Before the Breakup. – New York: Barricade Books, Inc., 1995.

Bower T. Fayed: The Unauthorized Biography. – London: Macmillan, 1998.

Bradford S. Diana. – London: Penguin Books, 2007.

Bradford S. Elisabeth: A Biography of Her Majesty the Queen. – London: Heinemann, 1996.

Brandreth G. Charles and Camilla: Portrait of a Love Aff air. – London: Century, 2005.

Brown T. The Diana Chronicles. – London: Century, 2007.

Burchill J. Diana. – London: Weidenfeld&Nicolson, 1998.

Burrell P. A Royal Duty. – London: Penguin Books, 2004.

Burrell P. The Way We Were. – London: HarperCollins, 2006.

Campbell C. Diana in Private: The Princess Nobody Knows. – London: GK Hall, 1993.

Campbell C. The Real Diana. – London: Arcadia Books, 2004.

Carpenter H. Robert Runcie: The Reluctant Archbishop. – London: Sceptre, 1997.

Clarke M. Little Girl Lost: The Troubled Childhood of Princess Diana by the Woman who Raised Her. – New York: Birch Lane Press, 1996.

Clayton T., Craig P. Diana: Story of a Princess. – London: Hodder&Stoughton, 2001.

Courtney N. Diana: Princess of Wales. – London: Park Lane Press, 1982.

Coward R. Diana: The Portrait. – London: HarperCollins, 2004.

Davies N. Diana: A Princess and Her Troubled Marriage. – New York: Birch Lane Press, 1992.

Delorm R. with Fox B., Taylor N. Diana and Dodi: A Love Story. – Los Angeles: Tallfellow Press, 1998.

Dempster N., Evans P. Behind Palace Doors. – London: Orion, 1993.

Dimbleby J. The Prince of Wales: A Biography. – London: Little, Brown, 1994.

Dimbleby J. The Prince of Wales: A Biography. – London: Warner Books, 1995.

Goldsmith A. Annabel: An Unconventional Life. – London:

Phoenix, 2004.

Graham C. Camilla: Her True Story. – London: John Blake, 2003.

Gregory M. Diana: The Last Days. – London: Virgin Books, 2007.

Harris T. Diana: The Making of a Saint. – London: Hodder&Stoughton, 2007.

Harvey G., Saunders M. Diana and the Paparazzi. – London: John Blake, 2007.

Hewitt J. Love and War. – London: Blake Publishing, 1999.

Holden A. Charles: A Biography. – London: Bantam Press, 1998.

Howell G. Diana: Her Life in Fashion. – London: Pavilion, 1998.

Hurd D. Memoirs. – London: Little, Brown, 2003.

Jephson P. Shadows of Princess. Diana, Princess of Wales 1987–1996: An Intimate Account by Her Private Secretary. – London: HarperCollins, 2000.

Junor P. Charles: Victim or Villain? – London: HarperCollins, 1998.

Junor P. Diana Princess of Wales: A Biography. – London: Sidgwick&Jackson, 1982.

Junor P. The Firm: The Troubled Life of the House of Windsor. – London: HarperCollins, 2005.

Kelley K. The Royals. – New York: Warner Books, 1998.

Kortesis V. The Duchess of York. – London: Blake Publishing, 1996.

Lacey R. Royal: Her Majesty Queen Elisabeth II. – London: Little, Brown, 2002.

Levin A. Raine and Johnnie: The Spencers and the Scandal of Althorp. – London: Weidenfeld&Nicolson, 1993.

Lowry S. Cult of Diana: The Princess in the Mirror. – Oxford: Clio Press, 1987.

MacArthur B. Requiem: Diana, Princess of Wales, 1961–1997: Memories and Tributes. – New York: Arcade Publishing, 1997.

Martin R. Charles and Diana. – New York: Putnam, 1995.

McDowell C. Diana Style. – London: Aurum Press, 2007.

Monckton R. Requiem: Diana, Princess of Wales 1961–1997. – New York: Arcade Publishing, 1997.

Morton A. Diana: Her New Life. – London: Michael O'Mara Books, 1994.

Morton A. Diana: Her True Story – In Her Own Words. – London: Michael O'Mara Books, 1997.

Morton A. Diana: In Pursuit of Love. – London: Michael O'Mara Books, 2004.

Neil A. Full Disclosure. – London: Pan Books, 1997.

«Operation Paget Inquiry» into allegation of conspiracy to murder Diana, Princess of Wales and Emad El-Din Mohamed Abdel Moneim

Fayed, Overview and Report, by Lord Stevens of Kirkwhelpington, 14 December 2006.

Pasternak A. Princess in Love. – London: Signet, 1995.

Pimlott B. The Queen: A Biography of Elizabeth II. – London: HarperCollins, 1996.

Rees-Jones T. The Bodyguard's Story: Diana, the Crash and the Sole Survivor. – London: Little, Brown, 2000.

Riddington M., Naden G. Frances: The Remarkable Story of Princess Diana's Mother. – London: Michael O'Mara Books, 2003.

Robertson M. The Diana I Knew: The Story of my Son's Nanny who Became Princess of Wales. – New York: Cliff Streets Books, 1998.

Rogers R., Garnett N. From One World to Another. – London: Pan Books, 1998.

Saunders M., Harvey G. Dicing with Di: The Amazing Adventures of Britain's Royal Chasers. – London: Blake Publishing, 1996.

Seward I. The Queen and Di. – London: HarperCollins, 2000.

Simmons S. Diana: The Last Word. – London: Orion, 2006.

Simmons S. with Hill S. Diana: The Secret Years. – London: Michael O'Mara Books, 1998.

Snell K. Diana: Her Last Love. – London: Granada Media, 2000.

Spencer C. Althorp: The Story of an English House. – London: Viking, 1999.

Spencer C. The Spencer Family. – London: Viking, 1999.

Starkie A. Fergie: Her Secret Life. – London: Michael O'Mara Books, 1996.

Thornton P. With Love from Diana. – New York: Pocket Books, 1995.

Vickers H. Elisabeth: The Queen Mother. – London: Hutchinson, 2005.

Wade J. Diana: The Intimate Portrait. – London: John Blake, 2008.

Wharfe K. Diana: Closely Guarded Secret. – London: Michael O'Mara Books, 2003.

Whitaker J. Charles vs. Diana: Royal Blood Feud. – London: Signet, 1993.

York, Sarah, Duchess of, with Coplon J. My Story. – London: Pocket Books, 1997.

Ziegler P. Mountbatten. – London: HarperCollins, 1985.

notes

Примечания

1

Ссылки на используемую литературу, отмеченные в тексте квадратными скобками, можно посмотреть в разделе «Примечания» в конце книги.

2

Альберт Фредерик Артур Георг, будущий король Георг VI. – *Здесь и далее примеч. авт.*

3

Полное имя супруги Георга V – Виктория Мария Тек. Для коронации, проходившей в Вестминстерском аббатстве 22 мая 1911 года, она выбрала свое второе имя: Мария. Сделано это было не случайно. В память бабушки Георга V было принято решение, что впредь ни одна королева Великобритании не будет именовать себя Викторией.

4

Елизавета Боуз-Лайон (1900–2002), супруга короля Георга VI, правившего в 1936–1952 годах. Также являлась последней императрицей Индии (1936–1947) и лордом-хранителем Пяти портов (1978–2002). После кончины своего супруга в 1952 году стала носить титул королева-мать.

5

Ходили слухи, что в свое время имя Джонни значилось в списке возможных кандидатов на брак с принцессой Елизаветой, будущей королевой Великобритании[14].

6

Одно из редчайших исключений было сделано в XX веке, когда после гибели лорда Маунтбеттена Бирмского его титул перешел дочери.

7

Во время бракоразводного процесса Фрэнсис обвинит своего супруга в рукоприкладстве. Однако, судя по последующим ее признаниям, подобные заявления носили конъюнктурный характер и рассматривались как дополнительный аргумент в борьбе за детей.

8

В интервью журналисту из «Daily Express» отец Дианы сказал следующее: «Я ошеломлен! Мы прожили четырнадцать лет, и все это меня очень расстраивает»[16].

9

По решению суда ее дети могли проводить с ней уикэнды. Однако вряд ли этого было достаточно.

10

Прозвище Дианы в семье Спенсеров. Сокращенно от англ. *Duchess* – герцогиня.

11

Популярный в Великобритании французский апельсиновый ликер.

12

O-level (Ordinary-level) – аттестационная система в школах Соединенного Королевства. Была введена наряду с более продвинутым уровнем A-level в 1950-х годах в рамках получения аттестата о среднем образовании. В 1988 году данная система была заменена общим сертификатом о среднем образовании GCSE. В настоящее время система O-level используются в ряде стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

13

Данное выражение принадлежит доктору Джеффри Маршаллу, лечившему в феврале 1943 года от пневмонии британского премьер-министра Уинстона Черчилля. Услышав столь необычное определение болезни, Черчилль воскликнул:

– Почему именно «болезнь стариков»?

На что получил исчерпывающий ответ:

– Потому что она уносит их тихо[64].

14

Лекарственный препарат производства компании «Reckitt&Colman». Обладает сходными с аспирином свойствами.

15

18 апреля 1980 Республика Южная Родезия была переименована в Республику Зимбабве. Название страны было выбрано в честь Большой Зимбабве – столицы империи Мономотапа, находившейся на этой же территории в XIII–XV веках.

16

Об отношении Чарльза к этому замку, купленному в середине XIX века супругом королевы Виктории принцем Альбертом, можно судить по следующему факту. Именно здесь он проведет медовый месяц со своей второй супругой Камиллой, герцогиней Корнуолльской.

В настоящее время его мать Елизавета II является королевой Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, а также пятнадцати государств Содружества Наций – Австралии, Антигуа и Барбуда, Багам, Барбадоса, Белиза, Гренады, Канады, Новой Зеландии, Папуа – Новой Гвинеи, Сент-Винсента и Гренадин, Сент-Китса и Невиса, Сент-Люсии, Соломоновых Островов, Тувалу и Ямайки.

К слову заметим, что подобная интуиция кажется тем более удивительной, что значительно расходится с другими воспоминаниями Дианы. Например, в 1995 году в своем не менее известном интервью Мартину Баширу принцесса Уэльская сказала следующее:

– Что касается стать королевой – когда я выходила за Чарльза, это было для меня не самым важным. Подобная мысль пришла намного позже.

О желании Дианы повысить свой статус недвусмысленно говорит и следующая фраза в беседе с одним из друзей:

– После всего, через что мне пришлось пройти, я решительно настроена стать королевой Великобритании[20].

19

Супруг королевы принц Филипп.

20

Обращаясь к свидетельствам людей, близко знавших Чарльза, невольно приходишь к выводу, что принц и не собирался отвечать на этот вопрос. «Он хорошо умел скрывать свои истинные мысли и чувства», – говорит прослуживший у него много лет камердинер Стивен Барри[26]. Так уж принц был воспитан, что скрывать свои чувства стало для него настолько же естественной реакцией, как для других демонстрировать их публично, ища поддержку извне.

21

Согласно другой версии, милыми прозвищами, которые использовали влюбленные, были Gladys и Fred.

22

Как считает биограф принцессы Уэльской Тина Браун, скорее всего, это была Сара[41].

23

Неопытность последних проявится в самый неподходящий момент – когда невеста будет выходить из кареты, восьмиметровый шлейф ее платья окажется смят и испещрен многочисленными складками. Модельеры не учли тот факт, что карета XVIII века никак не подходила для столь помпезной детали туалета. К счастью, супруги Эммануэль быстро справились с возникшей неловкостью. Подбежав к невесте, они расправили шлейф, словно флаг. Сделано это было с такой легкостью, будто данное действо было спланировано изначально – с тем, чтобы придать выходу невесты дополнительную зрелищность.

24

Очень интересное сравнение. Анна Хайд, вышедшая замуж за герцога Йоркского (впоследствии короля Якова II Стюарта) и приходившаяся матерью королеве Марии II (1689–1694) и королеве Анне (1702–1714), так и не стала королевой Англии и Шотландии. 31 марта 1671 года Анна умерла в Сент-Джеймсском дворце в возрасте 33 лет. Второй супругой Якова II была внучатая племянница кардинала Мазарини Мария Моденская.

Британских флагов. – *Примеч. ред.*

26

В замке Карнарвон, Северный Уэльс, родился будущий король Эдуард II (1284–1327). Он стал первым престолонаследником, получившим титул принца Уэльского. С 1911 года по инициативе занимавшего в тот момент пост министра финансов Дэвида Ллойд Джорджа в замке Карнарвон проводится церемония инвеституры принца Уэльского.

27

Данное прозвище появилось не случайно. Журналисты «Daily Mail» обнаружили, что отец Мари Гунтер фон Райбнитц был майором СС и в составе бронетанковых войск вторгался в Польшу и Советский Союз. Это было очень неприятное открытие, которое могло нанести серьезный удар по имиджу Виндзоров. Для того чтобы подтвердить или опровергнуть данное сообщение, пресс-секретарь обратился к самой принцессе Кентской. Она спокойно ответила: «Не знаю. Я должна спросить у моей матери. – Затем перезвонила и сказала: – Мне жаль, но, похоже, это правда»[38].

28

Попросив Чарльза присутствовать при родах, Диана ломала устоявшиеся правила. Еще за тридцать шесть лет до означенных событий первое серьезное изменение при появлении наследников престола на свет внес дедушка Чарльза король Георг VI. В 1946 году он запретил министру внутренних дел присутствовать при рождении королевских детей. Столь нелепое правило было введено в 1688 году, когда вторая супруга короля Якова II Мария Моденская выдала за наследника престола приемыша, умудрившись пронести его в спальню в большой грелке. Так что Диане повезло, что вместо мрачноватой фигуры Уильяма Уайтлоу, занимавшего в тот момент в кабинете миссис Тэтчер пост министра внутренних дел, на родах присутствовал Чарльз.

29

Британский легион – организация ветеранов в Великобритании. Образована в 1921 году для оказания материальной помощи ветеранам войны, вдовам и родственникам погибших. Также принимает участие в вопросах пенсионного обеспечения и устройства на работу бывших военнослужащих.

30

День памяти погибших в двух мировых войнах был учрежден 7 ноября 1919 года королем Георгом V. Отмечается ежегодно в ближайшее воскресенье к 11 ноября. Выбором именно этой даты стало то, что 11 ноября 1918 года в 5 часов 11 минут утра в железнодорожном вагоне маршала Фердинанда Фоша в Компьенском лесу было заключено так называемое Компьенское перемирие между Антантой и Германией, ознаменовавшее собой окончание Первой мировой войны.

31

К слову заметим, что Один был сильно озадачен интеллектом принцессы. Особенно когда в процессе подготовки к туру по Австралии и Новой Зеландии Диана не смогла назвать столицу государства, которое собиралась посетить с официальным визитом[82].

32

Принц Уэльский хотел назвать своих мальчиков Артур и Альберт соответственно.

33

Благотворительная организация Мариллак занимается уходом за тяжелобольными пациентами; названа в честь французской сестры милосердия Луизы де Мариллак (1591–1660) В 1934 году Луиза де Мариллак была канонизирована понтификом Пием XI.

34

Упоминание об этом встречается на страницах биографии принца, написанной журналистом Джонатаном Димблби. При подготовки книги Чарльз со своим личным секретарем Ричардом Эйлардом просмотрел черновой текст, фактически утвердив каждое написанное слово.

35

Весьма примечательным выглядит тот факт, что ни один астролог принцессы не предсказал ей расторжение брака. Все говорили, что отношения с Чарльзом наладятся и все будет хорошо.

36

Спектакль, устроенный Дианой и Чарльзом, не пройдет незамеченным. За ловкой сменой автомобилей будет наблюдать журналист Джеймс Уитакер. Своим мнением об актерской игре четы Уэльских он с радостью поделится с читателями «Daily Mirror».

37

Насколько спокойна была в тот момент принцесса, судить сложно. Присутствующий при этом инциденте Кен Уорф вспоминает, что, когда Диана увидела своего супруга, мило болтающего с миссис Паркер-Боулз, она возмущенно закричала:

– Только не говори теперь, что это совсем не то, что я подумала![77]

Принимая во внимание эмоциональные особенности характера Дианы, это больше походит на правду. Хотя утверждать что-либо точно не представляется возможным.

38

Decree nisi (лат.) – термин в юриспруденции, обозначающий постановление о разводе, вступающее в силу через определенное время, если не будет до этого отменено или оспорено.

39

От прилагательного *squidgy* – «мягкий». Джеймс использовал его 14 раз, когда обращался к Диане. Для сравнения: слово «дорогая» (*darling*) было употреблено 53 раза.

40

В оригинале Диана использует более крепкое словцо. Вот как выглядит ее фраза: «I thought „Bloody hell, after all I’ve done for this fucking family“».

41

Обнародование телефонных разговоров превратилось в настоящее событие. Например, газета «The Sun» не просто опубликовала полный текст имеющейся у них расшифровки «Сквиджигейта» под заголовком «Моя жизнь – сплошные мучения», но и организовала дополнительную услугу. За 36 пенсов в минуту каждый желающий мог позвонить по специальному номеру и прослушать запись.

42

Для строительства этого поистине грандиозного комплекса из полупрозрачного мрамора, самоцветов, бирюзы, агата, малахита и сердолика были приглашены свыше двадцати тысяч лучших мастеров из Средней Азии, Персии и Ближнего Востока.

43

Монолог Хагена из второго акта «Гибели богов»: «Веселым я враг, мрачен я всегда».

44

После смерти Джона 29 марта 1992 года девятым графом Спенсером (а следовательно, и владельцем всего имущества, включая драгоценности) стал брат Дианы Чарльз.

Забегая вперед, отметим, что это и не произошло. Принцесса Кентская сама отказалась принимать от своей соседки по Кенсингтонскому дворцу положенные по протоколу знаки внимания, о чем лично сообщила Диане: «Я пришла в ужас, когда прочитала в газетах, что отныне, с утратой титула, вы должны будете делать передо мной реверанс. Будьте уверены, что меня это поставит в неловкое положение, поэтому даже не думайте оказывать мне подобный знак внимания»[47].

Эти откровения принцессы будут записаны на видеокассеты и показаны по одной из крупнейших телевизионных сетей США NBC в 2004 году.

47

Во время учебы в школе-интернате Милфилд Джеймсу Хьюитту был поставлен диагноз «дислексия» – трудность восприятия устной и письменной речи. Как вспоминал впоследствии сам Джеймс, «я не мог читать и думал, что таков мой жребий – до самой могилы оставаться тупым»[14]. Несмотря на болезнь, в момент окончания школы Джеймс сдал – в отличие от своей любовницы – шесть экзаменов O-level. Чтобы преодолеть комплекс неполноценности, он увлекся спортом, добившись хороших результатов в фехтовании, плавании, беге и игре в поло. Затем была учеба в Королевской военной академии Сандхёрст, учеба во французской Национальной конной школе и поступление в 5-й полк гвардейских драгун Эннискиллена, где Хьюитт получил прозвище «временный джентльмен». Этот фразеологизм вошел в употребление британской армии еще в годы Первой мировой и по сей день используется для обозначения амбициозных офицеров.

48

Страсть принцессы менять телефоны при каждом удобном случае доходила порой до курьезов. Так, были моменты, когда у Дианы одновременно работали 4 (!) мобильных аппарата[24] – каждый номер телефона для определенной группы лиц.

49

Любовница (*итал.*).

В официальном отчете значилось: «Арендованные под офис Его Королевского Высочества принца Уэльского»[36].

51

Интересный факт: Уна Шэнли-Тоффоло была не только подругой Дианы, но и одной из ее целительниц. До своего знакомства с принцессой Уэльской Уна также пользовала герцога Виндзорского (короля Эдуарда VIII, отрекшегося от короны в декабре 1936 года).

52

Двадцатидвухлетняя дочь друзей Дианы Аннабель и Джими Голдсмитов Джемайма шокировала в 1995 году британское общество, выйдя замуж за Имрана Хана, который был вдвое старше ее. Кроме того, Джемайма отказалась от иудаизма, приняла ислам и уехала жить в Лахор.

53

Дружба принцессы Уэльской с Имраном вызвала большое беспокойство у сотрудников министерства иностранных дел. Все дело в том, что Имран собирался основать свою собственную партию и выступить в оппозиции премьер-министру Пакистана Беназир Бхутто, причем в качестве своей политической платформы он предполагал использовать антикоррупционные лозунги. В Форин-офисе вполне обоснованно опасались, что посещение и проживание принцессы в доме Имрана в Лахоре может отрицательно сказаться на англо-пакистанских отношениях. Ситуация обострилась, когда Диана отказалась принять приглашение Бхутто остановиться в ее доме для гостей, предпочтя провести время в кругу своих друзей.

54

Кристиан Барнард (1922–2001) вошел в историю как первый в мире хирург, которому 3 декабря 1967 года удалось провести успешную операцию по пересадке человеческого сердца.

55

Указать более точную дату, когда состоялся этот весьма неприятный для принцессы разговор, не представляется возможным. Большинство исследователей и биографов Дианы сходятся во мнении, что Хан предложил расстаться в период между 20 и 31 июля.

56

Сначала – в сентябре 1996 года – пост директора «Харродс-Интернэшнл» был предложен принцессе Уэльской, но она отказалась.

Разрыв происходил постепенно. Фишер отправилась вместе с Доди в Сен-Тропе и остановилась на яхте «Sakara». Дневные часы Доди проводил с Дианой на «Jonikal», а ночью – находился на «Sakara» вместе с Келли Фишер[35].

Паштет из гусиной печени (*фр*.).

Не будем спорить с принцессой, но в качестве отступления отметим – в нашей стране мистер Хаммер запомнился дважды. На заре становления Советского государства – продажей просроченной пшеницы за бесценные произведения искусств семьи Романовых и на закате советского режима – строительством на Красной Пресне Центра международной торговли.

Столь официальное обращение может показаться немного странным, но на самом деле в нем не было ничего необычного. Оно четко соответствовало установленным правилам. Это же будет касаться и Дианы, которая буквально до самой помолвки обращалась к Чарльзу не иначе как «сэр»[3].

61

Инвеститура – в Великобритании официальная церемония введения в должность духовного лица или присвоение титула члену королевской семьи.

62

Столь необычное название этот зал получил после визита в Лондон в 1844 году российского императора Николая I, который останавливался именно в этом помещении.

Как потом признался сам Уитакер, столь частной информацией с ним согласился поделиться пресс-секретарь Дианы Вик Чапмен.

Сохранились сведения (например, воспоминания Эндрю Мортона[4]), что предсказание астролога не имело для Дианы принципиального значения. Она для себя уже все решила. Возможно, именно так оно и было на самом деле. Тем не менее визит к астрологу состоялся, и сегодня этот поступок следует рассматривать скорее всего не как знак сомнений, обуревавших принцессу Уэльскую, а как дань ее собственному мировоззрению и системе ценностей, в которой оккультизм и эзотерика занимали особое место.

65

Если быть точным, то в портфеле Колтхерста лежали два списка вопросов. Все зависело от того, насколько откровенной решит быть принцесса.

Здесь необходимо сделать важное дополнение. Просматривая рукопись, Нил не знал, что Диана не просто пригласила Мортона высказаться от ее имени, а сама приняла непосредственно участие в работе над проектом. В этом и заключалась главная идея принцессы – наделать книгой много шума, самой же при этом выйти сухой из воды.

Отвратительный год (*лат.*).

Это составило 63 процента от всей зрительской аудитории Великобритании, которая в тот день включила телевизор.

69

Кому-то это может показаться символично: за несколько часов до выхода передачи в эфир Чарльз сидел за штурвалом королевского реактивного самолета; заходя на посадку на острове Айла у западного побережья Шотландии, он немного промахнулся с посадочной полосой и неудачно сел на землю – так, что нос его самолета оказался в болоте.

К слову, и в интервью с Баширом, упоминая о книге Эндрю, принцесса отказалась подтвердить, что «оказывала ему какую-либо персональную помощь». Диана заявила, что «никогда с ним не встречалась».

Принимая во внимание, что внук Уинстона Черчилля Николас Соамс в это время возглавлял министерство по делам вооруженных сил, с Даунинг-стрит тут же попытались откреститься от его слов. В резиденции премьера заверили, что Соамс «говорил исключительно как частное лицо»[13]. Спустя некоторое время, поняв, что в своей оценке поступка Дианы он зашел слишком далеко, Николас добавил: «Я не имел в виду умственное и душевное состояние принцессы Уэльской»[14].

Никогда не оправдывайся и никогда не жалуйся *(англ.)*.

73

Осенью 1903 года Артур Бальфур вывел из состава кабинета министров крупнейших деятелей Консервативной партии того времени – Джозефа Чемберлена, Чарльза Риччи, лорда Гамильтона и герцога Девонширского. Чуть больше чем через два года это привело к падению правительства и одному из самых крупных поражений Консервативной партии на всеобщих выборах в первые десятилетия XX века.

74

Диана использовала слово *bullshit*, которое несет крайне экспрессивную окраску.

75

Согласно традиции, официально день рождения королевы отмечается во вторую субботу июня.

«Слоунские рейнджеры» получили свое название от района Лондона Слоун-сквер и Слоун-стрит, где были сосредоточены ресторанчики и магазины, часто посещаемые новой молодежью.

77

Искусная повариха (*фр.*).

78

Па-де-де (*фр.*) – одна из основных музыкально-танцевальных форм в балете.

79

Организация, созданная в продолжение дела Томаса Джона Барнардо (1845–1905), ирландского филантропа и мецената, организовывавшего приюты для обездоленных детей.

80

Под парниковыми газами обычно понимают водяной пар, углекислый газ, метан, озон, оксиды азота, а также фторсодержащие газы. Накапливаясь, эти газы приводят к повышению температуры нижних слоев атмосферы Земли и возникновению так называемого парникового эффекта.

81

Здесь необходимо сделать важное дополнение. Кен Уорф и Саймон Солари покинули Диану по своему собственному желанию. После стольких лет работы они слишком много знали о своем боссе, так что их присутствие стало тяготить принцессу. Диана начала подозревать Кена и Саймона в нелояльности и подвергать остракизму. Отлично зная, к чему обычно приводит прохладное отношение со стороны принцессы, они решили уйти, не дожидаясь окончательного разрыва. В любом случае, Диана была расстроена их увольнением.

82

Состояние неопределенности в разрешении какого-либо вопроса.

83

Сильвия подала на свою теперь уже бывшую работодательницу в суд. На стороне принцессы выступила целая команда хорошо оплачиваемых адвокатов, которые объяснили суду, что Диана уволила горничную, будучи недовольной качеством ее работы. Сильвия тут же парировала, что ни разу не получила ни одной жалобы. Решив подробнее разобраться в сложившейся ситуации, суд перенес слушание дела. Тем временем до принцессы дошли слухи, что горничная собирается выдвинуть контраргумент. Дескать, в последнее время она не имела возможности убираться в спальне Дианы, поскольку ей просто-напросто было запрещено туда входить. Причиной столь необычного запрета стало присутствие в Кенсингтонском дворце пакистанского кардиолога Хасната Хана. Испугавшись разглашения своего романа, Диана пошла на попятную и заплатила Макдермотт хорошие отступные. Как призналась сама Сильвия, сумма действительно оказалась впечатляющая – «гораздо больше, чем можно выиграть в лотерею»[37].

Справедливости ради следует отметить – впоследствии Диана также объявила, что часть средств, вырученных в ходе торгов, поступит в Раковый фонд при королевском Марсденском госпитале, который входил в число шести благотворительных организаций, оставшихся под патронажем принцессы.

85

Глава протокольного отдела в администрации президента США Билла Клинтона.

Так проходит мирская слава (*лат.*).

87

По лондонскому времени, которое опережает парижское на один час. Таким образом, когда Чарльзу сообщили о катастрофе, Диану уже доставили в больницу.

88

Хит Элтона Джона «Свеча на ветру» был написан в 1973 году британским поэтом-песенником Берни Топином и посвящен Мэрилин Монро. В сентябре 1997 года Элтон Джон переписал текст песни в память о принцессе Диане. Так, например, вместо первых строчек «Прощай, Норма Джин, хотя я никогда и не знал тебя» теперь было «Прощай, Роза Англии, цвети всегда в наших сердцах». Ремейк Элтона Джона, получивший название «Свеча на ветру 1997», или «Прощай, Роза Англии», стал самым продаваемым синглом за всю историю звукозаписи. Только за первый день продажи в Соединенном Королевстве, 13 сентября 1997 года, было продано 658 тысяч копий. Всего «Свеча на ветру 1997» разошлась тиражом 37 миллионов экземпляров.